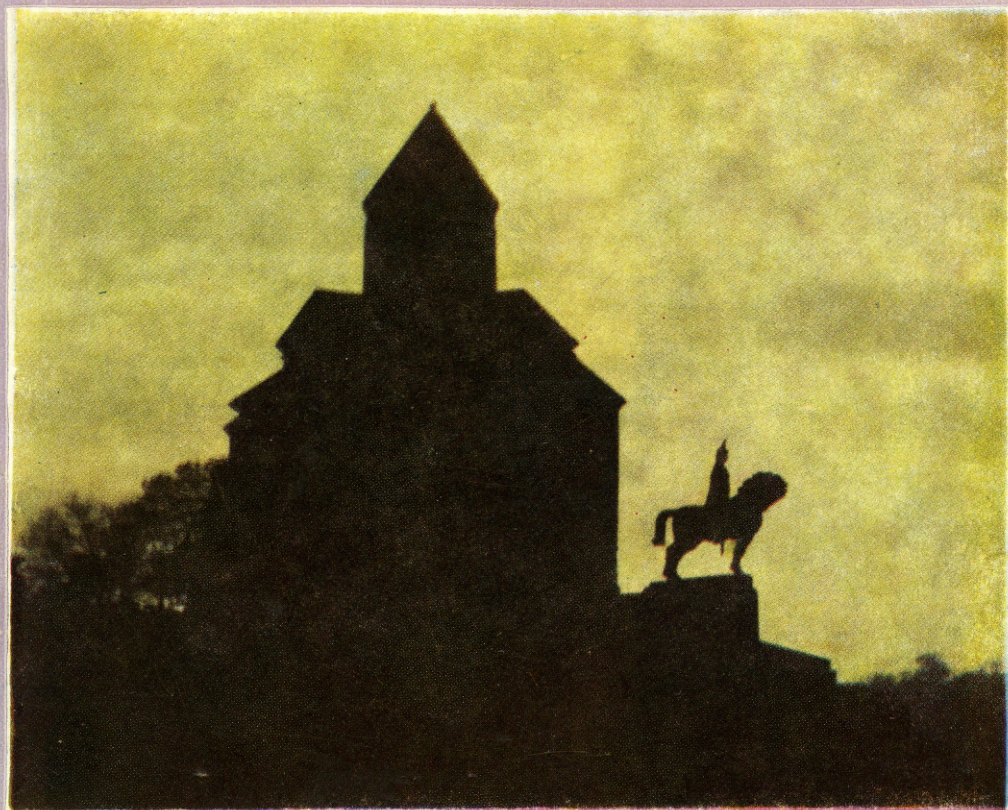

Литературная

ГРУЗИЯ

9-10

1969

9-10 „ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ“ 1969

Литературная ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

9-10

ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

1 9 6 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

„ლიბერატორანია ზრუზია“ (რუსულ ენაზე)

სოციალ-დემოკრატიული ლიბერატორული-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-კოლთიკური უშრესალი

წელიწადი 13-ე

№ 9-10

სექტემბერი-ოქტომბერი, 1969 წ.

საქართველოს საზოგადოებრივი კავშირის ორგანო

И. о. Главного редактора

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная
коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,
Тенгиз БУАЧИДЗЕ,
Марк ЗЛАТКИН,
Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,
Натела КАРАШВИЛИ
(ответственный секретарь),
Серго КЛДИАШВИЛИ,
Георгий МАЗУРИН,
Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Владимир МАЧАВАРИАНИ,
Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,
Эммануил ФЕЙГИН,
Нико ЧАВЧАВАДЗЕ,
Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания тринадцатый

*Рукописи объемом
менее авторского листа
не возвращаются*

На 1-й стр. обложки — «Метехи». На
2-й стр. — «Осень в горах». На 3-й стр.
— «Ртвели — сбор винограда».

Фото О. Туркия.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5, телефон 99-06-59.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ. Росинка. Перед весной . . .	5
АЛЕКСАНДР ГОМИАШВИЛИ. Песня юноши-месха. Черная скала. Перевод Лидии Окназовой . . .	35
ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. Голубоглазая... Перевод Га- лины Павловской. Дух скал. За холмом. Пе- ревод Ильи Дадашидзе . . .	45
ГЕОРГИЙ КАЛАНДАДЗЕ. Над морем. В публичной библиотеке. Перевод Александра Глезера . . .	46
ОТАР ШАЛАМБЕРИДЗЕ. Лодки в снегопаде. Сухуми. Перевод Александра Флешина . . .	57
ЗАУР БОЛКВАДЗЕ. Зеленая земля. Авторизованный перевод Александра Глезера. Красная пло- щадь. Перевод Семена Шахбазова . . .	58
МИРИАН МИРНЕЛИ. Цыгане. Зима в саду. Вечер в Кахетии. Перевод с абхазского Елены Аксель- род . . .	78

ПРОЗА

МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ. Гиви Шадури. Роман. Перевод Элизбара Ананишвили. Окон- чание . . .	6
ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ. Литературная богема старо- го Тбилиси. Перевод и примечания Нодара Гархнишвили. Продолжение . . .	36
МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ. «Предай огню!» Рассказ. Перевод Элизбара Ананишвили . . .	47
ЭДИШЕР КИПИАНИ. Связь времен. Фантастический рассказ. Перевод К. Мжавия . . .	59

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КОБА ИМЕДАШВИЛИ. Черты портрета (Заметки о ге- рое современной грузинской прозы) . . .	87
ЛИНА ХИХАДЗЕ. Наши добрые спутники . . .	90
ТАМАР ОКРОШИДЗЕ. О некоторых художественных образах грузинского фольклора (По материалам грузинской сказки) . . .	92
ЛИЯ ТУШИШВИЛИ. Орбелиановская версия «Кали- лы и Димны» . . .	96.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ФЕДОР ДОЛИДЗЕ. Встречи с Ильичем . . .	98
ШАЛВА ГОГИДЗЕ. История издания одной ленинской брошюры . . .	100.

СТРАНИЦЫ ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЖЕЙМЗ ДЖОЙС. Джакомо Джойс. Перевод, пред- словие и комментарии Нико Киясашвили . . .	79
---	----

НАУКА

- АКАКИЙ ШАНИДЗЕ. Этимологический словарь карт-
вельских языков 102

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

- БОНДО АРВЕЛАДЗЕ. Великий певец дружбы . . . 106
СОЛОМОН ХУЦИШВИЛИ. Слово о Туманяне . . . 111
ИОСИФ ИМЕДАШВИЛИ. Воспоминания 114

О Ч Е Р К

- МАРИНА МИНТЭГИ БИЛЬБАО-ГОГИЧАЙШВИЛИ.
Моя Баскония. Перевод Ф а т ь м ы Т в а л т в а -
д з е. Окошчанне 120
МИРОН ХЕРГИАНИ. Человек выше любых вершин 127

ИСКУССТВО

- КАРЛО ГОГОДЗЕ. Важный документ советской кине-
матографии (Советскому кино — 50 лет) 134

ВОПРОСЫ ЭСТЕТИКИ И ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

- ГИВИ ГАЧЕЧИЛАДЗЕ. Грузинский стих в сопостави-
тельном плане 139

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- ИРАКЛИЙ ХОПЕРИЯ. Грузинская критика и публици-
стика о Н. А. Некрасове 146

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

- СЕРГО КЛДИАШВИЛИ. На большом жизненном пути
(Воспоминания о Давиде Клдиашвили) 154

УЧЕНЫЕ ОБ УЧЕНЫХ

- С. КАУХЧИШВИЛИ. Григорий Филимонович Церетели 164

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- ГУРАМ ШАРАДЗЕ. Неизвестные записи Ильи Орбе-
лиани о Шамиле 171

В МИРЕ КНИГ

- ШАЛВА ГОЗАЛИШВИЛИ. Летопись жизни великого
грузинского поэта 184
ГУРАМ БАТИАШВИЛИ. Любящее сердце критика . 187
АЛЕКСАНДР СИГУА. «Рассвет на Мтацминда» . . . 190

НЕКРОЛОГ

- Памяти замечательного ученого и педагога 192

РОСИНКА

Я видел росинку: сияньем полна,
В душистой фиалке таилась она;
И первые брызги веселых лучей,
Стыдливо лобзая, играли над ней.

Но ветер холодный неожиданно подул
И нежной фиалке головку встряхнул;
Блеснула росинка в лучах бирюзой
И тихо скатилась невинной слезой.

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Прозрачна ночь. С берегов печальных
Плывет туманной дымки чели,
Лазурь небес из звезд хрустальных
Струит поток серебристых волн.

А даль равнин со мглой смыкает
Изгибы линий сонных гор,
И в зеркале речном сверкает
Созвездий спутанный узор.

Притих обрыв. Молчит ущелье.
Камыш не дрогнет над рекой.
Кустов застыло ожерелье,—
О, как обманчив здесь покой!..

Публикуемые стихи известного грузинского поэта Александра Абашели (1884—1954 гг.), написанные им на русском языке, относятся к тому же раннему периоду его жизни и творчества, что и цикл «Я стихией взращен урагана», напечатанный в августовском номере нашего журнала за 1968 год.

Гиви Шадури _____ РОМАН

Другому закрался в сердце страх, и он вспомнил, что

Страх от смерти не защита,
Воли не давай унынью.

Страх смерти я не испытывал, уныние, однако же, овладело мною: ведь я был один — вечно безмолвный угрюмый сосед несколько не уменьшал во мне чувства одиночества.

Мой молчаливый сожитель встал с койки только когда принесли еду. Он оказался очень высокого роста, с редкой черной бородой, с потухшими глазами, крепко сжатыми тонкими губами и длинным, казалось бы, вылепленным из воска и приклеенным к его лицу, прозрачным носом.

Когда надзиратель открыл снаружи дверной глазок и негромко объявил «Чай!», долговязый сосед мой неслышно, как призрак, подкрался к двери, взял кипяток, сел за стол и выпил два стакана с таким недовольным видом, словно отбывал тягостную повинность. Управившись с чаем, он снова лег и по-прежнему застыл в молчании и неподвижности.

Прошло часа два-три. Вдруг в коридоре послышались шаги нескольких человек, звякнул ключ в замке, лязгнул засов, и тяжелая, окованная железом дверь нашей камеры скрипнула в петлях. Новый гость прошел мимо меня и остановился посередине камеры. Зато за прежним моим соседом я едва успел уследить: он с молниеносной быстротой соскочил с койки, метнулся к едва приоткрытой двери, змеей скользнул в узкую ее щель и исчез — как будто его и не было.

Вновь пришедший проводил его недоброй усмешкой, но не тронулся с места. Из коридора доносились голоса, звучавшие вперевивку:

— Это еще что такое? — сурово спросил надзиратель.

В ответ послышалось лихорадочное бормотание:

— Не могу... не пойду туда... переведите в другую камеру...

— Сейчас же ступайте назад.

— Не пойду... Пока там этот человек, я не войду в камеру... Уберите его или переведите меня в другое место...

Я решил, что речь идет обо мне и смутился, но потом бросил взгляд на нового своего товарища по заключению, увидел грозное его лицо, сверкающие глаза, мстительно оскаленные зубы и успокоился: «Ясно — у этих двоих какие-то счеты между собой», — подумал я и вскоре убедился, что догадка моя была правильной.

После долгих споров, просьб и шушуканья в коридоре надзиратель вернулся в камеру, собрал скарб беглеца, сгреб под мышку и, выйдя, запер снаружи дверь. Давно уже шаги замерли в отдалении, а новый мой сосед все стоял неподвижно, не отрывая хмурого взгляда от двери.

Окончание. Начало в №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

скалил крупные белые зубы, и ноздри у него дрожали и раздувались — казалось, хищный зверь выследил добычу и готовится к прыжку. Наконец, он повернулся, подошел к своей койке, сел на нее и принялся тереть глаза. Он так мял их, так моргал и шурился, словно попал из крошечной тьмы на яркий свет; казалось, его оторвали от чего-то привычного, и он никак не мог освоиться с новой, незнакомой обстановкой. Потягиваясь, как усталый лев, он рассеянно осматривался в своем новом жилище, а меня то ли вовсе не замечал, то ли считал не заслуживающим внимания. Потом, наконец, он осознал мое присутствие и уставился на меня странным, настойчивым взглядом.

У него были колючие, обжигающие, зеленоватые глаза — казалось, сотни маленьких ядовитых змей оплели, обвили меня, леденя душу. Я не выдержал и отвернулся. Потом все же повернул голову и стал украдкой наблюдать за своим соседом.

Это был статный человек, довольно высокий, широкоплечий, словно высеченный из камня. Волосы и борода с усами были у него густые, длинные, черные, как уголь, а лицо — белое, с тонкой гладкой кожей, пересеченное двумя рубцами.

Он снова впился в меня взглядом. Мне стало стыдно своего малодушия, и я не отвел глаз. Долго сверлил меня пристальный взгляд, а потом словно бухнули в чугунную доску:

— С кем имею честь?

— Мое имя — Гиви Шадури.

— А меня зовут Караман Джикураули.

Он снова замолчал. Потом встал и потянулся — да так, что, казалось, наполнил всю камеру собой, своими руками, широкими плечами и грудью. Потянувшись, он прошел в зад-вперед, остановился у двери и, покачав головой, прогудел как бы про себя:

— Значит, так... Сегодня моей жизни — конец.

Я вскинул на него испуганный взгляд и отозвался робко и неуверенно:

— Ну что вы! Кто вам сказал такое?

— Никто. Чувствую, догадываюсь. Инстинкт. — И он снова прошелся по камере. Я не мог промолчать в ответ и попытался успокоить его:

— У вас попросту расстроены нервы. А инстинкт и чутье — под- сказчики ненадежные. На них так же нельзя полагаться, как на мои часы.

Улыбка нового моего знакомого царапнула меня, как острая пила. Так могла бы улыбнуться гиена, вонзая когти в пойманную белку. «Караман Джикураули», — повторил я про себя имя моего соседа. И вспомнил мне сильный, хищный зверь, барс, которого мы, грузины, называем «джики», «телом огромный, свирепый, аки тигр». Вспомнилось также, что «джики» — древнее наименование черкесов и что этим же прозвищем награждают обычно жестокого, неумолимого и коварного человека.

«Уж не под стать ли этот человек моему имени? — подумал я. — По внешности он действительно хищный зверь, а по сути?.. Посмотрим: познакомимся, расспросим». И я повторил:

— Уверю вас, это все нервы. Не поддавайтесь.

Джикураули поймал еще одну белку и издал хриплый звук — в точности такой, наверное, издает гиена.

— Вы правы. Нервы у меня расшатаны, но тем не менее я сказал вам суущую правду. Завтра я не увижу солнца. — Помолчав мгновение, он добавил: — Поделом мне!

— Почему? — осторожно спросил я.

— Почему? Причина коренится очень глубоко... Она скрыта во мраке столетий... Растворена в крови сотни поколений моих предков.

Он прошелся по камере и вдруг повернулся ко мне:

— Скажите, вы верите в породу, в наследственность? Признаете силу крови?

Я ответил не колеблясь:

— Верю.

Он обрадовался, оживился.

— А в судьбу? В предопределение?

Нет, в судьбу я не верил. Древняя эллинская «мойра», «фатум» римлян и слепой восточный рок представлялись мне, человеку двадцатого века, фантастическими измышлениями, но сейчас не время было спорить, и я ответил утвердительно.

— В судьбу? Верю, разумеется.

— В самом деле? Очень хорошо, прекрасно! Тогда вы меня поймете. Знаете, ведь доброму рассказчику нужен охочий слушатель.

На этот раз он молчал довольно долго. Потом сел и начал:

— Есть и у моего рода история — и даже бурная. Я прочел рукопись, оставшуюся после моего деда, и узнал, что из множества поколений — так, примерно, из ста мужчин — только двое в нашем роду умерли естественной смертью: один простудился, а другого унесло какое-то поветрие. Все же остальные были перебиты, как лесные звери. Одни пали в битвах, другим отрубили голову, кое-кого повесили или расстреляли; тех сгноили в тюрьме, иных закололи в драке, наконец, некоторых истребили, как бешеных собак, где-нибудь в дремучем лесу, среди скал или в овраге. Такова моя генеалогия. Ну, что вы на это скажете? Разве не естественно, если и меня постигнет такая же участь?

— Почему же? Должно быть, у ваших предков было много заклятых врагов, они, по всей видимости, были людьми неуживчивыми... Но при чем тут вы?

— Ну, я тоже не ангел... Если бы я вышел отсюда и поехал по некоторым городам и селам, у меня нашлось бы не меньше десятка тысяч заклятых врагов, жаждущих моей крови. Я мог бы порассказать о себе такое, что вы изумились бы и, не колеблясь, подписались бы под моим смертным приговором. Да, если все рассказать...

— Если доверяете мне и если вам не тягостно, расскажите.

— Что ж... Скрывать мне больше нечего, и тягостного тут ничего нет... Я даже с удовольствием расскажу, потому что ведь в кои веки развязался у меня язык. Да и потом, как говорится: «горе поведать — отрада». Это в точности обо мне.

Он раскурил костяную трубку, в несколько затяжек наполнил камеру густыми клубами табачного дыма и, уставившись в одну точку, начал своим странным, гулким голосом:

— Бедовая кровь, как я говорил, течет в моих жилах: мутная, злая, кипучая... Судьба заклемила меня и обрекла уже в материнской утробе.

Отец мой убил в драке трех человек. Четвертый, главный его противник, спасся. Отец долго скрывался, а потом улучил время, напал на своего врага в свадебную ночь и снес ему голову, а невесту увез и в лесу овладел ею силой. Братья убитого жестоко отомстили за него; захватили отца спящим, скрутили его по рукам и ногам и терзали три дня: повесили вверх ногами, истыкали кинжалами, выкололи ему глаза, изрешетили его пулями — словом, пытали чудовищно... Прикончили зверя по-зверски. Я их не осуждаю, так как твердо верю (к несчастью, лишь

с недавних пор): что посеешь, то и пожнешь; каждый должен получить свое.

Да, зверем был мой отец — и породил свое подобие; как говорится, чтобы сына узнать, распознай отца и мать.

Уродись я в свою мать, это было бы счастье, но, увы, судьба влила в мои жилы отцовскую кровь и наградила меня всеми его качествами. Сызмала проявился во мне дурной нрав: я был несносным, своенравным, упрямым, вспыльчивым и злым ребенком. Ничего я не признавал — ни чести, ни долга, ни родных, ни бога. Все село ненавидело меня, все меня боялись — взрослые и дети, мужчины и женщины, птицы и четвероногие.

Кровь и мучения живого существа доставляли мне наслаждение.

Бывало, выберу удобный момент и укромное место, поймаю собаку, кошку или теленка и отрежу у несчастного животного хвост, выколю ему глаз или искалечу его палкой, камнем, ножом. А попадется в руки какая-нибудь мелкота, скажем, пичуга или даже птенчик — мучу ее часами: вырываю перышки по одному, жгу огнем, колю иголкой, словом, пытаю до тех пор, пока не испустит дух или пока меня не застигнут за этим занятием и не отлупят как следует.

Но расправа со мной редко кому сходилась с рук.

Сверстников и товарищей я держал в страхе. При случайных встречах они заблаговременно сворачивали с дороги, старались обойти меня стороной. Когда я вмешивался в их забавы, они разбегались, словно от зачумленного, а если их было много — попросту не принимали меня в игру, и я мог только смотреть на них, задыхаясь от зависти и злобы.

Но так продолжалось недолго. Я задираю их или задевали меня, и мгновенно вспыхивала ссора, разгорался рукопашный бой. Недели не проходило без того, чтобы кто-нибудь из мальчишек не вернулся домой, избитый в кровь, — иного приходилось провожать, а то и нести на руках. Если меня где-нибудь застигали четверо или пятеро моих недругов, то избитым до полусмерти оказывался я, но если противников было не больше двух, то я задавал им жару — их рев разносился по всей округе, и кровь обильно орошала траву.

Врагов у меня было несчетное множество, и я всегда ходил вооруженный до зубов. Камни с острыми краями, крепкая кизиловая палка, хлесткая ясеневая хворостина, толстая дубинка с комлем, множество разнообразных ножей, кости, железки, наперстная свинчатка — вот как богат был мой арсенал. Деревенский цирюльник не успевал растирать свои целебные мази и сбивался с ног, бегая из дома в дом.

Да, отчаянный я был забияка и драчун, яростный, иступленный. Не было случая, чтобы я убежал или сдался, если еще мог сопротивляться. Пока, бывало, не упаду без сознания, продолжаю биться с противником. Зато, если уж я брал верх, то побежденного приходилось вырывать у меня из рук, а иной раз и уносить домой в беспамятстве.

Я был одинок в многолюдном лагере врагов. У всех были заступники — моя же мать только жаловалась на свою судьбу, плакала и осыпала меня проклятиями. Но ничто не могло смирить мой нрав, остудить мою злую кровь.

Никто никогда не видал слез на моих глазах. Я считал, что плакать — постыдно, и не распускал нюни даже когда получал жестокую трепку не по справедливости.

Справедливость!.. В моем словаре нет места этому слову. Помните, как австралийские дикари объяснили, что такое добро и зло? Не знаете? Ну, так я вам расскажу.

Один миссионер провел среди дикого племени бушменов сорок лет. Он всех смирил, всех приобщил к христианской вере. Радуясь, что с честью выполнил священный свой долг служителя Христа, он собирался вскорости предстать перед очами господя, дабы отчитаться в своих земных делах и утвердить за собой теплое местечко в раю.

И вот миссионер решил подвести итог трудам своей жизни. Он собрал свою паству, велел выйти вперед тому, кого он считал лучшею из своих овец, и спросил: «Скажи мне, что такое зло?» Спрошенный ответил: «Если кто-нибудь отнимет у меня жену, это будет зло». «А в чем заключается добро?» — спросил миссионер. «Если я отниму жену у другого, это будет добро», — ответил дикарь. «А вы как думаете?» — спросил миссионер остальных. — Правильно он сказал?» «Правильно!» — ответили в один голос бушмены. Миссионер не выдержал потрясения и умер тут же на месте от разрыва сердца.

Притчу эту я вспомнил потому, что она имеет прямое отношение ко мне. Сызмала для меня было непреложной истиной: если я одолею другого, изобью его, отниму у него что-нибудь — это вполне справедливо; если же меня побеждали, я считал это чудовищной несправедливостью, нестерпимым насилием. Еще худшим насилием и беззаконием было, если за побежденного мной заступались старшие и более сильные. Тогда мои яростные вопли достигали, наверно, вершины Эльбруса, а жажда мщения сжигала мне внутренности.

Один из соседей чем-то обидел мою мать. В ту же ночь я поджег его саманник. Другой в сердцах жестоко отлупил меня. Я поймал его буйвола в проулке между садами и перерезал животному горло. Третьему я напустил воды в яму с зерном, загубил годовой урожай. С четвертым, с пятым, с десятым я поступал еще того хуже...

Наконец, село не выдержало — взбунтовалось. И нужно было убираться оттуда — иначе мне бы не уцелеть. Мой дядя жил в России. Он взял меня к себе, подготовил и отдал в кадетский корпус. Так завершилась первая половина — или треть — моей жизни.

Джикураули прокашлялся — казалось, встряхнули котелок, наполненный обломками чугуна, — и снова набил свою трубку. Потом глубоко затянулся, выпустил дым густыми клубами изо рта и ноздрей и начал медленно расхаживать по камере. Электрический свет, падавший сверху, освещал ему голову, плечи и грудь. Тень его стлалась у ног — она сжималась и растягивалась, причудливо меняя форму; то, казалось, следом за ним катится, словно большой черный мяч, только его голова; то обрисовывались на полу широкие плечи, а когда мой сосед приближался к краю камеры, на белой стене раскидывалось темным платком очертание его могучего торса, а нижняя часть туловища оставалась распластанной на полу, странно искажаясь.

Джикураули молчал и следил глазами за собственной тенью. Вдруг на стене обозначилась простертая рука с вытянутым пальцем, и чугунный голос рассказчика залязгал снова:

— Вот наша жизнь и наша доля, — Джикураули показал на свою тень. — Призрак, изменчивая и смутная тень, и больше ничего. Суется, кривляется. А потом... — Он потер рукой пересеченный шрамом лоб и повернулся ко мне. — Да нет, не по моей это части — лирика и философия... Никогда ни одной минуты я не посвящал размышлениям о том, зачем мы существуем, откуда явились, куда идем... А теперь... вот теперь вдруг потянуло философствовать. Такие песни заставляют обычно нас петь старость и близость смерти. И хотя моя смерть совсем уже близко, стоит здесь за дверью и вот-вот постучится, все же печальный лад мне как-то не к лицу. Поэтому я лучше расскажу вам свою повесть

кратко, без отступлений. Пусть хоть цельность моей личности, присущий мне стиль не будут нарушены...

Я остановился на том, что меня отдали в кадетский корпус. До сих пор не могу понять, как я сумел его окончить. Через короткое время все училище было у меня в подчинении. Я завел поистине крепостные, рабовладельческие порядки. Сильные обегали меня, как прокаженного. Слабых я обратил в своих рабов, так как им необходим был защитник, а мне — подданные.

Ни одного дня не провел я в мире и покое. Вечно я был, как обнаженный клинок, вечно раскачивался на узком мосту над бездной, ожидая, что он вот-вот подломится подо мной. Я как бы застрял в дверях корпуса: изнутри напирала воспитатели и начальники, чтобы вышвырнуть меня вон, а снаружи — их жены и мой дядя, чтобы запихнуть обратно. Начальник корпуса, генерал, — по-моему, он был немного тронутый — неизменно выгораживал меня, так как сам был лихого нрава и любил таких бесшабашных сорванцов, как я.

Однажды воспитатель-капитан несправедливо сделал мне выговор. Собственно, это я только считал, что несправедливо — по существу, любую строгость по отношению ко мне следовало считать в высшей степени справедливой.

Через час тот же капитан застиг «на месте преступления» меня и еще одного грузина: мы разговаривали по-грузински.

— Когда, наконец, вы отвыкнете от вашего собачьего языка! — гаркнул он и добавил кое-что еще и похуже.

Но тут он взглянул на меня, сразу умолк и поспешил убраться во свояси.

До вечера я метался в ярости, как безумный. Я рычал, как раненый зверь, царапал себе лицо, рвал на себе волосы, одежду. Я должен был или убить кого-нибудь или всадить самому себе пулю в лоб. Наконец, вечером, так и не сумев переварить оскорбление, я ворвался к капитану и крикнул:

— Я вызываю вас на дуэль! К барьеру! Сейчас же!

— Вы в своем уме?

— Сейчас же, слышите? Оружие безразлично — пистолеты, сабли, а то и просто ножи. Выбирайте!

— Успокойтесь...

— И не подумаю! Поторопитесь, иначе...

Я выхватил револьвер. Капитан побледнел, но не растерялся и хитростью отвел беду:

— Хорошо. Согласен. Но уж не нарушайте правил — пришлите секундантов.

Пришлось подчиниться: другого выхода не было. Я пошел искать секундантов и... через полчаса очутился в кабинете начальника корпуса.

Генерал смотрел грозно и в гневе шагал по комнате. Долго он раскачивал, стуча каблуками, а я стоял навытяжку и украдкой следил за ним. На лице его гнев боролся с улыбкой. Он не решался раскрыть рот и не останавливался, потому что боялся расхохотаться. Наконец, он встал посреди кабинета, топнул ногой и напустился на меня с деланной суровостью:

— Дикарь! Сопляк! Безмозглый болван! Я тебя... Я тебе...

Но не выдержал роли: повалился в кресло и разразился поистине диким хохотом. Он истерически гоготал, ржал, хихикал и бубнил что-то по-стариковски, мотая при этом седой головой и сотрясаясь всем телом.

— Ха-ха-ха... Семнадцатилетний мальчишка и... Хо-хо-хо... Своего воспитателя, капитана... Хи-хи-хи... Капитана на дуэль... Хо-хо-хо... Нравится мне, ей-богу, нравится... но... знаешь что, голубчик? — Он сдержал смех, шагнул ко мне и повысил голос: — Знаешь, что тебе будет? Прежде всего я выгоню тебя из корпуса, потом выпорю перед всем белым светом, а потом... Что, небось, переменялся в лице? Знаю я тебя, очень хорошо знаю. Вложи тебе в рот дуло ружья, ты даже бровью не поведешь, но розги... Розги... Даже от одного этого слова тебя прохватила дрожь, верно?

Генерал не ошибся. Мысль о порке мне и в голову не приходила. А сейчас моему умственному взору представился толстый пук розог... и это повергло меня в трепет.

— Верно я говорю или нет? — не отставал генерал. — Признавайся, боишься розог, храбрец?

— Так точно, — пролепетал я. — Так точно, боюсь.

— Ну, а меня уважаешь? Скажи, уважаешь меня?

— Так точно, господин генерал.

— Ну, так ступай сейчас же к капитану и извинись, да возьми своих секундантов в свидетели. Иначе... — Он еще повысил голос. — Иначе... Ну, что скажешь?

— Слушаюсь, господин генерал... Но обиды я так не оставлю и когда выйду из корпуса... напомню о ней.

— Вот это мне по душе! — обрадовался генерал. — Это мне очень нравится. Молодец, Джик... Джигураули, молодец! Но не забывай и обо мне. Я твой секундант, хо-хо-хо. А сейчас убирайся отсюда, хи-хи-хи! Скорей, а то розги наготове, ха-ха-ха...

И долго еще его громовый хохот провожал меня.

Друзья силой втолкнули меня к капитану. Я стоял и несвязно что-то бормотал. В первый и последний раз в жизни приносил я извинения. На самом же деле я задыхался от ярости, меня всего корчило от боли. Такого чувства бессильного унижения и стыда — да и вообще стыда — я не переживал ни до ни после того.

Но вот я окончил кадетский корпус, надел офицерский мундир — и в тот же день послал к капитану двух секундантов. Он принял вызов — да и что он мог поделывать? Но в тот же вечер ко мне на новую квартиру явилась его молоденькая жена. Она пролила целое озеро слез, но не смогла меня разжалобить. Тогда она перешла к оружию другого рода, и ласки ее смягчили мое сердце. Большая это, оказывается, сила — голубые глазки и золотые волосы.

Поднявшись с постели и застегивая на себе платье, она спросила с облегчением:

— Значит, все покончено и забыто?

— Нет, сударыня, еще не покончено.

Она подняла на меня испуганный взгляд:

— Чего же вы еще хотите?

— Сегодня вечером в офицерском собрании будет парадный ужин.

— Знаю. Мы с мужем будем на нем.

— Так вот, ваш муж поднимет тост за мое здоровье и воздаст хвалу грузинскому языку.

— Но ведь он не знает ни одного слова по-грузински!

— Если он знает столько, что уловил в нем сходство с собачьим, быть может, он сумеет понять и то, что на нашем языке разговаривают ангелы на небесах. Так вот, пусть он это поймет и скажет. Таково условие, последнее и окончательное. И то единственно ради вас, моя прелесть.

Вечером, в самый разгар ужина, капитан встал и завел нескончаемую речь:

— Грузинский язык — богатейший, нежнейший, прекраснейший. Сам господь бог получает от ангелов рапорты на этом языке.

Словом — переборщил. Я отомстил ему за все, милуясь с его женой. Очаровательная была женщина, но мы скоро расстались и потеряли друг друга из виду. Где-то она теперь? Кто знает, какому греку или турку согревает — или согревала — вечерами постель в Стамбуле?! Пропала, затерялась где-то за границей — больше я не встречал ее и уже не встречаю...

Караман помолчал, снова потер себе лоб и стал рассказывать дальше:

— Надев офицерские погоны, я окончательно сбросил с себя узду, сорвался с цепи. Я ни перед чем не отступал, ни с кем не считался. Почуввав опасность, дерзко устремлялся ей навстречу; более того, я сам постоянно искал опасности, умышленно подвергал себя риску. Я играл в азартную игру, смеялся над судьбой и посрамлял ее. Не могу даже сосчитать, сколько раз я ставил жизнь на карту и, столкнувшись со смертью, заставлял ее отступить. Двенадцать раз я дрался на дуэли — то на саблях, то на пистолетах. Я нарочно выискивал себе самых опасных, известных своей храбростью противников. Я весь исполосован шрамами и продырявлен пулей в двух местах.

Вскоре началась мировая война. Как только где-нибудь становилось особенно жарко, я бросался туда очертя голову. Всюду, где свирепствовал огненный шквал и лились реки крови, я прорывался в самую гущу сражения. Георгиевские кресты, обычные и за личную храбрость, золотое оружие, медали, всяческие награды и отличия — вот что было предметом моего вождения. Какими же мы были глупцами! Боже, как жестоко нас одурачили!

Когда русские стали одерживать над иранцами победу за победой, шах перетрусил и в отчаянии попытался ухватиться за соломинку: созвал своих визирей и объяснил им, дескать, все эти русские звезды, кресты, медали и тому подобные побрякушки свели с ума грузин. Проклятые гюрджи дерутся, как львы. От креста да хранит нас аллах, но звезды, луна и все прочее, авось, и нам сослужат службу: немедленно пустите в чеканку всевозможные ордена и знаки отличия.

Ну, персы наделали уйму орденов и медалей и стали раздавать их пригоршнями, как орехи, но это им, конечно, не помогло. А вот нам эта чертовщина кружила головы до самых последних лет! Будь проклят тот, кто это придумал! Эх, да уж поздно проклинать: они свое дело сделали, погибли сами, но и меня обвели вокруг пальца и загубили.

В годы мировой войны несколько сот моих солдат и тысячи врагов растаяли вокруг меня, как снег в весеннюю пору, а я все время оставался невредимым. Повторяю, я крутился в самом средоточии водоворота, но не брала меня пуля, пролетали мимо осколки снарядов, не поднималась на меня сабля. Я беспрерывно испытывал судьбу, но она прятала от меня лицо.

По всей армии пошла обо мне слава как об отчаянном храбрце, о человеке, которого смерть не берет. Враг тоже прослышал обо мне. Наши прозвали меня «оводом», а германцы окрестили «осой»; они оценили мою голову в десять тысяч марок. Охотились на меня, как на гиену, всюду расставляли капканы и западни, но там, где ждала засада, меня никогда не оказывалось, а там, где я объявлялся, меня никогда не ждали.

Немцам от меня житья не было — я то снимал их сторожевые посты, то угонял лошадей, то, пробравшись к ним в тыл, взрывал мост, разорял лагерь или поджигал склад боеприпасов и снаряжения, захватывал пленных и возвращался с многочисленными трофеями.

Дважды я попал к ним в руки. Захватив меня в плен, они радовались больше, чем если бы разбили наголову всю нашу дивизию. Но оба раза я перебил стороживших меня часовых и ушел к своим.

Я взбегал по служебной лестнице, как белка. Уже передо мной маячили генеральские эполеты, но... Но тут мир треснул по швам, все разительно переменялось, перевернулось, пошло вверх дном. Кончилась война, но сразу же началась другая, во сто крат ожесточеннее, яростнее, беспощаднее первой. Эта война разметала весь наш старый мир, затопила его кровью, пустила мякиной по ветру.

Меня-то что толкало — до сих пор не могу понять, — но я снова очутился в самом центре пожара и заметался, как испуганный. За кого? Во имя чего? Что я искал? К чему стремился? Не знаю, ничего не знаю. Как будто бы я жаждал сохранить унаследованное и приобретенное, как будто бы дрался за все эти кресты и погоны, за свое дворянство и офицерское жалованье, но... Но наряду с этим меня гнала вперед еще какая-то непонятная сила — гнала, тащила, разъяряла меня, превращала в зверя. Говорят, я был в лагере привилегированных, и таинственная эта сила была силой этого лагеря. Кажется, так оно все и было... Наверно...

Меня учили только сражаться, подчинять себе, покорять — больше в меня ничего не вложили. Потому многого я и до сих пор не могу постичь. Но теперь уже поздно переучиваться и пытаться изменить свою суть. Одно только я знаю точно и непреложно: мой невежественный солдат, неграмотный крестьянин в тулупе и перемазанный копотью рабочий хотели подчинить меня, повелевать мною, а я — я, Караман Джигураули, — мог быть только господином, только главой, властелином и повелителем, я был рожден для этого. Смерд, раб, невежда и хам хотел воздвигнуть на моем загривке свою диктатуру, а я — я сам был диктатор и боролся за свою власть всяческими средствами и способами — зубами, когтями, разумом, оружием, всеми правдами и неправдами.

Что, что вы изволили сказать? Именно это и называется классовой борьбой? В самом деле? Что ж, пусть так. Если один человек скажет тебе, что ты слеп, оспаривай его. Если скажут двое — не торопись поверить. Если же скажет и третий — в пору заколебаться. А если и седьмой повторит то же самое — закрой глаза и объяви во всеуслышание: «Да, я слепец!». Больше ничего не осталось мне в утешение: закрываю глаза и кричу на весь свет: «Я слеп! Да, я слеп!».

Но теперь уже поздно кусать себе локти и скрежетать зубами. Слеп я был, когда вместе со своей дивизией в течение трех лет топтал, выжигал, заливал кровью и слезами те далекие степи...

Боже милостивый! Волосы встают дыбом на голове и мороз продирает меня по коже при одном воспоминании... Да что долго рассказывать — я безжалостно убивал, расстреливал, рубил, жег, душил, словом, истреблял все живое всеми способами, любым оружием: рукой и веревкой, вилами и гвоздем, проволокой и лозинкой, ножом и ледяной стужей, голодом и ядом, огнем и мечом. Сколько загубленных жизней на моей совести? Кто знает?.. Кто сочтет? Десять тысяч? Двадцать? Не знаю, возможно, даже, что около сорока.

Однажды мужики вывели меня из себя. Я окружил огромную деревню плотным кольцом конников моей кавалерийской дивизии и поджег ее со всех сторон. Ни одного ребенка, ни одного старика не выпу-

стил я оттуда живым. Села словно никогда и не было. Только зола осталась да больше тысячи обугленных скелетов.

Помню еще: в другой деревне я загнал двести душ в школьное здание и изжарил их там, как поросят в печи.

Есть воспоминания и похуже: в одном селе я морил голодом человек сто и довел их до полусмерти. Потом приказал дать каждому по куску отравленного хлеба. Я сидел и преспокойно смотрел, как они извивались, корчились, как иссиня-черными становились их лица.

Я тогда и бровью не повел... А теперь меня начинает трясти, в глазах начинает мутиться при одном лишь воспоминании, так как я знаю, что более страшного зверя, чем я, еще не рождалось на свете. Да, лишь гораздо позднее я понял, узнал, что был садистом, кровожадным маньяком. Это сказала мне одна женщина, которая... Но об этом после, я дойду до этого в свое время.

В одной деревне я запер в хлеву сотню крестьян и объявил, что никого не выпущу до тех пор, пока одна половина их не съест остальных, а после этого уцелевшие выйдут на свободу. Через несколько дней они съели одного из своих, который был болен, потом принялись за другого, а потом и до десятого добрались. Трудно только начать, а дальше обычно все идет как по маслу до самого конца.

Когда одна половина моих пленников уничтожила другую, я повторил оставшимся свое предложение: разделиться снова на две группы и одним съесть других. Ей-богу, великолепный прием! «Divide et impera!». Разделяй, всюду всех разделяй и властвуй, и спи спокойно. Вот они и были у меня все время разделены на группы. По ночам они набрасывались друг на друга, сильные душили, забивали слабых и съедали убитых. Многие свихнулись. Наконец, в живых остался только один, но он не выдержал и повесился.

Правда, среди всего этого множества замученных подавляющее большинство не знало за собой никакой вины. Но это неважно. Над каждым из них тяготел первородный, наследственный, неискупимый грех: каждый из них был крестьянин или рабочий, а значит, мог в какой-то момент посягнуть на мое господство. Поэтому я считал всех их, всех до одного, моими заклятыми врагами и заблаговременно истреблял их.

Так, озверелые, рыскали мы по стране, как волки. Нападали на село или на город, как на овчарню, разоряли его. Опустошив, уничтожив все вокруг, переходили к другому селу или городу.

Кровь, огонь, слезы, стоны и вопли — вот все, что осталось в моей памяти от того черного времени. Ужасно!.. Чудовищно!..

4

Он снова достал из кармана свою косяную трубку и наполнил камеру дымом. После недолгого молчания продолжал:

— Был у меня с юных лет один товарищ по имени Сехния Лачишвили, такой же бродяга, такой же забияка и сорвиголова, как я сам, Но в отличие от меня, скрытный, себе на уме, любивший действовать исподтишка, завистливый офицер.

Поверьте мне — совместно пережитые беды и сообщничество в злодеяниях всегда оказываются более прочным цементом, скрепляющим дружбу, нежели общее счастье и радость или творимое вместе добро. И мы с Сехнией были связаны и слиты воедино именно таким прочнейшим известковым раствором — пролитой вместе людской кровью и множеством разнообразных, бесчеловечных преступлений. Раз по десять спасали мы друг друга от неминуемой смерти, всегда были неразлуч-

ны: куски бы не съели, не поделившись, не выпили бы стакана вина врозь и любую беду встречали бок о бок. Словом, каждый из нас стал другому опорой, мы поклялись во взаимной верности, и, оказавшись мы в разлуке, жизнь потеряла бы для нас цену.

Неизвестный друг! Сторонитесь, остерегайтесь того, кто вечно молчит, не доверяйте человеку, который никогда не смеется. Терпеть не могу болтунов — но молчальников я боюсь. Болтун тарахтит, как пустая мельница, а молчальник напоминает мне запертый ларь, сундук о девяти замках, в котором иной раз хранится бесценное сокровище, но может скрываться и выводок ядовитых змей.

В этом смысле я и Сехния были друг с другом не схожи — но ведь белое тянется к черному, черное белого ищет!

Миновали мы Донскую область и ворвались в один небольшой городок. Наша дивизия двигалась следом за отступающей Красной Армией. Погода была ненастная, лил дождь, город утопал в жидкой грязи.

Вдруг из одной лачуги выскочила растрепанная, оборванная молодая женщина. Она ухватилась за уздечку моей лошади и крикнула по-грузински:

— Помогите!

Она обнимала мою ногу, плакала и смеялась.

Сехния ехал позади меня. Я попросил его поместить обессиленную женщину в одном из соседних домов и позднее, освободившись, зашел ее проведать. Она лежала в чистой постели, но на ней самой белья почти не было.

— Кто вы, сударыня? — спросил я.

— Не узнаете? — сказала она с упреком. — Я Маради Тавелидзе.

— Господи, в самом деле! Ослеп я, что ли, черт побери — как это сразу не узнал вас! — и я расцеловал ее огрубевшие, почерневшие от въевшейся грязи руки. — Что с вами приключилось? Откуда вы взялись? Как попали в это логово?

И она рассказала мне свою историю.

Отец ее, генерал Тавелидзе, служил в гренадерском корпусе. Это был человек без почвы, без корней, как и я. Семью свою он сначала отослал в Грузию, но потом имел неосторожность вызвать ее назад и поселился в Тамбове. Позднее он вместе с юношей-сыном очутился на территории белых, а жену и дочь оставил на севере, уверенный, что не сегодня-завтра вся эта заваруха кончится, смуте положат конец. Однако он жестоко обманулся. Сына убили в бою, сам он попал в плен. Жену унес сыпной тиф, а дочь, Маради, совсем еще молодую девушку, подхватил красный вихрь и умчал невесту куда. И вот кончилось тем, что Маради осталась одна, беззащитная и беспомощная; то там то здесь ей давали на короткое время приют, просто так, из милости, или же она находила поденную работу — шила, иногда стирала, а то и выхаживала заразных больных.

За три года до того генерал при какой-то случайной встрече познакомил меня со своей дочерью. Через полчаса я уехал в Варшаву и увез с собой запечатленное в памяти лицо Маради. Время и события, однако, стерли в моей душе этот образ. И вот эта девушка — некогда гордая и неприступная — лежала передо мной, распростертая, на постели. Впрочем, это была как бы уже и не она, а лишь тень ее, истаявшее подобие, бесплотный призрак. Маради улыбалась восковой улыбкой покойника, очнувшегося от смертного сна; она радовалась тому, что мы сбили крышку с гроба и вернули ее к жизни.

Мы с Сехнией захлопотали, забегали, за короткий срок раздобыли все необходимое, одели, обули, накормили Маради и отправили ее в Ро-

стов отдохнуть и набраться сил. А сами принялись рыскать по волжским берегам, поднялись до Камышина, разоряя, сжигая, сметая и уничтожая все на пути, и вернулись в Царицын. За этими делами прошло два месяца.

Однажды вечерней порой ко мне постучались. Я открыл двери, увидел перед собой высокую женскую фигуру. В сумерках я не узнал, кто это, и спросил:

— Кого вам угодно?

— Вас.

— Маради!

— Да, я.

— Сехния, скорей свечу! Самовар!.. Накрывай на стол! Гостья к нам пожаловала, дорогая, бесценная гостья!

— Нет, господа! — услышал я голос Маради. — Я приехала не гостьей быть у вас, а хозяйкой, да хозяйкой в полном смысле слова.

— Хоть королевой, Маради, вам и царская корона под стать! Сехния, скорее свечу, говорят тебе!

Пока мой товарищ ходил за свечой, меня томило в обманчивой полутьме смутное подозрение: «Так неожиданно?.. Без предупреждения? Уж не переписывался ли с ней Сехния втайне от меня? Не завязалось ли между ними «что-нибудь»?

Сехния вернулся с горящей свечой, и мои темные подозрения сразу рассеялись. Всепобеждающая сила природы предстала передо мной во всем своем величии. Это была уже не прежняя исхудалая, жалкая, изжелта-бледная Маради. Перед нами стояла поистине королева, властительница домашнего очага, красавица, пышущая румянцем, улыбающаяся, полная благоволения.

— Сехния, прими чемодан!

— Караман, подай стул!

Времена были трудные, и город превратился в военный лагерь. Где бывало, поставим ногу, там и наш дворец. Дом, в котором расположились я и Сехния, был прекрасный, квартира наша оказалась набитой всякой всячиной, а между тем у нас ничего не было, так как в доме нашем не хватало благодатной руки хозяйки.

— Ну-ка, за дело! — приказала нам через час Маради и принялась сама за работу. — Караман, вынесите это вон... Сехния, подайте мне вон то... Это вот надо выстирать... Ковер вытряхните... Дайте горячей воды... Велите вычистить, — то и дело слышался ее повелительный голос, и мы все трое хлопотали и крутились, как заведенные.

К полуночи оказалось, что нам нечего больше и желать. Все в нашем жилище преобразилось словно по волшебству — как будто мы переселились из нищей хижины в богатый дом, полный добра.

— Спокойной ночи! — сказала нам тогда Маради, ушла к себе и заперла за собой дверь.

Мы с Сехнией тоже вскоре легли, но до рассвета ни я, ни он не сомкнули глаз, так как пленительный образ Маради не покидал нас, и мы сторожили друг друга.

С этого дня жизнь у нас круто переменилась. У меня и у Сехнии была одна суженая, а у Маради — два жениха. Оба мы, притязавшие на ее руку, строили друг другу преграды, с утра до вечера и с вечера до утра следили друг за другом, злились, терзались ревностью и неустанно старались завоевать сердце нашей возлюбленной, но в то же время помнили, что мы побратимы, и не преступали границ рыцарства.

Однажды Маради спросила меня:

— Вы всегда вместе живете?

— Я и Сехния? Всегда.

Она пристально посмотрела на меня, но ничего больше не сказала.

— В чем дело, Маради?

— Ни в чем.

— Ну, а все-таки?

— Ни в чем, говорю вам. — Но, помолчав, она добавила: — Мне он не по душе.

— Кто, Сехния? Почему?

— Не знаю, не могу сказать. Нет никаких оснований, но чутье предостерегает меня.

— Не верьте вашему чутью, Маради. Сехния — верный друг.

— Все равно, что брод... Безопасен до того единственного места, где он засасывает. Словом, боюсь я этого человека. Но не будем больше говорить об этом.

— Не будем.

Сехнии я ничего, конечно, не сказал. Оба мы по безмолвному соглашению вручили свою судьбу Маради и терпеливо ждали от нее решения нашей участи.

Я сказал «терпеливо»... Но тяжелое это было терпение. Мы жили в постоянном напряжении, всегда начеку, как курок на взводе, как до отказа натянутая струна. Нет, эта жизнь была бесконечной пыткой, крестной мукой, и смирение наше походило на безмолвный вопль о пощаде. Не так уж трудно один раз пройти над пропастью по узкой перекладине, но невыносимо, невозможно без конца ходить по ней, раскачиваясь и замирая от страха.

Маради оказалась лучшим эквилибристом, чем мы. Да и неудивительно: ведь она выбирала. В таких случаях властвует дичь, а охотники готовы задушить друг друга. Маради ловко балансировала между нами двумя, ни у одного не отнимала надежды, но и не давала никому преимущества.

Но овечка между двумя волками недолго останется цела: не одному, так другому попадет, наконец, на зубы. Бог знает, чего она только не выдумывала, чтобы не оставаться наедине ни со мной, ни с Сехнией. Но однажды все-таки довелось остаться.

Как-то приехал генерал, чтобы проинспектировать нашу дивизию. Я узнал об этом заблаговременно, притворился больным и отправил на плац Сехнию, а сам улегся в постель. Маради осталась присматривать за мной.

Она что-то принесла, подала мне — я схватил ее за руку, усадил силой к себе на кровать.

— Маради... Маради... Маради... — шептал я и страстно целовал ее руки. Потом я поднял глаза, заглянул ей в лицо и... испугался: она страшно побледнела, губы у нее побелели и дрожали, бессмысленный, неподвижный взгляд был устремлен в пространство.

Я не узнал Маради, — но не узнавал и самого себя. Никогда не думал я, что могу быть так нежен, так бережно-ласков с женщиной. Я был зверем всюду, всегда и во всем — в том числе и с женщинами. Скажу, бывало, два-три слова и кидаюсь на ту, что подвернулась мне волею судьбы. Одним это нравилось, другие пугались, но я всегда оставался самим собой. А на этот раз... что-то размягло меня, укротило во мне зверя... Наверное, это было то самое, что называется любовью...

— Маради, что с тобой! — воскликнул я и обнял ее за талию.

Она вздрогнула, вскочила.

— Не говорите... не надо... Не говорите... — забормотала она и ушла, шатаясь, готовая упасть в обморок.

Весь день не могла она успокоиться: жаловалась на головную боль и всхлипывала, как ребенок:

— Ведь я сирота... беззащитная, неприкаянная... Я думала, вы будете мне братьями и заступниками, а вы...

А мы, оказывается, таили злой умысел: воспользоваться беззащитностью сиротки, зацеловать ее, задушить ее ласками.

Я снова вооружился терпением и принялся ждать дальше.

Прошло немного времени. И вдруг нам был объявлен приговор судьбы:

— Спасайтесь! Мы окружены!..

Наши все же продолжали сражаться, хотя это уже были предсмертные судороги. Спихнулись поздно: нам в самом деле отрезали все пути, мы были обречены. Оставалась лишь одна, последняя лазейка, и я с моими друзьями решил попытаться счастья: сели втроем в старую полуогнившую лодку и отдались на волю волжских волн. Маради взялась за руль, и мы с Сехнией налегли на весла. Гребли мы что было сил, работали, как богатыри, но вот сначала сломалось одно весло, вслед за ним — другое, и, наконец, разлетелось на куски третье; осталось только одно, однако и оно оказалось лишним, так как посредине реки лодка дала течь и начала быстро наполняться водой.

— Скидывайте одежду! — скомандовал я, и сам, сняв верхнее платье, остался в одном белье. Мы, все трое, бросились в воду и поплыли к противоположному берегу. Маради умела кое-как плавать, но ее затачивало на дно, потому что она не сняла с себя ничего — такова женская природа: предпочитала утонуть, но не предстать перед нами раздетой.

Я и Сехния бросились к ней и поплыли рядом, временами поддерживая ее. Мы немало уже проплыли, но до берега было еще далеко. Сехния постепенно терял силы, а Маради все чаще нуждалась в помощи. Огненным сверлом буравила мне мозг неотвязная мысль: «Если придется пожертвовать, то кем?» От этой мысли меня охватывал ужас, и я гнал ее прочь, не пытаясь ответить на вопрос. Я все еще надеялся, что мы все трое доберемся до берега. И тут грянул гром:

— Караман, помоги! — простонал Сехния; он слабел с каждым мгновением, едва взмахивал руками и все запрокидывал голову, чтобы не хлебнуть воды. Друг юности, мой названный брат тонул у меня на глазах.

Час пробил, — я должен был тут же, немедленно, принять решение. Ясно было, что обоим мне до берега не дотащить; оставалось отдать смерти ее добычу — либо моего брата, либо Маради, мою единственную... ту, что заполнила собой и сердце мое, и душу, все мое существо, вот так, как воздух наполняет эту камеру.

Не знаю, бог задумал меня наказать или сам сатана ниспослал мне такое нечеловеческое испытание. В ту минуту я пережил гораздо больше жгучего страдания, чем за всю мою пеструю жизнь. Не примите за похвальбу — время ли сейчас заниматься самовосхвалением, ведь я говорю с вами все равно что из могилы, — но, поверьте, хоть я готовлюсь с минуты на минуту расстаться с этим миром, но и сейчас... даже сейчас я не испытываю десятой доли того ледящего ужаса.

«Или... или...» — это «или» терзало, раздирало меня, точно я был привязан к буйволиным запряжкам, тянувшим в разные стороны, чтобы разорвать меня надвое.

Пока я так изнывал, Сехния бросил на меня отчаянный взгляд как бы уже с того света и прохрипел:

— Покидаешь меня, Караман?!

И тут Маради взглянула на меня тоже словно из загробного мира... Взглянула — и вскрикнула ужасным голосом, потому что...

Потому что угадала мой выбор.

Я бросил жребий — верх взяла дружба.

«Брата я больше не обрету, — подумал я. — А красивых женщин на свете тысячи».

Я выпустил Маради и потянулся к Сехнии. И тотчас же отдался у меня в ушах отчаянный женский вопль, безнадежная предсмертная жалоба, раздирающее душу стенанье, похожее скорее на вой убиваемого животного, нежели на человеческий крик.

Джикураули смолк, упершись взглядом в одну точку где-то вверху стены, потом опустил глаза и, покачав головой, прогворил негромко, как бы про себя.

— Мог ли я подумать, что в эту минуту я подписывал себе смертный приговор — тот приговор, которому предстояло исполниться через два года... сегодня... да, да, сегодня... вот в эту самую ночь...

Но раз уж таково было решение слепого рока, пускай исполнится его злая воля!

Но вернемся к моему рассказу. Маради, не получив ответа на свой предсмертный зов, покорилась волнам... А по существу это я обрек ее на смерть, я, Караман Джикураули. Оставил ее на произвол судьбы и только проводил взглядом. На том месте, где моя суженая погрузилась в воду, виднелись теперь только ее распустившиеся косы, густые пряди, похожие на черных змей, плывущих в мутной речной воде.

Но карающий рок всюду гонится за нами по пятам и порой испытывает нас, порою шутит и смеется над нами. На этот раз он лишь испытывал нас, вернее меня.

Внезапно я увидел поблизости плывущее по реке большое дерево. Переплетение толстых корней и могучих ветвей направлялось в нашу сторону, прямо к нам. Я рванулся к Маради и успел схватить ее за волосы. И в ту же минуту почувствовал толчок: дерево нагнало меня.

— Скорей, Сехния, хватайся за дерево!

Сехния забарахтался, ухватился за корни и высунулся из воды до подмышек. А я одной рукой вытащил Маради наверх, а другой тоже потянулся к корням.

Некоторое время мы следовали за этим спасительным деревом. Оно было очень большое и подтянуть его вплавь к берегу я один никак бы не смог. Я взвалил себе на спину бесчувственную Маради и, немного переведа дух, крикнул Сехнии:

— Влезай на дерево и плыви, не бойся. Я вынесу ее на берег и догоню тебя. Смелей!

Я перекинул руку Маради через свое плечо и повернул к берегу. Одной рукой я отсекал воду, другой придерживал свою ношу, и мне казалось, — я взвалил на себя целый мир, чтобы его спасти. До сих пор удивляюсь — откуда у меня взялось столько силы и энергии.

Наконец, я вынес свою тяжелую и драгоценную ношу на берег, положил Маради на землю среди кустарника и поспешил на помощь товарищу. Сехния тем временем, взгромоздившись на дерево, собрался с силами и, гребя рукой, направил свой корабль в сторону берега. И все же его успело снести далеко вниз по течению. Согрев свое окоченевшее тело в беге, я снова бросился в воду и нагнал Сехнию. Мы попали в пенящийся водоворот и едва спаслись.

Сехния был совершенно обессилен. Он лежал на земле, стараясь отдышаться. Я же приводил в чувство Маради: обнимал ее, целовал,

растирал и невольно приходил в исступление над этим безвольным телом. Не приди она вовремя в себя...

Господи, по сей день не знаю, я ли один такой зверь или природа создала зверями всех мужчин? Пожалуй, все люди на свете созданы по одному образцу — только одни сдержаны или вялы, а другие не знают удержу, так как вечно охвачены вожделением.

Мы были почти нагие. В деревню идти было опасно — там могли оказаться красные. Мы сидели в кустарнике, тряслись от холода, и голод порядком нас уже мучал. Чего мы ждали, на кого надеялись? Разве что на вечернюю тьму да на собственные руки. Но чем могла нам помочь темнота в чужих, незнакомых местах?

Я встал и пошел наудачу, не зная куда. Маради проводила меня затуманенным взглядом. «Сейчас вернусь, Маради!» — сказал я, чтобы ее успокоить, и поднялся на пригорок.

Отсюда мне хорошо была видна вся окрестность. До деревни недалеко, но пойдешь туда — еще угодишь в ловушку. Я бродил вокруг да около, не решаясь приблизиться. Так ходит голодный волк вокруг валяющегося на снегу куска мяса, боясь притронуться к нему — все мерещится хищнику под этой соблазнительной добычей железный дьявол.

На дороге показался мужик. Он шел медленно, таща на спине набитый мешок. Я побежал ему наперерез и, подойдя, спросил:

— Земляк, ты не из этой деревни?

Увидев перед собой полуголого человека, мужик испугался и растерянно пробормотал:

— Ну да, здешний я.

— А скажи, какая у вас здесь власть?

— Наша, собственная.

— Что значит — ваша? Крестьянская?

— Да, почитай, что крестьянская.

Не знал бедняга, что этими словами вынес себе приговор. Но и на мне, в сущности, не было вины, потому что я сам был в беде и жаждал сохранить жизнь.

Схватка была недолгой... Да, собственно, ее почти не было... Эти проклятые руки были точно из стали. Когда у него вывалился язык и он перестал трепыхаться, я взвалил его себе на спину и стащил в овраг. Минут через двадцать голым был уже он, мужик, а я, одетый в крестьянское платье, бежал вниз, к реке, с мешком на спине.

— Где вы были? Что это такое? — спросила с испугом Маради.

— Ничего особенного. — ответил я и развязал мешок. Тот бедняга, видно, ходил сегодня торговать: отнес на рынок муку, обменял на всякий мелочной товар и возвращался домой со своими приобретениями. Но этот «мелочной» товар для нас был ценнее всех бесценных сокровищ: большой каравай, старое белье, спички, ножи и прочие пустяки — всем этим мы тут же воспользовались и возблагодарили бога.

— Вы кого-нибудь убили? — допрашивала меня Маради.

Я всячески ее разубеждал — и, кажется, достиг успеха.

— От вас всего можно ждать, — сказала она. — У вас и слава такая: зверь!

— Только у меня или у Сехнии тоже?

— Сехнию называют «волком».

— Значит, вы попали в изысканнейшее общество, — сказал я. — Прямо-таки в пансион благородных девиц.

Мы все трое рассмеялись. Но прозвища так и остались за нами...

— Зверь! — окликнет, бывало, меня Маради, и я сразу оборачиваюсь.

— Волк! — позовет она, и Сехния тотчас отзовется:

— Что угодно?

Однажды она долго наставляла нас — долго читала Евангелие — так как заметила кровь на руке у Сехнии, вернувшегося из деревни с добычей. Учила нас, учила — и сказала в заключение:

— Если не перестанете разбойничать, убегу от вас. Как-нибудь устроюсь «у них».

Это нравоучение ее и угроза были высказаны таким решительным тоном, что мы испугались и стали ее успокаивать. Мы приводили всяческие доводы и уверяли Маради, что не проливаем крови, а только вооружаем, потому что нам нужно есть, — дескать, не помирять же с голоду, и что единственное стремление наше — выбраться невредимыми из этих мест, охваченных пожаром.

— А когда выберетесь, то вернетесь к своим, к Врангелю или Колчаку, или бог знает к кому еще, не так ли? — спросила она.

Наконец, мы кое-как договорились: пришлось обещать ей, что мы откажемся от наших кровавых дел и начнем новую мирную жизнь.

Не к такой участи мы стремились — будь на то наша воля! — ибо не подобаёт волку пастись вместе с овцами, а орлу — клевать ячменное зерно, но нам не оставалось иного выхода: зубы у нас были обломаны, и отныне пищей нашей должно было стать не сырое мясо, а кипяченое молоко.

Не буду растягивать мой рассказ: этот день был для нас началом бесконечных скитаний, хождения по мукам. Мы все трое стали похожи на нищих. Кожа у нас потрескалась, от грязи привязалась чесотка, мы исхудали, иссохли и напоминали привидения.

Сначала судьба загнала нас в астраханские пустынные степи. Калмыки и ногайцы помогали нам. Потом оказалось, что путь назад отрезан, и мы очутились в киргизских степях. Мы ехали то на лошадях, то на верблюдах, а чаще всего плелись пешком, проклиная день своего рождения. Все, что нам удавалось достать, мы отдавали Маради, но эта малость не могла ей помочь: она совсем истаяла и выглядела еще хуже, чем тогда, когда мы ее впервые встретили. Рослая, плотная девушка стала легкой, как перышко, так что я и Сехния без особенного труда по очереди несли ее — и все шли, шли, вернее, ползли вперед. Но самое печальное было то, что наша — или моя — суженая почти утратила дар речи. «Да... Нет... Хорошо... Хочу... Не надо...» — кроме этих коротких слов от нее ничего нельзя было услышать.

Но однажды, выбрав удобное время, она заговорила.

— Караман! — сказала она мне. — Поклянись, что скажешь правду. Кого ты больше любишь — меня или Сехнию?

— Маради, — ответил я, — ты запретила мне говорить о любви.

— О братской любви я не запрещала говорить.

— Ну, так скажу. Брата моего Сехнию я люблю больше, чем мою сестру Маради. Но зато я люблю тебя совсем по-иному, и так сильно, что отдам за тебя хоть целый свет.

— А если бы слить всеедино ту и другую любовь?

— Если бы слить это всеедино, тогда... — я спрятал лицо у нее в руках.

Она тотчас же вырвала руки и сказала:

— погоди, сначала ответь мне... Если то, что ты говоришь — правда, отвечай... В тот раз, когда перед тобой встал по-настоящему выбор... Там, на Волге... Ты помнишь? Почему ты тогда... Почему ты бросил меня?

И она заплакала, как малое дитя.

Я скорее дал бы отсечь себе правую руку, нежели сказал бы ей правду. Я осыпал ее ласками и после долгих клятв и уверений с трудом убедил бедняжку, что выпустил ее в тот день на одну лишь минуту, спеша поймать и подтянуть плывущее дерево. Понемногу я настолько смягчил ее и расположил к себе, что она почти не оказала мне сопротивления. Я совсем обезумел от страсти, а Маради словно умирала в моих объятиях: глаза у нее остекленели, лицо побелело, она почти лишилась чувств. Но я на этот раз не испугался, как было однажды, так как догадывался, знал, что и эта бледность, и этот полуобморок были признаком чрезмерной страстности. Мы лежали в зарослях кустарника, у самого края, и я вовремя заметил вдали направлявшегося к нам Сехнию.

— Маради, приди в себя! Сехния идет.

Глаза у Маради были широко открыты, но она не сразу уразумела смысл моих слов. Потом, кажется, поняла, в чем дело, поправила на себе платье, но не смогла ни встать на ноги, ни даже сесть. Сехния глядел на нас с изумлением. С этого дня он догадался, что весы решительно склонились в мою сторону. А я, в свою очередь, понял: это он внушал Маради, что я отказался от нее, пожертвовал ею тогда, на Волге, это он отравил ее душу сомнением.

Предательство лучшего друга наполнило мою душу горечью, отравило мне блаженство разделенной любви. В другое время такое коварство заставило бы меня взорваться, как бомбу, но тут, в этих обстоятельствах, я счел за лучшее скрыть свои чувства и не подал виду, что разгадал Сехнию. Притворство было для меня пыткой, но ничего другого не оставалось: я должен был или убить друга-изменника, или молчать. Третье — разговор в открытую — было исключено. Мы были в опасности, смерть кружила над нами, и я поневоле думал: раз Сехния решился на такую низость, он ни перед чем не остановится.

Недаром твердила мне Маради:

— Боюсь этого человека, боюсь!

— Почему?

— Не знаю. И все-таки боюсь!

Я всегда считал себя зверем, да так оно и было, но, оказывается, змея во стократ опаснее любого самого свирепого зверя.

Джикураули отмахнулся, словно отстраняя какое-то видение или пытаясь разогнать мглу, застилавшую ему глаза, и снова набил свою костяную трубку. Пока он молча затягивался и выпускал клубы дыма, я присмотрелся к трубке и постепенно, с некоторым трудом различил очертания женской головки. Резьба была мелкая, тонкая — похоже на японское изделие. Кость потемнела от никотина и приняла странный оттенок, зеленовато-желтый, напоминающий цвет спелого желудя.

Караман молчал на этот раз довольно долго. Потом заговорил снова.

— Я убедил Маради для виду не делать между мной и Сехнией никакого различия, и мы пустились в дальнейший путь.

Маради давно отказалась от женского платья и оделась по-мужски — так ей было удобнее и ходить, и ездить верхом.

Мы были изнурены, измотаны этой бесконечной дорогой, но, услышав ее «команду», сразу оживлялись, усталость снимало как рукой, мы чувствовали прилив свежих сил и бросались к Маради, как голодные звери, почуявшие добычу. Тот, кто первым успевал подставить ей спину, чувствовал себя победителем и, подхватив всадницу, пускался вперед рысью или галопом, а побежденный плелся сзади, полный зависти и уныния.

Но недешево доставалась любому из нас эта победа! Шеп наши, и без того обожженные палящим солнцем, горели как в огне, кровь, отравленная усталостью, внезапно вскипев, потом еще ленивее текла по жилам. Минутное возбуждение только обессиливало нас — а мы нетерпеливо, словно малые ребята, мечтали об этих минутах, и жало зависти то и дело вонзалось нам в сердце.

— Довольно! — говорила Маради и соскакивала на землю. Картина сразу менялась: изнемогший от вождения и от натуги «конь» тащился позади, едва передвигая ноги, а «обиженный» и Маради весело и легко шагали бок о бок, посмеиваясь над плетущейся в хвосте «клячей». Роль такой «клячи» выпадала попеременно то мне, то Сехнии.

Нелегко оказалось нам выбраться из красного водоворота. Днем мы прятались, а ночами брели дальше, преодолевая нескончаемое расстояние черепашьям шагом, — ползком да тайком, то попрошайничая, то воруя, а то и грабя, если, бывало, подвернется случай. Несколько раз мы все же попались, но с помощью фальшивых документов, искусной лжи, а порой и пустив в ход кулаки, уходили невредимыми. Мы избежали тысячи опасностей, обошли стороной множество ловушек и добрались кое-как до края этой проклятой пустыни: вышши к Аральскому морю, потом спустились вдоль берега Каспия, и в конце концов, изможденные, оборванные, очутились в Баку.

За короткий человеческий век выдается не очень-то много приятных минут; но вот после такого долгого, мучительного бродяжничества внезапно переменить жизнь — смыть с себя грязь, постричься и побриться, надеть свежее белье и новое платье, есть досыта и валяться на мягкой постели, глядя в потолок, — это поистине счастье.

И вот нам улыбнулось счастье — мы прилично оделись, отъелись, отдышались и снова приняли человеческий вид.

Маради отправилась в Россию разыскивать отца и сама там затерялась. Красные появились уже в Дагестане и издали принялись к Баку. Белые рассеялись. Мы с Сехнией перебрались в Тбилиси и пролаждались там без дела, дожидаясь возвращения Маради. Это свое напряженное ожидание мы скрывали друг от друга, но прекрасно знали, что оба живем одной мыслью, одной надеждой, идем по одной и той же тропинке, которая настолько сузилась, что двоим на ней стало уже тесно и кто-то из нас должен неизбежно пропустить другого вперед, чтобы не свалиться в пропасть.

Пока мы скитались по пустыне, я скрывал от Сехнии, что мы с Маради пришли к согласию и что он должен сойти с моей дороги. Позднее, в Баку и в Тбилиси... позднее я тоже ничего ему не сказал. Почему? Из каких соображений? Не знаю, так и не понимаю до сих пор. Из малодушия? Но я никогда не был малодушным. Не решался нанести рану своему названному брату? Возможно, что и так. Но какой был толк откладывать неизбежное? Ничего я этим не выигрывал — а только играл с опасностью. Эх, Джиккураули, отвык ты рубить с одного удара, оттого, видно, и пропал ни за грош.

Вскоре красный шквал докатился до Баку. Грузия была на очереди. Я уже говорил, что мы вовремя успели перебраться из Баку в Тбилиси. Но меня тянуло опять туда, на север, в Россию... Там была Маради, и там...там хранилось все мое достоинство, добытое грабежом.

Я был хищником, грабил направо и влево, что добывал, бросал, не считая, на ветер. Но кое-что, однако, осталось, и я укрыл свое богатство в надежном месте в Ростове. Маради получила от меня соответствующие указания — вернувшись, она должна была привезти все с собой. Но я боялся непредвиденных случайностей и решил поехать сам.

— Сехния! — объявил я однажды, — я собираюсь ехать в Россию.

— Я тоже, — отозвался он.

— Ты-то зачем?

— Просто так, с тобой.

Ну да, просто так — он, конечно, боялся, как бы я не разыскал Маради.

— Хорошо, поедем, — согласился я. — Только что толку ездить вместе? Ведь порознь мы быстрее разыщем Маради.

Таким образом, я как бы предоставил судьбе решить наш спор, на самом же деле играл наперняка: за день до того я получил от Маради письмо, в котором она сообщила, что такого-то числа будет в Ростове, останется там неделю и, закончив все дела, выедет в Тбилиси.

— А если красные нас опознают? — спросил я Сехнию.

— Что ж... тогда мы пропали.

Мы договорились, что Сехния отправится на поиски Маради в центральные области России, а мне предоставит юг. Игра была выиграна: мне оставалось только встретиться с Маради, тайком от Сехнии возвратиться с нею в Тбилиси и здесь обвенчаться. Но, подумав еще немного, я отказался от своего намерения.

Я уже говорил вам, что был отчаянным сорвиголовкой. Вечно я бросал вызов судьбе, раз сто в своей жизни лицом к лицу сталкивался с нею и каждый раз заставлял ее отступить, но с тех пор, как я влюбился в Маради, и в особенности после того, как была сломлена белая армия, мои взаимоотношения с судьбой стали иными. Однажды она прошла совсем близко, едва не задев меня, глянула искоса и усмехнулась. Со временем она осмелела, обнаглела. Я сперва пошел кое в чем на уступки, потом стал остерегаться, разок показал ей спину и под конец не выдержал, ударился в бегство. А судьба-мстительница неустанно гналась за мной по пятам. Я замер, притаился, — а она трубила в свой рог, воинственным кличем вызывала меня на бой. Кончилось тем, что она смирила меня, обессилила, заставила пасть духом.

Что-то во мне оборвалось, и тревожно заняло сердце.

В сознание мое закралась мысль, что мне не суждено умереть своей смертью. Эта мысль неотвязно преследовала меня, превратилась в уверенность.

Тем временем Маради вернулась и привезла с собой мою «казну». На востоке, у самой границы Грузии был уже натянут красный лук; стрела лежала на тетиве, готовая со свистом полететь в цель. Путь в Европу был открыт, деньги лежали у меня в кармане, любимая женщина была со мной, а рок-мститель кружил над моей головой, да и к тому же у меня развилась настоящая мания преследования, и ноги сами гросились бежать, бежать что есть духу, но...

Вот это самое «но» и есть рок, предопределение. Тысячу раз я спрашивал самого себя и сейчас спрашиваю вас: почему я не уехал? Почему не покинул эти места? Ведь все подсказывало, что надо искать спасение в бегстве, гнало в сторону Батуми, в Европу, прочь из Грузии. Но... Так вот, ответьте мне: кто привязал меня к месту? Что сковало меня? Кто отнял у меня волю? Вы молчите. Не можете найти ответ. Ну, так я сам объясню.

Вас никогда не мучил во сне такой вот кошмар: страшная опасность угрожает вам — то ли вас хотят зарезать, то ли свирепый зверь собирается вас сожрать. Вы охвачены ужасом, вы хотите бежать, но не можете: ноги не подчиняются вам, вы беспомощно ими перебираете и остаетесь все на том же месте. Вот уже убийца здесь, он схватил вас, занес свой клинок, а вы... Тут вы непременно проснетесь.

То, что случилось со мной наяву, и было, собственно, таким страшным сном.

Видите — я сейчас бодрствую и смотрю на все трезвым взглядом. но... отрезвление наступило слишком поздно. Долго я стремился прочь, долго убегал из Грузии, — но, оказывается, я только перебирал ногами на одном месте. А между тем рок настигал меня, он был уже рядом. Наконец, он вцепился когтями мне в загривок и... я проснулся.

Дорога, как говорят, становится видна, лишь когда арба перевернется. И теперь вам, должно быть, ясно, что произошло: разум приказывал мне спастись бегством, а рок-мститель не пускал, впился в меня незримыми когтями. Связывал, сковывал, отрезал пути к спасению, всячески обманывал — и вот связал-таки, завладел мной. Что ж, и теперь не поверите, сударь мой, в судьбу и ее уловки, во власть рока? Что же это, как не судьба? Судьба-врагиня, рок-мститель, рок неотвратимый и неодолимый...

На какое-то время я все же отрезвел — разорвал невидимые оковы, собрал всю свою волю.

«Похоже, что я сошел с ума», — подумал я и забился, затрепыхался, как зарезанный петух, — поздно... Я мог и на самом деле считать себя почти уже зарезанным. Все пути были преграждены, все двери заперты. Воля моя вновь сникла, разум мой вновь отупел, и рок-мститель опять сковал меня. «Чему быть, того не миновать!» — подумал я и слепо отдался течению.

То, чему суждено было случиться, не миновало. И пришло очень скоро.

Маради торопила меня с венчанием, потому что почувствовала себя беременной. И еще в одном она призналась мне: Сехния усилил свой натиск и не давал ей покоя. В тот же день, сразу после разговора с Маради, я сказал ему:

— Сехния, будь моим шафером.

Он уставился на меня испуганным взглядом и сначала не мог говорить ни слова. Страшился узнать правду, лишиться последней надежды. Потом невнятно пробормотал:

— На ком ты женишься?

— Наверное, догадываешься. На Маради. — И я повернулся к нему спиной.

Мы долго молчали. Я внезапно обернулся и сказал резко:

— Так-то ты радуешься счастью твоего названного брата, Сехния?

Мои слова не сразу дошли до него. Потом он медленно поднял голову и с кривой улыбкой подал мне обе руки.

— Поздравляю... Поздравляю! — проговорил он — так приговоренный мог бы поздравлять палача, только что приготовившего для него петлю.

Сехния стал молчаливо шагать по комнате и вдруг, не попрощавшись, выскочил за дверь. После этого он казался больным и до самой свадьбы не показывался нам на глаза.

Четыре свидетеля — двое мужчин и две женщины — присутствовали при нашем венчании. Они были и шаферами нашими, и друзьями, и гостями, а также заменили нам родичей. Так как я скрывался, то накануне уступил свою квартиру одному из шаферов, одинокому холостяку, а сам перебрался в его комнаты.

За свадебный ужин мы сели вшестером. Маради была неузнаваема. Она много пила, смеялась детски-счастливым смехом, шалила, шутила и веселила нас всех.

Один только Сехния, угрюмый, насупленный, беспокойно ерзал, то и дело тяжело вздыхал и лишь время от времени улыбался — явно через силу. Мысли его витали где-то далеко, он не слышал, что ему говорили, а если заговаривал сам, то невпопад. Но, несмотря на эту глухоту и рассеянность, чувства его были обострены, ощерены до предела. Я понимал, я догадывался, что вино имеет для него вкус отравы, что его песня — рычание свирепого пса и что, когда он смеется, злоба и ревность душат его.

Я мысленно говорил себе: «Ничего, пройдет, со временем он забудет, излечится от своей страсти». Но его угрюмость в конце концов передавалась и мне, пасмурный вид его омрачил мое настроение и сковал мне язык. Что-то неопределенное язвило сердце и мешало мне чувствовать себя счастливым.

Наконец, Сехния, сославшись на головную боль, стал раньше времени прощаться. Стоя уже на пороге, он не удержался, обернулся ко мне с напряженной улыбкой и проговорил хрипло:

— Счастливый ты... Ну, дай тебе бог, если...

Он не закончил, махнул рукой и с грохотом сбежал по лестнице. Вслед за ним ушли и другие. Маради пошла в спальню. Это была наша первая брачная ночь. Да, первая, несмотря на то, что Маради была уже беременна, так как только с этого дня она стала безраздельно моей, открыто принадлежала мне, и с краденой, тайной любовью было покончено навсегда.

До сих пор нас было трое, а теперь мы остались вдвоем. Сехния не стоял больше между нами. Я был счастлив, но ничем не омраченной радости не бывает. Прежде я был не женат, но имел друга, брата, а теперь женился на той, кого любил, но друга потерял... Да, потерял или должен был потерять в скором времени.

Я погасил лампу и собирался пройти в спальню, но вдруг почувствовал странную дурноту. Озноб охватил меня всего, сердце бешено заколотилось, закружилась голова. Я опустился на стул, прижав руку к груди. Темную комнату внезапно заволокла какая-то белесая мгла, среди этой смутной белизны показались очертания темной фигуры. Тень сначала была неподвижна, потом переместилась, остановилась в дверях и словно поманила меня рукой.

Мной овладело смятение, кровь застыла в жилах, меня бросало то в жар, то в холод. А тень колебалась в дверном проеме и как бы делала знаки, звала меня: «Пойдем! Ступай за мной!» Томительная тревога, чувство надвигающейся опасности охватили меня. Мелькнула мысль: пойдю-ка, проведу эту ночь где-нибудь в другом месте. Я уже хотел зажечь снова лампу, рассказать обо всем Маради, надеть шапку и уйти, но в эту самую минуту Маради сама позвала меня из спальни:

— Караман!

— Иду.

Видение рассеялось. Мне стало стыдно, я пришел в себя. «Срам! Позор!» — возмутилась во мне гордость. «Ну, конечно! — подумал я. — Молодая жена ждет любовных ласк, а муж удирает со всех ног, потому что испугался каких-то призраков!» Крови у меня было в избытке, и я решил, что все это мне померещилось оттого, что кровь прилила к голове. Такие кошмары, только менее явственные, бывали у меня и раньше. Я посмеялся над собой, вошел в спальню, скинул с себя одежду.

— Маради, где ты?

— Здесь, — услышался в темноте шепот моей жены.

Я добрался до ее постели, сжал в объятиях мою Маради, но...

Но тут, в эту минуту, в это самое мгновение небо обрушилось на мою голову, земля разверзлась у меня под ногами. Именно в эту минуту настиг меня рок-мститель на своей медленной арбе и вонзил ледяные когти мне в загривок... Захлопнул у меня перед носом двери первой беспечной радости...

Внизу, у входа раздался громкий, властный стук. И мне почудилось, что я уже лежу в могиле и на крышку моего гроба сыплется с грохотом земля.

Я сразу догадался, что за гости к нам пожаловали.

Вскочив с постели, я крикнул:

— Кто там?

— Открывайте, не то высадим дверь!

И внизу снова забарабанили кулаками, а потом так грохнули в дверь, что весь дом заходил ходуном.

— Иду!

Я бросился к столу, выдвинул ящик, в который недавно положил свой наган.

Ящик был пуст.

-- Где револьвер? Куда он делся? Маради!..

— Сехния с ним возилась, — сказала она.

Но разыскивать оружие не было времени. Я схватил одежду под мышку и обнял свою жену, которая дрожала всем телом.

— Прощай!.. Прощай!..

Вывавшись из объятий Маради, я распахнул окно и вскочил на подоконник. Комнаты наши были на втором этаже. Я спрыгнул во двор, упруго присел, сразу же распрямился...

Но тут холодное дуло револьвера коснулось моего виска, а другое — уперлось мне в грудь.

Бесполезно было барахтаться и сопротивляться. Рок-мститель взял верх и сделал свое дело... Остальное завершится сегодня.

5

Мы смолкли. Гнетущая тишина воцарилась в камере. Слышалось лишь посапывание трубки, да мышь возилась в углу, в подполье.

Джикураули сидел, согнувшись, на своей койке и пускал клубы дыма, уставившись на огонек своей трубки.

Наконец, я не выдержал затянувшегося молчания и спросил:

— Как же все-таки попали на ваш след?

Собеседник мой даже не пошевелился — немного погодя он ответил шепотом, как бы обращаясь к своей трубке:

— Есть, оказывается, и у сердца зоркий глаз и чуткое ухо. Сначала я смутно догадывался, потом подозрение стало превращаться в глубокую уверенность, а теперь я знаю наверняка: это он... черная душа... когда его ухищрения оказались напрасными... — Джикураули оборвал и умолк.

Это было нестерпимо. Я не мог спокойно лежать и сел рывком на койке.

— Как, Сехния? Немыслимо... — выговорил я через силу.

— Да, и я повторял то же самое, — сказал он, казалось, продолжая разговаривать со своей трубкой. — Выходил из себя, твердил: невозможно! Невероятно! Да дело в том, что... Помните: душа человеческая... это такая пропасть, что и самым зорким глазом до дна не достанешь...

Я вскочил на ноги и возмущенно воскликнул:

— Вот змеиное отродье!.. Неблагодарное чудовище, скорпион!..

— Успокойтесь, друг! — еще глуше произнес Джикураули. — Что

вам сделали дурного змеи и скорпионы, зачем их так оскорблять? Успокойтесь и запомните урок.

Но своей невозмутимостью он только потлил масла в огонь.

— Запомнить урок? Иными словами я должен поверить, что скорее можно понадеяться на змею, нежели на человека?

Он ничего не ответил и даже не взглянул на меня.

— Именно это вы хотите внушить мне? — повторил я.

Он по-прежнему молчал. Не получив ответа, я добавил с горячностью:

— Да, я извлек урок из вашего рассказа, сударь мой, и запомню его, но урок иного рода: всяк сам в своей беде виноват.

На этот раз он поднял на меня глаза. Потом встал и положил руку мне на плечо.

— Да. Верно. Именно так. Я сам во всем виноват, я один, и больше никто. Природа дала мне сердце зверя, но не одарила меня его чутьем, и рок-мститель нашел мое слабое место.

— А он? Где он сейчас? — прервал я обреченного.

— Кто, Сехния Лачишвили?

— Ну да, Лачишвили или как там его.

— Разбе я вам не сказал?

— Ничего не говорили.

— Вы же его видели.

— Что?! Так это был он?

— Ну да, ваш сосед, что выскочил отсюда, увидев меня, — это он и был.

— Поразительно!.. Как же он очутился здесь?

— Да, видите ли... Он ведь был соучастником всех этих дел... Донося на меня, он рассчитывал остаться безнаказанным. Однако замысел его провалился. Он вырыл мне яму, но и сам в нее угодил.

— Подделом ему, негодяю!

— Не спешите с выводами... В жизни случается столько неожиданного... Как знать — быть может, ему удастся спастись и... и занять мое место около Маради...

— Но это невозможно! — вскричал я.

— Невозможного на свете ничего нет, уверяю вас. Рассказанное мной тоже представлялось мне невозможным, но, как видите, все же осуществилось... стало явью...

— Значит, страхи Маради были не напрасны, — пробормотал я.

— Я вспоминал о них тысячу раз — но что толку? Мне не хватало чутья, — а вот Маради в этом смысле всегда меня изумляла. Бывает, что разум ломится в запертую дверь, тщетно стараясь ее высадить, а тайный инстинкт, словно удачно подобранный ключ, скользнет в скважину и мгновенно отопрет замок...

Джикураули умолк, опять уставился в какую-то точку под самым потолком и оцепенел. Долго сидел он, не двигаясь и не говоря ни слова. Потом встал, прошелся взад-вперед, снова остановился и заговорил тихим голосом, как бы обращаясь к самому себе:

— Сегодня ночью Маради станет вдовой... С завтрашнего дня она наденет траур и будет горевать обо мне... А потом время все сотрет и сравняет своим ужасным напильником. Маради выплечет свое горе и... — голос Карамана понизился до шепота, — и найдет себе другого... Да, найдет, — и дай бог ей счастья! Пусть пошлет ей кого-нибудь получше меня, но только не **его**, только бы не **он** занял мое место, не **то**... — он повернулся лицом ко мне, поднял голову, распрямился и сразу стал выше, поднял вверх руку и проговорил с глубокой убеж-

денностью, почти воскликнул: — А впрочем... Велик господь, в которого я не верил до сих пор, и справедлив его суд. А если господа богачи, то ведь рок-мститель существует, неоспорим и непреложен его приговор... И если он явил свое могущество, настигнув меня, то не забудет и Сехнию и воздаст ему по заслугам... Непременно воздаст! С этой верой ухожу я из жизни — быть может, не очень христианская эта вера, но зато — человеческая...

Джикураули остановился у окошка и долго всматривался в клочок неба, видневшийся сквозь решетку. Потом снова заговорил про себя:

— Завтра утром воробьи поднимут обычный гомон... Зашебечет ласточка, сооружая гнездо... окроканский крестьянин продаст свое мацони и вернется к себе домой, в свою деревушку... Часовые, что сейчас стерегут нас, устанут шагать взад-вперед здесь под окнами и, вернувшись домой, тут же с утра завалятся спать. Скоро дети побегут в школу, а днем, в обед, шумной гурьбой повалят к дому... Солнце взойдет, как взошло вчера, и закатится под вечер там, где положено... Даже эта муха... что сидит вон там, на окошке... она проснется с рассветом и будет летать весь день на свободе, а к ночи снова заснет... Ничто на свете не изменится, все будет идти привычным путем, так, как всегда... И только Караман Джикураули... исчезнет... Был — и больше не будет его...

Он снова умолк. И снова настала тишина, которую нарушали только частое его дыхание — словно он был в жару — да мышьяная возня в углу под койкой.

Вдруг где-то прокричал петух. Первому петуху подтянул второй, вслед за ним отозвались и другие издали. Не прошло и минуты, как к пению петухов примешался какой-то глухой, рокошующий звук.

Джикураули вздрогнул, насторожился, прислушиваясь... Он весь подобрался и как бы ощерился. Я смотрел на него, и мне вдруг представился зверь, хищник, замерший в напряженной неподвижности под дулом наведенного на него ружья.

Гудение и рокот быстро приближались. Автомобиль остановился, по-видимому, за воротами. Мотор продолжал пыхтеть и урчать.

— Приехали... пора, — сказал Джикураули и повернулся ко мне. — Вон, слышите? Грядет правосудие.

— Успокойтесь! — возразил я, чтобы сказать что-то, — успокойтесь... Машины подъезжают сюда раз по двадцать на день.

— Знаю... Все знаю лучше, чем вы. Сказано: человек рождается с плачем, но должен умереть смеясь. Я не смеюсь, потому что смеяться в такую минуту было бы притворством... Но и плакать не стану... Чему быть, того не миновать. Я и не жалею... Ведь я сеял смерть без счета... А пожинаю только одну. Соберусь с силами и приму без робости последний удар судьбы... На войне, как на войне! Что ж, я воевал... воевал свирепо, как зверь, — и потерпел поражение. Постараюсь умереть, как подобает человеку. Что себя жалеть?.. Рано или поздно каждый должен получить воздаяние, вот и все.

Он прошелся по камере, свесив голову на грудь, и повторил про себя:

— Вот и все!

Потом, помолчав, сказал еще раз:

— Вот и все...

Он остановился, вытащил из-за голенища огрызок карандаша и нацарапал на стене над койкой, где лежал вчера Сехния Лачишвили.

несколько строк. Потом замер на месте и внезапно перекрестился. Он хотел было повторить крестное знамение, опять поднял руку — но так и застыл с пальцами, прижатыми ко лбу. Несколько мгновений он стоял, словно окаменев, наконец, опустил руку, повернулся ко мне и выговорил, едва шевеля дрожащими, побелевшими губами:

— Нет, не могу... Недостоин... За всю свою жизнь я ни разу не молился истово и с верой в душе. А сейчас... Сейчас, когда мне пришлось туго... В последние мои минуты... Нет, не настолько я малодушен... Этого я себе не позволяю... И его не потревожу... Если я заслуживаю прощения — пусть простит, а если нет... Да будет воля твоя, господи! Я умолкаю, а он, всевышний...

Тут со двора донесся какой-то шум. Джиккураули оборвал на полуслове и обратился ко мне:

— Брат! Я не знаю тебя, но... Кто бы ты ни был, исполни мою последнюю просьбу: если выйдешь отсюда, разыщи Маради и скажи, что последняя мысль Карамана была о ней, что лицо ее было у него перед глазами до последнего вздоха. Скажи ей слово утешения, поддержи ее, будь ей защитой... Бог тебе воздаст за это. Если она не знает о предательстве Сехнии — расскажи как было дело, предостереги ее, чтобы... Впрочем... Нет, нет, это невозможно!.. Ему отсюда не выйти. Так же, как и мне, — и по божеской, и по человеческой справедливости... Ах, да, передай ей вот это... на память, — он сунул мне в руку свою костяную трубку. — Скажи, что Караман сам корпел над этой штукой... Ну вот, я готов.

В коридоре послышался топот сапог. Шаги стихли перед нашей камерой. Лязгнул железный засов, закрипела в петлях окованная дверь.

— Караман Джиккураули...

Караман выступил вперед.

— Я.

— Ваш возраст?

— Сегодня исполнилось тридцать лет.

— Происхождение?

— Дворянин.

— Выходите!

— Иду.

Да, солнце в то утро встало, как обычно. Воробьи и ласточки защебетали, подняли гомон. Продавец мацони разбудил своим криком всю улицу. И вправду в мире не чувствовалось никакого ущерба.

Я прибрал в камере, выпил чаю и лишь тогда вспомнил о надписи над противоположной койкой. Я подошел к стене и прочитал:

«От рока не уйдешь. Несколько лет преследовал он меня по пятам. Я летал, как вихрь, а он тащился за мной на арбе. И все же настиг меня. Я испытал самое худшее — измену друга, которого пять раз спасал от смерти. Сехния! Здесь ты ушел от меня, но там... Берегись! Караман Джиккураули».

В тот же день меня перевели в другую камеру. А через две недели вернули в прежнюю. Расположившись на своем месте, я подошел к стене посмотреть надпись, оставленную Джиккураули. Я снова прочел ее и заметил чуть ниже другую:

«И меня настиг рок-мститель. Вот Маради и не досталась мне. Как все это вышло — сам не могу понять. Не молюсь о прощении, я недостоин его. Надеюсь, там ничего нет... Не дай бог! Если меня введут в рай и я встречу тебя там, Караман, то сойду в ад. Идут... Пора, Сехния».

Нацарапаны были эти строки неразборчивыми каракулями, совсем не похожими на твердый мужской почерк.

В камере со мной сидел еще один заключенный. Я спросил:

— Кажется, вчера отсюда увели кого-то?

— Да, взяли одного.

— Как он держался, когда пришли за ним?

— Силой выволакивали. Упирался.

Вскоре после того мое дело благополучно завершилось. Клеветники получили по заслугам, а я был оправдан и вышел на свободу.

Не до чужих мне было бед — я тогда еле справлялся со своим собственным горем — и все же потратил немало времени, разыскивая Маради. Найти ее, однако, не удалось, и я забыл обо всем этом деле. Мог ли я подумать, что гордая красавица, которая однажды привлекла мое внимание, а потом не соблаговолила принять от меня оброненный ею платок, и была женой моего товарища по тюремной камере?

Раза два потом я встречал ее на улице. Она была в глубоком трауре, и по лицу ее было видно, что у нее большое горе. «Любопытно, по ком она носит траур? Не овдовела ли?» — подумал я тогда.

А сейчас я сидел в ее комнате и знал о ней все до мельчайших подробностей.

Вспомнился мне рассказ Карамана, и жизнь этой молодой женщины вереницей ярких образов прошла перед моими глазами. Беззаботная юность, а вслед за нею гибель всех родных, одного за другим. Нужда, голод, скитания по чужим краям. Потом встреча с этими двумя... С двумя свирепыми хищниками... Мечты о суженом, любовь, снова скитания, замужество, безвременное, сразу же после венца, вдовство, рождение ребенка и — что уж умалчивать — улица, торговля своим телом... скомканые десятирублевки...

Вспомнил я и мысленную свою угрозу: «Это вам так не сойдет, сударыня, никто еще не оскорблял безнаказанно Гиви Шадури. Может, еще встретимся — тогда пожалеете о своей заносчивости».

Да, обида, причиненная мне, и в самом деле не прошла ей даром. Вот мы и встретились, и о тогдашнем высокомерии, вернее, о проявленной ею сдержанности, естественной у любящей женщины, я мог заставить ее пожалеть. Что ж, напомнить ей? Заставить ее плакать? Чего уж легче! Довести ее до слез?.. Вот эту женщину?

Я сидел молча и пока что сам готов был заплакать. А она, вдова, Маради, вернувшаяся тем временем в комнату, неслышно подошла и смотрела на меня с удивлением.

— Батоно Гиви! Отчего у вас так сразу переменялось настроение? До того, как мы пришли сюда, вы были очень веселы.

— Маради, сударыня, — ответил я, — в этом мире так много неожиданного и непонятного...

— Например?

— Ну хотя бы вот это... До того, как мы пришли сюда, вы тоже были веселы и обещали, хоть и без слов, подарить мне огромную радость. А потом... Но лучше не надо об этом, Маради.

Она ничего не ответила, опустила голову и погрузилась в пучину стыда... или воспоминаний.

А я сидел рядом и спрашивал себя: как мне выполнить последнее поручение Джикураули? Все ей рассказать? Растравить ее раны? Опять-таки увидеть ее в слезах? Зачем? Какой в этом смысл?

Мне вспомнилось: полчаса тому назад эта женщина лежала рядом со мной, покорная и безучастная, как подушка. А по словам Джикураули, страсти в ней было с избытком. «Так вот ты какова, Маради! —

подумал я. — Но ты всегда будешь в проигрыше. Кто вкусит твоих ласк на этой постели, второй раз сюда не придет. Зато эта твоя холодность — доказательство верности. Ты будешь бесчувственна и равнодушна до тех пор, пока не исполнится предсказанное твоим Караманом: «Маради овдовеет, наденет траур. Потом время все сотрет своим ужасным напильником. Маради выплачет свое горе и найдет себе другого. Что ж, дай бог... И пусть ей достанется кто-нибудь получше меня».

Наконец, я нарушил молчание.

— Маради, у вас есть ребенок?

Она вскинула на меня взгляд, словно очнувшись от забытья, и спросила изумленно и даже с испугом:

— Откуда вы знаете?

— Я спрашиваю просто так.

— Нет... Ребенка у меня нет.

Я прошелся по комнате, вытряхнул пепел из трубки, сел рядом с молодой женщиной и взял ее за руку.

— Знаете, Маради, я сейчас только вспомнил, когда и по какому поводу я слышал о вас. У меня даже есть к вам поручение.

— В самом деле? Какое?

— Есть у меня один друг-приятель. В прошлом году он вышел из тюрьмы и разыскивал вас, но не сумел найти. Ему нужно было передать вам кое-что. Потом он уехал из Тбилиси и поручение передоверил мне.

Она сразу оживилась, глаза у нее заблестели.

— Что... Что он вам передал? Скорей говорите!

— Ничего особенного... Вот эту трубку.

Она выхватила у меня костяной чубук и стала внимательно его рассматривать. Потом прошептала:

— Женская головка...

— Это вы, Маради. Вот, смотрите сюда.

Она с трудом разобрала крохотные, выцарапанные на кости буквы: «Маради, Караман». И вцепилась дрожащей рукой мне в локоть.

— Кто вам это дал?.. Где он?.. Что еще ему велели передать?

— Этот человек сейчас за границей, Маради. Да и на что он вам? Я обо всем его расспросил. Товарищ по заключению поручил ему разыскать одну женщину — вас, Маради, — и отдать ей эту трубку, вырезанную им собственноручно.

— И больше ничего?

— Больше ничего. — Немного помолчав, я добавил: — Впрочем, совсем вылетело из головы. Этот заключенный сказал моему другу: «Передайте Маради мое последнее желание. Я был недостоин ее, пусть она поскорее меня забудет и выйдет снова замуж». Это все. Я тоже никак не мог вас найти, потому и опоздал выполнить поручение.

Она склонилась головой на руки и застыла. Я встал, выгреб из кармана все деньги, какие у меня были с собой, и положил их под тарелку. Потом откинул назад голову Маради, по-братски поцеловал ее в лоб и пошел к выходу.

— Всего тебе хорошего, милая Маради.

— Чай... — простонала она.

— Спасибо, милая... Не надо.

— Приходите... Еще приходите... Поговорить...

— Приду, Маради, непременно приду.

Я зашел к ней очень скоро — через два дня — и привел с собой одного из лучших моих друзей.

— Слушай, Ростом, — сказал я ему накануне. — Когда ты, наконец, устроишь свою жизнь? Скоро уже стариться начнешь, что ж ты не женишься? Неужели не можешь найти никого по душе?

— Как тебе сказать, — отвечал он. — Не знаю, не было случая... Да и недосуг все, а ведь ты прав, пожалуй, так и состарюсь бобылем.

— Давай-ка, доверься мне. Плохого не посоветую.

И я дал ему совет... Рассказал о Маради, расписал ее, приукрасил так, что мой друг заранее был очарован ею. Одно только я скрыл от него: что бедняжка Маради в последнее время несколько... нетвердо стояла на ногах. Я был уверен, что с Ростомом она скоро станет прежней Маради и забудет недавние свои злоключения. Оттого я и решился на такой шаг... В заключение я сказал Ростому о ее тайне:

— По-моему, у нее есть ребенок, совсем маленький — ему, должно быть, несколько месяцев или год с небольшим. Это тебя не пугает?

Ростом задумался на мгновение, а потом сказал:

— Что ж, нынче это не ставят в укор. А если взглянуть на дело с иной стороны... Может быть, так даже лучше. Если это мальчик — скорее вырастет, опорой будет. Ты невесту мне покажи, а ребенок не имеет значения.

На другой день я познакомил их.

Я привел Ростом к Маради, посидел часок и удалился, оставив их вдвоем.

Не прошло и месяца, как я пировал на их свадьбе. И попиrowал на славу — воды не хватило, чтобы привести меня в чувство.

Ребенок, о котором Маради не захотела мне сказать, в самом деле оказался мальчиком. А Ростом за пять лет народил еще пятерых детей — мальчиков и девочек. Маради оправдала мои надежды: она так твердо стоит на ногах, что никакая сила не заставит ее даже слегка пошатнуться.

О ее прошлом мы ни разу не заговаривали.

Посеял я единожды, а пожинаю плоды вот уже сколько лет. Не реже чем два в месяц Ростом находит меня, где бы я ни был, и говорит:

— Пойдем, Гиви, закусим, чем бог послал.

Я сначала отказываюсь, но в конце концов неизменно даю себя уговорить. Маради встречает меня с распростертыми объятиями:

— Гиви пришел!.. Гиви, садитесь!.. Гиви, кушайте!.. Пожалуйста, Гиви!.. Еще стаканчик! Прилягте! Отдохните!

А любимцем детей я стал уже давно: Ростом закупит подарков для детей и отдаст их мне. Вот я и одеваю их гостинцами.

На другой день я чувствую, что неплохо бы опохмелиться, роюсь в своих карманах и нахожу там деньги — столько, что хватает дня на три. Избаловали меня, а я и привык — не знаю, отделаюсь ли когда-нибудь от этой привычки.

Рассказ мой подошел к концу, друзья. Начало было печальное, но конец — счастливый. И поверьте, это во много раз лучше, нежели начать смехом, а кончить слезами.

Прощайте, герои-Амирани! Кто знает, когда-то мы еще встретимся — в последнее время я все реже и реже вижу вас. Тем хуже для меня — вчерашний день мне казался лучше сегодняшнего, а сегодняшний я предпочитаю завтрашнему.

Итак,

Саламат, богатыри-Гарданкешаны!

1928 г.

ПЕСНЯ ЮНОШИ-МЕСХА

За полночь шагнуло время.
Срок законный отблстав,
Над бессонницей твоею
Осыпается звезда.
Нерасцветшая улыбка
Заблудилась возле губ.
Гор таинственные глыбы
Сон долины стерегут.
Натянув туман на плечи,
До восхода спит заря.
На воинственном наречье
Водопады говорят.
Сквозь бессонницы прозренья,
Может быть, увидишь ты
Полный ход Куры весенней
И летучие плоты.
Я запомнил мост висячий,
Гомон птичьих верениц,
Свет фиалковый, светящий
Сквозь дожди твоих ресниц.
Разве был напиток горек
Тот, что пили мы вдвоем?
Разве думал я, что вскоре
Сердце мне солжет твое?..
Ты смеялась, и с Аспиндзы
Свет срывался, трепеща...

У любви свои капризы,
Но не нам ли завещал
Несравненный Руставели:
«Возвышает нас любовь...»
Или нет в тебе доверья
К эликсиру этих слов?..
Для кого твой смех прольется?
Скуку чьих развеет дней
Созревающий под солнцем
Колосок весны твоей?
Неразумный, я мечтаю:
Посетишь, быть может, ты
Землю Тмогви — горы, дали,
Родины моей сады.
Ты увидишь пастбищ горных
Дерзновенный разворот,
Опаляющую взоры,
Мглу орлиную высот.
И блуждая ослепленно,
Посмотри, любовь моя,
Как бушует свет зеленый
Над безумством соловья..
За полночь шагнуло время.
Срок законный отблстав,
Над бессонницей твоею
Осыпается звезда.

ЧЕРНАЯ СКАЛА

Закачались туманы над бездной,
Словно чудищ кочующих туши.
Под скалою, нависшей отвесно,
Вьется тихая песня пастушья.
Над свирелью скала нависает,
Ворон черный над песнею вьется,—
В ней о вороне черном поется,
Чье-то горе в слезах истекает.
«С кручи черной
Черный ворон
Грузно падает за пищей, —
Сытый падалью тлетворной,
Корма чистого не ищет...»
Но сегодня сорвал я завесу,
Вспоминая былые обиды,
Вспомнил горькую горную песню,
И себя в тех горах я увидел.
Пастушонок—моховец безродный,
Песни боль мне досталась в наследство,
Но, как горы, обрушились годы,
И с тоскою теперь мне не спеться.
Я хочу, чтоб стихов моих ветер
Оживил помертвевшие мысли,

Чтобы пепел тоски и безверья
Эти песни румяные смыли..
Не робей, не грусти, пастушонок!
Пусть грохочут и стонут обвалы..
Возле ног твоих слышится шорох:
Это бурей весенней сорвало
Терем вражий — гнездовые обиды.
Посмотри, ворон сам в груди перьев
Здесь упал с головою пробитой,—
Видно, кончилось чье-то терпенье.
Стой, скала, неизменно и гордо!
Тень твоя пастухов не пугает.
Переполнено песнями горло..
Я стою на скале.

За Арагвой

На рассвете туманною синью
Насыщаются пасти оврагов.
Стадо льется на выпас в низины..
Я стою. Я лечу над Арагвой.
А внизу, на Грузинской дороге,
Метят прах пропыленные шины.
Я — один, но от грусти далеко..
Так не грустен орел одинокий
На краю одинокой вершины.

Литературная богема старого Тбилиси

...Некогда правил в Турции султан Мурад. Слыл он в народе правителем справедливым, благочестивым, по всему мусульманскому миру шла молва о нем. И захотел султан Мурад укрепить свою славу — выстроить мечеть до самого неба всему свету на удивление.

Лучших турецких мастеров согнал он в город Брусу⁵⁶, взялись они за работу, не год не два мечеть строили, но конца ей все не было видно. И повелел Мурад узнать, почему так медленно строится мечеть, не мешает ли кто мастерам. Приехали гонцы его в Брусу, сошли с коней, видят: расселись люди на земле, задрали головы кверху и покатываются от хохота. Наверху, на строительных лесах каменщики Карагез и Ходживата, переодетые дервишами, пляшут, поют, рассказывают смешные истории. Народ веселится, позабыл он о своей работе. Гонцы султана и на другой и на третий день пришли, и опять два каменщика смешили мастеровых. Доложили об этом повелителю правоверных. Он разгневался и приказал казнить Карагеза и Ходживата. Отрубили головы веселым каменщикам, только после их казни мечеть еще медленнее строилась, потому что грустно стало на душе у народа. И померкла слава султана Мурада.

Видя это, султан и сам опечалился. Тени безвинно убиенных являлись ему по ночам, упрекали в жестокой несправедливости. Тогда призвал султан к себе шейха, прося избавить от страшных видений, смущающих душу и разум.

— Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, — отвечал мудрый шейх, — я помогу тебе, я излечу тебя от напасти.

Он выкроил из верблюжьей кожи фигурки двух каменщиков, привязал к их рукам и ногам шелковые нитки, спрятался за занавес и потянул за нитки. Потянет вниз — поднимется у фигурки рука, отпустит — опустится; и задвигались фигурки, заговорили, и были они, как живые Карагез и Ходживата, — ведь шейх говорил их голосами и рассказывал истории, услышанные от них.

Развеселился Мурад, сошла печаль с его лица, но вдруг шейх замолчал и вышел из-за занавеса.

— О, повелитель, — молвил он, кланяясь, — мы все, подобно теням, промелькнем и исчезнем, стоит ли тебе печалиться, зная об этом. Пусть отныне тени двух каменщиков веселят твое сердце.

Так, по преданию, родился театр теней, прозванный театром Карагеза. Из султанского дворца вышел он на площадь, весь Восток обошел и к нам пожаловал, в тбилисскую кавахану, поселился в ней надолго. Еще и сегодня вы можете посмотреть его спектакли. Конечно, и театр Карагеза, как все в этом мире, изменил со временем свое лицо. У веселых каменщиков появились товарищи, сотворенные по образу и подо-

---

Продолжение. Начало в №№ 4, 5, 6, 7, 8.

Подготовка текста, перевод и примечания Нодара Тархнишвили. Перевод стихов Владимира Леоновича.

бню их, светские пьесы вытеснили сцены из Корана, обновилась и форма спектаклей. Я посетил один из них.

В затемненном узком зале от стены к стене протянуто белое полотно. Расплывчатые тени застыли на нем. Зал гудит. Зрители нетерпеливо ерзают на стульях, перешептываются, стараясь угадать в едва уловимых контурах пятен на полотне героев будущего представления. Наконец, тени начинают шевелиться, становятся резче, отчетливей, конкретной. Откуда-то из глубины зала доносится голос. Это заговорил, хозяин театра, по существу, единственный «всамделишный» актер. Зал, затаив дыхание, слушает рассказ о похождениях картонных человечков, следит за их движениями, прислушивается к их беседе, вместе с ними смеется, пугается, грустит, спорит. Пьеса, помнится мне, рассказывала о приключениях моллы, портного и плотника. Жили они каждый своей жизнью, пока не встретились, а встретившись — подружились и отправились путешествовать. Шли они вдоль рек, через горы, через леса, повидали много разных стран и городов. Как-то, удирая от разбойников, они заночевали в лесу, условившись по очереди сторожить друг друга. Первым сторожить выпало плотнику, и, чтобы скоротать время, он смастерил из дерева фигурку девушки. Портной в свой черед сшил ей платье, а молла своими молитвами оживил ее. Ну, а где женщина — там и раздоры. Заспорили три приятеля — кому из них по праву принадлежит молодая девушка.

Вопрос этот был обращен к... зрителям.

Театр теней, их было несколько в Тбилиси, под конец превратился в обыкновенный сатирический театр. В нем высмеивали все и всех, общественное и личное, богатство и бедность, родовитых и безродных, слабых и сильных. Хозяин театра — его называли Карагезом по имени героя легенды — приводил в движение картонные или кожаные фигурки, говорил за своих героев — мужчин, женщин, стариков, детей. Имитатор он был великий, играл на всех восточных музыкальных инструментах, пел. Сочиненные им пьесы настолько интересовали людей, что иной раз они несколько дней подряд ходили в кавахану, становясь непосредственными участниками представления, как это случилось во время спектакля, о котором я рассказывал.

Не правда ли, читатель, было где обрести пищу уму и сердцу? Впрочем, ты пока ничего не знаешь о библиотеке старого города. Рассказ о ней, обещаю, — последний в моем затянувшемся вступлении к поэме о поэтах Тбилиси.

Ты должен знать, милый читатель, что мир грузинских книг велик, древен и разнообразен; их биография удивительна. В коротких тревожных перерывах между войнами создавались шедевры нашей словесности: «Арчилиани», «Вардбулбулиани», «Кацвия-пастух», «Давришиани», «Мудрость вымысла», «Караманиани», «Бараманиани», «Мирианиани», «Гулиджаниани». От отца к сыну, из поколения в поколение переходили драгоценные рукописи; похвалялись своей библиотекой цари и вельможи, купцы и ремесленники, платили переписчикам огромные деньги, лишь бы иметь под рукой рукопись «Вепхисткаосани», «Тамариани», «Калважиани»... И не одни ученые мужи зачитывались книгой — неграмотные ремесленники приглашали на дом чтецов, и вся семья, усевшись в кружок, затаив дыхание, слушала рассказы о похождениях сказочных героев. А чтецы, исхудалые юноши, и сами зачарованные волшебным сказом, не фразу — каждое слово распевали, и, бог весть, сколько

неграмотных мастеров благодаря им потянулось к грамоте, скольких завлекли они в мучительный, но сладкий мир творчества⁵⁷. Дорога́ была книга сердцу народному. И стояла она дорого. Недаром в списках приданого первым делом упоминали рукописи.

В семидесятых годах прошлого столетия книга подешевела. Появились первые издатели, первые массовые издания. Под одной только редакцией скромного и беззаветного служителя культуры нашей Петр Умикашвили с 1875 по 1877 год вышли в свет «Бежаниани», «Калважиани», «Алексиани», «Вардбулбулиани». О коротких рассказах и сборниках стихотворений и говорить нечего, десятками тысяч экземпляров расходились они в народе, выдерживали по четыре, пять изданий. Правда, большинство их не отвечало высоким требованиям искусства слова, иные издатели перевирали содержание книг, приписывали к чужим произведениям строки собственного сочинения, но ведь то был первый весенний поток, и неважно, что воды его были мутными: муть оседает, и вода начинает играть родниковой голубизной.

Книжный базар тучнел. Наш друг карачохели спешно занялся новым промыслом. Помню Эсагова, — он и сейчас, впрочем, жив, — встречал я его на улице непременно с корзиной в руках. «Я сказки торгую», — важно говорил он знакомым и семенял на своих кривых ногах к Майдану, на рынок. Сказками была наполнена его корзина, и самой волшебной среди них была книга о Карамане.

Огромная, в двести пятьдесят страниц рукопись «Караманиани» в старину хранилась в грузинских семьях наряду с «Вепхисткаосани». Поразительная меткость, образность, пластичность языка «Караманиани» околдовывали, его метафоры уносили на крыльях фантазии в иные миры: «В тех краях проживали жестокие дэви⁵⁸, там не ступала нога человека, только дикие ветры гуляли, и воинство каджей⁵⁹ справляло свои шабаши. Но вошел герой Караман в царство зла.

— Эгей, Караман! — словно гром загремел, крикнул дэви. — Не за смертью ли сюда пожаловал, или ушла смерть из твоей страны, тебя испугавшись?!

Нахмурился могучий витязь. Левой рукой ухватил он себя за правый бок, правой рукой — за левый, себя самого заключил в железные объятия и закричал, призывая полки свои, и от крика его души тех, кто стоял вблизи, покинули тела их. Лошади, слоны и единороги, толстыми цепями привязанные к столбам, заметались, разорвали цепи и побежали, и задрожала земля, заходила под ногами. Воины в страхе великом попадали на землю и лежали, не смея поднять головы.

И стоял Караман над ними.

И был он росту девяносто девять сажень ровно. И обхватил он скалу, греграждавшую путь храбрым полкам его, и держал над головой три дня и три ночи, пока не прошли под нею все храбрые полки его, все воины до последнего...»

Книгой «неожиданностей и изумлений» назвал бы я «Караманиани», может быть, потому так самозабвенно любили ее тбилисцы, великие охотники до всего неожиданного:

«...Скала злости выросла в душе персидского шаха, ожесточилось сердце его, призвал он свое войско. И когда собрались полки его, тесно стало на земле от их множества, закрыли они солнце от глаз людских, и ночь наступила среди бела дня...» Проведал индийский царь, что персы идут на него войной, выступил навстречу врагу.

В долине, окруженной высокими горами, остановились войска. Расступились ряды их, давая дорогу избранным богатырям, и походи-

ли богатыри на чудесное сияние, словно излила его, разверзшись, земля, и сомкнулась вновь. Стали богатыри индийские против богатырей персидских, обнажили мечи булатные. Завязался кровавый бой. Головы молодецкие падали на землю, как яблоки с дерева. Настала ночь, и укутала она заботливо мертвых героев.

Наутро вновь расступились ряды полков, и вышли на поле брани другие воины. Было их всех числом двадцать четыре: по двенадцать витязей с каждой стороны, и одолели в жестоком бою персы индусов.

Уже и клич победный готов был вырваться у победителей, когда вернулся в долину на белом коне молодой индийский витязь. Взмахнул он плетью — шестерых персов положил на месте; взмахнул другой раз — не осталось ни одного. И, увидев это, прискакал Караман на своем шестиногом коне, и схватились два воина, и двинулись полки силе и красоте героев. Целый день длилась жестокая схватка. Сумерки сползли с гор, раздались голоса труб, возвещающих о мире, ибо таков был обычай войны — ночью запрещалось убивать, но два героя, одержимые жаждой борьбы, тайно покинули шатры свои и вдали от людей у подножия высоких гор продолжили поединок.

Переломались мечи и копья, палицы разлетелись в щепы, доспехи, как простыни, разодрались.

И собрал Караман последние силы, поднял своего врага и бросил его оземь. Шлем упал с головы индийского воина, рассыпались локоны его по черной земле, словно лучи солнца.

...Пораженный, разглядывал воина Караман — он узнал в отважном индийце Саври-Хураман, дочь царя индийцев. Поднял он ее на руки, привел в чувство и отнес в стан врагов своих...

Как же, дорогой читатель, не изумиться? И пусть тебя не удивит, что страсти по «Караманиани» в ту пору, о которой рассказ, были великие. Волшебную повесть сравнивали с бредом, бессвязной мечтой, бессмыслицей. Противопоставляли ей духовную литературу, наши философские трактаты. На мой взгляд, однако, подобное отношение к произведению, которое своим рыцарским содержанием и истинно человеческими отношениями будило возвышенные чувства в людях, погрязших в мелочах неприглядного быта, более чем несправедливо.

Можно ли не любить «Русуданиани» с его яркими красками, живостью описания, добротой чувств:

«...Увидел царевич оленя. Рога у оленя золотистые, копыта черные, грудь белая, спина красная. Поднял царевич лук, натянул тетиву звонкую, послал стрелу свою меткую. Упал олень. Слеза повисла на его длинных ресницах, подозвал он царевича, вздохнул тяжко и говорит: «Зря убил ты меня, царевич, я пришел за тобой, хотел отвести тебя в яхонтовый город к осиротевшей царевне. Но не печалься, подожди, пока дух мой вознесется на вершины гор, и вырежь мою левую лопатку, она дорогу тебе укажет. Только не води с собой войска, не твори зла, невинных не убивай, не то не видать тебе ни яхонтового города, ни царевны».

Тонким, легким юмором окрашены любовные сцены в «Похождениях Асли и Кярима»:

«...Пел влюбленный Кярим и украдкой расстегивал платье на своей возлюбленной, и она, зачарованная его пением, готова была отдаться во

власть сновидений, томительно сладких, но лишь умолкал Кярим, застегивались пуговицы на платье Асли, ибо были они волшебные...»

Замечательна по своей образности, красочности легенда о Кор-Оглы. Коня знаменитого татарского разбойника описал бы каждый тбилисец:

«Взгляни, хан, какие ноздри у моего коня, раздувает он их, они пламенем пышут, ноги его, как у джейрана, словно стрелы, готовые к полету, губы у него чуткие, как у молодого верблюда, спина у него гибкая, как у зайца, хвост, словно шелк, переливается всеми цветами, змеей извивается, шея по красоте не уступает павлиньей, голова у него ладная и правильная, глаза на спелые яблоки похожи, зубы, словно алмаз. Играет он с ветром, резвится, словно ребенок, копытами бьет о землю. Хозяин знает цену ему. А ты отцу моему из-за него выжег глаза раскаленным железом. Меня зовут Кор-Оглы — сын ослепленного, я и мой конь, жестокий и мерзкий хан, свободны во веки веков. Лови нас, лови!»

На гиперболах и сравнениях построено сказание о Караб-Оглы: «Сказали Караб-Оглы дэви: «Восковым топором разруби железный чурбан». Опечалился Караб-Оглы, вошел он к своей невестке, жалуясь на свою судьбу. Сказала ему невестка: «Не печалься, я срежу свои волосы, дам их тебе, ты же заверни в них незаметно для дэви восковой топор и разрубишь железный чурбан на части». Караб-Оглы так и сделал. Удивились дэви и говорят: «Возьми эту чашу, полную воды, и подними ее на дерево, да так, чтобы ни капельки не разлилось». Отвечал Караб-Оглы: «Хорошо, я выполню это, только хочу я прежде подумать». И вошел Караб-Оглы к невестке. Выслушала она его и говорит: «Не печалься!» Она сняла с пальца перстень и протянула его Караб-Оглы со словами: «Брось перстень в чашу с водой, и не прольется из нее ни капли...»

Иным ветром веет от «Швидвезириани». В нем мудрость эпохи Возрождения.

Женщина—рассказывает одна из новелл «Швидвезириани»—безумно любила своего мужа, и муж души в ней не чаял. Увы, несчастье подстерегает и невинные, созданные для любви существа. Несчастье в семье возлюбленных супругов ждало своего часа, и он пробил. Муж, играя ножом, случайно оцарапал руку жены. Он увидел кровь на ее белых пальцах и заболел от огорчения. Жена ходила за ним, утешала, как могла, но муж не мог простить себе неосторожности, причинившей боль любимому существу. Он лежал в постели и горевал и под конец умер от горя. Безутешная вдова не захотела жить в доме, где все напоминало ей о былых безоблачных днях. После похорон она осталась жить у могилы в заброшенной лачуге. Случилось так, что в день похорон возле кладбища, по заведенному обычаю, повесили разбойника, обезображенного пытками, и приставили к виселице солдата, чтобы родные не похитили казненного и не предали его преступные останки святой земле. Ночью сделалась метель, и солдат окоченел от холода. Он почти замерз и готовился перейти в лучший мир, как нежданно-негаданно заметил поблизости одинокий огонек. Он побрел на огонек и очутился

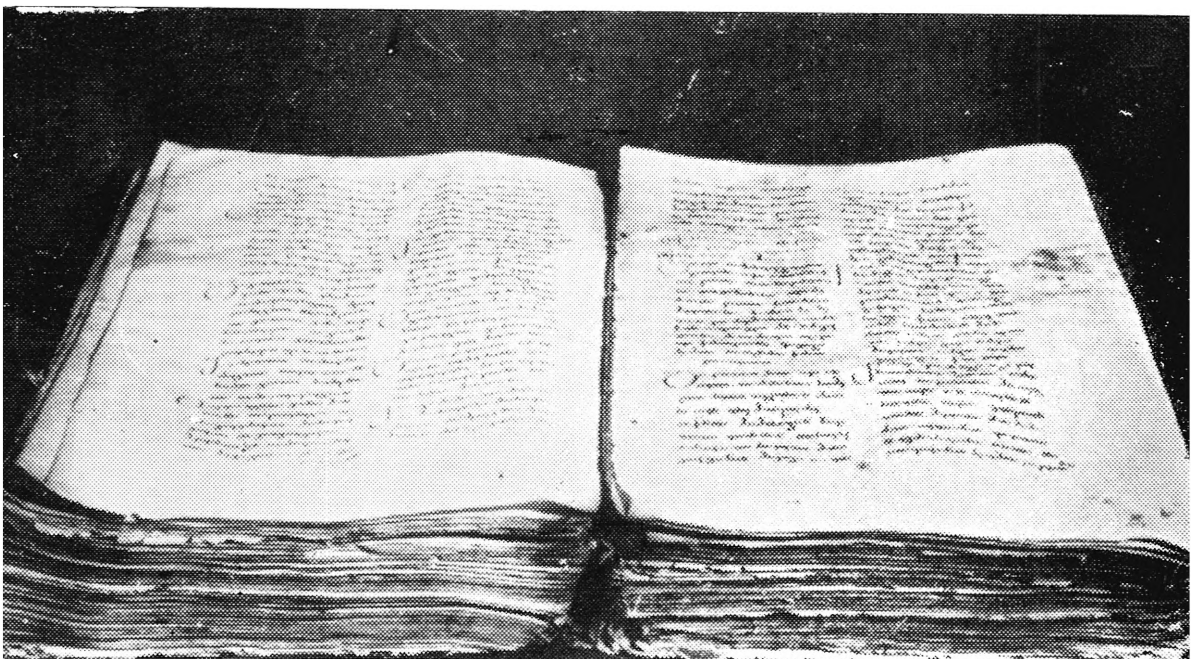
Иосиф Гришашвили

Георгий Скандарова

Давид Гивишвили

Рукопись X века,

Фоторепродукции Д. Самхарадзе

перед лачугой вдовы. Скорбящая вдова не хотела пускать к себе мужчину, но после долгих просьб сжалась над ним и открыла дверь. Солдат отогрелся, поблагодарил за приют и вернулся к виселице. Он вернулся на свой сторожевой пост и к великому ужасу увидел, что разбойника успели похитить. Утром вместо казненного вздернули бы на виселицу его самого. Не зная, как помочь делу, он решил спросить совета у вдовы. Вдова задумалась и сказала: «Обещай стать моим мужем, и я спасу тебя от смерти».

А надо сказать, эта вдова была недурна собой и понравилась солдату, и потому он с большим, чем при каком-либо другом случае, удовольствием принял ее предложение. Увидев, что радость его неподдельна и он сдержит слово, женщина сказала: «Раскопай могилу моего мужа и повесь его труп вместо разбойника».

Солдат поспешно раскопал свежую могилу, вытащил труп и с помощью женщины отнес его к виселице. Но тут он вспомнил, что у разбойника все зубы были выбиты, и сказал об этом вдове. Женщина выслушала его и, не смущаясь, говорит: «Чего же ты смотришь, возьми камень и выбей зубы у этого трупа». Стражник, однако, не двинулся с места. Он считал, что и без того надругался над покойником. Тогда вдова взяла камень и собственноручно выбила зубы своему мертвому мужу, недавно столь ею любимому. Стражник по-прежнему разглядывал труп. Он теперь вспомнил, что у обезображенного пытками преступника была отрезана крайняя плоть. Он и об этом сообщил вдове. «Я помогу тебе и в этом», — сказала вдова и во мгновение ока отрубила саблей стражника крайнюю плоть мертвого мужа, после чего он был вздернут на виселицу. Когда же вдова потребовала от солдата выполнить обещанное, он выхватил из ножен свою саблю и прогнал женщину прочь со словами: «Ты надругалась над мертвецом, коварная, какой же милости ждать от тебя живому».

Тбилисцы любили пересказать прочитанное, а порой и сочинить сказку. Рассказывали мне **сказку про комара**:

Собрались насекомые и гады земные и спрашивают друг у друга: чья кровь слаще на вкус. Одни говорят — вкуснее всего кровь собачья, другие говорят — телячья кровь вкуснее всего, третьи овечью кровь хвалят. Спорили они, спорили и решили послать комара, чтобы он испробовал кровь всех земных тварей. Перекусал комар весь белый свет. Показалось ему, что кровь человека самая сладкая из всех. Возвращается комар обратно, спешит своим братьям сообщить новость. Узнала ласточка, куда и почему комар летал, и проглотила его. Поделом вору и мука.

Рассказывали **про молодую невестку**:

Месила молодая невестка тесто на пироги. Мнет его руками, скалывает и опять разминает, думает: «Ну и жизнь у меня — сиди да работай. Неприглядна я стала, огрубели мои руки белые, растрепались волосы: шелковые». Бросила молодая месить тесто, вымыла руки, взяла гребенку и зеркало. Стоит она, смотрится в зеркало, расчесывает волосы. Застала ее свекровь. Испугалась невестка — съежилась, устыдилась, побагровела, и превратилась она в птицу удод и выпорхнула из окна. Только ее и видели...

Черты тбилисского быта, тбилисских нравов — в этих сказках, так же как и в притче Саба Сулхана Орбелиани, которую мне пересказывал знакомый карачохели:

Жил-был человек. Он очень любил золото и скопил много золотых монет. Собрал он свои монеты и, чтобы не растратить их, захоронил в лесу и каждый вечер ходил любоваться своим кладом. Заметил это его сосед, ночью тайком пробрался в лес, выкопал золото и, положив вместо него камень, ушел. На другой день хозяин клада, как обычно, пришел полюбоваться монетками и увидел, что их похитили.

Закричал он, заплакал горько, стал рвать на себе волосы; услышал плач его человек, укравший золото, подошел и спрашивает:

— Ты почему плачешь, милый человек?

— Горе мне,— отвечал скупердый,— я спрятал золотые монеты, чтобы не потратить их, а кто-то украл золото и положил камень вместо него.

— Стоит ли печалиться, — весело сказал укравший золото скупцу, — ведь все равно ты не собирався тратить монеты, какая же разница, что будет у тебя спрятано — золото или камень?

Какую притчу еще рассказать, какую новеллу пересказать, из какой книги? Из «Алексиани»? «Қалважиани»? «Барамиани»?..

Но довольно. Скажу только — нелишне, братья мои литераторы, хотя бы иногда заглядывать в волшебные грузинские книги.

Окончен и рассказ о старинной библиотеке, неиссякаемом источнике мудрости и вдохновения. И если простой люд черпал из него сказки, тревожащие душу, манящие в неизведанные дали, в стихах городских поэтов он жадно вылавливал мысли о подлинной жизни, вычитывал свои мысли, так сказать, разглядывал со стороны самого себя. С подношением фруктов в знак вечного благоденствия сравнивали в пародии песни Гивишвили, Скандарнова, Иэтима-Гурджи, Азира, Ганджискарели, Бечара... Канули в Лету их имена. Но талант, некогда явившийся в мир, рано или поздно предстает перед людьми во всем своем величии. Он, как самородок, таится во глубине земли, пока природа не размочит почву, не обнажит его. Хотя, бывает, он навеки остается сокрытым от мира, и не раз счастливый исследователь напал на золотую жилу, возвращал народу поколения спустя похороненное, незаслуженно забытое, славное имя его сына.

Я не из тех счастливых-исследователей. Я не раздаю фирманов «гордости народной». Я лишь хочу снять пелену забвения с имен людей, чье творчество дарило народу свет Знания. Не рукописи, достояние царей и вельмож, не учителя — народные поэты просвещали его. Тбилисцы и не просили ничьей помощи, ничьих «просветительских» советов не слушали, они сами тянулись к грамоте, сами составляли свои буквари. И явились из среды их поэты. Они писали «шутки ради, ради веселья, ради своего удовольствия и веселья своих друзей». Словом, как говорил Шекспир: «Они шутили и шутя отравляли друг друга». Стихи тбилисских поэтов иной раз называли отравой, но эта «отрава» для тбилисца была вкуснее шербета и всех земных благ. Народ с нетерпением ждал новых стихов, их распевали по всему городу, а когда люди впервые увидели напечатанными свои любимые стихи, возникло в них страстное желание научиться читать. Так, сами того не ведая, выполняли поэты города высокую миссию просветителей. Не случайно некоторые стихотворные сборники открывались грузинским алфавитом.

Разве одного этого мало, чтобы низко поклониться тбилисским поэтам!

Говорят, как-то Флоберу пришло на ум устроить банкет в честь писателей, замалчиваемых критикой. Вот и я решил накрыть свой пиршественный стол. Я пригласил поэтов старого города, усадил их по нашему обычаю — не по заслугам их, не по значению — по старшинству.

Георгий Скандарнова и Давид Гивишвили

Когда умирает знаменитость, все говорят о его смерти. Георгий Скандарнова был знаменитый поэт. Наш славный журнал «Мнатоби» назвал его творчество зеркалом и мерой духовной жизни народа⁶⁰. Скандарнова оставил после себя тридцать поэтических сборников, заголовки которых суть следующие:

«Народный праздник и различные новые песни»;

«Жизнь разжиревшего человека. Кутеж пьяниц в Ортачальском саду»;

«Саранча и человекосаранча»;

«Ответ телавцу Мцкерадзе»;

«Зеркало для флирта и другие новые песни и стихи»;

«Зурнач. Стихи, песни, сатира из жизни нашего народа»;

«Джиги-джиги, Вахе-вахе и другие песни, вы можете услышать их в грамофонной записи»;

«Маленькая народная муза, сцены, куплеты и недавно пришедшее в голову стихотворение о двоюродном брате»;

«История трех хлебов, народная сказка-легенда и два народных предания о ненасытности некоторых священников»;

«Невыдуманнные рассказы о страшной войне, трех союзниках, Австро-Венгрии и Сербии-Черногории, а также Турции»;

«Шутливый волынщик (мествирэ), любопытные стихи о телавской козе и сигнахском осле, а также избранные стихи для флирта. Погибший пароход «Титаник», песни, загадки»;

«Песенник веселого застолья»;

«Несчастливый город, жизнь и приключения спекулянтов»;

«Знамя единства, новое правительство или Воскрешение трудового народа»;

«История лото в грузинском клубе»;

«Песенник увеселительного стола или ортачальский букет — подношение к столу в знак пожелания благоденствия; интересные для чтения новые стихи, остроумные сатирические куплеты о старых и новых семьях (выходит вторым изданием)»;

«Открытие Дарданелл и свободное обращение судов союзников»;

«Певница. Различные любовные стихи, песни, сатирические куплеты, загадки»;

«Аллаверды — яхшиолды, застольная песня, и другие развлекательные стихи для пения(!) на мотивы известных русских песен «Суббота» и «В саду я розу посадила»;

«Ортачальский кутеж, хлеб закромов Соломона; истинное происшествие, бывшее в Тбилиси в 1870 году»;

«Любовная лира»;

«Покорение Трапезунда и поход на Багдад»;

«Шикаста и баяти кинто Сакула»;

«Мой музыкальный инструмент, стихи и сатира нового поколения»;

«Праздничный остряк, смешные и шутливые стихи, песни, куплеты, а также песня с повторными строками на манер телавских песен»;

«Научное толкование редких снов согласно пророчествам Соломона Мудрого и Ефрема Верды»;

«Странная история кассы для беременных и рожениц или благородный шантаж и афера. (Во втором издании к содержанию книги добавляется рассказ об удивительном сне Тер-Хиполоза и срочная телеграмма с того света от Мефистофеля Кетэване Рутиашвили)»;

«Забавные анекдоты моллы Наср-эд-Дина»;

«Ах, глаза, глаза!»;

«Увеселительный сазандари или прекрасная возможность убить время, различные старые и новые стихи на мотивы песен старых и новых поэтов».

Вот какие темы переливал в стихи наш поэт, и что удивительного, если за ними охотился весь город. Скандарнова был очень знаменитый поэт. Но он умер, и никто словом не обмолвился о его смерти, никто не знал, когда, как и куда понесли наспех сколоченный гроб..

10 апреля 1917 года в Тбилиси ничего особенного не происходило. Солнце светило всюду, хотя поэт говорил, что умрет в тот день, когда погаснет дневное светило. Солнце, вино и женщин он боготворил:

**Как луна бледнее солнца,
Жизнь беднее сновиденья,
Я б не жил на этом свете,
Если бы не песнопенья.**

**Славу мира и богатства
Песни я не удостою,
В бедной жизни вдохновенный
Только женской красотой.**

П Р И М Е Ч А Н И Я

⁵⁶ Б р у с а — город в Турции, один из так называемых «священных» городов мусульманского Востока.

⁵⁷ К чтецам, этой благородной касте тбилисцев, принадлежал и сам Иосиф Гришашвили. «После того, как владелец молочной лавки прогнал меня за страсти к книгам, — вспоминает поэт, — я перебивался тем, что читал мастерам волшебные сказки, впервые появившиеся в то время в печати». (И. Гришашвили, «Листики воспоминаний».)

⁵⁸ Д э в и — злой дух, сказочное существо.

⁵⁹ К а д ж и — нечистая сила.

⁶⁰ «Мнатоби», 1869 г., ноябрь-декабрь, стр. 5.

Окончание следует

НАД МОРЕМ

Парит над морем чудо-птица,
В него с рожденья влюблена.
То на волну она садится,
То кружит с песнею она.
Ах, как светла и синеока
Волна, влекущая вперед.
Давно утеряна дорога,
И берег больше не зовет.
Земля и небо позабыты,
И только море впереди,
И сети синие раскрыты,

От них всю жизнь ей не уйти.
Не убежать...
И в день осенний
Взлетит над птицею волна
И поглотит без сожалений...
Не обо мне ли сложена
Легенда эта? Сам не знаю.
О, волны синих женских глаз!
Как птица, в воздухе витаю —
И что мне завтра ждать от вас?!

В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Смеркается. Настала тишина.
Читатели, как мумии, застыли.
Но вдохновенье в зале — дотемна,
И сумерки его не загасили!

Анафеме безжалостно предам
Безмолвное тупое равнодушие.
Глазами провожу я по рядам
Любимых книг —
    без них темно и душно...

Приходит в Колофон служитель муз,
Слепец, старик, играющий на лире,
Рассеял он в родной Элладе тьму —
Просторней и прекрасней стало в мире.

Толстой и Данте, Гейне и Тагор,
Гиганты: Руставели, Авиценна...
Поднялся в Пшави* повелитель гор
И вровень встал с вершинами Вселенной.

Как будто бы во сне передо мной
Лорд Байрон с мудрым Гете за беседой.
Великий Пушкин смуглою рукой
Приветствует всех будущих поэтов.

Летит орел, и видятся вдали
Рембо, Флобер... На палубе их тени...
И пьяные несутся корабли,
И волны, что гигантские ступени.

Бог моря Посейдон, в тревоге ты:
На север смотрит Нансен;
    в ожиданье
Попутных ветров Амундсен. Мечты
Опять преодолеют расстоянья.

И вот уже Гагарина полет
Сквозь черный космос к звездам
Галилея.

А ветер за окошком тихо веет,
И дерево тбилиссское поет.

Сосредоточье мыслей, строк и слов,
И творчества, и горестей глубоких
На столиках в рядах больших томов
И малых книг —
    в них истины истоки.

Перевод Александра ГЛЕЗЕРА

---

* Имеется в виду Важа Пшавела.

„Предай огню!“

РАССКАЗ

(Между строк древних хроник)

Повествует летописец:

Прибыла в Начармагеве царица Тамар и с нею приближенные и сановники царства ее; и проводила она дни свои в трудах и заботах, радея о делах государства... Во время же оно подкрался к ней на беду нашу и погибель некий злой недуг, и становилось царице тяжче с каждым днем; она долго скрывала телесную свою скорбь, не желая тревожить никого. И лишь когда болезнь сломила ее и не было ей исцеления, объявила царица о своей хворобе...

Тишина и печаль воцарились в Начармагевском дворце, привычном к празднествам, торжествам и веселью. Приглушенные вздохи раздавались в покоях, по палатам бродили потрясенные слуги, хватались за голову, царапали себе щеки. У вечерен и всенощных зывали к небесам об избавлении. Тревожный звон разносился над горами и долами — перекликались колокольни храмов Алаверди и Сиони, Атэни и Светицховели, Гелати и Никорцминда. Скорбно гудела вся иверская земля от Дербента до Трапезунда и от Трапезунда до Никопсии.

Отовсюду стекался народ — «равно богатые и бедные, знатные и убогие». Устраивали крестные ходы и ночные бдения. Приносили с собой младенцев и молили бога за Тамар — «даруй жизнь ей одной, истреби всех нас со чадами нашими».

Врачеватели-франки и индийские лекари все еще надеялись победить недуг, и сама Тамар не отчаивалась. Но народ «семи царств грузинских» трепетал, охваченный зловещим предчувствием.

Дворец был безмолвен. Вазиры, мужи совета, слуги ходили на цыпочках, переговаривались таинственным шепотом или вовсе без слов, взглядами и знаками, как немые...

Слугам не разрешали даже вытряхивать ковры и занавеси...

В зале совета тайком смахивал слезу первый вазир Давид Чкондидели, бормоча: «Господи, помилуй нас, грешных». «Амины!» — отзывался начальник мандатуров Шалва Торэли, истово крестясь.

Атабаг Иванэ Мхаргрдзели угрюмо взирал на молящихся. Дивился амирспасалар: «Что с ними? Плачут... Упаси бог от несчастья...» Вернс, собирався сразиться с недугом полководец и в душе готовил сэйско к походу...

Главный казнохранитель Джакели и правитель дворца Варам Гагели стояли вдвоем у раскрытого окна и молча глядели в сад, пестревший майскими цветами.

Ничто не нарушало тоскливого молчания затанувшего дворца, кроме ропота ручьев в саду и журчанья фонтанов. Лишь поутру или в вечерний час на короткое время нарушалось безмолвие: яростным порывом

вом бури врывались в примолкшие покои лай гончих, лошадиный топот, громкие молодые голоса.

Это отправлялся на охоту или возвращался с нее царевич Георгий Лаша, соправитель матери своей, «царь над царями, властитель семи царств».

Заслышав гам, вазиры опускали головы и молча рассматривали мраморные узоры на полу, пряча глаза друг от друга. Лишь когда стихали твяканье борзых и ищеек, хриплый клекот соколов, лязг лошадиной сбруи и гомон охотников, поднимал взгляд амирспасалар Мхаргрдзели и осуждающе пожимал плечами.

Однажды полководец подошел к Вараму Гагели и сказал, понизив голос до шепота:

«Воистину, не признаю я царевича Лаша царем, если не отдаст от себя недостойных людей и не изменит своих обычаев».

Варам Гагели молча склонил голову в знак согласия.

Худые вести разносятся с быстротою ветра — через горы и моря, по городам и селениям, вдоль горных дорог и глухих тропинок.

Множество гостей стекалось отовсюду в Начармагеви — все стремились увидеть больную царицу.

Приехал с Черного моря кесарь Трапезундского царства. Ширваншах привез богатые дары. Шах-Армен приложился к руке царицы. Явились правители дурдзуков и многих других сопредельных народов. Прибыли послы из Византии, из Хорезма, из земли франков. В палатах католикоса расположился посланник римского папы.

Тамар все еще являлась в совет, направляла его труды — хотя ей уже стало трудно ходить, и часто, кусая губы, она скрывала подкравшуюсь боль. Лицо ее было по-прежнему прекрасно — «очи подобны морям, улыбка — солнцу среди ненастья; слова ее согревали лаской», — говорит современник. «Слепорожденный слепцом же ушел из мира, если не видел Тамар».

Все более жестоко страдала больная Тамар и стойко терпела свои страдания. Но к ночи боль становилась едва переносимой, и царице не хватало воздуха.

Индийский лекарь посоветовал устроить ей спальню на террасе, где воздух пронизывали запахи дворцового сада и веял ветерок, приносящий речную свежесть с Лиахви.

Тамар постлала мягкую постель из козьего пуха, с горами подушек в изголовье, чтобы она могла сидеть на ложе, прислонясь к ним, и с легчайшим одеялом, которое не тяготило бы ее изболевшегося тела. Дочь Тамар, Русудан самолично следила за хлопотами слуг. Царевна сама готовила матери порфиру и виссон для выходов и ночные рубашки перед сном. Со страстью предавалась этим хлопотам царевна Русудан — будущее волновало ее несказанно, будоражило воображение: когда-нибудь и ей предстояло стать царицей.

Вечерело. Тамар полулежала на обнесенной занавесями террасе — как всегда, с вязанием в руках; деньги, вырученные за рукоделье, цена личного ее труда, раздавались сырым и неимущим. И сегодня, как обычно, приказала Тамар впускать к ней беспрепятственно убогих и нуждающихся — всех, кто попросит.

Царица настолько ослабла, что впервые не смогла быть у обедни, и попросила отслужить вечерню в малой дворцовой церкви. Откинувшись на подушки, говорила она дочери:

— Чувствую, Русудан, «призывает меня к себе неумолимый судья».

Пономарь открыл окна маленького дворцового храма, и стройное пенье хора огласило окрестность.

Тамар глядела невидящим взглядом на лиловое вечернее небо, на серебристые верхушки тополей... Губы ее шевелились, и Русудан разобрала в еле внятном шепоте матери слова:

«Братья мои и сестры, дети мои... Сердце мое исполнено любви к вам...»

На мгновение умолкла Тамар, потом продолжала:

«Владыка небесный! В руки твои отдаю царство, над которым ты поставил меня, и народ, невинною кровию твоей искупленный, и детей, ниспосланных мне тобою, и, наконец, саму душу мою...»

И хор отозвался на молитву царицы гулким «Аминь».

Тамар утомленно откинулась на подушки. Хор умолк, служба окончилась. Царица вернулась к своему вязанью, ласково взглянула на притихшую рядом Русудан.

Живым подобием Тамар была шестнадцатилетняя царевна. Но характером своевольная и смелая Русудан не походила на мать. Тамар в ее годы была застенчивой и доверчиво послушной.

При виде дочери вспомнилась царице юность. Совсем другим казался и даже иначе благоухал тогда Начармагеви — этот сад, и эти поля, и даже дальние горы, и быстрая Лиахви... Перед глазами Тамар встали мать, ласковая царица Бурдухан, отец, царь Георгий, так любивший и баловавший дочь... И столь часто суровый и гневный даже во время празднеств! Не раз пугал Тамар этот внезапный гнев.

...И вспомнился Тамар тот день... день величия и славы... Или? Ей не было тогда еще десяти лет...

По воле царя Георгия III в тот день съехалось в Начармагеви множество гостей из всех «семи царств грузинских». Пред очами вазиров и вельмож, патриарха и епископов, спасаларов и спаспетов Георгий «помазал на царство» Тамар, «возложил на главу ее золотой венец» грузинской державы.

Дворец кишел гостями. Был пир великий и радостный, звенели трубы, пели флейты, рокотали лютни. Рыцари состязались в удали на ристалище, юноши играли в мяч, скоморохи увеселяли пирующих. Охотники травили оленей. Удивил весь совет своею щедростью Георгий.

Не ведала в ту пору Тамар превратностей мира, не подзревала, как безжалостна порой судьба. Откуда было знать ей, совсем еще юной, что все это торжество не просто в ее честь и что каждый из гостей таит в сердце свою собственную корысть?

В тот день впервые коснулся ее слуха ядовитый шепот: «Отец твой, Георгий Свирепый, предал страшной казни истинного наследника престола, двоюродного брата твоего, вместе со всеми его сторонниками и на мученической крови воздвиг твой трон».

Не сразу уразумела простодушная девочка ужасный смысл этих слов. Вечером, когда небо горело багрянцем заката, кормилица ее засветила три свечи перед образом богородицы.

С тех пор душа Тамар была отравлена слышанным. Годами из любви к отцу не решалась она расспрашивать приближенных, а когда все, наконец, открылось ей, она была уже единственной владычицей Иверии, царицей над царями, и не было больше смысла ворошить былое, тревожить память ушедших. Это могло лишь породить смуту в стране. Но Тамар возненавидела всеми силами души жестокость, казни, пытки, возлюбила мир и милосердие. «Я надежда сирот, опора униженных», — любила она повторять. Но призрак замученного родича не покидал ее,

она проводила ночи в молитве, и душа ее не знала безмятежного счастья...

День угасал. Перекликались стражи на башнях дворцовой ограды. Очнувшись от воспоминаний, Тамар взглянула вдаль, и невольный стон вырвался у нее из груди: закат и сегодня, как некогда, алел, как бы залитый кровью...

Русудан поспешила к матери:

— Болит, государыня?

— Не так сильно, дочь моя, лиахвский ветерок утоляет боль, — ответила Тамар спокойно. — Почитай мне из «Витязя в тигровой шкуре», Русудан. Стихи Руставели успокаивают душу.

Таков был обычай и у прадеда Тамар, великого Давида Строителя: тот тоже, устав сам от чтения, любил, чтобы ему читали вслух.

Слуги принесли зажженные свечи.

— Читай завещание Автандила — с того места, где мы прервали в последний раз, — «...Незлобный сердцем, вспомни, царь, и обо мне...» — прочла царица строчку наизусть.

Русудан начала своим молодым, звонким голосом:

Многочисленным богатством я владел тебе в угоду.
Ты раздай богатство бедным, возврати рабам свободу.
Надели сирот несчастных, возврати рабам свободу —
Пусть я буду и по смерти дорог нашему народу...

На террасе возникла колеблющаяся тень, простерлась на полу — как будто растянулась борзая... Тамар, увлеченная стихами, ничего не заметила. Голос Русудан зазвучал еще звонче. Тень всколыхнулась снова.

— Кто здесь? — спокойно спросила царица.

— Призрак из прошлого, великая государыня! — воззвала тень и преклонила колени возле ложа Тамар.

Русудан захлопнула книгу, поднялась с места.

Тамар возложила руку на голову прищельцу.

— Говори... Вижу, ты в нужде. Окажу помощь милостью божьей.

— Жизнь тягостна мне, царица!

— Это — от бога. Тут я бессильна.

— Знаю.

— А что тебе надобно от меня?

— Я пострадал, подчинившись чужой злой воле.

— Что ты разумеешь?

— Изменник я, государыня.

Тамар в изумлении приподнялась на ложе. Лишь сейчас впервые разглядела она посетителя. Это был дряхлый старик, не человек, а впрямь — тень человека.

Страж опочивальни приподнял угол завесы и застыл у входа. Быстрым шагом вошел Варам Гагели, окинул хмурым взором коленопреклоненного старика.

— Нищие злоупотребляют твоим милосердием, государыня, не дают покоя даже в столь поздний час! — он гневно посмотрел на безмолвного стража.

Старик поднял глаза.

— Твой вазир прав, царица. Нищий был гол — а когда прикрыл наготу свою, устыдился ее.

Варам Гагели взглядом приказал стражу увести пришельца. Страж двинулся к старику. Но Тамар подняла руку.

— Оставьте нас одних. Правитель дворца, проводи царевну.

Один за другим ушли Русудан, Варам Гагели и страж.

Остались на террасе книга, брошенная на кресле, безвестный нищий старик и царица, повелительница семи царств Иверийских Тамар!

— Встань! — приказала она.

Тень, кряхтя, поднялась с каменных плит. Тамар всматривалась в старца. Не нищий, а скорее отшельник был перед нею, гонимый, истощенный постом, умерщвлением плоти и странствиями, а быть может, проходимец, лукавый и двоедушный, как знать — всяких людей встречала Тамар на своем веку, верных и неверных, преданных и коварных...

Странник был одет в запыленные лохмотья. Сквозь рваные полы виднелись иссохшие, костлявые ноги. Длинная борода доставала до груди, белые волосы ниспадали на плечи. На ногах были грубые сандалии, подвязанные ремешками и бечевками. Жалостен был вид странника. Тамар спросила:

— Что привело тебя ко мне в этот сумеречный час?

— Милостивая из милостивых, хочу исповедоваться перед тобой.

Тамар приподнялась на подушках, закусила губу, чтобы не застонать от боли.

— Я — мирской человек. Исповедоваться следует у священника.

— Мне судия — кроме бога — лишь ты одна, великая государыня, — воззвал пришелец.

— Говори, — наклонила голову Тамар.

Старик глянул на занавеси, закрывшие вход.

— Там — лишь страж, не знающий грузинского языка, — успокоила его Тамар. — Проси, в чем твоя нужда?

— Я пришел не просителем.

— Кто ты и откуда явился?

— Я — изгнанник, царица... Странствую, не зная пристанища со дня отступничества моего, — с трудом, наконец, выговорил старик.

— От кого ты отступился? — спокойно спросила Тамар.

Старик воздел руки к небу.

— Да простит мне бог — от отца твоего. Я изменил грозному царю Георгию.

Царица сдвинула брови.

— Когда? — спросила она, помолчав.

Странник скрестил руки на груди, склонил голову.

— Шатаюсь по чужим землям, ночуя в случайных караван-сараях, тридцать пять лет не ступал я на родную свою землю, не видел солнца своей отчизны. Лишь сегодня впервые узрел тебя, покровительница несчастных, надежда сирот!

Не понравилось Тамар сладкоречие странника.

— Зачем ты изменил царю Георгию?

— Тогда мне казалось — во имя справедливости...

— Говори правду.

— Есть разная правда, государыня. Моя — и чужая...

— Отвечай, — прервала его Тамар, — зачем ты изменил, старик, отцу моему?

— Виною этому, государыня, был Иванэ Орбели, тесть твоего двоюродного брата, амирспасалар царя, сладкоречивый и коварный.

Краска сбежала с лица Тамар. Так вот куда гнет этот странник, этот нищий — хочет разбередить старые раны... Кто же он? Злой дух?

Или призрак прошлого, явившийся судить ее в вечерний час? Мысли эти заставили ее забыть о страдающей плоти. Учащенно забилось сердце Тamar. Долго, пристально смотрела она на гостя.

— Кто ты, странник, чей посланец? Откуда и куда держишь путь?

— Не знаю, откуда, не ведаю, куда... Я, государыня, уже не от мира сего.

— И все же — как тебя зовут?

— Имя мое ничего тебе не скажет. Я, царица... Анания из Двина.

Смутное воспоминание всколыхнулось в душе Тamar. «Анания?» — переспросила она, полузакрыв глаза.

— Не вспомнишь, царица... Ты ведь никогда не видела меня.

Тamar подняла на него взгляд.

— Помню... Анания — один из главарей заговора, восставший против отца нашего, царя Георгия, названного тобою грозным... Анания — не признавший меня царицей!

— Да помилует меня господь и ты, великая государыня!

Тamar приподнялась на ложе.

— Как изменник ты изгнан из Иверии, Двинели. Царь Георгий предал тебя проклятью.

— Этого я не заслужил. Не было на мне вины, царица.

Горько усмехнулась Тamar:

— Не лги, Двинели! Не умножай грехов своих!

Двинели изогнулся весь, как ветвь лозы, — понял, что царице все ведомо, все до конца.

— Что ж ты смолк, Анания? Не смеешь открыть правду? Тогда слушай. Ты, Двинели, был послан в Иран, чтобы привести войско неверных для истребления братьев твоих.

— Пусть спросится это с Орбели, — простонал Анания.

— Отчего же с него одного? Демна, брат наш и надежда наша, стал жертвой разгула и беззаконий ваших, иуды!

Удивилась собственной горячности Тamar — всегда сдержанная и спокойная, никогда ни к кому не обращала она столь резкого слова. Видно, странник коснулся очень уж болезненных, глубоких язв...

Склонившись чуть ли не до земли, странник подполз на коленях к ложу и прошептал с мольбой:

— Прими мою исповедь, государыня!

Тamar знаком приказала ему говорить. Анания начал тихо:

— Когда двоюродный брат ваш Димитрий, прозываемый Демной, прекрасный и мужественный юноша, достиг совершеннолетия, амирспасалар Иванэ Орбели, тесть его и воспитатель, созвал тайный совет.

— Совет изменников, не так ли? — прервала его Тamar.

Анания склонил голову.

— И среди самых главных был Варданисдзе, — Тamar загнула палец; странник сжался еще больше. — И еще — эристав Эретский, Артавачосдзе. — Где-то в лесу зловеще прокричал филин; Анания вздрогнул. А Тamar продолжала свое: — И Липарит, эристав Картли, — Анания молчал, прислушиваясь к молчанию леса. — Далее — главный конюший Кавтар, — не унималась Тamar; Анания все молчал. «Не вовремя закричала проклятая птица!» — думал он. — И, наконец, ты, Анания из Двина, и еще многие другие, возвышенные отцом нашим и неблагодарные, — закончила, наконец, свой перечень царица.

— Пусть воздастся каждому по прегрешениям его, — вставил Двинели.

— Да будет так. Вора и разбойника можно простить — их толкает на преступления нужда. Но предателю народа нет пощады.

— Воистину, государыня, — с трудом выдавил из себя старик. Тамар успокоилась и знаком приказала ему продолжать.

— Созвав нас, амирспасалар сказал: единственный наследник престола — мой зять царевич Демна. Два сына было у царя Димитрия, сына Давида Строителя, — Давид и Георгий. Старший, Давид, наследовал отцу, но процарствовал всего полгода и умер. В час же кончины призвал брата своего Георгия и поручил ему своего беспомощного младенца-сына, царевича Демну, с тем, чтобы Георгий воспитал мальчика, правил страной до его совершеннолетия, а потом помазал его на царство...

У царицы вырвался негромкий стон — быть может, от боли? Снова вдали прокричал филин. Луна озаряла сад. Пели птицы. Анания продолжал рассказ:

— В ту пору, говорил нам Орбели, у Георгия не было детей, и он с легким сердцем поклялся исполнить волю умирающего брата. Но неисповедимы пути судьбы. У царя Георгия родилась дочь, и он преступил клятву. А теперь собирается, презрев права царевича, сделать малолетнюю дочь соправительницей своей, возложить на ее голову венец Иверийский. Скажите же свое слово, старейшины государства, примите сторону Демны и восстановите справедливость, — так говорил Иванэ Орбели.

Странник замолчал, отступил на шаг. Царица лежала с полужакрытыми глазами, бледная, без кровинки в лице.

— А больше вы ничего не слышали? — спокойно и холодно спросила она.

— Позднее — уже слишком поздно — узнали мы, что солгал Орбели. Узнали, что дед твой, царь Димитрий, своим преемником, достойным царского венца, называл лишь отца твоего, а Давида считал ничтожеством и едва ли не врагом. Об этом говорит и летописец, современник его: «...царь Димитрий возлюбил и избрал преемником младшего сына своего и благословил потомство его во веки веков». Мы этого не знали, это от нас скрыл Орбели. Язык у него был медоточив, он растрогал нас, заставил проливать слезы о царевиче Демне. И мы, заблуждаясь, впали в грех великий: собрав войско, восстали против царя Георгия.

— Два престолонаследника было у вас, — прервала пришельца Тамар, — и вы решили нашу судьбу без нашего ведома: измена и кровь были у вас на уме, и царь в гневе запялнул свои руки кровью.

— Орбели в ответе за все.

— К изменам рода Орбели давно привычна грузинская земля! Справедливо сказано: «Узнается древо по плодам его, и плоды — по своему древу».

— Это была ошибка, государыня!

— Грех, а не ошибка, грех великий. Бедный Демна оказался игрушкой в ваших руках — стремясь посадить его на трон, вы хотели растоптать родину свою, бросив ее под копыта басурманских коней.

— Мы не знали, царица, что Орбели обманывает нас, скрывая свои корыстные замыслы. Как могли мы угадать, что он сам стремится к царскому венцу, прикрываясь именем Демны?

— Но потом вы узнали о коварстве его. И что же тогда?

— Тогда уже было поздно, государыня. Гнев божий и ярость отца вашего обрушились на наши головы. Когда к нам вернулся разум, Орбели уже качались на виселицах, а ослепленный Демна умирал в мучениях в Клдекари.

Царица провела рукой по лбу.

— Кровь... Моря крови... Одна лишь кровь... — в отчаянии воззвала она.

Двинели попытался ее успокоить.

— Не тревожьте душу свою, государыня, так повелось от века: власть зиждется на крови, топор и виселица — ее оружие.

— С божьей помощью я запретила в своем царстве казни и пытки, выкалывание глаз и отсечение рук. Одного лишь жаждет моя душа — мира на земле, мира между братьями, мира и благоволения.

«Владычица семи царств ни единого раба своего ни разу не наказывала плетью», — вспомнил Анания слова летописца.

И, преклонив колени перед царицей, благоговейно коснулся губами руки, беспомощно свесившейся с ложа. Тамар тайком вытерла руку платком. Двинели заметил, но не подал виду.

— Будь благословенна, милостивица наша. Я пришел к тебе, чтобы молить об отпущении вольных и невольных провинностей наших. И прежде всего — прости Демну. О тебе были мысли царевича в последний его час. Он взывал к сестре о прощении. И, умирая, велел мне явиться к царице в дни блеска и славы ее и сказать ей: «Ведает бог, я не стремился к престолу, а был введен в заблуждение. Расскажи ей обо всем подробно, Анания, — повелел мне перед смертью царевич, — и выпроси для меня прощение». Вот, государыня, я исполнил волю страдальца и жду твоего приговора.

Тамар молчала. Потом, воздев руки к небу, сказала:

— Да простит и помилует господь царевича Демну, вместе с ним отца нашего царя Георгия, — откинувшись на подушки, она продолжала как бы про себя: — Бог свидетель, никогда не жаждало сердце наше венца, добытого ценою братской крови.

— Государыня, венец и престол зиждятся на крови! Так установлено самим богом.

Тут вспомнила Тамар, что перед нею изгнанник и изменник — человек лживый и двуличный.

— Ты и от бога отступился, Анания?

— Ведь и самого Христа подвергли кровавой казни! Оберегай веру Христову, государыня, и помни: повелитель должен держать в одной руке крест, а в другой — острый меч, чтобы попирать посягающих на святое учение, на слово благодати.

Горько улыбнулась Тамар.

— Анания! Святое слово и кровавый меч вступают порой в союз лишь благодаря проискам лжи и коварства. Истинно говорит Руставели: «Ложь, двуличье и коварство — плоти и души погибель». Прекрасно сказано — лучше не скажешь.

— Кто коварен с врагами, тот невинен перед богом! — дерзко ответил Двинели.

— Это все, что ты можешь сказать? «Всяк изменник и предатель рад взвести хулу на бога», — оборвала его Тамар.

Анания бросил недобрый взгляд на книгу, брошенную на кресле.

— Стихотворец этот злонамеренный человек, и мысли его низменны. Он проповедует язычество. Отринь, государыня, книгу Руставели. Слово его полно соблазна. Это — болезнь, вкрадчивая и разъедающая, погубительница души человеческой.

— «Злобным людям злое слово и души своей дороже», — не тебе ли сказал он эту притчу? — насмешливо спросила царица.

Лицо странника исказилось злобой. Он простер дрожащую руку к Тамар:

— Брось в костер эту книгу, царица, предай ее огню! И пусть ветер разнесет пепел ее, чтобы не осталось соблазна для грядущих поколений! Забудь навеки эти стихи, хулу на святую троицу! — вскричал он с неистовством одержимого.

— Слово не горит в огне, странник! Каким пламенем испепелить слово мудрости, проповедь возвышенной любви! — спросила вкрадчиво царица.

— Непорочна лишь одна любовь к Иисусу, распятому за нас. Повесть о чужеземных влюбленных — лишь уловка для Руставели, а истинная цель его — умаление христианской веры. Береги веру, царица, вера — щит народа, его броня. Вера — предел и граница для предрозостного слова. Она сама сожжет, обратит в прах измышления злокозненного стихотворца. Будь строже, царица, ласковостью своей чрезмерно изнежила ты народ грузинский!

Улыбка мелькнула на лице Тамар.

— Это ты хорошо сказал, старик! Что ж, баловать своих детей — право матери. И какой в этом вред, отчего не побаловать столь неизнеженный народ мой?.. Один только раз — впервые...

— Государыня! Мне, обошедшему множество стран, вдоволь побродившему по пыльным дорогам всей земли, можно поверить хоть в немногом! Мир вокруг бурлит. Неистовствует шах Хорезма, на дальних рубежах появились неизвестные, дикие племена. Ослабление твоего царства поставит на колени весь христианский мир. Сейчас не до увеселительных виршей!

Молчала Тамар — и лишь после долгого раздумья ответила страннику:

— Пока я не вижу туч на безоблачном небе нашем, старик. А если нагрянет враг, то не стихи, а изменники, подобные тебе, принесут нам гибель.

Тяжким приговором прозвучали слова царицы.

И снова воцарилось молчание. Но вскоре ворвались в него конский топот, гиканье всадников.

— Вернулся Лаша, благодарение богу! — лицо Тамар озарилось радостью. Потом она вспомнила о госте — и неприятен был ей осуждающий взгляд старика.

— Ступай! — сказала она холодно. Анания, склонив голову, вышел. — Батоно Варам, — приказала она вошедшему правителю дворца. — Пусть накормят и оденут голодного и оборванного. Одарите его и отпустите на все четыре стороны.

— Государыня... — начал было Гагели, таинственно и значительно. Тамар прервала его:

— Знаю.

Царица осталась в одиночестве и погрузилась в задумчивость.

— В чем благодать твоя, господи, — мысленно спрашивала она. — И что есть жизнь наша? Породив нас, для чего обрекаешь на увядание и гибель? А если мы обречены — зачем порождаешь нас? Где предел злобы сатанинской и начало благодати твоей? Ужели в себе соединяешь ты и ту и другую — ты, ниспославший нам краткий день жизни среди темной ночи вечности. Вот раб твой, изменник и изгнанник, именем твоим требует, чтобы я предала огню книгу, написанную якобы во зло людям, — а я твоим же именем защищаю эту книгу, созданную во имя добра. Кого же обречешь на вечные муки, Анания или меня?

Устав от мыслей, царица Тамар откинулась на подушки своего ложа...

На террасу вбежала Русудан, прижимая к груди косулю, привезенную ей с охоты братом. Увидев мать, распростертую на ложе, она в испуге выпустила животное из рук. Лицо Тамар, пышущее жаром, заставшие ее глаза и прерывистое дыхание встревожили царевну. Она взяла руку матери. Ладони у царицы были сухие и горячие.

— Позвать врачей, государыня? — спросила она в страхе.

— Не надо, девочка. По ночам мне всегда тяжелей, — Тамар улыбнулась дочери, успокаивая ее. Потом попросила: — Почитай еще из Руставели, быть может, душа моя станет спокойней...

Русудан села возле ложа и, раскрыв книгу, наудачу прочла:

Помолись, о милый, богу, чтоб послал он мне спасенье.
Со стихиями земными тяжко мне соединенье.
Вспарив на легких крыльях, я постигну обновленье,
Днем и ночью буду видеть солнца дивное горенье...

Царица слушала молча, глядя вдаль недвижным взором. Потом проговорила задумчиво:

— Благодарю тебя, Руставели... Ты дал ответ, которого жаждало мое сердце... А этот здесь каркал — предай огню!.. Что же оставлю я в утешенье народу моему, если сожгу твою книгу?

Тамар устало смежила веки.

Русудан показалось, что царица бредит. Она бросилась к больной, припала ухом к ее груди, вслушиваясь в биение сердца.

Прерывисто, тяжело дышала царица-мать.

Над дворцом Начармагеви нависла ночь — мрачная, безлунная. Траурный гул колокола разлился над полями и горами. В дремучих чашах зловеще кричали филины. И среди этого тревожного плача и звона как бы звучало колокольное слово бессмертия.

От Никорцминда до Гелати...

«Смерть сквозь горы и ущелья прилетит в одно мгновенье...»

От Гелати до Светицховели...

«Храбрецов она и трусов — всех возьмет без промедленья...»

От Светицховели до Сиони...

«И детей и престарелых ожидает погребенье...»

От Сиони до Алаверди...

«Лучше славная кончина, чем постыдное спасенье».

Народ семи царств Иверийских ждал зари.

Ждал в слезах и в муках...

В битвах обогранный кровью, с неугасимой надеждой...

И славная смерть героев, предпочитаемая постыдному спасенью, оборачивалась бессмертием.

Летописец, оплакивая Тамар, вздыхает в горестных строках:

«...Но безжалостен был приговор неумолимого рока,
день клонился к ночи, солнце закатилось, и воздух
окрасился в цвет скорби. И на заре вечерней окуталось
небо черными облаками...»

Черные тучи эти не рассеивались долго — целые века, и плач летописца над Тамар — это скорбь о славном прошлом Грузии.

До рассвета было еще далеко...

ЛОДКИ В СНЕГОПАДЕ

Я смотрю и вижу, как во сне,
Эти лодки, берег и причал.
Пеленает лодки мягкий снег,
Навевая белую печаль.

О своей изменчивой судьбе,
Чуть качаясь, думают они,
Словно изнемогшие в борьбе
Люди без друзей и без родни.

Как большие зерна миндаля,
Под горой лежат они вразброс.
Их река торопит, но земля
Лишь сильнее натягивает трос.

Лодки растворились в тишине:
А над ними нянькой — снегопад.
В мареве на миг явились мне
Лодки, что у берега лежат.

СУХУМИ

Вот и гавань.
Фонари все ближе,
Ярче,
Волны с плеском разбиваются у ног.
В брызгах,
В пене возникает и маячит
Зародившейся поэмы огонек.

Чайка с морем отдыхающим играет,
То вблизи мелькнет,
То скроется вдали;

То найдет она,
То снова потеряет
Что-то,
Мне уже не видимое с земли.
Мне не видимое..
А ветер бьет с размаху в спину,
Тротуар качнулся
Плавно под ногой,
Словно я сейчас один корабль покинул
Лишь затем,
Чтобы подняться на другой.

Перевод Александра ФЛЕШИНА

ЗЕЛЕНАЯ ЗЕМЛЯ

Я стоял на горе,
а внизу подо мной
В одеянии
майском
земля
зеленела,
Словно путник усталый,
вдыхала покой,
На вечернее
небо
безмолвно
глядела.
А закат полыхал,
и папирус небес
Догорал,
и казалось, что все бирюзово:
Это небо,
долина
и сумрачный лес,
И гора,
и недавно рожденное слово.
Пели радостно птицы о чем-то своем,
За рекою
победно
трубили олени.
Незаметно сужался вокруг оком,
Растворялись последние серые тени. —
Ничего в этот вечер не надобно мне, —
Только песню сложить перед дальней
дорогой.
Я стоял над зеленой землей в тишине,

На мгновение
в песню поверив,
как в бога.
Мне казалось, что в песне сольется моей
Все,
что высказать каждый на свете желает.
Понимал я цветы,
и зверье,
и людей,
Пел и пел,
ничего на душе не скрывая.
Этот вечер немислимый
неповторим,
Никогда и нигде я о нем не забуду.
Моей памятью верною будет храним
Он как дар неожиданный,
чудное чудо.
И, наверно,
состарившись,
я попрошу:
«О, судьба,
этот вечер даруй на прощанье,
Чтобы вновь ощутил я,
покуда дышу,
Волшебство и блаженство, любовь
и желанье
Петь и петь»...
Устремляются ввысь тополя,
Словно в юности давней пичуга запела.
Своей зеленью майской, родная земля,
Ты с любовью
прикрой
мое брненное тело.

Авторизованный перевод Александра ГЛЕЗЕРА

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Надежды свет она в себя вместила,
И суждена ей слава на века.
Прислушайся, какая в этом сила
И как поют над нею облака.

Она торжественно спокойна на рассвете
В предвещии своих полдневных встреч,
Здесь смех детей, и песни о победе,
И реквиема траурная речь.

Нам космос никогда не будет страшен,
Пока над ней горит всевластный свет.
И в линиях ее кремлевских башен
Мы узнаем стремительность ракет.

И площади бессмертное дыханье
Мир слушает с надеждою одной,
Что будет площадь и над нею Знамя,
Как славы нашей ветер огневой.

Перевод Семена ШАХБАЗОВА

Связь времен

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— Леван!

— Я вас слушаю!

— Ты где?

— В своей кабине.

— Только что вошел?

— Нет. Я вздремнул.

— Моего приказа не слышал?

— Что-нибудь произошло?

— Можешь заняться своим туалетом — через шесть часов мы будем в солнечной системе. Зайди ко мне. Все уже тут.

— Мне что-то нездоровится.

— Врач — и нездоровится... Почему я тебя не вижу? Где ты там? Я вместе со стулом подвинулся так, чтобы попасть в поле зрения передающей телекамеры.

— Ты так и спал на стуле? — засмеялся капитан. — А на Земле тебя ждет полугодовой отпуск!

— А я уже в отпуске, — пошутил и я.

— Рановато еще. А как же твои собаки? Пора их будить.

— Мы ведь договорились разбудить их на Земле.

— Да, но я все же боюсь, как бы они там вдруг мертвыми не оказались. А что если они уснули навеки? Проверь. Тогда у тебя еще будет время придумать оправдательную версию.

Капитан, конечно, поддразнивал меня. Только сегодня утром я еще раз осмотрел находящихся в состоянии анабиоза собак. Все было в порядке, и капитан прекрасно это знал. Я не видел его лица — в моей кабине не было телеэкрана, — но ясно представил себе, как хитро он щурит сейчас глаза. За все время нашего путешествия он второй раз в таком приподнятом настроении. Впервые он улыбнулся только тогда, когда наш корабль, пройдя часть пути от Земли до Сириуса, начал разворачиваться. Как поразительно меняет большая радость даже самого сурового человека! Однако только ли приближение к Земле так радовало капитана? Только ли благополучное возвращение привело его в хорошее настроение? Что и говорить, позади два бесконечно долгих космических года, среди вечного безмолвия и тьмы. Но была у старого капитана и иная причина для хорошего настроения.

Он родился 186 лет назад в маленькой деревушке на берегу Черного моря. В двадцать три года он впервые полетел к Проциону. Вернувшись через семь лет на Землю, он не застал в живых ни одного своего сверстника. Наш полет для капитана одиннадцатое и, как он сам говорит, последнее его путешествие со скоростью, близкой к скорости света. «Если вернемся благополучно, я и не взгляну больше на небо — пришло время моего путешествия в землю»; — сказал он как-то. Однако, на мой взгляд, ему еще рано думать о смерти. Капитан — сын

космоса и всего лишь гость на Земле. На Земле ему исполнился бы сейчас семьдесят один год, но он отправился в новый космический полет и выиграл еще десять лет жизни...

Откуда у меня это раздражение? Не у меня же он отнял эти десять лет. Не пойму, отчего я не в духе? А мне следовало бы радоваться — не полети я в космос, стукнул бы мне сорок первый год, половина жизни была бы прожита. Как сложно устроен человек! Не то что другого, себя самого порой не понять. Чем, например, объяснить то, что сейчас в этой пустой каюте я разыгрываю перед кем-то невидимым комедию: будто я не в силах справиться с нахлынувшей грустью и меня страшно угнетает это путешествие, будто полетел я не по своей воле, а кто-то заставил меня сделать это. Впрочем тут все объясняется довольно просто — я репетирую свою роль, чтобы получше разыграть ее перед женой там, на Земле, на космодроме.

«30 ноября 2206 года экспериментальная космическая ракета-лаборатория «Цицари-7» отлетает с пятого Кавказского космодрома, — сообщали газеты перед нашим полетом. — Цель экспедиции: 1) Наблюдение за организмом животных в состоянии анабиоза. 2) Изучение селекционной хлореллы в целях ее применения для улучшения экологической атмосферы ракеты. Средняя скорость «Цицари-7» — 240 000 километров в секунду. Длительность полета — пять лет по земному календарю и три года — по корабельному».

Человечество стояло перед путешествиями к таким отдаленным звездам, что, несмотря на колоссальные скорости космических кораблей, человеческой жизни никак не могло бы хватить на путь туда и обратно, на родную Землю. Вот почему в последнее время все больше внимания стали уделять гипотермическим экспериментам. Наши четвероногие спутники все время полета находятся в состоянии анабиоза при температуре минус 200 градусов. Они не обнаруживают никаких признаков жизни, биологические процессы в их организмах законсервированы, и благодаря этому за все время нашего путешествия они не постарели ни на минуту. Так может продолжаться 400—500 лет, если, конечно, их никто не разбудит. И достаточно поместить животных в теплую среду, чтобы их сердца вновь заработали.

Наблюдения над хлореллой также прошли успешно. Еще раз подтвердилось, что это удивительное одноклеточное растение вполне может служить пищей космонавтам во время длительных космических полетов на межпланетных кораблях, а также поддерживать в ракетах необходимую для жизни атмосферу. Таким образом, наш экипаж выполнил все пункты программы. И только одно условие мы нарушили.

По релятивной формуле времени Эйнштейна скорость ракеты и время полета должны были находиться в таком отношении, чтобы по сравнению с нами оставшиеся на Земле постарели всего лишь на два года. И мог ли я предвидеть, что уготовила мне судьба.

За неделю до старта в парке Института Космонавтики меня остановил старый капитан. Он сказал, что с утра разыскивает меня, взяв под руку, повел по направлению к набережной. У водопада он неожиданно остановился передо мной и посмотрел мне прямо в глаза.

— Сколько лет вашей дочери?

— Четыре года. А что?

— Жене?

— Двадцать восемь... В чем дело?

— Сейчас объясню... А вам?

— Двадцать девять... Мне отказали? Я не лечу? — Вероятно, я даже побледнел.

— Да нет. Вы — моя лучшая кандидатура. Однако я считаю своим долгом открыть вам одну тайну. Дайте мне слово, что до возвращения нашей ракеты на Землю никто, кроме вашей жены, не узнает о том, что я сейчас вам сообщу.

— Кроме моей жены? — мое беспокойство все возрастало.

— Да, да! На Земле только ваша жена должна знать об этом.

— Даю слово.

— Это касается вашей семьи, и поэтому я решил открыть вам свою тайну. В противном случае...

— Я вас слушаю!

— Но прежде я хочу вас спросить: любите ли вы свою жену? Простите меня, я должен знать это.

— Люблю, конечно, люблю, — вконец растерялся я.

— Я обращаюсь к вам как мужчина к мужчине. Будем откровенны. Любите ли вы ее так, что утрата ее причинила бы вам боль?

— Утрата?

— Не волнуйтесь! Сперва ответьте!

— Люблю! Я очень ее люблю! Скажите, наконец, в чем дело!

Капитан внимательно посмотрел на меня, не спеша раскурил свою трубку, задумался.

— Я намерен изменить сроки полета, — проговорил он наконец, — мне мало двух лет жизни, которые он нам подарит, — для меня этого недостаточно, тем более что это, пожалуй, моя последняя возможность, последний полет. Поймите меня, я сейчас готов на все, лишь бы прибавить хоть несколько лишних лет к своей жизни, мне это так же необходимо, как пьянице — вино. Я родился 184 года назад, и теперь, как никогда, мне хочется жить и жить. Не думайте, пожалуйста, что я — старик, цепляющийся за жизнь, старик, которого бросает в дрожь при одной только мысли о скорой смерти. О нет! Я привык видеть грядущее — не только грядущий день или год, но и века, вникните в то, что я вам говорю. Я так привык жить в будущем, у меня так изошрилось любопытство к нему, что скажите мне: сейчас ты умрешь, я и ухом не поведу, но если мне скажут: ты не увидишь завтрашний день, я, наверное, сойду с ума. Каждый день я думаю о завтрашнем рассвете, каждую ночь — о ночи будущей. Я не живу одним конкретным днем, потому что всего дороже для меня день грядущий. Это парадокс, однако это так! Я уверен, что сейчас вы меня не поймете, но когда-нибудь... Возможно, вас больше моего захватит этот недуг — гипертрофированное, неутолимое любопытство к будущему, а пока вы, вероятно, даже посмеетесь надо мной. Но поверьте, в наше время у человека зарождается новый орган, орган любопытства! Более того, я уверен, что у меня он уже есть... И как всякое чувство, жажда или голод, любопытство требует удовлетворения... На протяжении веков повседневное, поминутное любопытство так часто будоражило нервы человека, что привело наш организм к новому рубежу. Нет сомнения, что и прежде людей занимал вопрос, каким будет мир после их смерти, но в то же время они были уверены в том, что никогда не узнают этого. Теперь же... — старик не закончил свою мысль и умолк, затем холодно добавил, — вы поняли, что я хочу сказать?

Я утвердительно кивнул, но капитан, конечно, угадал, что я ни черта не понял.

— Мы полетим со скоростью, равной 295 000 километров в секунду. Это максимальная скорость «Цицари». Программой же предусмотрена меньшая скорость. Вот этот пункт я и нарушу. Через два года и два месяца мы вернемся на Землю, где за время нашего отсутствия пройдет двенадцать лет. Слышите, что я говорю?

— Слышу!

— Когда вернетесь, вы окажетесь на десять лет моложе своих сверстников, вас встретит Земля, на десять лет шагнувшая в свое будущее. И вы станете эгоистом. Родные, близкие, друзья, жена, дочь — все перестанет существовать для вас, останется одно — страстное, непреодолимое желание воочью видеть свое будущее. Вы заболете той же болезнью, что и я, вами овладеет постоянный и непреодолимый страх вдруг умереть и не увидеть, что будет еще через десять-двадцать лет. И вы не захотите умирать никогда, потому что всегда сумеете оттянуть приход смерти. Это ужасно, ужасно... Вы меня понимаете?

— Понимаю!

— И все равно полетите со мной?

— Все равно полечу, — казалось, кто-то невидимый нашептал мне этот ответ.

— Вам будет всего 31 год, когда вы вернетесь, а жене вашей — сорок.

Меня как громом поразило. Я вдруг представил Тинатин сорокалетней.

— Может статься, что к возвращению на Землю вы возненавидите жену или, скорее, она возненавидит вас, когда увидит таким же молодым и совершенно не изменившимся.

— Никогда! — воскликнул я.

— Переговорите с ней и сообщите мне ваше решение, — капитан похлопал меня по плечу, — завтра я весь день буду на космодроме. Он повернулся ко мне спиной и быстро пошел по набережной.

Я хотел было догнать его, спросить еще о чем-то, потом раздумал. Я был в смятении. Я не должен лететь, я не вправе самостоятельно решать этот вопрос, думал я, но уже знал, что ничего не скажу Тинатин.

Я был похож на человека, опьяневшего от одного глотка вина — словно волшебная отравка проникла в мою душу. В эту минуту мне казалось, что я постиг величайшую тайну мироздания. Я почувствовал в себе такую силу, что боялся сдвинуться с места, мне казалось, первый же мой шаг окажется таким огромным, что я перешагну через город, и мне было неловко: что подумают обо мне знакомые и незнакомые, как объясню я им внезапное свое преображение.

Я шел, и все на пути казалось мне изменившимся. И этот проспект, и людей на проспекте, и витрину книжного магазина, и эти горы вдаль я уже видел когда-то, а теперь точно вспоминал... Стоило подумать сейчас о чем-то другом, — и этот город, и эта улица, и горы исчезнут, как исчезает мысль, когда ей на смену приходит другая.

Капитан ошибается, успокаивал я себя, я всегда буду любить Тинатин, буду любить ее, какой бы она ни предстала передо мной при грядущей встрече. И что тут такого, если я поддамся соблазну продлить свою жизнь на десять лет, на десять лет отсрочить свою старость? Разве это преступление?

Однако я так и не решился поделиться с Тинатин тайной капитана. Теперь это была и моя тайна.

Покидали же на долгие годы свои семьи воины и путешественники былых времен. И не на один десяток лет. Но и на чужбине, и дома

время шло одинаково, в бурном море и у родного очага солнце равно погнало стрелки часов. Вместе с воином или путешественником старились и жена его и дети. Воин гордился ранами, полученными в сражениях, путешественник — сединами, убелившими его в испытаниях. Я же вернусь молодым, полным жизни, таким же бодрым и сильным, как и накануне отъезда. Да и в дальнейшем от меня одного зависит, останусь ли таким навсегда, на всю жизнь.

...Тинатин и Ная, моя четырехлетняя дочурка, проводили меня на космодром. До старта оставалось еще три часа, но члены экипажа должны были предстать перед экспедиционной комиссией.

Тинатин всегда неловко чувствовала себя при прощаниях. В тот день на космодроме она страшно волновалась и часто поглядывала на часы. Может, она думала о той минуте, когда снова придет сюда встречать меня, и опасалась, как бы что-то непредвиденное не отсрочило эту минуту. Может, инстинкт безошибочно подсказывал ей, что все происходящее таит для нее какую-то опасность, что эта угроза связана с временем, с опозданием, но, чье это опоздание и что это за время, Тинатин, конечно, не понимала.

— Не опоздай! — сказала вдруг мне она.

Я даже вздрогнул. На мгновение мне показалось, что ей все известно.

— Смотри, не опоздай! — повторила она и показала рукой в сторону полигона. — Уже третий раз объявили по радио твою фамилию.

Она улыбалась, когда обнимала меня, но в ее глазах стояли слезы и таился невысказанный страх. Ветер развеивал ее платье в зеленых листьях, обнажая белые колени.

— Папа, ты привезешь мне красное облако, правда? — щебетала Ная.

Я подхватил ее на руки и крепко прижал к груди. Никогда, никогда больше я не увижу ее ребенком, не услышу ее лепета. Шестнадцатилетняя девушка встретит меня на этом самом космодроме, незнакомый мне человек, и мы заново должны будем с нею знакомиться. Как бы я хотел выполнить ее последнее детское желание. Последнее, потому что, конечно, она уже не попросит у меня красного облака...

И вот мы возвращаемся домой, скоро войдем в солнечную систему, одна из планет которой так давно ждет нас. Может быть, нас считают погибшими, а может быть, организовали поиски и ищут нас в этом безбрежном океане. Должно быть, именно так: капитан спешил, спешил и опоздал.

— Стол! — приказал я.

Голубой стол бесшумно выплыл из стены. Я отпер ящик, вынул дневник и стал его перелистывать. Чего только я не записал: впечатления о первых днях путешествия — детский восторг и изумление, мысли о Земле, о Тинатин и Нае, о будущем, подробнейшее описание нашей ракеты, затем мелкими буквами — гипотеза о кривизне бесконечности, о том, что в результате бесконечного во времени прямолинейного полета космическая ракета должна попасть в исходную точку. Затем шла запись беседы с капитаном, эпизоды из его жизни... Потом снова мысли о Тинатин, горечь разлуки с ней, нетерпеливое ожидание предстоящей встречи.

Я просматривал дневник с горькой усмешкой над самим собой, я обнаружил, что писал его, рассчитывая на читателя — Тинатин, я

хотел разжалобить, смягчить ее и оправдать себя за это путешествие. По дневнику получалось, будто только в пути мне стало известно, что капитан ведет «Цидари» со скоростью, превышающей запрограммированную на 55 000 километров. Я расписал, как меня потрясло известие, что мы вернемся на Землю только через двенадцать лет и что я застану мою дорогую, любимую Тинатин старше себя на целых девять лет...

В общем, ломал комедию.

В стенной нише светятся два циферблата. Это календари — один нашей ракеты, второй — земной. «2 208 г., 30 октября, 4 часа», — прочел я на календаре ракеты и на земном — «2 217 г., 29 июня, 19 часов 10 минут».

29 июня!

Сердце вдруг отчаянно заколотилось в груди, я вскочил на ноги и тихо засмеялся от радости. 29 июня — день рождения Наи. Сегодня ей исполнилось пятнадцать лет. Она, наверное, позвала гостей, в доме — праздничная суета. А может, гости еще не собрались — ведь на Земле сейчас только семь часов вечера, и Ная — еще в нетерпеливом ожидании. Как знать, возможно, среди приглашенных — и тот, кто скрывает свою любовь к Нае и краснеет до ушей при каждой встрече с ней... Немыслимо! А вот и первые гости! Поздравления... поцелуи... Тинатин хлопчет у стола и краем глаза с улыбкой наблюдает за молодежью...

— Что с вами? — вдруг раздалось над самым ухом.

Я вздрогнул и открыл глаза. Передо мной стоял капитан и исподлобья пытливо смотрел на меня. Чего только не скажут в одно мгновение человеческие глаза! Я понял, что капитан обо всем догадывается, я прочел в его глазах вопрос, сочувствие и добрую усмешку.

Погруженный в свои мысли, я стоял, облокотившись о стену, зажмурил глаза, и не услышал, как он подошел.

— Может, ты и впрямь нездоров?

— Нет... -- засмеялся я, и мой смех прозвучал довольно естественно.

— Но у тебя блестят глаза!

— Нет, — казалось, я позабыл все слова, кроме этого короткого «нет».

— Все будет хорошо! — вдруг проговорил он, сел и знаком предложил мне сесть рядом. — С Земли нам подадут движущийся финиш, и мы приземлимся, как на перину.

Капитан испытующе посмотрел на меня и тут же отвел глаза. Он отлично знал, что не трудности приземления меня тревожат. Он догадывался, о чем я думаю в эту минуту. Но богатый жизненный опыт безошибочно подсказывал ему, что не следует первым начинать разговор на эту тему. Он ждал моей добровольной исповеди. Он сделал вид, будто думает, что меня беспокоит исход посадки, и таким образом давал мне возможность, если я захочу, вывести его из этого «заблуждения».

— Все будет хорошо, — сказал и я, — кроме одного... боюсь встречи с женой.

— Глулости, — махнул он рукой, — разница в девять лет — ерунда.

— Конечно, ерунда, но для женщины, да еще для жены... Вы ведь сами говорили, что это самое вероломное предательство...

— Я?! — удивился капитан. — Вздор! Я никогда не говорил этого! — Он вдруг улыбнулся и погрозил мне пальцем. — Вы, моло-

дой человек, недооцениваете собственных афоризмов и слишком щедро дарите их другим! Лучше записывайте их для себя...

Взгляд капитана остановился на дневнике, который все еще лежал на столе. Я хотел было спрятать его, но мне стало неловко. Тогда я взял дневник и стал им обмахиваться, делая вид, что мне жарко. Капитан все понял, но пожалел меня и промолчал.

Что же касается «афоризма», капитан был абсолютно прав. Я все время думал о своем поступке и в конце концов сам назвал его «самым вероломным предательством» по отношению к жене. Но почему я приписал эти слова капитану, одному богу известно.

— Знаете, капитан, чего я боюсь больше всего? А что если...

— Разумное опасение — женщине трудно оставаться столь долгое время одной.

— Не поверю! — воскликнул я с горечью. — Тинатин очень любила меня.

— Любила! — капитан многозначительно улыбнулся и, скрестив руки на груди, откинулся на спинку стула. — Вы отлично знаете, что значит для женщины возраст. Время для нее — самый страшный враг, непобедимый, незримый! А в вас, по-прежнему молодом, она увидит его воочию. Вы станете для нее олицетворением врага, состарившего ее...

Я хотел было возразить, что Тинатин сама отпустила меня, ведь она же знала, что ее ждет. Это не вызвало бы у капитана недоверия, но совесть не позволила мне солгать.

— Мне вспоминается одна сказка. Не помню, какой народ ее придумал, — продолжал капитан с улыбкой, — но это не столь важно. Однажды старый охотник вернулся домой двадцатилетним юношей. Жена сперва даже не узнала его, а узнав, заплакала — для чего, мол, мне, старой, молодой муж. Я тоже хочу стать молодой. Пожалел ее муж и указал ей дорогу в лес, где одна старая ель хранила тайну омоложения. Старуха и отправилась. Ждал ее муж день, неделю, месяц — не дождался. Наконец, отправился на поиски. Долго искал свою старуху, обошел всю страну, но нигде не нашел даже следа ее и вернулся домой ни с чем. Однажды, проходя мимо роши, он услышал детский плач — годовалая девочка застряла в колючих кустах и горько плакала... Вы, конечно, догадываетесь, кто была эта девочка... — Капитан громко расхохотался, но, взглянув на меня, осекся. — Не думайте, меня очень интересует судьба вашей семьи. Послушайте! Отбросьте всякую сентиментальность, забудьте Землю! Поверьте, вы больше не принадлежите ей, вы не ее житель. Эта планета отныне станет для вас лишь местом привала. Прилетите на Землю во второй раз и не застанете жену в живых, прилетите в третий раз и не застанете дочери, внуков. Нет того человека, который полностью подчинился всем господствующим на Земле законам, выработанным обществом, моралью и природой, потому что вы теперь — совсем другой человек. Я предупреждал вас заранее, более того, может, даже излишне напугал. Выбор же оставался за вами. Вы, конечно, еще не чувствуете тех колоссальных преимуществ перед другими, которые дало вам это путешествие. Погодите, приземлимся, тогда увидите.

Капитан умолк. Я тоже молчал. Тысяча прекрасных картин рисовалась мне. Грусть и беспокойство отступили куда-то. Слова капитана всегда действовали на меня как внушение. Так случилось и теперь. Меня уже пленяли радости, которые он посулил мне и которые не изведаль ни один смертный.

— Капитан! — наконец заговорил я. — Вы живете вот уже почти два века, и у вас... у вас по-прежнему возникают новые мысли, идеи?

— Вы хотите узнать, не ослаб ли мой разум? О, нет. К сожалению, нет! У меня по-прежнему рождаются новые планы. Их много, и я не знаю, за что прежде взяться, что осуществить в первую очередь. Я стараюсь не думать о них, ни с кем не делюсь ими, не веду записей, убеждаю себя, что все это — ерунда, глупости, что я бесталанный старый дурак, но ничего не помогает. Богатый жизненный опыт развил во мне способность мыслить так глубоко, остро и точно, что для меня не составляет труда привести в исполнение любой мой план, любую выдумку. Вы не поверите, порой я жажду ошибиться хоть в чем-нибудь.

Не знаю, что произошло со мной, почему я вдруг решил открыться ему до конца.

— Дорогой капитан, могу вас обрадовать, в одном все-таки вы ошиблись. Вы думаете, что я...

— О, если бы это было так, но, к сожалению, уже на космодроме я понял, что вы ничего не сказали своей жене. И все же, почему вы скрыли от нее нашу тайну?

— Не решился, — я почувствовал, что краснею, — если бы я сказал ей все, мне бы пришлось отказаться от полета.

— Вы поступили правильно. По земным меркам вы — бессовестный лгун... Но вы создадите еще не одну семью...

— Не одну семью?

— Да! Да! У вас будет еще не одна жена.

— А вы, капитан! Вы создали новую семью?

— Нет! Мой первый полет был столь длителен, что ни одна женщина не решилась связать со мной свою судьбу. Но теперь я объявляю публично, что это путешествие было последним.

— Объявите, а дальше? — спросил я и тут же почувствовал, что получу сейчас самый неожиданный ответ.

— А дальше — женюсь, пойдут дети...

— В вашем возрасте у вас могут быть дети?

— Не менее красивые и здоровые, чем полтора века назад, когда мне было тридцать лет.

— И я... и я тоже смогу иметь детей через полтора века?

— Я надеюсь, — улыбнулся капитан.

— Капитан, — сказал я после некоторого молчания, — простите меня за нескромный вопрос — любили вы свою жену?

Капитан закрыл лицо обеими руками, а когда убрал их, передо мной был другой человек.

— Любил, — сказал он, и мне послышался глубокий вздох. — Очень любил.

— Мне говорили, что вы не застали ее в живых, когда вернулись после первого полета.

— Нет... Я совершил самое вероломное предательство, — горько улыбнулся он. — Вы придумали хороший афоризм.

Я невольно содрогнулся.

Капитан встал и пошел к двери, и я уже сожалел, что мой бестактный вопрос нарушил нашу беседу.

— Да! Самое вероломное предательство! — У двери он обернулся и уже другим тоном сказал: — Приготовьте отчет о протекании анабиоза и состоянии здоровья членов экипажа — при входе в солнечную систему отчет передадим на Землю. Для вашего сообщения предусмотрен один импульс.

Последние слова капитан произнес уже в коридоре. Шаги его замерли в отдалении.

Ворвалась тишина, вернее, все шумы где-то сконцентрировались, куда-то переместились и заглохли.

«Какой я счастливый, — думал я, растревоженный и обрадованный словами капитана. — Буду жить сто, двести лет, и каждый год как бы заново рождаться вновь, и радости жизни будут вечно волновать меня».

Но вдруг мой взгляд остановился на календаре, и во мне что-то словно оборвалось. Как недолго сидел у меня капитан, а на Земле уже прошел день рождения Наи. Я так хотел тут, в космосе, вот сию минуту представить и прочувствовать радость Наи, хозяйственные хлопоты Тинатин, веселье и смех их гостей, а Тинатин и Ная и ее друзья уже спят крепким сном.

Я провел ладонью по глазам, они были влажными. Что это было — слезы печали или радости?..

Смешная мысль возникла у меня: на Земле я попрошу знакомых химиков проделать анализ слез, вызванных противоположными эмоциями. Уверен, что состав их будет различен.

В иллюминаторы черными глазами смотрела тьма, и казалось, будто кто-то неотрывно следит за тобой. Наша ракета давно уже на Земле. Все механизмы умолкли, все автоматы и аппараты, кроме радио, выключены. Мы ждем приказа с космодрома. Единственный приказ, принятый во время посадки, несколько озадачил всех нас: нам велели ни в коем случае не открывать люков и ждать дальнейших распоряжений. Прошел час по земному времени, и того больше. А мы все стояли и недоуменно смотрели друг на друга.

«Что могло произойти, — думал я, — и что значит эта темнота? Ведь мы приземлились днем. Правда, погода дождливая. Еще два дня тому назад мы увидели маленький шар в белых облачках, который все приближался и увеличивался. Наконец, наша ракета комариком села на этот шар. Наверное, и сейчас идет дождь, но почему так темно?». Когда мы вошли в облака и по иллюминаторам ракеты забарабанили дождевые капли, сердце мое радостно заколотилось, словно я уже шел по улицам родного города, не прячась от дождя. Слившись в один тоненький ручеек, дождевые капли текли снизу вверх по наружному стеклу иллюминатора. Где-то вверху журчала вода. Такое я видел впервые.

Прошло еще с полчаса, и капитан вышел в коридор. На нем был праздничный китель, он попыхивал своей трубкой, распространяя вокруг себя крепкий запах табака.

Он глубоко затягивался дымом и тут же выпускал его. Неужели и капитан волновался в эту минуту?

Наш ботаник, до сих пор стоявший наверху лестницы неподвижно, как статуя, вдруг сорвался с места и бросился к капитану. Он родился сто лет назад, но пятикратное путешествие в космос со скоростью, близкой к скорости света, отсрочило его старость.

— Капитан! — взволнованно воскликнул он. — Капитан! Мы действительно сели на Землю?

Капитан вынул трубку изо рта. Она перестала вспыхивать, и огонь затянуло пеплом. Он распахнул двери вестибюля, пропустил нас вперед, потом подошел к телевизору и включил его. Голубой экран вспыхнул, и на нем обозначилось яркое тело с кривой поверхностью.

Чувствовалось, что оно огромно, это тело. Его границы не умещались на экране. Капитан стоял перед телевизором, как лектор перед доской.

— Земля! — шепотом сказал он.

— Земля?! — вскричал ботаник. — Если это Земля, то где же находимся мы?

— На искусственном спутнике.

— Капитан! — я был почти уверен, что он ошибается. — Ведь мы прошли облака, ведь шел дождь.

— Искусственный спутник имеет искусственную атмосферу, — пояснил он.

— В скольких километрах мы от Земли?

— В 30 тысячах. Мы находимся между Луной и Землей. Масса этого искусственного спутника в сто раз меньше массы Луны, вес...

— Что-то не помню такого спутника, — пожал плечами ботаник.

— Видимо, его создали за время нашего отсутствия! — иронически улыбнулся капитан.

— Капитан! — сказал я и почувствовал, что во рту у меня пересохло. — Не обманули ли нас наши автоматы, может быть, мы летели с большей скоростью, чем предполагали, и на Земле прошло больше времени, чем мы думаем?!

— Что и говорить, видно, так оно и есть. В двенадцать лет никак не создать такую огромную планету, какую вы нам описали! — воскликнул ботаник.

В глазах капитана сверкнул гнев. Он почувствовал себя оскорбленным. В наших словах звучало явное недоверие, и мы как бы упрекали его за нечестную игру в том, что, одержимый идеей застать на Земле как можно более отдаленное будущее, он, открыв нам свою тайну, тем не менее обманом разлучил нас с Землей не на двенадцать лет, а чуть ли не на сто или двести.

— Взгляните на свои старые фотографии, а потом посмотрите в зеркало и, если заметите какую-нибудь перемену в себе, продолжим спор.

— Простите, капитан, но вы ведь лучше моего знаете, что можно выбрать такую скорость и продолжительность полета, при которых год в космосе будет равен земному веку.

— Но кто выбирал такую скорость? Вы? — загремел капитан, бледнея.

— Нет.

— Значит, вы! — теперь его гнев обрушился на меня.

— Капитан!

— Эх вы, низкие душонки! — крикнул он и махнул рукой. Из потухшей трубки на пол посыпался пепел. — Малейшее препятствие или неясность, и панический страх уже раздирает ваш ум и нервы. А я вот счастлив, что Земля встретила меня сюрпризом, задала мне загадку. Целый час я ломал себе голову, пока понял, что мы имеем дело с искусственной планетой. Еще труднее оказалось вычислить ее физические величины. Сейчас меня интересует назначение этого нового спутника и почему нам приказано сесть именно на него. Вы же вместо того, чтобы пораскинуть мозгами... — капитан не договорил. Он повернулся к нам спиной и отошел прочь. Вдруг из репродуктора, скрытого в стене, раздался голос нашего радиста:

— Капитан, вас просят к микрофону... Капитан, вас просят к микрофону!

Мы вскочили и бросились в коридор. Капитан спокойно шел впереди нас, набивая свою трубку. Мы не решались догнать его. Как

только мы вошли в радиорубку, молодой радист уступил свое место капитану. Однако наш капитан не торопился. Он разжег трубку, раскурил ее и только тогда подошел к микрофону.

— Капитан «Цицари-7» вас слушает.

— Просим вас на пять минут открыть воздухоочистители, — прозвучал в приемнике чей-то голос.

— Открыть воздухоочистители! — приказал капитан.

Мы с радистом одновременно бросились к крану. Я удивился умению капитана владеть собой: не так-то просто в такой момент утерпеть и не спросить, что же произошло на Земле и почему нас встречают с такими предосторожностями. Вероятно, он сам хотел разгадать эту тайну. Мы выполнили его приказ и вернулись в радиорубку.

— Они взяли пробу воздуха из нашей ракеты! — проговорил капитан и умолк, не закончив мысли, — взяли пробу... но нас не выпускают... не выпускают до проверки... Опасаются, как бы мы не занесли неизвестные бактерии или, напротив, уже известные... В этом случае они обследуют нас...

— «Цицари-7», «Цицари-7»! — прозвучало снова в репродукторе.

— Слушаю! — капитан повернулся к микрофону.

— Все в порядке, — сказал тот же голос. — А теперь поручите своему врачу... Ведь у вас есть врач?

— Конечно! — ответил капитан и, поняв, что имеется в виду, добавил: — он жив!

— Поручите вашему врачу взять кровь у всех членов экипажа и у самого себя в том числе. Пусть он сделает общий анализ, потом согреет кровь до 60 градусов, повторяю — до 60 градусов, и снова проделает общий анализ. Результаты запишите и сообщите нам. Все.

Капитан встал, посмотрел на каждого из нас в отдельности и спросил:

— Теперь вам понятно? — он так торжествовал, словно ему, наконец, удалось втолковать нам, что дважды два — четыре. — Я с самого начала подозревал, но теперь уверен, что не ошибаюсь: на Земле распространилась неведомая болезнь. Легко предположить, что ее занес какой-нибудь космический корабль. Нас обследовали в нашей же среде, но приземлиться не разрешили, — капитан засунул руки в карманы и, расхаживая взад-вперед, продолжал, — если создание нового спутника связано с этой болезнью и его назначение принимать ракеты из космоса с целью обследования, профилактического лечения космонавтов — значит, болезнь эта приняла на Земле катастрофические масштабы, — капитан положил руку мне на плечо. — Не медли, приступай к делу! Кроме того, мне думается, что...

Я поспешил в свою кабину. Волнение, охватившее меня, становилось все сильнее и сильнее. Громовым эхом повторялись в ушах слова капитана: на Земле — болезнь катастрофических масштабов... специальный искусственный спутник для профилактики космических кораблей... моя Ная, Тинатин...

Капитана никто не ждал на Земле. Он был доволен — жизнь задала ему задачу, и он разрешил ее. Вот что было для него самым главным. Его, как ученого, волновали только отвлеченные проблемы. Понял я это лишь теперь.

Анализ занял у меня полчаса. Кровь была в порядке. Члены нашего экипажа могли не беспокоиться о своем здоровье. И только одно обстоятельство поразило меня: состав крови капитана и моей собственной был настолько одинаков, что хоть переставляй фамилии.

Этот факт еще раз заставил меня задуматься о том далеком будущем, которое я могу встретить по-прежнему молодым и здоровым. Даже два века спустя меня все так же будет пьянить и волновать жизнь.

Однако для чего понадобилось согреть кровь до 60 градусов? История медицины не помнит такого анализа. Если на Земле появились какие-то смертоносные бактерии, не связана ли эта температура с их жизнеспособностью? Не активизируются ли они при 60 градусах? А может быть, наоборот, погибают?

Эта мысль, как молния, блеснула в моем сознании. Не помню, как я схватил бумаги и выскочил в коридор. Я спешил к капитану, чтобы поделиться с ним своими соображениями.

— Вы правы, капитан, это действительно была катастрофа! — сказал наш провожатый, светловолосый молодой человек. У него были большие голубые глаза и удивительно певучий голос.

Мы сидели в обычной пассажирской ракете. Она делала три рейса в день между Землей и искусственным спутником. Никого, кроме нас, в ракете не было. Мы молча сидели в покойных креслах на некотором расстоянии друг от друга и думали каждый о своем. Капитан грыз мундштук своей потухшей трубки. Ботаник уставился в одну точку остановившимся взглядом. Должно быть, думал о своих внуках. Он уже знал, что они живы. На искусственной планете по нашей просьбе запустили статистическую машину, в которой были собраны все данные, касающиеся новой болезни. Наших близких в списках умерших не оказалось. Только у молодого радиста скончалась мать. Сейчас он сидел позади и плакал.

— Да! Удивительно точно вы все предугадали, — повторил наш юный проводник, — это произошло семь лет назад. Мир готовился к новогодним торжествам. Болезнь вспыхнула на европейском континенте и с непостижимой быстротой распространилась по всему земному шару. Люди гибли, падали прямо на улицах. Медики всего мира ломали головы над новой болезнью. Они никак не могли понять природу бактерий, которые под стеклами их микроскопов удивительно легко убивали на своем пути все живые клетки и воцарялись на их месте.

Только через месяц, когда человечество потеряло более трех миллионов, молодой французский журналист обратил внимание на то, что смертельная для человека болезнь шадит все остальные живые организмы. Врачи, должно быть, и не обратили бы на это внимания, если журналист не упомянул бы, между прочим, о своем дяде, который жил один-одинешенек на метеорологической станции в Альпах на высоте 3400 метров. Прибывший ему на смену метеоролог застал его мертвым. Его убита та же болезнь.

Мировая медицина обратила на это сообщение особое внимание. Выходило, что болезнь распространяется по воздуху. Вы не можете себе представить, какая паника, какой животный страх охватил мир после этого известия. Как человеку укрыться от воздуха, необходимо-го для его жизни! Вот тогда-то и был создан искусственный спутник, на который вы сели и который приняли за Землю. Сюда предполагалось переселить человечество. Были еще проекты заселения дна океанов, но их осуществление потребовало бы больше времени.

Новый спутник навсегда останется свидетельством той растерянности, которая царила тогда не только среди простых людей, но и среди лучших ученых. Он был создан в кратчайший срок, в течение 52 дней, и только потом задумались над тем, каким образом перевезти сюда человечество, чтобы в ракеты не проник ни один атом земной ат-

мосферы. Это вам уже рассказывали на спутнике, вы все знаете, однако многие подробности вам не известны, и я рассказываю вам все, чтобы...

— Нам все известно! — резко прервал его голос капитана.

— Продолжайте, пожалуйста! — вмешался я и почувствовал, что не столько любознательность, сколько дух противоречия руководил мною в эту минуту. Я покраснел, этот протест помог мне понять тогдашнее мое душевное состояние. То была первая волна грусти расставания с Землей, которая перешла потом в большую тревогу.

— Продолжайте, — поддержал меня ботаник, — вы нам сообщили много нового.

— Короче говоря, — зазвучал вновь певучий голос светловолосого юноши, — убийство старого метеоролога в Альпах...

— Убийство? — ботаник подпрыгнул в своем кресле от удивления.

— Да! Убийство метеоролога в Альпах было величайшей ошибкой бактерий.

— Ошибкой бактерий?! — я резко повернулся к юноше всем телом.

— Вам, очевидно, ничего не известно о существующей гипотезе, которая еще окончательно не подтверждена, но не лишена веских оснований. По этой гипотезе бактерии, проникшие к нам на Землю с космическими ракетами, — существа разумные. Выяснилось, что они обладают свойством размножаться в форме кристаллов и представляют собой микроскопические электронно-вычислительные машины; точнее — представляли.

Капитан достал трубку изо рта и заявил:

— Эта гипотеза уже подтверждена!

— Что вы сказали? — не сразу понял наш проводник.

— Я сказал, что гипотеза подтверждена.

Капитан встал, и нам показалось, что он вдруг вырос на наших глазах и ему даже тесно в каюте. Он подошел к нам, сел рядом с ботаником, взял с треугольного стола бутылку минеральной воды и раскупорил ее.

— Сейчас вы сами убедитесь. От Бета-Каулиды до Земли — три года пути. За все это время бактерии, или жители Бета-Каулиды, незаметно проникшие на нашу ракету, ничем не обнаружили своего присутствия; они поняли, что хозяева ракеты — существа разумные. Очевидно, и на своей планете и в ракете они свободно могли взять в плен наших космонавтов или же убить их, однако в этом случае они никогда бы не попали на Землю. Потому-то они и вели себя тихо все время полета. На Земле они очень скоро ознакомились с нашей общественной жизнью, изучили и оценили человеческую культуру, уровень развития науки и техники и поняли, что обнаружить и уничтожить их людям будет очень нелегко, захват нашей планеты и переселение на нее бета-каулидцев представлялись им слишком заманчивой перспективой. И бета-каулидцы начали скрытую войну. Посмотрите, как умно и хитро они действовали. Если бы они уничтожили только физиков, химиков, медиков и биологов, одним словом, всю земную армию ученых, Земля оказалась бы фактически покоренной, так как не осталось бы никого, кто мог бы разгадать их природу. Однако они испугались, что такой явный отбор жертв вызовет в людях подозрение и наведет их на мысль, что они имеют дело с разумными существами. И все же они допустили ошибку — «Альпийский полк» бактерий, который убил старого метеоролога, вероятно, был публично «расстрелян», так как он выдал характер распространения болезни.

— Они оплошали не только в этом случае, — вмешался наш светловолосый проводник, — они шадили сумасшедших, алкоголиков, наркоманов, клептоманов, одним словом, они не трогали всех тех, от кого нет никакой пользы обществу. Это тоже заставило ученых призадуматься.

— Что и говорить, это тоже оплошность, и не малая, — согласился капитан, — электронный мозг никогда не сможет сравниться с биологическими клетками.

— Глупости, — буркнул как бы про себя ботаник, — никаких разумных бактерий не было. Землю посетили микробы — носители неведомой болезни, а ученые, не разобравшись, бог знает что выдумали, лишь бы как-то оправдать свое бессилие. Конечно, глупости!

— Одно несомненно, — продолжал молодой человек, — на тропический пояс болезнь не распространилась. Ученые тут же увязали этот факт с особенностями климата тропиков, с высокой температурой. Начались споры, мнения разделились, но дело не продвигалось вперед ни на шаг. А люди продолжали гибнуть. Тогда никому не известный врач из Каунаса, который отправлялся в Африку с археологической экспедицией, привил себе эту болезнь. Приехав в Африку, он произвел лабораторные исследования воздуха, собственной крови и живых тканей. Он успел разгадать секрет болезни, пока она не убила его. Когда его нашли мертвым, он сжимал в руке синюю тетрадь, заполненную выводами и формулами. Можно сказать, что безвестный каунасский врач своей смертью спас человечество от вымирания.

Я опустил голову и почувствовал, что краснею.

— Люди назвали каунасского врача «избавителем». По его совету искусственно создали эпидемии старых классических болезней, которые протекают с высокой температурой, и установили, что при 40 градусах по Цельсию бактерии теряют свою активность наполовину, при 60 — погибают. Конечно, именно поэтому они обошли тропическую зону и жаркие страны. Очевидно, высокая температура вызывает в них нарушение электромагнитного равновесия. После этого ученым осталось разрешить только техническую сторону задачи. Как поднять температуру тела больного до 60 градусов с тем, чтобы больной остался жив! Добиться этого было не просто, но, очевидно, возможно, и тысячная армия медиков принялась за дело. Каждый врач в эти дни был на вес золота, и не только квалифицированный врач, но и студенты старших курсов медицинских институтов...

Я вскочил и вышел из каюты. Этот поступок для меня самого был неожиданным. Но я не мог слушать дальше.

Оранжерея ракеты была пропитана ароматом цветов. Я им обрадовался, как при встрече с живыми существами, и едва удержался, чтоб не сорвать их. Как давно я не видел живую розу. Я притянул ветку и жадно вдохнул знакомый аромат. Было странно видеть здесь, в космосе, такие крупные и яркие розы — они казались неправдоподобными. Будто невидимый и бесконечный стебель дотянулся сюда с самой Земли. Сейчас этот стебель укорачивался со скоростью 11 километров в секунду, приближая цветы к их родной почве...

Интересно, осуществила ли Тинатин свою мечту... Она когда-то мечтала вывести «танцующий» цветок, который бы отвечал различными движениями на малейшее изменение интенсивности света. Впрочем, может, она вовсе оставила агрономию и давно уже занята другим делом.

Я подошел к окну.

Вдруг от радости у меня перехватило дыхание — Земля уже так близко, что не видно ее границ. Я бросился к вольеру, где находились мои собаки, и открыл дверь. Они встретили меня радостным визгом. На протяжении всего путешествия покоились они, бездыханные, в жидком азоте, и только перед вылетом с искусственной планеты я оживил их в лаборатории «Цицари». А «Цицари» остался там, на новом спутнике. Он никогда не вернется на Землю. Оттуда он внозь полетит в космос и туда же вернется.

Я вошел в ванную, быстро разделся и отпустил душ. Металлический серебристый потолок ванной покрылся паром, и сверху пошел теплый и ласковый дождь. Я засмеялся — стекла в окнах ванной комнаты, в отличие от других окон ракеты, были матовые, будто чей-то нескромный взгляд мог проникнуть сюда из пустоты.

Я побрился, надел чистую рубашку. И как раз в это время по радио прозвучал голос пилота — он сообщал, что начинается торможение, и предлагал всем пройти в специальную кабину.

Ракета приземлилась на седьмом Кавказском космодроме. Когда я ступил на Землю, у меня возникло такое чувство, точно во мне замкнулась давно разорванная электрическая цепь и внутри меня засветился некий трепетный свет. Я замер на месте, не решаясь шагнуть. Мне вдруг сделалось страшно, что цепь разомкнется и этот свет вновь погаснет.

Невысокий забор из золотистого металла ограждал полигон, по ту сторону его колыхалось людское море. Мы были островком посреди этого моря. К воротам подошли люди в форме и пригласили кого-то из толпы войти на полигон. Несколько человек почти бегом направились к проходу. Я не увидел, скорее угадал, что среди них были две женщины, и зажмурился, испугавшись, что сердце мое не выдержит встречи с дочерью и женой. «Пусть они приблизятся, — говорил я себе, — вот тогда я и взгляну на них». И еще я думал: «Нет, я не приму Наю за молодую Тинатин. А Ная, конечно, узнает меня, ведь между мною и моими старыми фотографиями нет никакой разницы».

Я услышал дробный стук каблучков. Это Ная, Ная бежит ко мне! Я открыл глаза. Высокая девушка, остановившись неподалеку, смело, в упор рассматривала меня, потом вдруг смутилась, повернулась и сделала несколько шагов навстречу приближающейся к нам женщине.

То была Тинатин.

Не знаю, сколько времени я прижимал ее к своей груди, целовал ее голову, щеки, руки. На мгновение исчезли космодром, люди, воцарилась полная тишина...

Тинатин и не пыталась скрывать слез. Она их и не замечала. Она плакала, но в ее плаче было столько сияющей радости. Одной рукой я прижимал ее к груди, другой не переставал гладить по волосам, словно хотел спрятать ее седину.

В молодости Тинатин иногда красила волосы, но теперь в них сверкала седина, и можно было подумать, что она не выкрасилась намеренно, будто желая упрекнуть меня за причиненную ей боль. Но нет! Просто красота без меня потеряла для нее смысл. Я понял это, и счастливее меня никого не было на свете в эту минуту.

Ная стояла тут же и с любопытством рассматривала меня, улыбаясь застенчиво, и время от времени оборачивалась и кому-то в толпешком указывала на меня. Должно быть, там были ее друзья. Ная была незнакомым и в то же время самым знакомым мне человеком, как одно-

временно знаком и незнаком облик наших далеких предков, сохранившийся на старинных фотографиях.

— Поди сюда! — я протянул ей навстречу руки.

Ная подошла и прижалась к моей груди. Она уже давно ждала этой минуты. Я подхватил на руки мою дочурку, как тогда, двенадцать лет назад, но иллюзия тотчас рассеялась — четырехлетняя Ная навсегда выскользнула из моих объятий, руки мои ощутили тяжесть тела шестнадцатилетней девушки.

Я опустил ее на землю.

— Вы привезли мне красное облако? — засмеялась она и снова зарделась от смущения.

— Помнишь?!

— Нет, мама рассказывала...

— Нет, не привез, оно замерзло! — пошутил я.

— А голубое? — подхватила Ная.

— Голубое как раз было, но его ты не просила. Вот если бы я знал...

Ная сокрушенно покачала головой. Я обнял Тинатин, и мы направились к выходу.

— Скажи что-нибудь, хоть одно слово, Тинатин, я хочу вспомнить твой голос.

Тинатин посмотрела на меня снизу вверх и печально улыбнулась.

— Леван, ты прилетел, Леван...

— Да, Тинатин! Я все тебе расскажу. Вот только придем домой.

Мы не перекинулись ни словом, пока не сели в машину. Столько народу окружило нас, что в машине стало темно. Нас приветствовали, жужжали кинокамеры, щелкали фотоаппараты...

Ная с головокружительной скоростью вела аэромобиль. Мы с Тинатин болтали с легкостью людей только что познакомившихся, но уже почувствовавших неизбежность скорого сближения.

Так продолжалось и дома. После митинга на городской площади, после рукопожатий, приветствий, поцелуев и объятий друзей и знакомых я должен был падать от усталости. Как в шарадах возникали передо мной родные и друзья и с улыбкой спрашивали: «А ну-ка, кто я?». Тот, кого я узнавал, тотчас радовался — не изменился, значит. Кого не узнавал — огорчался, но старался не подать виду. Потом я выступил с короткой речью, отвечал на вопросы корреспондентов... Да! После всего этого я должен был падать от усталости, однако я, Ная и Тинатин до позднего вечера просидели за беседой у нас в саду. На Земле, как бы далеко ты ни уехал, на какой бы необитаемый остров ни забрался, при желании всегда можно подать о себе вести родным. Другое дело — космос.

Я ничего не говорил о причине своего опоздания, несмотря на обещание, ничего не объяснял. Тинатин не задавала вопросов. Мы почувствовали, что это будет постоянной темой наших разговоров, основным вопросом нашей будущей жизни, и потому не спешили обсуждать его.

Тинатин рассказала мне о тех трагических днях, когда весь мир был под угрозой гибели, о трудностях, пережитых ею и нашей девочкой, о болезни Наи — только открытие каунасского врача спасло ее от гибели.

После ужина мы сидели за круглым столом. Передо мной стояла белая фарфоровая ваза, полная крупных темно-красных вишен. Вишни для меня собрала Ная. Она сидела напротив и со счастливым лицом наблюдала, как я их ем.

Тинатин очень изменилась. Я старался не замечать этого, чтобы как-то оправдаться перед собой, но ясно видел, что фигура ее утратила юношескую гибкость, исчезло наивно-детское выражение лица, которое некогда так пленяло меня. Впрочем, все было закономерно. Когда я уезжал, она была на год моложе меня, а сейчас — на девять лет старше.

Однако иногда в глубине прекрасных глаз моей Тинатин вспыхивал такой яркий свет, какого прежде я никогда не замечал, ее выразительное лицо так много говорило мне, что я просто не мог уследить за сменой его выражений и разобраться в них. В те минуты мне казалось, что в глубине ее души пылал огонь огромной силы, и свет, вспыхивающий в ее глазах, — лишь отблеск этого огня. И только потом я понял, что свет этот — отражение мысли, острой и яркой, мудрости, добытой умом и жизненным опытом. Я представил себе свое лицо, гладкое, без морщин и безмятежно глупое, как у толстого мальчика, и мне стало стыдно. Рядом с Тинатин я, должно быть, выглядел недорослем.

Несмотря на усталость, мне вдруг ужасно захотелось выпить, выпить красного грузинского вина, терпкого и ароматного. В доме вина не оказалось, и я решил выйти в город.

— Надеюсь, ты не стал там пьяницей? — с улыбкой спросила Тинатин, указывая рукой наверх.

— О нет, Тина! Мне только хочется вспомнить, какое оно на вкус. Мне кажется, если я не вспомню все земное до мелочей, то никогда не стану прежним.

— И ты начинаешь с вина! — снова улыбнулась она.

— Нет, с твоего голоса. Я ведь совсем его не помнил.

Я вышел на улицу. Уже стемнело. Пешком я прошел весь проспект. Потом пересек улицу и вошел в магазин. Я долго выбирал вино, но ни на одном не мог остановиться. Тогда мне подали коробку, в которой помещалось до пятнадцати маленьких стаканчиков с вином различных марок — для пробы. Я долго с наслаждением пробовал. Наконец, выбрал три бутылки и отправил их домой. Когда я вышел на улицу, почувствовал, что опьянел. И вдруг мне неудержимо захотелось побродить по городу, как прежде, в студенческие годы.

Многое изменилось за время моего отсутствия. Движение в городе вместо двухэтажного стало трехэтажным. Первый этаж — непосредственно мостовую занимал колесный транспорт, водители которого могли попасть только в центральные районы города. Более отдаленные районы города связывал второй этаж движения, машины сюда переносились на специальных платформах. В этом ряду, летящем между домами, дозволялись сравнительно большие скорости. Третий этаж был предназначен для дальних маршрутов, но и он не возвышался над крышами зданий. Каждый этаж движения имел свою зону света: первый — фиолетовую, второй — розовую, третий — зеленую.

У автомата, продающего вечерние киногазеты, стояла очередь. Кто-то тут же, на улице включил свою киногазету. Из-за его спины я взглянул на маленький экран. Так и есть, вначале дали репортаж, отснятый на космодроме. Вот мы выходим из ракеты — капитан, ботаник и я... В толпе — Тинатин и Ная. Вот их пропускают на полигон. Ная бежит ко мне...

К сожалению, хозяин киногазеты, не досмотрев репортаж до конца, нажал на кнопку и включил спортивные новости. Вдруг он шепотом выругался и со злостью хватил киногазету о тротуар, собрал обломки

и выбросил в урну. Наверное, его рассердила необъективность спортивного комментатора.

Я свернул с главного проспекта и по узкой улочке вышел на незнакомую площадь. Раньше на этом месте был огромный магазин, где покупатели могли приобрести все необходимые товары. Для этого им не нужно было ходить по этажам — стоило нажать на нужную кнопку, и товар автоматически подавался покупателю.

Теперь здесь шумели фонтаны, с одной стороны площади раскинулся парк, в глубине которого я разглядел какое-то строение.

Десять минут потребовалось мне, чтобы перейти площадь и подойти к парку. Я ошибся, она оказалась больше, чем я предполагал. Строение все приближалось и, наконец, оказалось прямо передо мной. Я и тут ошибся — оно находилось не в глубине парка, а перед ним. Это была огромная гранитная скала. Специальные лампы освещали ее красным светом. Я понял, что передо мной — скульптура, однако в ней так тесно переплелось естественное с произведением рук человеческих, словно автор хотел, чтобы его творение было обнаружено не сразу.

Должно быть, эту скалу привезли с Кавказских гор. По ней бежала тропинка. Бронзовый юноша, опоясанный мечом, стоял на тропинке и смотрел на селение, затерявшееся в долине. Он не замечал тигра, притаившегося за кустом. Чуть повыше на склоне горы у самой пропасти я увидел фигуру другого юноши. Выгнувшись дугой, он обхватил руками ступни, как бы образуя кольцо. Фигура эта демонстрировала изумительную гибкость человеческого тела и одновременно наводила на мысль о смертельных судорогах. На этом своеобразном круге была модель земного шара. Пока я смотрел на скульптуру, шар чуть сдвинулся с места. Оказывается, за год он делал полный оборот вокруг орбиты, созданной человеческим телом, которое удерживало его от падения в пропасть.

Это был памятник каунасскому врачу, который спас человечество от гибели. Как древний Кавкасион, будет вечно стоять эта скала. Неожиданно мне отчетливо послышался голос капитана: «Забудьте Землю, поверьте, вы уже не ее житель, вы еще не почувствовали превосходства, которое дало вам это путешествие. Вот приземлимся, и вы это поймете».

Превосходство... Интересно, где сейчас капитан? О чем думает? Вероятно, его интересует, как я провел первый день на Земле.

Я еще долго стоял перед памятником. Потом пошел дальше. Я и сам не знал, куда иду, и думал о тех двенадцати годах, которые прожил без Земли. И мне стало жаль, что уже не вернуть эти годы и не догнать стремительную Землю и ее обитателей. Я мысленно перелистал свой дневник — ведь я помнил наизусть каждую строку. Бесследно прошли для меня дни, которые были трагическими для Земли, дни, когда каунасский врач вступил в единоборство со смертью, когда плачущая Тинатин сидела у постели нашей девочки...

Внезапно меня осенила прекрасная мысль, я чуть было не вскрикнул от радости: я не буду спать — я проведу эту ночь на ногах.

Я бродил по городу, по его паркам, площадям и проспектам, борясь с усталостью. Бежали минуты, часы. Земля спала, спали моя страна, мой город, Тинатин и Ная, спали все, только я один бодрствовал! На одну ночь, пусть только на одну, а все же я догнал Землю, сократил расстояние между нами.

Долго я скитался по городу, такому знакомому и незнакомому. А ночь, казалось, не собиралась уходить...

Рассвет застал меня на набережной. Это было мое первое утро на Земле. Я улыбнулся солнцу, как старому знакомому. Так или иначе, я наверстал хоть одну ночь из тех бесчисленных суток, которые прожил вне Земли. Может быть, таким образом мне удастся восполнить упущенное?

Город уже совсем проснулся, когда я добрался до дому и тихо открыл дверь. Тинатин, одетая, лежала на кровати. Увидев меня, она вскочила.

— Где ты был?!

— Прости, я разбудил тебя.

— Я не спала!

— Не спала?!

— Да! Я ждала тебя.

В это время дверь из соседней комнаты отворилась и оттуда выглянула Ная.

— Ты пришел, папа?

— И ты... ты тоже не спала?

— Да, папа!

Я опустил голову. Казалось, вся усталость, накопившаяся во мне за все это время, внезапно камнем навалилась на меня.

Зря я мучал себя, не спал всю ночь, напрасно воображал, что бодрствую один и возьму хоть одну ночь из всех, потерянных мною. О, неужели все это время, проведенное в космосе. Эти 12 земных лет мне нужно заново прожить теперь уже здесь, на Земле, чтобы стать таким же зрелым, как Тинатин!

Я поднял голову. Тинатин стояла у телефонного столика. В руках она держала клочки какой-то бумаги и пыталась их соединить. Глаза ее были полны слез.

— Что случилось? Что это у тебя?!

— Я разорвала... — всхлипнула Тинатин и передала мне трепещущие в ее руке, как живые, обрывки бумаги.

Я сел к столу, расправил их, приложил один к другому. У меня вдруг задрожали руки — это была записка от капитана, переданная по фототелефону.

«Вы были правы, я снова лечу — в следующий четверг ракета отправится к Бета-Каулиде, чтобы доставить ультиматум разумным бактериям. Рейс будет опасным. Разница во времени немалая — 4 космических года равны 25 земным годам. Что скажете на это? Если вы решите, доктор, что мне необходимо продолжить лечение в космосе, сообщите мне об этом завтра же утром, и я смело доверю вам свое больное старое сердце. Прошу прощения у вашей очаровательной супруги».

— Я разорвала эту записку, — услышал я дрожащий голос Тинатин.

— Почему ты плачешь? Ты ведь не ребенок.

— Я разорвала ее...

На столе стояли присланные из магазина три бутылки красного вина. Одна из них была уже откупорена. Рядом стоял хрустальный бокал.

И я не знал, наполню ли я этот бокал или так и оставлю пустым.

ЦЫГАНЕ

(Из старых зарисовок)

Под тенью пальм весь город спит глубоко.
За городом, в тиши приморской ночи
Шатер стоит так шатко, кривобоко,
Как будто в нем цыган судьбу пророчит.

У моря крепость старая заснула,
И ветер шепчется с дорогой лунной.
Луна в шатер украдкой заглянула,
Похожая на грудь цыганки юной.

Над городом гуляет луч приبلудный.
Как блеск монист, слепит его мерцанье.
Угомониться лишь стрекозам трудно.
Забылись сном усталые цыгане.

Насквозь пробиты лунными клинками,
Овеяны прохладой моря хлесткой,
Дрожат ночные тени под кустами,
Как цыганята, сбившиеся горсткой.

Метнется ветер с моря к стенам рваным
И низенький шатер лишит покоя,
И примерещится пустым карманам
Внезапное сиянье золотое.

Покуда ночь, спокойно спят цыгане,
Но лишь рассвет над морем замаячит,
Загомонят в предутреннем тумане,
И страсть проснется к суете бродячей.

ЗИМА В САДУ

Я к саду подошел, как будто мог
Он волю дать мне от долгов постылых...
Деревья еле дышат от тревог —
Снегов,
Метелей
И дождей унылых.

Я жду крушенья ледяных оков,
Но зимними пронзен я голосами.
Похожи пальмы на скорбящих вдов
С распушенными в горе волосами.

Ворвался ветер.
Стуже невдомек,
Что сад застыл, как зверь в промерзшей
клетке.

Касаются моих горячих щек
С несмелой лаской зябнущие ветки.

Вослед за слабым солнечным лучом
Я белизной одет в одно мгновенье.
Садовник убирает бурелом,
И... дум зеленых слышно пробужденье.

ВЕЧЕР В КАХЕТИИ

Валежник трещит на тропе то и дело,
Льет на землю дуб темных листьев потоки.
А солнце в Шуамта с утра захмелело,
Царапает лес ему красные щеки.

Лучится пространство в скрещенных линий,
Дорога, как песнь, что еще не звучала.
Безмолвие, тишь в Алазанской долине,
Как будто паломник в ней дремлет устало.

Ступаю навстречу горе обнаженной,
И краски слепят меня, точно жар-птица.

Похож Алаверди, в закат наряженный,
На белую деву, на сон кахетинца.

Вздываются сосны все выше и выше,
Но зеркала неба достичь им едва ли.
Като, это запах волос твоих пышных
Иль это раскрылись цветы в Цинандали?

Иду я, закатным сиянием ранен,
В душе моей сумрак, а путь все нарядней.
Мне вечер улыбку дарит, как крестьянин,
Который с утра посадил виноградник.

Перевод с абхазского Елены АКСЕЛЬРОД

Джакомо Джойс

После смерти больших художников в их семейных архивах редко залеживаются неопубликованные рукописи. Если же это случается, такая находка и ее публикация — всегда сенсационны.

Творческое наследие Джеймса Джойса (1882—1941) давно обнародовано и досконально изучено. Однако в январе прошлого года биограф и исследователь Джойса Ричард Эльман опубликовал (снабдив предисловием и примечаниями) неизвестную рукопись писателя, оставленную им в Триесте и сохраненную его братом Станиславом. Впоследствии рукопись была приобретена неким европейским коллекционером, пожелавшим остаться неизвестным.

Шестнадцать страниц рукописи написаны убогим почерком писателя. Рукопись не озаглавлена, но в ее верхнем левом углу имеется надпись «Джакомо Джойс», сделанная другой рукой. Это итальянское написание имени Джеймса Джойса, которым он никогда не пользовался, и стало заглавием данной рукописи. По справедливому замечанию Эльмана, это тем более оправдано, что произведение Джойса явно носит автобиографический характер. Героиня этого произведения, обращаясь к Джакомо, называет его Джеймси, Джими, а в одном месте упоминается даже имя жены писателя — Нора. Названы также произведения самого Джойса.

Исторические реалии, встречающиеся в рукописи, дают основание предположить, что написана она в период завершения «Портрета художника в юности». Эльман, колеблясь, датирует рукопись 1914 годом (о достоверных фактах, способствующих точной датировке рукописи, см. отдельные комментарии к тексту перевода).

«Джакомо Джойс» повествует (если только можно в данном случае употребить этот термин из традиционной, доджойсовской поэтики) о влечении героя к своей ученице. Как известно, Джеймс Джойс преподавал английский язык в Триесте, и прототипом героини «Джакомо Джойса» стала одна из его тогдашних учениц Амалия Поппер, дочь Леопольдо Поппера, впоследствии жена Микеле Ризоло. Предполагают, что отец Амалии мог послужить прототипом известного джойсовского героя из «Улисса» — Леопольда Блума, хотя никакого внешнего портретного сходства между ними не находят. Амалия скончалась во Флоренции в 1967 году. По воспоминаниям ее мужа, она была ученицей Джойса в 1907—1908 годах.

Безусловно, значение опубликованной рукописи выходит далеко за рамки достоверности отображенных в ней фактов. «Джакомо Джойс» — важная страница творчества Джеймса Джойса.

Пятая глава «Портрета художника», которую Джойс закончил 11 ноября 1914 года, содержит много заимствований из «Джакомо Джойса». Как предполагает Р. Эльман, Джойс, видимо, решил «обворовать» собственную рукопись, используя ее отдельные пассажи не только в «Портрете», но и в «Улиссе», в пьесе «Изгнанники» и даже в «Поминках по Финнегану». Однако рукопись оказалась довольно самостоятельным, оригинальным, интересным произведением, своеобразным «коротеньким романом». Из многочисленных откликов, появившихся в связи с публикацией «Джакомо Джойса», приведу два метких высказывания. В «Нью-Йоркер» писатель Джон Андайк пишет:

«Джакомо являет собой черту, где лирическая форма — простейший словесный покров мгноновения эмоции — перерастает в простейшую эпическую форму, «когда художник продолжает рассуждать над самим собой, как над средоточием эпического события... Личность художника вливается в само повествование, бушующее вокруг людей и действия, подобно живому морю!» Джакомо предвосхищает не только триуф, но и границы Улисса».

Дей Торп в «Вашингтон Санди Стар» отмечает:

«Нечасто бывает, когда большой писатель возвращается к нам после смерти в законченном и блестящем произведении. Обычно новые страницы, обнаруженные на его письменном столе, бывают пустяками, слишком незначительными, чтобы стоило их подобрать, разве только как реликвии святого. С Джакомо Джойсом дело обстоит иначе; это короткое, но не тощее произведение. Это первоклассный Джойс».

Перевод, предисловие и комментарии Нико Киасашвили.

Незадолго до смерти Джойс говорил, что хотел бы написать что-нибудь простенькое и коротенькое. Возможно, писатель намеревался доработать «Джакомо Джойса», дополнить его, придать этому хрупкому, изящному творению более смелое, самостоятельное существование.

Самым важным, на наш взгляд, в рукописи является, пожалуй, содержащийся в ней ключ к творческой биографии Джеймса Джойса.

Заключив «Дублинцев» и работая над «Портретом», Джойс постепенно все глубже прощупывает пласты нового художественного метода или сложной совокупности новаторских художественных приемов, получивших название «потока сознания». Техника внутреннего монолога все больше приобретает новое качество, выражающееся в том, что представители новых направлений в европейской романистике и в первую очередь сам Джойс стали искать способы выражения хаотических мыслей и настроений человека нового времени путем внутренней художественной организации беспорядочно набегающих, на первый взгляд, ассоциаций. Ко времени написания «Джакомо Джойса» писатель начал проявлять более глубокий интерес к новым психологическим учениям своего времени, вырабатывая в своей творческой лаборатории способ называемый психологических предрасположений и мотивировок своих персонажей. «Джакомо Джойс» в этом отношении пока еще не «Улисс», но в нем, даже, может быть, в большей степени, чем в «Портрете», осуществлен принцип строгого подчинения внешне-повествовательных элементов внутренней логике психологического откровения и доходящего до саморазоблачения самоанализа героя произведения.

Сильное физическое влечение Джакомо к своей ученице, которую он то боготворит, как чистую девушку, то слегка иронизирует над ней, как над высокомерной знатной особой, то представляет ее себе замужней, «опытной» женщиной, обрисовано Джойсом с большой художественной эмоциональностью и в то же время до некоторой степени в новой для него писательской манере. Беспокойство тридцатидвухлетнего Джойса в связи с уходом молодости, заставившее его вспомнить поэтические опыты молодых лет и обусловившее его увлечение молодой «Беатриче», не привлекает внимание писателя к сентиментально-романтическим излипаниям его собственной поэзии, а дает ему богатый психологический материал для обрисовки контуров характера своего будущего де-героизированного, де-романтизированного героя Стивена Дедалуса. И главное то, что Джакомо в этом отношении не дублирует Стивена из «Портрета художника», а направляется, если можно так выразиться, своей собственной дорогой к «Улиссу».

Героиня же «Джакомо Джойса» — то Беатриче Портинари Данте, то Беатриче Ченчи Шелли, то сеньорина Поппер, но всегда олицетворение ускользающей с горизонта мечты, а также и уходящей из-под ног реальной почвы художника нашего века.

«Джакомо Джойс» — изящная прелюдия к «Улиссу». И этого достаточно для того, чтобы признать найденную рукопись Джеймса Джойса значительным литературным событием.

Публикуя полный перевод «Джакомо Джойса», мы сохраняем, по возможности, такие джойсовские, чисто «технические» приемы, как например, своеобразное использование пунктуации, неравномерное отделение друг от друга абзацев и др.

Кто? Бледное лицо, обрамленное сильно пахучими мехами. Движения ее застенчивы и нервны. Она пользуется лорнетом.

Да: короткий слог. Короткий смех. Короткое смыкание ресниц.

Паутинная рукопись, выведенная длинно и изящно с тихим высокомерием и покорством: знатная молодая особа.

Я вздымаюсь на легкой волне тепловатой речи: Сведенборг¹, псевдо-Ареопагит², Мигель де Молинос³, Иоахим Аббас⁴. Волна исчерпана. Ее классная подруга, изгибаемая жеманное тело, промяукает на бескостном венско-итальянском: *Che cultura!*⁵ Длинные ресницы смыкаются и поднимаются: жгучее острое иглы жалит и дрожит в бархатной радужной оболочке глаз.

Высокие каблучки глухо постукивают по звучным каменным ступенькам. Холодный воздух в замке, подвешенные кольчуги, грубые железные фонари над извилинами витых башенных лестниц. Звучно постукивающие каблучки, высокий и глухой звук. Госпожа, там внизу кто-то хочет поговорить с вашей милостью.

Она никогда не сморкается. Форма речи: малым сказать большее.

Округленная и созревшая: округленная в тисках внутрисловных браков и созревшая в теплице замкнутости своей породы.

Рисовое поле вблизи Верчелли под летней молочной дымкой. Нависшие поля ее шляпы затеяют лживую улыбку. Тени испещряют ее лживо улыбающееся лицо, охваченное горячим молочным светом, темные, цвета сыворотки, тени под скулами, желточно-желтые тени на влажной брови, прогорклый желтый юмор, подстерегающий в смгченых зрачках глаз.

Цветок, что она дала моей дочери. Хрупкий подарок, хрупкая дарительница, хрупкий голубожилый ребенок⁶.

Падуя далеко за морем. Тихие средние века⁷, ночь, мрак истории дремлет на Piazza delle Erbe⁸ под луной. Город спит. В подворотнях темных улиц вблизи реки глаза распутниц вылавливают прелюбодеев. *Cinque servizi per cinque franchi!*⁹ Темная волна чувства, еще и еще и еще.

*Глаза мои во тьме не видят, глаза не видят,
Глаза во тьме не видят ничего, любовь моя.*

Еще. Не надо больше. Темная любовь, темное томление. Не надо больше. Тьма.

Сумерки. Проходят через piazza. Серый вечер спускается на обширные шалфейно-зеленые пастбища, разливая молча сумерки и росу. Она следует за матерью с неуклюжей грацией. Кобыла, ведущая кобылочку. Серые сумерки мягко лепят

¹ Эммануил Сведенборг (1688—1772), шведский ученый и теолог.

² Псевдо-Ареопагит, тот же Дионисий Ареопагит, псевдоним грузинского мыслителя пятого века Петрэ Ивера, автора известных в Европе ареопагитских книг (см. Э. Хонигман. Ш. Нуцубидзе и др.).

³ Мигель де Молинос (1628—1696), испанский теолог.

⁴ Иоахим Аббас (1145—1202), итальянский теолог.

⁵ Какая культура! (ит.).

⁶ Стихотворение Джойса «Цветок, подаренный моей дочери» написано в Триесте в 1913 г.

⁷ Трудно переводимая игра слов: автор одновременно подразумевает и «средние века», и «средний возраст» героя.

⁸ Рыночная площадь (ит.).

⁹ Пять услуг за пять франков (ит.).

тонкие и изящные бедра, нежную гибкую жилистую шею, красиво очерченный череп. Вечер, покой, сумерки изумления..... Илло! Конюх! Илло-хо!¹⁰

Папаша и девочки скользят вниз по склону, верхом на санках: великий турок и его гарем. Нахлобученные шапки и туго обтянутые куртки, ботинки мастерски зашнурованы накрест над согретым телом язычком, коротенькая юбка облегает круглые чашечки колен. Белоснежная вспышка: пушинка, снежинка:

*Когда она вновь выйдет на прогулку,
Смогу ли там ее я лицезреть!¹¹*

Выбегаю из табачной лавки и зову ее по имени. Она останавливается, чтобы послушать мои несвязные слова об уроках, часах, уроках, часах: и постепенно ее бледные щеки воспаляются разжигающимся опаловым огоньком. Нет, нет, не бойтесь!

Mio padre:¹² простейшие действия она совершает необычно. Unde derivatur? Mia figlia ha una grandissima ammirazione per il suo maestro inglese!¹³ Лицо пожилого мужчины, красивое, воспламененное, с ярко выраженными еврейскими чертами и длинными белыми бакенбардами, поворачивается ко мне, когда мы спускаемся по горному склону вместе. О! Прекрасно сказано: учтивость, благожелательность, любознательность, доверчивость, подозрительность, естественность, старческая беспомощность, уверенность, откровенность, изысканность, искренность, предостережение, пафос, сочувствие: прекрасная смесь. Спешу мне на помощь, Игнатий Лойола!¹⁴

Сердце это изранено и опечалено. Безответная любовь?

Длинные сладострастные плотоядные уста: темнокровные моллюски.

Движущиеся туманы на холме, когда я поднимаю взор из ночи и грязи. Обещанные туманами отсыревшие деревья. Свет в верхней комнате. Она наряжается к театру. Призраки в зеркале..... Свечи! Свечи!

Нежное существо. В полночь, после музыки, всю дорогу вверх по улице Сан Микеле ласково произносились эти слова. Перестаньте, Джеймзи! Не приходилось вам бродить по дублинским улицам ночью, вздыхая и произнося другое имя?

Трупы евреев лежат вокруг меня, тлея во прахе своего священного поля¹⁵. Здесь могила ее народа, черная плита, безнадежное безмолвие..... Прыщавый Мейсел привел меня сюда. Он стоит за теми деревьями с покрытой головой у могилы покончившей с собой жены, удивляясь тому, как женщина, которая пала в его постели, могла прийти к такому концу¹⁶..... Могила ее народа и ее самой: черная плита, безнадежное безмолвие: и все готово. Не умирай!

Она поднимает руки, пытаясь застегнуть на шее черное кисейное платье. Она не может: нет, она не может. Она пятится ко мне без слов. Я поднимаю руки, чтобы помочь: ее руки опускаются. Я держу мягкие как паутинка края ее платья и, застегивая, вижу сквозь прорезь черной кисеи ее гибкое тело в оранжевой рубашке. Рубашка скользит бретельками по плечам и медленно спадает: гибкое гладкое.

¹⁰ «Илло, илло-хо!» — возгласы Марцелла и Гамлета, когда они ищут друг друга в сцене с Призраком.

¹¹ Слегка измененные стихи Уильяма Каупера (1731—1800).

¹² Отец мой (ит.).

¹³ Откуда бы это? (лат.). Дочь моя восторгается своим учителем английского языка (ит.).

¹⁴ Игнатий Лойола (1491—1559) — основатель ордена иезуитов.

¹⁵ Имеется в виду еврейское кладбище (Cimitero Israelitico) в Триесте.

¹⁶ Жена некоего Филиппо Мейселя, Ада Хирш Мейсел покончила жизнь самоубийством 20 октября 1911 г.

голоое тело мерцает серебристой чешуей. Рубашка скользит по изящным, из гладкого отшлифованного серебра, ягодицам и по их борозде, потускневшая серебряная тень.... Пальцы, холодные и спокойные и шевелящиеся.... Прикосновение, прикосновение.

Короткое бессмысленное беспомощное слабое дыхание. Однако нагнись и вземли: голос. Воробей под колесницей Джаггернаута¹⁷, трясущийся потрясатель земли¹⁸. Пожалуйста, господин Бог, большой господин Бог! Прощай, большой мир!..... Aber das ist eine Schweinerei!¹⁹

Огромные банты на ее изящных бронзовых туфлях: шпоры избалованной птицы.

Дама шествует быстро, быстро, быстро.... Чистый воздух на горной дороге. Сыро просыпается Триест: сырой солнечный свет на его сваленных беспорядочной кучей крышах, с коричневыми черепицами, черепахоподобных; толпы изнеможенных звуков ожидают национального освобождения. Белдуомо встает с постели жены любовника своей жены: оживленная хозяйка суетится, терновоглазая, с блюдцем уксусной кислоты в руках²⁰.... Чистый воздух и тишина на горной дороге: и копыта. Девушка в седле. Гедда! Гедда Габлер!²¹

Продавцы предлагают на своих алтарях новоявленные фрукты: зеленовато-желтые лимоны, рубиновые вишни, застенчивые персики с оборванными листьями. Карета проезжает через ряды парусиновых лавок, спицы ее колес вращаются в ослепительном сверкании. Дорогу! Ее отец со своим сыном сидят в карете. У них глаза свиные и мудрость свиная. Свиная мудрость пялит глаза, размышляя над учением *Summa contra Gentiles*²².

Она считает, что итальянские джентльмены были правы, вытащив Этторе Альбини²³, критика *Secolo*²⁴, из партера за то, что тот не встал, когда оркестр заиграл Королевский Марш. Об этом она узнала за ужином. Э-э. Они любят свою страну, когда совершенно уверены в том, которая это именно страна.

Она взмлет: дева весьма благоразумная.

Юбка приподнятая неожиданным движением ее колена; белое кружево, окаймляющее нижнюю юбку, приподнятую выше положенного; растянутая на всю ногу паутина чулка. *Si rol!*²⁵

Тихо наигрываю, напевая томную песенку Джона Дауланда. **Не хочется расставаться:** мне тоже не хочется уходить. Тот вен передо мной. Здесь — раскрываясь из тьмы вождения — глаза, что заставляют тускнеть вспыхивающий восток, их мерцание — мерцание пены, покрывающей сточный колодец двора слюнявого Джеймза²⁶. Здесь вина сплошь янтарные, замирающие каденции сладкозвучных напевов, гордый менуэт, добрые леди, флиртующие со своих балконов почмокивающими устами, запившие сифилисом девки и молодые ку-

¹⁷ Джаггернаут — одно из воплощений бога Вишну (инд. миф.).

¹⁸ Как видно, Джойс пародирует известное высказывание Роберта Грина о Шекспире: «Едиственный потрясатель сцены».

¹⁹ Ведь это же свинство! (нем.).

²⁰ Этот пассаж в слегка измененном виде использован в «Улиссе».

²¹ Гедда Габлер — героиня одноименной драмы Г. Ибсена.

²² «Сумма против язычников» (лат.). Известный труд Фомы Аквинского (1225—1274).

²³ Музыкальный критик газеты «Аванти!» (у Джойса «Секоло») Этторе Альбини был выдворен из Ла Скала 17 декабря 1911 г.

²⁴ «Век» (ит.), название газеты.

²⁵ Правильнее *Si rid?* Позвольте (ит.), первые слова Пролога в опере Леонковалло «Паяцы».

²⁶ Имеется в виду король Джеймс Стюарт. Этот пассаж использован Джойсом в «Портрете художника».

мушки, которые, весело отдаваясь своим насильникам, обнимают и обнимают их вновь.

Сырое, покрытое пеленой весеннее утро. Слабое благоухание парит над утренним Парижем: анис, влажные опилки, горячий мякиш хлеба: и когда я перехожу мост Сен Мишель, синевато-стальная пробуждающаяся вода охлаждает сердце мое. Она струится и плещет вокруг острова, где живут люди со времен каменного века..... Рыжевато-коричневое уныние в обширной, отделанной горгульями²⁷ церкви. Холодно, как в то утро: quia frigus erat²⁸. На ступенях высокого алтаря голые, словно тело Господне, лежат священнослужители, распростерты в бессильной молитве. Голос невидимого чтеца подымается, читая нараспев из Осии. Haec dicit Dominus: in tribulatione sua mane consurgens ad me. Venite et revertamur ad Dominum²⁹... Она стоит рядом со мной, бледная и озябшая, окутанная тенями грехотемного нефа, тонкий локоть ее возле моей руки. Ее тело напоминает о трепете того сырого, покрытого пеленой тумана утра, торопливые факелы, жестокие глаза. Ее душа опечалена. Трепещет и хочет плакать. Не плачь по мне, о дочь Иерусалима!

Я разъясняю Шекспира податливому Триесту: Гамлет, промолвил я, который чрезвычайно вежлив к знатым и к простолюдинам, груб только с Полонием. Возможно, озлобленный идеалист, он может видеть в лице родителей своей возлюбленной только гротескные попытки со стороны природы воспроизвести ее образ..... Заметили вы это?³⁰

Она рассказывает передо мной вдоль коридора, и ее темные закрученные волосы медленно раскручиваются и падают. Медленно раскручивающиеся, падающие волосы. Она не знает и рассказывает передо мной, простая и гордая. Так рассказывала она у Данте в простой гордости и так, незапятнанная кровью и насильем, дочь Ченчи, Беатриче, шла к своей смерти:

...Мне
Пояс затяни и завяжи мне волосы
В простой, обычный узел³¹.

Горничная говорит мне, что ее пришлось немедленно отвести в больницу, roveretta³², что она очень страдала, очень, roveretta, что это очень серьезно..... Я удаляюсь из ее пустого дома. Чувствую, что готов заплакать. О, нет! Этого не случится, так сразу, без единого слова, без единого взгляда. Нет, нет! Уж, конечно, чертово счастье не подведет меня!

Оперировали. Нож хирурга проник в ее внутренности и отдернулся, оставив свежую зубчатую рану в ее животе. Я вижу ее наполненные темные страдальческие глаза, красивые, как глаза антилопы. О жестокая рана! Похотливый Бог!

И снова в своем кресле у окна, счастливые слова в ее устах, счастливый смех. Птичка, щебечущая после бури, счастливая, что ее маленькая глупенькая жизнь упорхнула из-под ногтей эпилептического повелителя, дарующего жизнь, щебечущая счастливо, щебечущая и чирикающая счастливо.

Она говорит, что если бы **Портрет художника** был откровенен во имя откровенности³³, она бы спросила, почему я дал ей прочесть его. О, вы бы спросили, не правда ли? Ученая дама.

²⁷ Горгуля — выступающая водосточная труба в виде фантастической фигуры (в готической архитектуре).

²⁸ Потому что было холодно (лат.).

²⁹ Так говорит Господь: в скорби своей они с раннего утра будут искать Меня и говорить: пойдем и возвратимся к Господу... (лат.).

³⁰ Лекции о Шекспире Джойс читал в Триесте с 4 ноября 1912 г. по 10 февраля 1913 г.

³¹ Реплика Беатриче в пьесе Шелли «Ченчи».

³² Бедняжка (ит.).

³³ Это суждение об «откровенности во имя откровенности» дает Р. Эльману возможность предположить, что ученица Джойса читала третью главу «Портрета», которая была перепечатана на машинке в июне 1914 г.

Одетая в черное она стоит у телефона. Коротенькие робкие смешки, коротенькие всхлипывания, робкие отрывки речи, внезапно прерываемые.... *Parlerò colla mamma*³⁴.... Иди! Цып, цып! Иди! Черная курочка-молодка испугалась: коротенькие шажки, внезапно прерываемые, коротенькие всхлипывания: она хочет свою маму, дородную курицу.

Галерка в опере. Промокшие стены сочатся испаряющейся сыростью. Симфония запахов растворяется в беспорядочной гряде человеческих тел: прокисшая вонь подмышек, обглоданные апельсины, тающие мази на груди, мастиковая жидкость, серное дыхание чесночных ужинов, воняющие фосфором газы, опопонакс³⁵, откровенный пот созревших для замужества и замужних женщин, мыльная вонь мужчин..... Весь вечер я наблюдал за ней, всю ночь я буду видеть ее: заплетенные и уложенные башенкой волосы и оливковое овальное лицо и спокойные нежные глаза. Зеленая лента на ее волосах и расцветенное зеленым платье вокруг ее тела: цвет миража растительного зеркала природы и пышной травы. Волосы могил.

Слова мои в ее разуме: холодные гладкие камни, погружающиеся в трясину.

Эти спокойные холодные пальцы трогали страницы, отвратительные и прекрасные³⁶, на которых позор мой будет гореть вечно. Спокойные и холодные и непорочные пальцы. Неужто они никогда не грешили?

Тело ее не пахнет: цветок без запаха.

На лестницах. Холодная хрупкая рука: робость, тишина: темные, налитые истомой глаза: усталость.

Кружащие кольца серого пара над пустошью. Лицо ее, такое серое и мрачное! Влажные спутанные волосы. Ее губы прижимаются нежно, она глубоко дышит, вздыхая. Поцелуй.

Голос мой, пропадая в отзвуках собственных слов, умирает подобно утомленному в мудрости голосу Предвечного, зовущего Авраама через отзывающиеся эхом холмы. Она откидывается назад, прислонясь к стенке с подушкой: одалисско-ликая в роскошном мране. Глаза ее напиваются моими мыслями: и во влажном теплом дарящем призывающем мране ее женственности душа моя, растворяясь, струит и льет и устремляет жидкое и обильное семя..... Берите ее сейчас, кто хочет!....³⁷

Выходя из дома Ралли³⁸, встречаю ее неожиданно в то время, когда мы оба подаем милостыню слепому нищему. На мое неожиданное приветствие она отворачивает и отводит свои черные глаза василиска. *E col suo vedere attosca l'uomo quando lo vede*³⁹. Благодарю за словечко, мессер Брунетто.

Расстилают у ног моих ковры для сына человеческого. Ожидают, когда я пройду. Она стоит в желтой тени зала, плед защищает от холода ее опущенные плечи: и когда останавливаюсь в изумлении и оглядываюсь, она приветствует меня холодно и проходит вверх по лестнице, метнув на меня мгновенно из своих вяло скошенных глаз черную струю яда.

³⁴ Хочу говорить с мамой (ит.).

³⁵ Смолистая жидкость, употребляемая в парфюмерии.

³⁶ По-видимому, образ навеян репликой ведьм из первой сцены «Макбета» Шекспира: «Прекрасное — отвратительно, и отвратительное — прекрасно».

³⁷ Этот пассаж использован в «Портрете» и в «Изгнанниках».

³⁸ Барон Амброджо Ралли (1878—1938), знатный горожанин Триеста, владелец деорца на Пнаца Скорала.

³⁹ Одно ее лицемерие отравляет смотрящего на нее (ит.). Слова итальянского писателя Брунетто Латини (ок. 1220 — ок. 1294).

Гостиная, завешанная мягкой помятой горохово-зеленой занавеской. Узкая парникская комната. Только что здесь лежала парикмахерша. Я поцеловал ее чулок и кайму темноржавой пыльной юбки. Это другое. Она. Гогарти⁴⁰ пришел вчера познакомиться. По случаю **Улисса**. Символ интеллектуальной совести.... Значит, Ирландия? А муж? Должно быть, рассказывает по коридору в мягких туфлях или играет в шахматы с самим собой. Зачем нас здесь оставили? Парикмахерша только что лежала тут, зажимая мою голову между бугристыми коленями.... Интеллектуальный символ моей расы. Слушайте! Рухнул погружающийся мрак. Слушайте!

— Я не убежден, что подобная деятельность разума или тела может быть названа нездоровой —

Она говорит. Слабый голос из-за холодных звезд. Голос мудрости. Продолжайте! О, говорите, обогащайте меня мудростью! Я никогда не слышал этого голоса.

Извиваясь, она надвигается на меня в помятой гостиной. Я не могу ни двигаться, ни говорить. Приближение извивающегося рокового тела. Прелюбодеяние мудрости. Нет. Я уйду. Уйду.

— Джим, милый! —

Мягкие засасывающие губы целуют мою левую подмышку: извивающийся поцелуй на мириадах кровеносных сосудов. Горю! Стеживаюсь подобно горящему листу! Жало пламени вырывается из-под моей правой подмышки. Поблескивающая змея поцеловала меня: холодная ночная змея. Я погиб!

— Нора!⁴¹ —

Ян Питерс Свелинк⁴². Необычное имя старого голландского музыканта делает всю красоту необычной и далекой. Я слышу его вариации для клавикорда на старый мотив: **Молодость имеет предел**. В смутном тумане старых звуков появляется слабая точка света: вот-вот заговорит душа. Молодость имеет предел: предел настал. Этого никогда не будет. Вам это хорошо известно. Ну и что ж? Пиши об этом, черт подери, пиши! На что же еще ты способен?

«Почему?»

«Потому что в противном случае я бы не смогла вас видеть».

Скольжение — пространство — векá — лиственный орнамент звезд и убывающие небеса — безмолвие — и более глубокое безмолвие — безмолвие исчезновения — и ее голос.

Non hunc sed Varabam!⁴³

Неготовность. Голая квартира. Безжизненный дневной свет. Длинный черный рояль: музыкальный гроб. Дамская шляпа на его краю, с алым цветком, и зонтик, сложенный. Ее герб: шлем, алый цвет и тупое копьё на фоне щита, черном⁴⁴.

Посылка: Люби меня, люби мой зонтик.

⁴⁰ Оливер Джон Гогарти (1878—1957), ирландский поэт, друг Джойса, послуживший прототипом Бака Маллигана («Улисс»).

⁴¹ Имя жены Джойса и героини драмы Г. Ибсена «Кукольный дом».

⁴² Ян Питерс Свелинк (1562—1621) — нидерландский композитор и органист.

⁴³ Не Его, но Варавву (лат.). См. «От Иоанна», 18, 40.

⁴⁴ Нам кажется вероятным, что Джойс здесь описывает герб Шекспира, так как все упомянутые геральдические элементы (шлем, алый цвет, копьё на черной полосе щита) встречаются как раз в фамильном гербе Шекспира. Тем более, что герб Шекспира упоминается и в «Улиссе». (Автор комментариев к немецкому переводу «Джакомо», европейский редактор «Джеймс Джойс Квотерленг», Фриц Зени в своем письме от 19.9.69 г. сообщает, что, проверив наше предположение, считает его правильным.)

Черты портрета

(Заметки о герое современной грузинской прозы)

Жизнь и литература взаимосвязаны, и действительность всегда вносит свои коррективы в развитие литературы. Это общезвестно.

Определенные слои и группы общества в определенное время выдвигают свой идеал и концепцию человека, согласно которым в литературе и утверждается тип нового героя. Хорош он или плох, положительен или отрицателен — это зависит от того, кто его оценивает, а также от критериев оценки.

Чаще всего такой герой — молодой человек, выразитель взглядов нового поколения. Не потому ли в нашей литературе время от времени интенсивно проявляется тема отцов и детей?

Со своей стороны, возросшая значимость личности и новая концепция человека в нашей литературе одновременно вызывают как разнообразие тем, так и разнообразие нового героя.

Классические герои остаются героями, но наш современник не может жить и думать по его образцу. Так же и герой. Старый меняется, предстает в новом облике, но это новое обличье как раз и является выразителем всех тех изменений, которые произошли в его природе.

От старого остается лишь основная тенденция развития — то есть желание строить новое, бороться за лучшее будущее, стремиться по-новому осмыслить мир, дать новый анализ различным явлениям, выразить новые чувства, новые чаяния.

Именно эти взгляды и утверждают современная грузинская проза и ее герой.

В нашу литературу входит «новый человек» — молодой, выразивший желания, стремления и идеалы тех, кто сегодня пришел в жизнь и искусство.

В 1957 году во вновь основанном журнале «Цискари» начинают печататься рассказы Гурама Рчеулишвили и Гурама Гегешидзе, возможно, даже еще и слабые. Но именно благодаря им произошло наше первое знакомство с новым героем. Постепенно образ его получал все

более совершенный характер, а большинство его взглядов и идей превратилось в определенную позицию.

Следует отметить, что тех литераторов, которые выражали эту сложившуюся позицию, возглавили молодые писатели, внесшие в литературу новые темы, новые идеи, по-новому разрешавшие традиционные вопросы, а также воскресившие целый ряд литературных явлений, считавшихся устаревшими.

Это общее объединило писателей разных дарований, стилей и биографий, таких как Гурам Рчеулишвили, Нодар Думбадзе, Резо Ченшвили, Тамаз Чиладзе, Гурам Гегешидзе, Отна Иоселнани, Арчил Сулакаури, Реваз Инанишвили, Нодар Цулеискири, Чабуа Амиреджиби, Эрлом Ахведиани, Мераб Элиозишвили, Тамаз Натрошвили, Давид Джавахишвили, Сосо Коринтели, Георгий Лабадзе, Теймураз Маглаперидзе.

Как мы видим, проза наша обогатилась не только проблемами, но и именами, и если учесть существующую в литературе закономерность, то надо отметить, что по постановке вопросов, профессионализму и обилию авторов проза последних десяти-двенадцати лет, на мой взгляд, более всего схожа с прозой за период с 1921 по 1936 годы.

Анализ личных переживаний, интерес к самому себе, воспоминания детства — все это, характерное для большинства молодых писателей, делает их героев интересными, незаурядными, обобщающими черты всего поколения в целом. Из произведений Нодара Думбадзе, Отна Иоселнани, Нодара Цулеискири мы узнаем, что детство нового героя совпало с тяжелыми годами войны. Трудности этих лет оставили свою печать в душе молодого героя, вдумчивого и чело-веклоубового, который, объясняя причины недостатков и заблуждений своего поколения, неизменно приходит к выводу, что война — насилие, начало всех бед на земле, и он ненавидит ее всем своим существом. Это — важная находка на пути создания образа.

Понимание явлений и процессов жизни каждым из этих авторов, как правило, служило также показателем возмужания их героя. Таким образом, мы прощались с юношей, который верно воспринимал жизнь, многое в ней любя, многое отрицая, но ничего пока не создав, ибо никогда еще пафос отрицания не был единственно плодотворным, и, руководствуясь им, никто не смог ничего создать.

Желание создавать, творить владеет героем рассказа Гурама Рчеулишвили «Алавердоба». Он был первым из молодых писателей, который понял, что самоанализ, размышления над теми или иными общими проблемами, а также исследование их необходимы, но это еще далеко не все. Здесь, очевидно, сыграла роль и натура самого автора, не умевшего уместиться ни в какие рамки, полного жизненных сил и постоянной активности. «Здесь кое-кто растерялся и не испытывает подлинной радости творчества, радости труда, а ведь величие этой страсти в созидании, а не в наслаждении созданным». Герой Гурама Рчеулишвили охвачен одной большой страстью—«объединить всех окружающих одной целью, одним интересом», но его желаниям не суждено было сбыться. Хотя молодой писатель погиб трагически, его герой продолжает жить в ряде образов, созданных другими авторами.

И даже сам Гурам Рчеулишвили в какой-то мере стал прототипом героя романа Гурама Гегешидзе «Грешник».

Глубокое раздумье над вопросами жизни и смерти, являющееся неотъемлемым качеством молодого героя, наиболее ясное выражение получило в рассказе Гурама Рчеулишвили «Смерть в горах», написанном мастерски, но в предельно простой манере. С помощью обобщения конкретного факта герой этого рассказа доходит до своеобразного понимания сущности вопросов жизни и смерти. И перед нами не только следствия этого обобщения, мы являемся также свидетелями процесса, благодаря которому они достигнуты. Основное в произведении — это ряд мыслей, борьба чувств с рассудком, а не просто борьба чувств. Поэтому отличительной чертой этого героя является именно интеллект.

Интеллектуальный герой становится центральной фигурой грузинской прозы. С этой точки зрения внимания привлекают рассказы Тамаза Чиладзе, Тамаза Нагровили и Гурама Гегешидзе. Но в этих рассказах в основном предпочтение отдается проблемам этики. Пафос этих произведений, так же как и в «Золотой рыбке» Арчила Сулакаури, — борьба с мещанством, хотя порою она довольно слабо выражена.

Если же взглянуть на этого героя с позиции сегодняшнего дня, мы увидим,

что увлечение его самим собой, стремление к самоанализу, правда, довольно затянущееся, были необходимыми с точки зрения эволюции образа.

Параллельно с этим характером появляется также и образ сильной личности, которую отличают ясное понимание цели, твердая воля и жажда деятельности. Этот образ характерен для рассказов «Кто-то опаздывает на автобус» Реваза Инанишвили, «Натела» Гурама Рчеулишвили, «Герои безымянной вершины» и «Даль» Гурама Гегешидзе, «Поезда проходят через мост» Георгия Лабадзе, в которых ставятся также проблемы жизни человека, его сущности, бытия. Объяснение всему этому дается не только в интеллектуальных исканиях героя, но и в его действиях. Таким образом, мы становимся свидетелями (особенно в «Героях безымянной вершины») выявления душевных сил человека, подлинного, хотя и неприметного на первый взгляд героизма.

Упрекая несколько лет назад в одной из своих статей молодых прозаиков в чрезмерном увлечении пассивными размышлениями, я писал: «Нашей литературе нужен роман, отображающий нашу действительность со всеми ее положительными и теневыми сторонами, а также необходимо наличие молодого героя, который поразит читателя своими мыслями, чувствами, поступками; молодые писатели должны сказать свое слово, нужное народу и времени».

Очевидно, многое зависит и от течения этого времени. И вот напечатаны уже такие заслуживающие внимания романы, как «Вот уж скоро конец зимы» Тамаза Чиладзе, «Солнечная ночь» Нодара Думбадзе, «Золотая рыбка» Арчила Сулакаури, «Мой друг Нодар» Резо Чейшвили, «Грешник» Гурама Гегешидзе, «Седьмое небо» Гурама Панджикидзе, «Тугарчела» Нодара Цуленскири.

На наших глазах происходит процесс формирования современного грузинского романа, и, надо полагать, что, как и в 20—30-е годы нашими прозаиками были написаны важные для того времени произведения, так и сегодня появятся «Заря Колхиды», «Гвади Бивга» и «Похищение луны» шестидесятых годов. И я уверен, что эти романы будут созданы молодыми писателями.

И все же до тех пор, пока у наших прозаиков не появится критического отношения к себе и своему современнику, творчество их не сможет во всей полноте отобразить нашей действительности. Правда, некоторые из них склонны к показу контрастов, другие увлекаются гаммой цветов и переживаний, однако...

Однако молодые стали уже «стариками», а больших, проблемных полотен

пока не видно, точнее, проблемы намечены, но почти всегда в результате недостаточного мастерства, жизненного опыта и знаний писателя значимость этих проблем сужается. К сожалению, надо признать, что наши писатели слишком часто полагаются только на свою даровитость. И как не вспомнить тут слова Гёте: «Чтобы писать в прозе, нужно иметь, что сказать, ну а кому нечего сказать, тот все-таки может слагать стихи и подбирать рифмы — тут одно слово влечет за собой другое, и в конце концов получается нечто такое, что хотя и ничего в себе не содержит, но все-таки имеет такой вид, точно в нем что-то есть».

Именно проблемностью и мастерством характеризуется роман известного прозаика Константина Лордкипанидзе «Волшебный камень», в котором дан образ молодого человека — врага нашей действительности, приспособленца Арчила Канчашвили. Это концептуальный образ, родственный ранним героям Джавахишвили — Дампатиже и Джако, но тут старое предстает перед нами в новом облике, и иллюзия перерождения настолько сильна, что людей, подобных Арчилу, зачастую трудно распознать.

Схожий с этим образ появляется и в романе Гурама Гегешидзе «Грешник» в лице Вахтанга.

Однако наиболее отчетливо черты карьеризма, приспособленчества некоторой части молодежи проступают в романе Гурама Панджикидзе «Седьмое небо».

Этот роман заслуживает внимания еще и потому, что он является успешным опытом воспроизведения так называемого «производственного романа», исключая те недостатки и ошибочные тенденции, которые вообще характерны для такого рода произведений.

Герой Гурама Панджикидзе, наделенный талантом, энергией, знаниями, в то же время — приспособленец, человек с животными инстинктами, который в конце концов погибает. Однако примечательно, что его никто не губил, он гибнет сам.

Тенденции разоблачения и отрицания, безусловно, заслуживают поддержки, но при этом не следует забывать также неповторимой красоты человеческой души. А в молодом герое как раз и недостает пока черт благородного возмущения и даже восторженности (но не сентиментальной).

В нашей прозе наблюдается процесс установления пропорций, без которых литература не может быть совершенной.

Стремление к профессионализму открыло перед нашими молодыми авторами (да и не только перед молодыми) много нового, начиная с применения контрапункта и кончая разработкой той

или иной темы экзистенциалистической литературы. В ключе контрапункта написана, например, повесть Георгия Шатберашвили «Солнце мертвых», в которой этот безвременно скончавшийся известный писатель дал ясную картину взаимоотношения поколений. Кроме того, контрапункт имел влияние на прозаические произведения Тамаза Чиладзе.

Да и вообще на развитие современной грузинской прозы, особенно в последнее десятилетие, довольно большое влияние сказала как вся советская, в том числе русская, так и зарубежная, в частности, западная литература и такие ее представители, как Эрнест Хемингуэй, Эрскин Колдуэлл, Эрих Мария Ремарк, Антуан де Сент-Экзюпери, Жан Поль Сартр.

Наиболее сильно влияние Хемингуэя сказалось на ранних произведениях Гурама Рчеулишвили и Гурама Гегешидзе.

Не вдаваясь в подробности, я скажу тем не менее, что в романе Гурама Гегешидзе «Грешник» особенно чувствуется влияние Экзюпери и Сартра. Это сказалось на трактовке образа его героя — Вамеха Гурамишвили, который находит себя, свой путь, вырастает в личность, лишь перенеся большую боль. И как тут не вспомнить слова Сартра: «Каждый человек должен сам отыскать свой путь», или «Настоящая человеческая жизнь начинается по ту сторону отчаяния».

У Вамеха трудная жизнь, но она полна больших духовных открытий. Зрелый мужчина, он начинает новую жизнь среди чужих людей в непривычной обстановке, где не только находит себя, но и переносит на окружающих свою доброту, свое величие. Невольно став жертвой судьбы, он, подобно Оресту, мог бы сказать: «Судьба, которую я несу в себе, чересчур тяжела, она переломила мою молодость».

И все же... Вамех Гурамишвили новый и довольно значительный образ в грузинской прозе, подкупающий своей мягкостью и силой.

И наконец, хочется особо отметить героя романа Нодара Цулеяскири «Тутарчела» — Георгия.

Роман этот своеобразен. В нем мифология переплетается с современностью. Суровая действительность и одержимость человека стремлением принести пользу людям, исцелить их от ханжества, превратить в настоящих людей создают драматические коллизии романа. Образы героев вычерчены резко, иногда даже гротескно, что придает произведению особую остроту. Даже несмотря на некоторые неровности романа, думаю, что его герой Георгий и само произведение являются значительным явлением грузинской современной прозы. Публикация «Тутарчелы» в журнале

«Цискарп» только что закончена, и думаю, наша критика по достоинству оценит это произведение молодого писателя.

Героя современной грузинской прозы до последнего времени отличала некоторая односторонность. Теперь же все яснее начинают проступать контуры этого образа, хотя писатели создают типы принципиально несхожих молодых людей, что также является свидетельством возмужания этого героя.

Наши молодые писатели выбрали правильный путь — отображать жизнь путем освоения опыта мировой и отечественной литературы. Это путь наиболее трудный, но единственный, который приводит к полной художественной завершенности.

Современные грузинские романы и рассказы, герои современной грузинской прозы должны подняться и на эту ступень.

Лина ХИХАДЗЕ

НАШИ ДОБРЫЕ СПУТНИКИ

Как известно, национальное и общечеловеческое отнюдь не находятся во вражде. Напротив, именно на высоком уровне общественного и культурного развития их тесная связь становится особенно очевидной: только то, что оформилось как национальное, может выражать мысли и настроения, интересные своей всеобщностью, и наоборот, обретая общее значение, национальное обнаруживает свою подлинную сущность.

Грузинская литература 60-х годов — явление сложное, интересное, но мне сейчас хочется сосредоточить внимание только на одном ее качестве, которое, как мне кажется, вполне обнаруживает интернациональную и, более того, всечеловеческую сущность ее национальных идеалов.

Начну издаелека. Не так давно в «Литературной газете» печатались выдержки из книги западногерманского врача и социолога Иоахима Бодамера «Современный мужчина. Его облик и психология». Книга посвящена проблеме, которая внушает очень серьезную тревогу мыслящим людям на Западе. Речь идет о дегуманизации общества, о разобщенности людей, о духовной опустошенности, нравственном распаде личности. «Виртуоз безответственности» — называет автор своего современника и продолжает: «Современный мужчина уклоняется от ответственности даже в тех случаях, когда он мог бы — и попросту обязан был бы — взять ее на себя... Нарисованную картину дополняет еще одна существенная черта: отсутствие доброты... Сказать о ком-нибудь, что он хороший человек, — все равно что намекнуть, будто он слабый человек, пусть даже порядочный, но глубоко отсталый...»

Присутствие доброты, присутствие чувства глубокой ответственности за тех, кто

рядом и не рядом, составляет отличительную черту грузинской прозы последнего десятилетия. Произведения, к которым я обращаюсь для аргументации, не обязательно самые выразительные в этом смысле, они выбраны произвольно, но, думается, сама эта произвольность подчеркнет правильность исходной мысли.

В вышедшем в начале 60-х годов романе О. Иоселлиани «Звездопад» есть два таких памятных эпизода: Гогита утешает своего маленького брата Зазу, говоря, что отца не могут убить, ведь у него на винтовке есть штык. Что это такое, младший брат не знает совсем, а старший знает очень приблизительно, но так успокоительно думать, что жизнь отца чем-то надежно защищена... Однажды старый колхозник Климентий решил забрать у Гогиты быков, на которых раньше пахал отец мальчика. Выведенный из себя сопротивлением Гогиты, Климентий бросает ему: «Не вернется твой отец!» «Вернется, — кричит Гогита. — А если не вернется, то я... я-то здесь». В первом эпизоде Гогита ребенок. Во втором — он взрослый. Во всяком случае, в свои тринадцать лет он готов стать взрослым и сильным, и иначе как уже проснувшимся чувством ответственности это не назовешь.

Но то была война, а вот будни, изображенные в недавнем экранизированном рассказе Р. Инанишвили «Кто-то опаздывает на автобус». Это рассказ о трудной, неразделенной любви. Девушка на один день приезжает из деревни, где она работает учительницей. В тот же вечер чувство, более сильное, чем гордость, гонит ее к дому любимого, но, не решившись постучаться, она уходит, не повидавшись с ним. На следующий день она все же решается пойти к нему. Его нет дома, уехал на загородную прогулку с друзьями и... с невестой. А ра-

но утром, еще засветло, она снова сидит в автобусе — возвращается в деревню. Сюжет незамысловатый, не правда ли? И все-таки рассказ приковывает внимание особой чистотой тона. Приковывает внимание и заставляет задуматься. Наше знакомство с героиней длится всего один день, притом очень горький для нее день, весь заполненный лихорадкой ожидания и болью несбывшейся надежды, но и этого одного дня достаточно для того, чтобы не только увидеть в ней большие нравственные силы, но и проникнуть в источник этих сил. А источник их в том чувстве ответственности, которое поднимает ее в холодное, темное ноябрьское утро и не дает опоздать на автобус, потому что в деревне ее ждут дело и люди, которым она нужна.

Я могла бы привести для подтверждения моей мысли почти каждое произведение, отмеченное печатью доброго таланта Арчила Сулакаури. Вот, например, такой простой с виду и такой сложный по своему внутреннему механизму рассказ «Снегопад». Сыплет снег и одевает белым покрывалом дома, улицы, деревья. Так уютно сидеть у окна в теплой комнате, слышать тихое гудение печки и счастливый, спокойный голос жены. Она вспоминает, как они познакомились в прошлом году, тоже в снегопад, как он был предупредителен и добр. А он, слушая и не слыша ее, думает о другом снегопаде и другой девушке, с которой он был так непонятно, непростительно жесток. Возможно, что горькое сожаление о той жестокости и научило его быть добрым.

О необходимости доброты и внимания к бесконечно ранимой человеческой душе читаем мы в рассказе А. Сулакаури «Габо».

Чрезвычайно тонкими, потайными ходами идет к сердцу читателя рассказ «Мальчик и собака». Сулакаури, как всегда, не ставит точек над «і», но заставляет задуматься над удивительным парадоксом: чем мудрее человеческая душа в самоотдаче, тем богаче и сильнее становится она.

Такой акварельности названных выше рассказов противостоит своей откровенной публицистичностью рассказ Э. Кипиани «Золотистые ярсы». Их, однако, объединяет то, что называют обычно пафосом основной мысли, живым дыханием произведения.

Горячка рабочего дня. Редактор просматривает текст статьи о Хиросиме и думает о пилоте, который, сбросив на город бомбу и уничтожив сто тысяч человек, ушел в монастырь замаливать свой грех. А в редакторском кабинете в это время сидит посетитель, который пришел тоже со своеобразной попыткой покаяться. Он принес рукопись повести, сюжет которой редактору сначала кажется тривиальным. Большой мотокросс. Два соперника. Вот один из них вырывается вперед: до финиша остался последний километр, но вдруг он замечает перед собой на дороге ребенка. Невольно он замедляет ход, и эта минутная

задержка оказывается решающей. Соперник вырывается вперед, опрокинув на лету мальчика. Герой останавливается и подбирает окровавленного ребенка.

Редактор взволнован неожиданным поворотом сюжета. Завязывается разговор, из которого выясняется, что описанное в повести — действительный факт, только вместо мотоциклов были машины. Черный «ЗИМ» обогнал «Волгу» на Пасанаурской дороге. Он сбил ребенка и промчался мимо. А автор повести, который правил «Волгой», не остановился и не подобрал ребенка, потому что испугался ответственности. Кто поверил бы ему, что виновник не он?

И вот он пишет повесть, «чтобы в ней, по крайней мере, представить то, чего не сумел сам сделать в действительности».

Посетитель говорит, а потрясенному редактору снова мерещится та же картина: гора, на ее вершине монастырь, а по тропинке, согнувшись в три погибели, поднимается монах в золотистой рясе. На ней, как брызги крови, красные пятна. Аналогия достаточно красноречива: в большом и малом, будь то трагедия Хиросимы или гибель одного человека, жизнь человеческая священна, и все мы в ответе за нее.

Напомню еще другой рассказ Э. Кипиани — «Зеленый занавес», навеянный воспоминанием о знаменитом артисте Ушаги Чхеидзе. И эту тему автор одухотворил мыслью о том, что человек не одинок; тысячи незримых и крепких нитей связывают его с другими людьми, и в этой связи и заключается жизнь; нет ее — нет и жизни. Талантливый артист болен. Тяжелая душевная болезнь приковала его к постели и отделила от людей. Однажды, впервые за много лет, репортеру радио удалось уговорить его произнести монолог «Быть или не быть» и записать его на пленку. Но случилось так, что затерялся кусочек пленки, на которой было записано слово «быть». Все замены неудачны. Маленький сын репортера, стремясь помочь отцу, просит разных людей — рабочих, инженеров на соседнем строительстве, просто прохожих произнести слово «быть». И в назначенный день и час артист слушает радиопередачу. Он слышит это слово «быть», произнесенное свежим, волшебной силы голосом, голосом его молодости. И если даже силы хватило только на одно это слово — значит, не все потеряно. «Быть», «быть», «быть» — звучит в его душе, и он снова чувствует свою причастность к великому общему потоку жизни. И впервые за много лет больной распахивает на своем окне тяжелый зеленый занавес.

Совсем недавно появился в печати интересный роман Гурама Панджикидзе «Седьмое небо». Произведение заслуживает серьезного и обстоятельного разговора, но в данном случае оно меня интересует только с одной стороны: в романе в высшей степени присутствует та присущая нашей действительности нравственная сторо-

на, которая, как я пыталась доказать, является отличительной чертой нашей новейшей прозы.

Герой романа Леван Хидашели, инженер-металлург, человек колоссальной энергии, яркой одаренности и удивительного личного обаяния, все свои незаурядные духовные силы направил к одной цели, а осуществление цели, как известно, ставит человека в определенные связи и отношения с другими людьми. Цель, которую ставит перед собой Леван, не объединяет его с другими людьми, а наоборот, разобщает.

Леван — человек гордый и сильный, он шагает по жизни велегкими путями, но сила, которая движет им, сила эгоистическая — честолюбие, не знающее меры, сушащее душу. Он не хочет никому ничем быть обязанным, но зато и сам освобождает себя от всех обязательств и в конце концов становится отщепенцем. Г. Гвердцители в своей статье «Кто такой Леван Хидашели?» в сущности ставит под сомнение замысел автора. Мне, наоборот, кажется чрезвычайно интересной цель Г. Панджикидзе (в чем она осуществлена а в чем — нет, это уже тема специального разговора) измерить пределы оскудения человеческой души, законы ее всевозможных превращений на пути достижения эгоистической цели. Да, Леван ничего не хочет даром, он за все платит сполна, но плата нелегально дорога: пустынная дорога, по которой он идет в одиночку, требует страшных жертв — утраты чувства общности с людьми, отступничества в любви. (Показательно, что в критический момент, пусть даже пьяный, тем более даже, что пьяный, он потянулся не к Натии, а в дом Минладзе, видимо, для

того, чтобы окончательно усыпить внутреннего стража и избавиться от мук раздвоения.) На этом пути не растрачивают душевные силы на какие-то там сантименты и чувства, а напротив, стремясь к достижению своей цели, приносят ей в жертву свою человеческую сущность.

«Мне отпущение и аз воздам» — мне вспомнилось это библейское изречение в его толстовской трактовке: кара приходит к герою не извне, она заключена в нем самом, в светлой стороне его души, ибо нельзя жить, убивая в себе столь естественное для человека чувство доброты и участия к людям.

В этом и заключается глубинный смысл символической (пожалуй, несколько прямолинейно символической) концовки романа.

Потрясенный встречей с Натией, Леван с головокружительной скоростью мчится в автомобиле по опасным дорогам с единственной мыслью: забыть это тихое, усталое, полное музыки лицо и обогнать, обогнать, оставить позади все встречающиеся в пути машины. В результате этой бешеной гонки он разбивается.

В этой статье я не ставила целью подвергнуть всестороннему анализу все произведение, к которым обращалась. Я хотела указать на одну, на мой взгляд, очень важную черту нашей новейшей литературы. Она зовет к чуткости, к беспокойству за человека, к ответственности друг за друга.

«Мы в ответе за тех, кого приручили» — эти слова, прозвучавшие с такой серьезной требовательностью в грустной, бесконечно тонкой сказке Экзюпери, я могла бы поставить эпиграфом к этой статье.

Тамар ОКРОШИДЗЕ

О некоторых художественных образах грузинского фольклора

(По материалам грузинской сказки)

На протяжении длительного процесса развития земледелия человек в результате наблюдений над крупным рогатым скотом накопил огромный опыт, а его художественное творчество, преломив этот опыт сквозь призму своего вдохновения, придало ему своеобразный и законченный вид. Отпечатки общественных формаций, религиозных верований, мировоззрений и быта пластами накладываются и на характеры фольклорных персонажей.

Каждый народ вводил в фольклорные жанры персонажи, характерные для его жизненного уклада и хозяйства.

Так например, образ быка в грузинском фольклоре не только характерен для художественного мышления грузинского народа, но и представляет собой часть истории его быта.

С этой точки зрения весьма интересна опубликованная в 1893 году Вольным Сваном (Бессарионом Нижарадзе) сказка «Трое братьев и их сестра»,¹ написанная в Верхней Сванетии и восходящая к мифическим истокам происхождения быка.

Бык Бабуа или Бабу, как видно из этой сказки, появляется в стаде только в черед младшего брата; следовательно, он имеет какую-то тайную связь с миноратом. Этот бык и при разделе отцовского имущества достался младшему брату.

Далее в сказке начинается наглядное подтверждение могущества быка Бабу. Он борется и побеждает стада быков и коров, принадлежащие черным, рыжим и белым дэвам.

Анализируемая нами сказка выглядит архаичной: золотой желоб и золотой песок, дэвы, борзые святого Георгия (св. Георгий известен в Грузии как покровитель зверей и охотников), женщина — пожирательница быков и людей, стада быков и коров, и в этом окружении, — и это самое интересное, — сильнейший бык Бабу — безрогий.

В связи с этим наше внимание привлекло сохранившееся в Сванетии сказание. Илорский храм святого Георгия из года в год посылал быка укулдашскому святому Георгию... Но однажды служитель храма святого Георгия украл присланного из Илори быка, а людей стал уверять: не прислал, дескать, нынче Илори пожертвование. После этого в овечьей отаре служителя храма откуда ни возьмись появился безрогий козел Габу. Хозяин задумал убить его. Но только было он занес нож, чтоб заколоть жертву, как нож отскочил от Габу, вонзился самому служителю в глаз и тотчас убил на месте. С той поры вымер весь его род.

Так был наказан человек, который непочтительно обошелся с быком.

К жертвенному быку в Сванетии, по свидетельству Н. Марра, относятся благоговейно, его даже нельзя прогнать с поля. В Грузии земледелец никогда не проклинает рабочего вола.

Козел из записанного в Сванетии сказания — это несколько видоизмененный жертвенный бык. После кражи быка он появляется в отаре овец, и, по нашему мнению, это происходит лишь для того, чтобы покарать осквернителя животного, посвященного святому Георгию. Это подтверждается и фонетическим сходством имен сказочного быка и козла: Бабу — Габу. Как видим, и корень у них один: аб — аб.

Один из основоположников советской фольклористики в Грузии В. Котетишвили отмечал: «В Авесте был Абудади — это первое существо, от которого произошли прочие существа»².

И в самом деле, форма, встречающаяся в Авесте, aevo-data — имя прилагательное, дословно означающее: «единорожденный, единственное творение (aeva = один + data = сотворенный, творение)», это эпитет первобытного быка (Urrind), который в начале сотворения мира был единственным живым существом. По «Бундахишне»³, от семени его произошли многие виды животных. То же самое содержится в учении Митры.

В первой части рассматриваемого слова, вероятно, мы имеем арабское — абу = отец; dad = творение (т. е. отец творений).

В таком случае арабское ав (уп) — отец, направляет нас по верному пути. Можно полагать, что имя Бабуа, которое встречается в начале сказки, или же Бабу действительно употребляется в значении — отец, дед или вообще предок, как оно и сейчас бытует в грузинской разговорной речи. Таким образом, бык, упомянутый в записанной в Сванетии сказке, восходит, видимо, к первобытному быку, прародителю, родоначальнику всех животных.

Высказанное изображение подтверждает существующий в Абхазии пережиток культа козла. По сообщению Д. Гулия, абхазы считают козла не только тотемом, но и зооморфной эмблемой божества. Козла иногда называют в Абхазии ааб — отец. Ацта, ацта — по-абхазски означает жертвенное животное, аб — цта — «жертвенный отец»⁴. Первое а — характерная, обычная для абхазского языка приставка, а аб, как говорилось выше, по-арабски означает «отец».

Французский исследователь Г. Контено в своем труде дает краткий обзор религии шумеров. Автор называет интересное для нас высшее божество АВ — ОИ, отца растительного мира, среди атрибутов которого отмечается прежде всего

¹ Народная словесность. V. Под ред. М. Чиковани. С вступительной статьей 1956, стр. 276 (на груз. яз.).

² В. Котетишвили. Народная поэзия, 1934, стр. 353 (на груз. яз.).

³ Сочинение религиозного характера на среднеперсидском или пехлевийском языке.

⁴ Д. Гулия. Культ козла у абхазов... 1928, стр. 3.

бык, а затем — молния и топор. Те же характерные черты находит Г. Контено у хеттов и хуритов в Месопотамии.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что бык, связываемый в шумерской религии с высшим божеством, сам является зооморфным образом этого божества.

Итак, быка грузинской волшебной сказки, который встречается в том же значении АВ—ОИ—а или отца, предка, донесли до нас и религиозные взгляды шумеров — народа, давно уже сошедшего с исторической арены.

Распространенное по всей Грузии и содержащее языческо-христианские элементы стихотворение о быке «По понедельникам строилась крепость» по своему генезису восходит к истокам земледелия в Грузии. Это стихотворение характеризует быка не только в его мифическом окружении, но и как реального быка-труженика, непосредственного соучастника деятельности земледельца, а также как животное, наиболее приближенное к великому богу, то есть изображает быка в связи с небом.

Следует отметить, что в грузинском фольклоре бык сохранил свое мифическое величие исключительно в фантастических и горских, преимущественно в древнейших сванских, обрядовых гимнах-песнопениях. В бытовых же сказках и трудовых стихах он всего лишь реальное тяговое животное.

Некоторые мотивы вышеназванного стихотворения встречаются в сванском быте. Это те строки стихотворения, где бык изображается со свечами на рогах.

Никто не брался кормить человека.

Очень трудно было ему пахать и сеять, боронить и возить.

И сказал честный бык: поручите это мне.

Тут слетелись ангелы, расцеловали его в оба глаза.

Слепили пару свечей, прикрепили на оба рога.

В новогоднем церемониале у сванов наряду с людьми участвует и бык с горящими свечами на рогах. То же самое наблюдается в Южной Грузии, в Джавахети, где на Новый год мек в ле (первый поздравитель) входил в дом с быком, у которого на рогах прилеплены горящие свечи, и вместе с главой семьи обходил вокруг очага.

При совершении погребальных обрядов сваны обычно у гроба покойного вместе с конем ставили и бычка с парой горящих свечей на рогах¹.

Таким образом, поэтические строки «слепили пару свечей, прикрепили на оба рога» имеют под собой прочную основу в этнографии грузин и являются реалистическим образом.

В Грузии, на родине древнейшего культа быка, под именем Цикара перед нами предстает рыжий бык, который по цвету сравнивается в мифологии с пламенем. И в грузинской пословице рыжий бык изображается как символ огня: «Где лежал красный бык, там трава не вырастет».

По сказке, этот бык связан с песней и поэзией. «Цикара повел юношу, гонимого мачехой, в открытое поле, — повествует сказка, — а там стоял один тополь, да такой высокий, что его верхушка пронзала небо, поднял бык молодца на дерево, дал в руки две свирели: одну Нужную, другую Потешную. И сказал так: коли тугο придется, заиграй в Нужную свирель, и я тотчас окажусь здесь, а коли попить захочешь, заиграй в Потешную, она тебе и еду принесет и питье».

Здесь мы имеем дело с поэтизированным реальным образом быка, который в самом деле был верным другом человека и в беде, и в радости.

Думается, художественный образ Цикары является носителем всех тех взглядов и верований, касающихся быка, которые были выработаны грузинским народом в течение длительного периода своего существования.

В творчески развитом варианте упомянутой сказки², где участвуют два быка — Цикара и Гвинна, мы особо выделили один интересный мотив: «когда Цикара и Гвинна посадили мальчика на дерево, они наставляют его: как проголодаешься, заиграй в Потешную свирель...» «Быки ушли, — читаем в сказке, — мальчик-пастушок проголодался. Заиграл он в Нужную свирель... Приходят Цикара и Гвинна. Слезает мальчик с дерева, а быки из рогов дают ему напиток-молока...».

Питье молока из бычьего рога может иметь и другое объяснение. Молоко — один из символов плодородия, несомненно, отсюда и происходит «рог изобилия», известный из античного искусства. И, быть может, именно этот архаический момент зафиксирован в вышеприведенной сказке.

В указателе мотивов Томсона упоминается доение быка.

¹ В. Бардавелидзе. Календарь сванских народных празднеств... стр. 72—73: (на груз. яз.).

² Народная словесность, V. стр. 299 (на груз. яз.).

Различные мотивы сказки о быке Цикара находим и в сказках других народов, где в качестве животных-заступников встречаются также конь, жеребенок, олень, буйвол и др.

В грузинском фольклоре часть эпитетов, характеризующих быка, генетически увязывается с миром мифологии. Так в пшавском стихотворении «Царство тьмы пашет бык однорогий...»

Наличие подобных образов в общем арсенале грузинско-кавказского художественного мышления подтверждает осетинский эпос о наргах, где наряду с грузинским однорогим быком встречаются двурогие, а также трех-, четырех- и пятирогие быки.

По грузинской сказке у одного юноши была упряжка быков, которая по своей силе не уступала двенадцати упряжкам волов и буйволов. Прослышал про его быков один безбородый человек, у которого «была дочь, прекрасная, как солнце». Очень хотелось безбородому заполучить этих быков. И вот однажды он приходит к юноше и говорит: «Давай-ка побьемся с тобой об заклад. Покажу я тебе одно место, если эту землю завтра до вечера успеешь вспахать, моя красавица-дочь твоею станет, а если не успеешь, этих быков мне отдашь...»

До полудня юноша с помощью своих быков вспахал поле. Безбородый, предвидя возможное поражение в споре, через коварную старуху послал пахарю хурджин с едой и два кувшина вина.

Юноша окинул взглядом еще не вспаханную землю, хорошенько прикинул на глаз и сказал: — Солнышко еще высоко, остальную землю я враз вспашу. Пустил он быков, а сам сел и стал с удовольствием закусывать. Старуха все подливала, да подливала ему вина, и парень опорожнил оба кувшина. Захмелел он и уснул.

Солнце стало склоняться к закату. Быки забеспокоились, замычали, но никак не могли разбудить хозяина. Наконец, один бык сильно укусил его за большой палец руки. Юноша вскочил от боли, глянул на солнце и вскрикнул: — Горе мне, ради двух кувшинов вина я спор проиграл!

— Не бойся, — утешили его быки. Боднули они рогами солнце и перекатили на середину неба¹.

Примечательно то обстоятельство, что у древнейших картвельских племен поклонение луне — исторически засвидетельствованный факт. У божества Луны в образе человека из-за плеч выглядывают рога ушербоного месяца: «Найденное в Богаское изваяние одного неизвестного божества с рогами на лбу также следует отнести к изображениям Луны, — пишет историк Ив. Джавахишвили. — бычьи рога также обычно считались знаком Луны»².

Удивительна, на первый взгляд, логическая связь между луной и быком. Существовавшее в действительности у картвельских племен верование сформулировано в сказке на основе взаимоотношений луны и быка, а это ведь означает движение по небу солнца и луны. В приведенном эпизоде сказки передано единороство двух небесных светил во имя блага человека.

В варианте этой же сказки бык со звездой на лбу, чтобы продлить день, останавливает солнце своим хвостом³.

В сказке «Златорогие бычки» вешая корова, едва узнав, что у ее хозяина родится сын, тотчас ушла из дому, поселилась в лесу и положила там начало стаду. В этой сказке корова изображается всемогущим животным. У нее есть мешок, полный муравьев, который выручает из беды впавшего в отчаяние хозяйского сына. Шерсть одичавшей коровы обладает магической силой.

У живущей в лесу коровы родились златорогие бычки. Следует учитывать то обстоятельство, что этим мифическим признаком наделены также быки, приносимые в жертву великому богу, которые упоминаются в сванском гимне солнцу «Лилэ». У этих быков были золотые рога, и они скакали с горы на гору.

В вышеозначенной сказке мы имеем дело с так называемыми «одичавшими» быком и коровой и постольку, возможно, с культом этих одичавших домашних животных. В самом деле, этнограф В. Бардавелидзе в своем специальном труде приходит к выводу: «В сванской этнографической действительности были засвидетельствованы пережитки поклонения одичавшим быку и корове»⁴.

Героиня древнейшего грузинского эпоса Амирани находится в тесной связи с коровой и быком: «...Когда из чрева моего исторгнется ребенок, — говорит зла-

¹ Грузинские народные сказки под ред. Ш. Дзидзури, 1959, стр. 82 (на груз. яз.).

² Ив. Джавахишвили. История грузинского народа, 1, 1960, стр. 59 (на груз. яз.).

³ В. Котетишвили, названная книга, стр. 405.

⁴ В. Бардавелидзе. Образцы грузинского (сванского) обрядового графического искусства. Тбилиси, 1953, стр. 154 (на груз. яз.).

товолосое божество зверей охотнику, — три месяца держи его в трюхе телки, потом три месяца в трюхе тельца, дабы то, что не хватило плоду в трюхе матери, восполнилось...»¹

Следы сильного культа быка хорошо видны также в грузинских легендах и сказаниях. В одном таком сказании «бог сотворил мир и человека, стал думать о том, какое животное принесет пользу человеку». Предложил он оленю и быку вступить в состязание: кто быстрее пробежит по небу, тот и получит награду. Олень сорвался с места и полетел. Хотел он перегнать быка, но от долгого бега раздулся и умер. Остался от него только след на небе, называемый «Оленьим прыжком».

А бык пошел неспеша, пожевывая траву. Долго он шел, но все же дошел до цели. След быка тоже остался на небе, его называют «Бычьим путем». После того освятил господь быка, благословил его выю, и с той поры возложено на него бремя служения человеку².

В сказании бык выведен в связи с небом как освященное богом животное. Выя его благословенна. Традицию этого сказания продолжает трудовое стихотворение:

Бык, кто нарек тебя быком, бык, с прекрасным ликом,
Явившийся нам в утешение, с выею благословенной ты могуч.

Богом благословенным животным выглядит бык и в хевсурском стихотворении «Бык Никора» (nikora — бык с белой отметиной на лбу):

Освещен ты господом,
Стоит столп света над головой твоей.

В истории грузинского искусства весьма важным фактом считается «сохранившееся на восточном фасаде храма Светицховели симметрично расположенное рельефное изображение двух быков, которым присущи культовые черты только маздеизма, на лбу у них — отчетливо выраженный знак, характерный для исполнителей упомянутого культа...»³, — пишет акад. Ш. Амиранашвили.

Среди украшений капителей Болнисского Сиони искусствоведы выделяют рельефное изображение головы быка. Между рогами быка сохранился рельефный равноконечный крест. Этот рельеф является символическим изображением священного быка...

Нас интересует, был ли в Грузии известен бык среди тотемов?

В этнографии отрицательный ответ дает на этот вопрос В. Бардавелидзе. «Что представляли собой первоначально бык и корова в идеологии наших древнейших предков, были ли они, например, тотемными животными, — по этому поводу вследствие нецелостности соответствующих этнографических материалов мы пока еще ничего не можем сказать»⁴, — пишет исследователь.

Тогда что же должны означать языческие или христианские знаки при изображении головы быка на храмах Светицховели и Болниси?

Кроме того, немаловажным представляется почитание быка в грузинском быту, что подчеркивает сильный культ этого животного. Думается, наряду с другими отраслями решающее значение имеет народная словесность, и в частности, волшебные сказки, где встречается много бесспорных черт народных верований, которые с незапамятных времен запечатлели тотемный образ быка.

Лия ТУШИШВИЛИ

Орбелиановская версия «Калилы и Димны»

Труд известного грузинского ориенталиста, доктора филологических наук М. А. Тодуа посвящен одному из узловых вопросов истории грузинского текста «Калилы и Димны» — версии Саба Сулхана Орбелиани.

Во вступлении подробно прослеживается история «Калилы и Димны». Автор освещает вопросы о взаимосвязи памятника с «Панчататрой», особое внимание уделяя сходству и расхождению притч и истории возникновения арабских версий, их взаимоотношению с сирийским переводом.

¹ М. Чиковани. Прикованный Амирани. 1947, стр. 187 (на груз. яз.).

² В. Котетишвили, названная книга, стр. 357.

³ Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства, 1966, стр. 144 (на груз. яз.).

⁴ В. Бардавелидзе, названная книга, стр. 152.

В разделе — персидские версии «Калилы и Димны» предметом исследования является история персидских версий (версии Бал'ами, Рудаки, Кане-и, Кашефи, Джеханбахша). Заслуживает внимания предположение автора, согласно которому стихотворная версия Рудаки опирается на персидскую прозаическую версию (Бал'ами), а не на арабский перевод. Для этой эпохи, по мнению М. Тодуа, характерно создание прозаического перевода произведения, а затем его переложение в стихи. Так было создано произведение «Вис о Рамин», не исключена возможность, что подобным же образом был создан «Витязь в тигровой шкуре». Исследователь полагает, что намек на фабулу «Векхистаосани» содержит персидское произведение «Чардарвишани».

К бейтам «Калилы и Димны», зафиксированным в стихах Рудаки, Тодуа добавил около десяти новых бейтов и попытался не только увеличить число этих фрагментов, но и увязать их друг с другом и придать им композиционную четкость и стройность.

Автор рассматривает произведения, в которых встречаются притчи из «Калилы и Димны» («Хосров о Ширин» Низами). Он подчеркивает особое значение версии Кашефи «Анвар-е Сахейли» для истории персидской литературы. В этом памятнике, датированном XV веком, процитированы такие классики, как Низами, Саади, и авторы, рукописи которых относятся к более поздней эпохе.

С нашей точки зрения, раздел «Версия С. С. Орбелиани» было бы более правильным озаглавить «Историей грузинского текста «Калилы и Димны», так как помимо версии Орбелиани автор рассматривает версии Давида и анонимных авторов, версию Вахтанга VI и других.

По мнению автора, не поддаются никакому сравнению в отношении художественности версии Вахтанга и Орбелиани: перевод Вахтанга дословный и не претендует на художественность. Однако, с точки зрения истории грузинского языка, предпочтение следует отдать переводу Вахтанга, ибо С. Орбелиани порой умышленно заменял лексику Вахтанга более архаичной.

Следует указать на глубокое знание автора работы существующей научной литературы по данному вопросу и здравое критическое отношение к ней.

Исследователям грузинско-персидских литературных взаимоотношений следует учесть положение, выдвинутое М. Тодуа, согласно которому первенство в переводе персидской поэзии в стихах принадлежит Вахтангу, Онана и Саба.

В этом разделе особое внимание уделено вопросам формы и метрики стихов, включенных в ткань повествования «Калилы и Димны».

По мнению Тодуа, Саба Орбелиани, используя все размеры и формы стиха, фактически создал первую хрестоматию грузинской поэтики. Думается, положения, представленные в данной работе, не смогут быть обойдены исследователями грузинского стиха.

Автор подчеркивает значение грузинского текста «Калилы и Димны» для персидского памятника Кашефи, в ряде случаев грузинское произведение дает возможность внести некоторые поправки и уточнения в персидский подлинник.

Одна из основных целей данной работы состоит в выявлении и объяснении тех неточностей и погрешностей, которые встречаются в версии Орбелиани. Этот вопрос подробно исследован в последнем разделе труда — «Взаимоотношение «Калилы и Димны» С. Орбелиани с оригиналом». Здесь выявлено 546 случаев неправильного понимания подлинника.

По мнению автора, Вахтанг VI не владел в совершенстве персидским языком, что касается Саба Орбелиани, то он — знаток персидского языка — не всегда обращался к подлиннику и поэтому повторил почти все ошибки переводчика. Кроме того, отдельные правильно переведенные места Саба не были поняты (ввиду их специфичности), и в результате допущены ошибки (например, джан бахтан у Вахтанга — «игра душой», у Саба — «танец души»).

В одном случае ошибки версии Вахтанга графического характера (например, хас-халас); в другом — причина неточности в неправильном подборе подходящего значения многозначного слова (например, даялат — «счастье», но не «государство»). Однако наибольшее число ошибок вызвано неправильным пониманием текста.

Поправки, внесенные М. А. Тодуа, в основном не вызывают возражений, и, с нашей точки зрения, их следует учесть при научном издании текста.

Интересный материал содержат и дополнения. Первое из них касается миниатюр грузинской версии Саба и их создателей. По мнению автора, миниатюры принадлежат трем художникам, последний из них — русский. Во всяком случае, его творчество относится к русской культуре.

За этим следует таблица притч «Калилы и Димны» и схема происхождения грузинского памятника. Дается также парадигма одной из притч, в частности, об «Отшельнике, дэве и воре», индийской, сирийской, арабской, персидской и грузинской версий. Автор приходит к выводу, что некоторые версии «Калилы и Димны» в известных случаях выявляют близость не к своему непосредственному источнику, а к более отдаленному прообразу.

Федор ДОЛИДЗЕ

ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ

В 1911 году я переехал из Тбилиси в Петербург. Там, так же как в Москве и по всей России, участвовал в организации публичных лекций, литературных вечеров, диспутов и т. п. с привлечением видных ученых, политических и общественных деятелей.

3 апреля 1917 года по Петрограду распространился слух о приезде из-за границы Владимира Ильича Ленина. В этот день ко мне зашел известный критик Петр Семенович Коган (впоследствии профессор), и мы направились к Финляндскому вокзалу, куда с трудом пробрались, так как все улицы, прилегающие к нему, были заполнены рабочими, солдатами, матросами.

На платформе и на привокзальной площади висели многочисленные плакаты: «Да здравствует вождь революции!», «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует наш родной Ленин!».

На вокзале и по дороге к нему выставлен почетный караул из матросов и солдат. Рабочие с цветами в руках, пением и возгласами «ура!» приветствовали возвращение Ленина.

На вокзале от Петроградского комитета большевиков Владимира Ильича приветствовала Александра Михайловна Коллонтай.

При несмолкаемых криках «ура!» Ленин вышел на привокзальную площадь. Рабочие и солдаты подхватили его и подняли на броневик. Гром аплодисментов и крики «ура!» долго не давали ему говорить.

Наконец, наступила тишина. Владимир Ильич с броневика приветствовал революционный пролетариат России: рабочих, матросов и солдат. Он произнес знаменную речь, призывающую к борьбе за социалистическую революцию. Слова его вызвали бурю аплодисментов.

По окончании речи под бурные и дружные аплодисменты в сопровождении десятков тысяч рабочих и солдат Ленин на броневике, который с трудом продвигался сквозь толпу, направился на Петроградскую сторону ко дворцу Кшесинской, где в то время находился Комитет большевиков. всю дорогу несмолкали приветственные возгласы и крики «ура!»

С балкона дворца Кшесинской Владимир Ильич снова произнес большую речь. Она произвела на всех присутствующих громадное впечатление. Несмотря на поздний час, народ долго не расходился. Был уже четвертый час утра, когда я, усталый, направился домой.

Второй раз мне посчастливилось увидеть Ленина в Москве, в зале Политехнического музея, где 12 марта 1918 года он выступил с речью перед депутатами Моссовета. Это было первое выступление Владимира Ильича в Москве.

Зрительный зал Политехнического музея мог вместить около восьмисот человек. Но на этот раз здесь собралось более тысячи. Люди заполнили все проходы.

При появлении Ленина все присутствовавшие в едином порыве встали и приветствовали вождя аплодисментами и криками «ура!». Владимир Ильич старался восстановить тишину, подняв руку, но аплодисменты и восторженные приветствия еще более усилились. Тогда Ленин сам начал аплодировать, приветствуя делегатов. Когда зал затих, Ленин начал говорить. Говорил Ильич о брестском договоре, который волновал в ту пору всех. Некоторые были против брестского договора, против мира.

Это позорный мир, — говорил Ленин, — но он необходим для передышки, надо эмигрировать время. Сейчас для нас сложилась тяжелая обстановка, нам предстоят суровые испытания.

В его словах была такая сила, говорил он с такой уверенностью, что всем стала ясна вся правдивость заключения мирного договора. От ленинских слов всем стало радостно на душе.

Несмолкаемыми овациями, криками «Да здравствует Ленин!» собравшиеся выразили свое полное одобрение ленинской политике мира.

Владимир Ильич уехал, а депутаты долго еще не расходились под впечатлением речи вождя, делясь своими мнениями.

С 1919 года я был заведующим Лекционно-концертным отделом при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Центропечать и членом Совета Рабочих Депутатов Городского района г. Москвы. Под моим председательством часто проходили собрания, митинги и различные выступления политических и общественных деятелей.

Помню, на одном из митингов в 1920 году в Колонном зале Дома Союзов перед рабочими выступали Владимир Ильич Ленин и Анатолий Васильевич Луначарский. Первым говорил Луначарский. Объявив о его выступлении, я, выйдя за кулисы, застал Владимира Ильича сидящим на ступеньках эстрады и беседовавшим с окружающими его товарищами.

Подойдя к Ленину, я предложил ему отдохнуть в отдельной комнате до окончания речи Луначарского. Однако Владимир Ильич, поблагодарив меня, остался за кулисами и продолжал беседовать. Двое солдат-грузин, приехавших только что из Грузии, говорили ему о том, что там все рабочие — за Советскую власть, что имя Ленина произносится ими с любовью и уважением.

Интересно отметить, что Ильич беседовал с ними запросто, и солдаты не могли скрыть своего восхищения этим.

Вспоминается также, что в конце 1919 года в Колонном зале Дома Союзов проводилась Всероссийская конференция художественной самодеятельности. Узнав, что Ленин находится в одном из залов и дружески беседует с партийными работниками, я направился туда и, уловив момент, обратился к Ленину с просьбой выступить хотя бы с краткой речью.

Владимир Ильич согласился выступить по окончании дискуссии. Но, к сожалению, выступление не состоялось, так как Ленин вынужден был уехать по срочным делам в Кремль.

Приходилось мне встречаться с Лениным во время записи его речей на граммофонные пластинки. В 1919 году впервые в Советском Союзе по инициативе Ленина было создано производство записей на грампластинки.

Ленин выступал с речами о Коммунистическом Интернационале, о том, что такое Советская власть, и другими. Благодаря этим записям нынешнее поколение имеет счастье слушать голос Ильича.

Владимир Ильич вел агитацию и среди товарищей, рекомендуя им записывать свои речи на граммофонные пластинки.

Записи речей происходили в Кремле, на фабрике под Москвой, а иногда и в помещении Центропечати (Тверская, 38). Одной из первых речей после ленинской была записана речь Михаила Ивановича Калининна.

В марте 1921 года в Москве в Большом театре проходил X съезд РСДРП(б) под руководством Владимира Ильича Ленина.

Мне было предложено по окончании съезда устроить для делегатов большой концерт. Выступали Шаляпин, Собинов, Нежданова, Голованов, Качалов, Станиславский, Гельцер, Яблочкина, Садовский, Цесевич, Москвин и другие.

В этом концерте мне впервые пришлось выступить в качестве ведущего. Перед началом я вдруг обнаружил, что забыл пригласить на вечер ведущего. Узнав об этом, артисты сказали мне, что они будут называть свои номера, а я буду объявлять. Посмотрев через щелочку в зрительный зал и увидев тысячи делегатов, а в правительственной ложе Ленина, Сталина, Фрунзе, Ворошилова, Калининна, Орджоникидзе, Дзержинского, Кирова и других, я разволновался и отказался выступать. Но тут ко мне подошел заведующий Центропечатью Б. Ф. Малкин: «Ты же часто выступаешь председателем на собраниях и митингах, а почему тут стесняешься? Ну-ка, наберись храбрости!» И, не дожидаясь моего согласия, почти вытолкнул меня на сцену.

Концерт прошел с большим успехом. По окончании вечера Владимир Ильич пришел за кулисы и поблагодарил всех участников. Артисты были растроганы вниманием Ильича.

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ БРОШЮРЫ

В Москве в Центральном музее В. И. Ленина, в зале — Лениниана, где представлены ценные экземпляры ленинских трудов, изданных почти во всех странах мира и ярко свидетельствующих о мировом триумфе всепобеждающих идей ленинизма, мое внимание привлекло второе издание брошюры В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи». У этого издания интересная история.

Как известно, 2 октября 1920 года В. И. Ленин в своей речи, произнесенной на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи, с огромной глубиной и ясностью определил задачи комсомола в коммунистическом строительстве, коммунистическом воспитании молодежи.

Эту историческую речь В. И. Ленина под названием «Задачи союзов молодежи» в том же 1920 году выпустило отдельной брошюрой тиражом в 200 тысяч экземпляров московское издательство Народного Комиссариата Просвещения России. И это было ее первое издание. Брошюра была быстро распродана и вскоре стала библиографической редкостью. Многие райкомы комсомола имели единственный экземпляр этой брошюры, который по очереди давали первичным комсомольским организациям для изучения. Помимо этого, молодежь от руки переписывала ее текст. Появились молодые художники-энтузиасты, которые оформляли заголовки переписанной брошюры и таким образом распространяли ее.

К этому времени — летом 1921 года — на Советскую республику обрушилась сильная засуха; она вызвала большой неурожай и голод. Голодало тогда в России около 20 миллионов человек. Особенно пострадало опустошенное Белогвардейцами Поволжье, где тяжелому испытанию подверглись дети-сироты.

Советское правительство собрало средства для оказания помощи голодающим. По всей нашей стране шел их добровольный сбор под лозунгом: «Десять обеспеченных должны прокормить одного голодающего».

По инициативе В. И. Ленина был создан «Совет защиты детей», открылись первые детские санатории, лесные школы. Ленин был также инициатором организации при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета комиссии по улучшению жизни детей. По предложению Владимира Ильича во главе этой комиссии стал Феликс Эдмундович Дзержинский.

В. И. Ленин обратился с призывом к комсомольцам и молодежи пойти в наступление против засухи, чтоб спасти от голода детей Поволжья.

Государственным детдомом было недостаточно. Комсомольцы на свои средства открывали в районах детские дома и из своих сбережений выделяли средства на питание и одежду детям. Те, кто работал в пошивочных мастерских, экономили ткани и бесплатно шили детям одежду, а те, кто — в московских прачечных, бесплатно стирали белье для детских домов. Так же поступали и молодые мастера обувных фабрик и мастерских — они бесплатно шили детям обувь. Учащиеся вязали для них чулки и перчатки.

Каждый комсомолец пытался хоть чем-то помочь общему делу спасения детей.

Однажды в Московский городской райком комсомола пришли комсомольцы 26-й Московской типографии-литографии. Они сообщили секретарю райкома, что сэкономили бумагу и хотят во время субботников набирать и печатать книги. Сумму, полученную от их реализации, они отдадут на нужды голодающих детей. Комсомольцы просили совета, какую книгу им печатать и разрешения о ее распространении среди молодежи района.

Секретарь райкома посоветовал напечатать брошюру В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи». «Это будет замечательный подарок детям и комсомольцам», — сказал он.

Мысль эта понравилась комсомольцам. Но перед ними возникло неожиданное препятствие — никто, кроме самого Ленина, не мог дать им разрешения на напечатание его речи. Тогда они решили при содействии Н. К. Крупской добиться согласия на это Владимира Ильича.

Н. К. Крупская тепло приняла комсомольцев типографии. Расспросила о работе, учебе и личной жизни. Затем внимательно выслушала их просьбу и сказала, что уже несколько раз просила Ильича разрешить снова напечатать эту брошюру, но он не соглашался, потому что хотел внести дополнения и полноценно

переиздать ее, чтобы исчерпывающе ответить на все те вопросы, которые волновали молодежь. Затем Надежда Константиновна добавила, что Владимир Ильич, к сожалению, совершенно не имеет свободного времени.

Но делегаты молодежи все же попросили Н. К. Крупскую оказать им содействие и переговорить с Лениным относительно переиздания его брошюры, они рассказали Надежде Константиновне о том, что книжка эта распространяется в переписанном виде.

Надежда Константиновна очень заинтересовалась этим сообщением. «Принесите, пожалуйста, мне эти переписанные книги», — сказала она.

Комсомольцы тотчас же выполнили просьбу Н. К. Крупской, и она пообещала им: «Я покажу эти книги Ильичу, может быть, и ему они понравятся, и тогда он непременно удовлетворит вашу просьбу». Так и случилось — Ленин дал согласие на повторное издание брошюры.

Комсомольцы приступили к ее изданию, но по неопытности им не хватило бумаги для титульного листа; они снова обратились к Крупской и попросили разрешения издать брошюру без подзаголовка.

Надежда Константиновна посоветовала в случае нехватки бумаги выпустить брошюру без титульного листа и оглавления, но сказала, что издание ее без подзаголовка — невозможно.

Комсомольцы поступили так, как посоветовала Крупская. Во время субботника набрали текст книги и первый оттиск послали ей для Ленина.

Возвратив комсомольцам исправленный текст брошюры с разрешением его напечатания, Н. К. Крупская сказала им: «Ильич советует на обложке брошюры напечатать фамилии тех комсомольцев, которые принимали участие в ее наборе и печатании».

Из скромности комсомольцы вначале отказались напечатать свои фамилии, но потом, когда убедились, что это приблизительно то же самое, что повесить свои фамилии на Красной доске, согласились.

Для обложки не было переплетной бумаги. Но и здесь инициативная молодежь сумела найти выход. Часть сэкономленной печатной бумаги, по согласованию с дирекцией, они обменяли в другой типографии на переплетную.

Таким образом, в 1921 году в Москве вышла брошюра Ленина (В. И. Ульянова) «Задачи союзов молодежи» вторым изданием тиражом в 5800 экземпляров. На последней странице ее по указанию В. И. Ленина было напечатано: «Набрана и отпечатана в порядке трудовых субботников членами ячейки РКСМ при 26-й типографии гг. Мельниковым, Киселевым, Беликовым, Миткиным, Пискуновым, Князевым и Удаловым в пользу голодающих детей Поволжья».

Брошюра была распродана сразу же после выхода. Автор от гонорара отказался. И сумма, поступившая от ее продажи, полностью была перечислена в фонд оказания помощи голодающим.

В таких сложных условиях по инициативе комсомольцев типографии во время субботников была вторично издана отдельной брошюрой речь Ленина на III съезде комсомола, которая с 1920 по 1968 год издавалась 388 раз общим тиражом 14 867 тысяч экземпляров на 72 языках народов нашей страны. Только в Грузии она издана 12 раз общим тиражом более 180 тысяч экземпляров.

Акакий ШАНИДЗЕ,
академик АН Грузинской ССР

Этимологический словарь картвельских языков

Генетическое родство картвельских языков усматривали многие ученые конца XVIII и первой половины XIX века, но сравнительному изучению этих языков положил начало проф. С.-Петербургского университета А. Цагарели, издавший сперва «Сравнительный обзор морфологии Иберийской группы Кавказских языков» (1872)¹, а затем «Мингрельские этюды» (в двух выпусках, СПб, 1880). Особенно много сделал в этом отношении Н. Я. Марр, который в своих многочисленных работах, вышедших главным образом до 1920 года, дал много ценного для уяснения родственных связей этих языков.

После Октябрьской революции центр исследовательских работ по картвелистике переместился в Тбилиси, где основание университета (в 1918 году), а затем и Академии наук Грузинской ССР (в 1941 году) имело решающее значение для дальнейшего подъема этимологических работ.

Продолжатель Александра Цагарели по линии изучения колхского (или чано-мегрельского) языка И. А. Кипшидзе, увы, рано сошел в могилу (в 1919 году), но все же тбилисская школа лингвистов (Г. Ахвледиани, А. Шанидзе, А. Чикобава, В. Топурия и их ученики), а также историк И. Джавахишвили сделали не мало для уяснения структуры и истории картвельских языков.

За рубежом, после Г. Шухардта, весьма плодотворным оказались работы Г. Деегерса, Р. Лафона, Г. Фогта.

К началу седьмого десятилетия XX века уже было накоплено значительное количество фактов по вопросам выявления словарного состава картвельских языков и изучения лексики в сравнительно-историческом аспекте. Появились также специальные разыскания по этимологии. Но работы, касающиеся этих вопросов, разбросаны по разным журналам и отдельным изданиям, которые не всем и не всегда доступны. Поэтому давно чувствуется настоятельная потребность в работе обобщающего характера, которая, подводя итоги достижениям предшественников и отмечая

все лишнее и неправильное, отметила бы определенный этап в развитии данной науки и стала бы отправной точкой для дальнейших исследований. Отрадно отметить, что в последнее время намечился определенный поворот в этом отношении в области сравнительного изучения картвельских языков: недавно появилось исследование К. Н. Schmidt'a *Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache* (Wiesbaden, 1962), а за ним последовало исследование Г. А. Климова «Этимологический словарь картвельских языков». (Издательство АН СССР, Москва, 1964, стр. 306). Эти исследования, дополняя друг друга, являются ответом на давно назревший вопрос: каково состояние изучения основного (собственно картвельского) лексического фонда на современном этапе развития науки о языке?

Предметом настоящей статьи является критическое рассмотрение работы Климова, состоящей из введения и словаря, в котором слова расположены в порядке букв грузинского алфавита. Далее идут: сокращения названий языков и диалектов, сокращения названий литературы на русском, грузинском и армянском языках¹, сокращения названий литературы на европейских языках и указатели основ (грузинских, занских, сванских, горских кавказских языков, армянских, общиндоевропейских) и семантический указатель.

Исследование Г. А. Климова имеет свои достоинства и свои недостатки. Начнем с последних.

Отметим прежде всего, что труд Г. А. Климова называется «Этимологический словарь картвельских языков». Это значит, что в нем должны быть разъяснены этимологии основ, имеющихся в картвельских языках, то есть этимологии как собственно картвельских слов, искони бытовавших в них, так и заимствованных из других языков. А между тем в нем речь идет только о собственно картвельских основах, не заподозренных в

¹ Означенный труд А. Цагарели переиздан в 1957 году в «Трудах Тбилисского государственного университета», т. 67.

¹ Названия грузинских и армянских книг и статей здесь даны в русском переводе, без указания языка, на котором они написаны, что может ввести читателя в заблуждение.

иноязычном происхождении¹. Следовательно, заглавие труда шире, нежели его содержание.

Далее обращает на себя внимание вопрос о транскрипции картвельских слов. Как хорошо известно, грузины имеют свою национальную письменность с IV века н. э. Дошедшие до нас древнейшие грузинские памятники относятся к V веку. Грузинское письмо — весьма совершенное и удобное: каждый звук имеет свой особый алфавитный знак, и каждому знаку соответствует свое произношение. Поэтому картвельские слова следовало давать в их грузинском написании с параллельным употреблением латинской транскрипции подобно тому, как это сделал Х. Хюбшман для этимологического словаря армянского языка, где армянские слова даны сперва армянскими буквами, а затем — латинскими².

Применение грузинских букв в труде Климова диктуется тем соображением, что грузинское письмо — величина постоянная, а латинская транскрипция — величина переменная. В этом вопросе нет единой системы, которой следовали бы все специалисты картвельских языков; одни транскрибируют так, другие иначе. Чтобы не идти далеко, отметим, что губно-зубной грузинский согласный з К. Шмидт передает через v , а Климов через w . Поэтому было бы понятнее, если бы автор словаря не отказался от передачи картвельских слов в их грузинском написании, тем более, что разъясняемые слова он дает в порядке грузинского алфавита, а не латинского. Г. А. Климов, наверно, первым запротестовал бы, если бы М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка»³ вздумал обойти русский алфавит и весь русский материал дал бы в латинской транскрипции.

Правда, применение грузинского алфавита в словаре Климова усложнило бы печатание, но зато исследование на много выиграло бы. Пора, наконец, преодолеть типографские затруднения!

В древнегрузинском строго различались между собой губно-зубной согласный з (в транскрипции Климова w)⁴ и неслоговой гласный უ (u), которые совпали в новогрузинском произношении. Климов, исходя из новогрузинских форм, современную орфографию распространяет и на древние формы; так например,

¹ Исключение составляют лексические встречи с индоевропейскими языками, имевшиеся в общекартвельском языке к моменту его распада на отдельные языки.

² H. Hübschmann. Armenische Grammatik. Th. I. Etymologie. Leipzig. 1895—1897.

³ Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. 3 Bde. Heidelberg. 1953—55—58.

⁴ Во избежание недоразумений в данной рецензии я пользуюсь той же транскрипцией, которой следует Г. А. Климов.

შუღღშუღღ («семь») и შუღღ («дитя») он дает соответственно: šwid , šwil , что в корне неправильно. Правильно было бы первое из них передать так: suid («семь»). Древнегрузинское слово ტუზნი (ტუზნი) («мозг») в словаре транскрибировано так: twini (стр. 181).

В том же древнегрузинском «камень» назывался კვა-ა (kwa-j), а «пещера» — ქვაბი (kʰab-i). Но различные звуки этих слов Климов транскрибирует одинаково: kwa-j («камень»), kʰab-i («пещера»).

Есть слово, где имеется и согласный з (w) и неслоговой гласный უ (u), согласный в начале, неслоговой гласный в конце, как например, в слове ვერხუი (werxʰ-i —«осина»). А между тем Климов это слово транскрибирует так: werxw . Надо было исходить не из новогрузинского, а из древнегрузинского и проводить строгое различие между названными звуками.

В связи с этим нельзя не упрекнуть автора «Этимологического словаря» в неточности употребления термина «грузинский», который систематически противопоставляется термину «древнегрузинский». Так например, на стр. 266 читается: груз. ხმა (h̄ma) «звук, голос», а дальше разъяснено, что данное слово «налицо и в древнегрузинских памятниках» в форме qma (q̄ma). Там же дается груз. ხოც (h̄ots) «мясо, плоть», а дальше сказано: «хорошо известно из др.-груз. памятников» в форме qoc (q̄ots). Точно так же на стр. 139 читаем: «груз. ში (ʃi) «быть голодным», а дальше «основа хорошо известна из др.-грузинского», где в древнейших контекстах¹ выступает в форме mši (m̄ʃi) (следует цитата). Итак, выходит, что основа слова в грузинском звучит ši (ʃi), а в древнегрузинском — mši (m̄ʃi). Неточность легко исправить, если новогрузинскую форму назвать не «грузинской», а «новогрузинской».

Нельзя сказать, чтобы Г. А. Климов слабо знал грузинский язык. Нет, он его хорошо знает, но, странно, иногда он дает неправильный перевод. Так например, на стр. 150 ოტხმეოც (otxmeoc) переведено через «сорок». Это явный ляпсус, исправленный на 249 стр., где то же слово в переводе значит «восемьдесят». Опиской надо считать и перевод фразы на 210 странице მამას უყუარს ძეა (mamas uqʰars zej) (с ссылкой на Ио. 3, 35) «отец любит сын», тогда как это значит «отец любит сына».

მღერა (mʰera) в значении «петь» — новогрузинское слово, а в древнегрузинском оно вообще значило «играть», а во фразе, цитированной из Евангелия (Матф. 27, 29), ემღერდეს მას (emʰerdes mas), никак не значит «пели ему», как

¹ Следовало сказать: «в древнейших текстах».

читается у Климова, а «насмехались над ним».

დამაგრხვა (damaxwa) в древнегрузинском значило «хранить», а в новогрузинском «хоронить», «погребать». Климов, приводя из памятника X века цитату დამაგრხულ არს ენაჲ ქართულაი (damaxul ars enaj kartuli) и вкладывая в глагол новогрузинское значение («погребен язык грузинский»), своим переводом вводит читателя в заблуждение; надо было перевести так: «сохранен язык грузинский». ვაც-ი (was-i) и в древнегрузинском и в современном грузинском значит «козел», а по Климову — «баран».

Ошибки или неточности при переводе цитат из библейских книг у Климова происходят оттого, что он переводит не прямо с грузинского, а смотрит в соответствующее место русского перевода Библии и заимствует оттуда перевод. Этот объясняется, вероятно, несоответствие грузинской фразы и русского перевода: например, არს იერუსალებს... ტბაჲ არს იერუსალებს... თბაჲ არს იერუსალებს... ირემნი ველთა ზედა ირემბოდეს ირემნი ველთა იზებოდეს «лани... рождались», (надо: «лани телились») (цитата из Иер. 14, 5); ლეცეს ძირი მისი daeces ziri misi (Иов. 14, 8) («падет его корень») в переводе Климова: «устарел корень его» (стр. 238—239)¹.

დადეგო და დაბანებოთ dadegit da daibanenit (Быт. 19, 2) «встаньте и вымойтесь», надо: останьтесь. ქითხვით მკითხველად ჩუქუნ კაცი იგი (kitxwit mkitxwida čuen kaci igi) переведено: «расспрашивал тот человек о нас». Здесь предлог «о» ни к чему, его надо снять: «расспрашивал тот человек нас», но дело в том, что в русской Библии так и читается: «о нас».

Некоторые из таких неудачных переводов обязаны спешке или рассеянности автора. Если не спешкой, то как же иначе объяснить смешение Цагарели с Церетели, которому приписываются «Мингрельские этюды» (стр. 66).

В исследовании Климова есть неправильные этимологии.

Климов слово დადი dad-i («дружка невесты, посаженная мать») объяснил так, как будто оно происходит от დადი-

da-did-i «старшая сестра». Такое же объяснение дается Климовым слову დადი-ი zma-did-i «шафер», получившемуся будто из დადი-ი «старший брат». Нет, дело обстоит иначе: основы слов dad-i и zmad-i представляют собой форму модального падежа: დადი da-d, დადი zma-d, подобно тому, как это имеет место в словах ტანადი tanad-i «статный», გულადი gul-ad-i «отважный». დადი dad-i значит («принятая» в качестве сестры), а დადი zmad-i («принятый» в качестве брата). Соответствующие формы в занском и сванском заимствованы из грузинского.

Трудно согласиться с Климовым и считать, что будто слова ვარგა wargā («годится») и არგებს argebs («пойдет ему на пользу») имеют общую основу. Как уже разъяснено¹, ვარგა wargā («годится») происходит от социального термина ვარგა warg («представитель свободного сословия», «дворянин», «князь»). Так что ვა wa здесь относится к основе, тогда как в არგებს argebs основой является რგ rg, а гласный ა а в начале — словообразовательный элемент, показатель версии. Нет сомнения, что они разного происхождения.

Реконструируя основу ცხვარ სხვარ «овца» на уровне грузино-занского единства, Климов говорит: «Основа хорошо известна уже из древнегрузинского (დაუტყვენის ცხოვარნი dautewnis sxowarni «оставляет овец», Иоанн 10, 12). Но дальше он делает далеко идущее заключение, лишённое какого бы то ни было основания: «Отсюда образование др.-груз. ცხოვარ სოგება («жизнь»), интересное с точки зрения культурно-исторической жизни картвелов в прошлом и, вероятно, значившее первоначально «овцеводство» (ср. новогруз. вариант ცხოვარ სოგი «овца»). Тут все, как говорят, шиворот-навыворот. Казалось бы, дело обстоит проще. Естественно думать, что основа ცხოვარ სოვარ, означавшая «жизнь», дала производные, с одной стороны ცხოველი სოვარ-ი სოვარ-ი, «животное», и по сей день употребляемое в этом значении, а с другой параллельную форму ცხოვარ-ი სოვარ-ი, тоже означавшее сперва «животное вообще», в частности, и «овцу», а затем слово стало обозначать по преимуществу «овцу». Древнегрузинский язык, язык V—X вв., мы застаем на том уровне развития, когда ცხოვარ-ი სოვარ-ი уже означало только «овцу».

С другой стороны, производное от той же основы, означавшее первоначально «животное», в мегрельском приняло значение «коровы» в форме ჩხოუ čhou.

Анализируя грузинское კომარი komara («комар») и его занско-сванские соответствия, Климов говорит: «Наличие

¹ Курьез получился от того, что Климов для ძირი ziri «корень» захотел привести свидетельство из восьмого стиха 14-й главы книги Иова, где по-грузински сказано: დადი დაბერდეს ქუეყანას ზედა ძირი მისი და კადესა ზედა დადეცს ძირი მისი («и хотя устаревает на земле корень его (дерева) и на скалу падет корень его»); посмотрев в русскую Библию, где читается: «Если и устаревает в земле корень его и пень его замер в пыли», Климов в спешке не разобрался, что к чему относится.

¹ А. Шанидзе. Основы грузинской грамматики, § 565 (на грузинском языке).

ауслатного -п в сванском и занском указывает его принадлежность к основе» (стр. 114). Видимо, автор не учел, что слово в данной форме — производное, куда входит грузинский уменьшительный суффикс -უბ -up: კოლო-უბ-ა ko-lo-up-a > კოლოფს, колофа > კოლონ, ко-усна. Подобное явление имеется и в грузинском გოგობს gogopa «девочка». Все это разъяснено у меня в «Основах грузинской грамматики» (§ 162).

Едва ли можно связать грузинское слово ჯაჯად-ი ja^had-i («кричать», «вопить») с чанским ჯაჯალ-ი ja^hjal-i («говорить»), но не потому, что «имеет ярко выраженный звукоподражательный характер», как говорит Климов, а потому, что чанское ჯაჯალ- ja^hjal- («говорить»), равно как сванское გარგლა gargla («говорить»), заимствованы из какого-то славянского языка (сравни: глаголати) и ничего общего не имеют с грузинским ჯაჯადი ja^hadi («кричать», «вопить»).

«Этимологический словарь картвельских языков» Г. А. Климова, выполненный по плану сектора картвельских языков Института языкознания АН СССР в 1960-62 гг., входит, как отмечает автор, «в серию работ сектора, предполагающих заложить материальный фундамент для дальнейшего обсуждения проблем так называемой иберийско-кавказской гипотезы, предполагающей наличие гипотетического родства между тремя группировками автохтонных языков Кавказа: картвельской, абхазо-адыгской и нахско-дагестанской». Такой направленностью объясняется ряд особенностей словаря, как например, привлечение в некоторых случаях основ из других кавказских языков: абхазского, адыгейского, чеченского, аварского и других. Но Климов уклонился от ответа на вопрос о том, верно ли «высказанное в специальной литературе мнение, будто целый ряд ныне простых основ (например, св. მზებელი ძაბნი «медведь») включает в свой состав исторические аффиксы — показатели грамматических классов, аналогичные соответствующим аффиксам нахско-дагестанских языков». Имея некоторый сравнительный материал из этих языков, автор, мне кажется, должен был дать какой-нибудь ответ (положительный или отрицательный) на этот вопрос. Хотя он в одном месте глухо заявил: «В области морфологического строения общекартвельских основ следует отметить отсутствие в них показателей категории грамматического класса», но вообще по вопросу о родстве всех автохтонных языков Кавказа Климов постарался отделаться замечанием: «Как показывает материал, решение подобных проблем является уже задачей внутренней реконструкции самого языка-основы

и, таким образом, выходит за хронологические рамки работы» (стр. 18). Но тогда к чему привлечение сравнительного материала из других кавказских языков в словаре, где «специально фиксируются наиболее яркие материальные параллелизмы картвельских языков с горскими кавказскими языками, представляющие интерес с точки зрения иберийско-кавказской гипотезы»? Правда, «эта гипотеза, развивающаяся в рамках так называемого long-range comparison (т. е. сравнения языков с предполагающимся отдаленным родством) характеризуется все еще слабым статистическим подкреплением отмечаемых между различными группами кавказских языков соответствий, но от автора «Этимологического словаря картвельских языков» можно требовать хотя бы предварительных наметок по данному вопросу, ставшему предметом специального обсуждения на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 1954-55 годах.

«Этимологический словарь» Г. А. Климова построен по методике, разработанной в индоевропейском сравнительном языкознании и использованной Ю. Погорным. Но в отличие от Покорного, Г. А. Климов в своем исследовании различает две хронологические плоскости реконструкции: общекартвельскую и грузино-занскую. В этом отношении он опирается на теорию Г. Деетерса, считая ее приобретением науки. То же самое сделал и К. Шмидт, ученик Г. Деетерса, но в отличие от Шмидта, Климов в своем труде анализирует не только основы, но и аффиксы. Этим труд Климова выгодно отличается от труда Шмидта, затрагивающего почти те же вопросы, какие трактует и «Словарь» Климова¹.

Труд Климова показывает, что автор свободно разбирается в довольно богатой литературе по вопросу и, критически подходя к высказываниям других исследователей, дает свое согласие или несогласие по целому ряду сопоставлений.

Подытожив все, что сделано в области сравнительного изучения исконной лексики картвельских языков, и внесши много своего в эту область, Климов показал себя вполне подготовленным ученым, кратко и четко формулирующим свои положения. «Словарь» Климова, несмотря на некоторые недостатки, отмеченные выше, является солидным исследованием, где сформулированы «наиболее общие положения», касающиеся фонологического и морфологического строения общекартвельских и грузино-занских основ.

¹ В рецензируемой книге Климов нигде не отмечает работы К. Шмидта.

Бондо АРВЕЛАДЗЕ

ВЕЛИКИЙ ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ

Безграничная любовь к своей нации классика армянской литературы Ованеса Туманяна, этого великого патриота, навеки преданного своей родине, естественно и органично совмещалась с его чистой, бескорыстной любовью к грузинскому народу, к грузинской культуре. Выдающийся поэт армянского народа, вопреки некоторым дашнакским поэтам, зловным и завистливым оком косившихся на своих соседей, видел в грузинском народе друга и брата армянского народа, а в Грузии, ее людях, природе находил один из источников своего поэтического вдохновения.

Поэтическую природу и богатое творчество грузинского народа подразумевал Ованес Туманян, когда писал: «Искренность, благородство и чистота природы грузина, его любовь к свободе, тяга к прекрасному, подкрепленные неизбывной жаждой жизни и овеянные нежной грустью, являются залогом большого будущего грузинской поэзии. Эти качества грузинской поэзии поразительно ярко и рельефно проступают в творчестве Шота Руставели, до мозга костей проникнутого истинно грузинским духом».

Поэзия Шота Руставели породила особый интерес и уважение армянского классика к великому грузинскому поэту и мыслителю XII столетия. Ованеса Туманяна всегда волновало бессмертное творение Руставели, и переводу этого гениального произведения на армянский язык Ованес Туманян придавал огромное значение. У Ованеса Туманяна была мечта сделать полный перевод «Витязя в тигровой шкуре» на армянский язык. «Перевести «Витязя в тигровой шкуре» — великое дело; хороший перевод откроет путь этому шедевр в большой мир духовной жизни человечества. И потому перевод не должен носить случайного характера. Перевод этого произведения должен быть сделан на такой большой поэтической высоте, чтобы с его помощью соседствующие нации могли познакомиться с культурным богатством, с литературой соседа... Я наметил себе большое дело: полностью перевести «Витязя в тигровой шкуре» — это мое великое желание», — говорил Ованес Туманян в беседе с грузинскими поэтами. К сожалению, исполнить этот свой замысел Ованес Туманян не успел.

Ованес Туманян с неослабным интересом следил за каждым новым литературным явлением в духовной жизни грузинского народа и незамедлительно откликался. Было 25 апреля 1893 года. Грузинский народ в глубоком трауре преклонил колени перед перенесенным из Гянджи прахом своего великого сына Николоза Бараташвили. На траурном митинге выступили Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Георгий Церетели. Тогда-то, очарованный поэтическим гением Н. Бараташвили, впервые предстал перед грузинской общественностью 24-летний Ованес Туманян, прочитавший свое проникновенное стихотворение, посвященное памяти Николоза Бараташвили.

Молодой Ованес Туманян еще в 90-х годах девятнадцатого века всем своим сердцем почувствовал и воспринял трагедию личности Николоза Бараташвили, оценил в молодом грузинском поэте гения художественной мысли.

На протяжении всей своей литературной и общественной деятельности Ованес Туманян выступал самоотверженным защитником братских, дружественных отношений с Грузией. Великий патриот своей нации, он завещал своему народу: «Тот армянский деятель, который не становится на защиту Грузии, не понимает своего народа и своей истории».

Этот изумительный поэт и гражданин Армении всей своей жизнью подавал пример дружбы с грузинскими собратьями по перу и уважения к грузинской литературе.

Весть о болезни Важа Пшавела в 1915 году молнией облетела всю Грузию. Ованес Туманян одним из первых дважды навестил великого грузинского поэта. — в те дни завязалась между ними братская дружба. Глубоко опечаленный смертью Важа Пшавела, Ованес Туманян от имени армянского народа шлет телеграмму из Эчмиадзина: «В это трагическое время трудовой народ глубоко ощутил кончину великого человека, талантливейшего и несравненного поэта Важа Пшавела. Выражаю искреннее сочувствие грузинскому народу». Доказательством искреннего отношения Ованеса Туманяна к грузинским писателям служат и его

Ошанес Туманян. Рис. художника В. Абеяна

письма к Д. Квдиашвили, Як. Николадзе, Ил. Накашидзе и многим другим грузинским писателям и общественным деятелям.

В статье, посвященной Дню грузинской поэзии, опубликованной 7 мая 1920 года, Ованес Туманян, поздравляя грузинский народ с праздником, особо отметил, что Грузия поистине заслужила такое торжественное празднование своего национального гения, так как грузины — народ, приверженный к утонченной красоте и тонким лирическим переживаниям. «Среди народов, которые я знаю, мне не удалось подметить той особенной черты, которая характеризует грузин. Большая часть их деятелей постоянно перечитывают книги своих поэтов или читают их стихи наизусть. Грузины и сейчас в приданое своим дочерям дают поэму Густавели».

Ованес Туманян искренне заявлял: «Мне так же дорога Грузия и великолепный грузинский народ, как и те люди, которые являются носителями и выразителями этого духа».

В 1919 году на вечер, посвященном Тициану Табидзе, Ованес Туманян прочитал стихотворение «Поэтам Грузии», в котором предлагает собратьям перу свою искреннюю дружбу:

И пусть, Кавказ, твои сыны
На голос наших лир
Справлять сойдутся с вышины
Многоязычный пир!
Эй, брат и — друг, сестра и мать.
И с нами кяманча, —

Съезжайте всех — и стар и млад —
Тот новый день встречать.
Под лиру славного Шота
Мы песнь свою споем,
И всем понятна песня та —
Что дали, то берем.

(Перевод М. Шагинян)

Одним из верных путей взаимосближения и дружбы наших народов Ованес Туманян считал художественное слово и в этом величайшую роль отводил поэзии.

Да будет песня та светла,
И громок перелив, —
Да заглушает голос зла
Во всех углах земли.

Эти строки сегодня обрели еще большее значение, еще большую гражданственность, потому что иногда вдруг возникает «коварное шипение врагов» многовековой дружбы грузинского и армянского народов. Ованес Туманян не допускал и тени мысли о том, что может разрушиться мост дружбы между нашими народами.

Светлая личность армянского поэта, его искренне-дружеское отношение к Грузии ярко проявились в стихотворениях «Примирение», «Душа Грузии» и во многих других произведениях.

В одной из статей Ованес Туманян, выясняя причины вражды между народами дореволюционного Закавказья, верно отметил: «На протяжении многих лет злобным оком косятся друг на друга народы, именем нации разжигается борьба, враждебные песни, сомнительная суета — все это накапливается в душе народной, чтобы в один проклятый день прорваться и поразить наивных». Армянский поэт самоотверженно боролся с возникающими досадными разногласиями между грузинским и армянским народами, он часто выступал на страницах периодической прессы этих двух народов, где утверждал благородство грузинской нации: «Если окинуть взглядом взаимоотношения соседствующих народов во всем мире, то вы обязательно согласитесь со мной в том, что грузины великолепные соседи».

Мы создадим более тесную, могучую духовную связь. Мы, народы Кавказа, всегда стояли плечом к плечу, мы — братья, мы подобны вершинам наших гор, которые раздельно возвышаются в небе, но основы их слиты воедино».

В статье «Долголетие грузинскому народу», опубликованной в 1913 году, поэт с дружеской теплотой писал: «Братья-грузины, наши многовековые братья, всегда свободные благородные братья, если литература есть истинное отражение души, а поэт — выразитель этой души, тогда я несу вам душу армянства, как нечто высокое и благородное, — это может быть только у народа, у людей».

Когда передовые сыны грузинского народа по инициативе Иванэ Джавахишвили взялись за большое дело основания в Тбилиси Грузинского университета, Ованес Туманян одним из первых приветствовал это великое национальное начинание. В письме, адресованном Правлению Общества основания Грузинского университета, он писал: «Только наука, литература и искусство заполняют про-

часть, разделяющую народы, и лишь они создадут грядущую лучшую жизнь и истинного человека. Вы поймете поэтому мою радость, когда я узнал про открытие Грузинского университета.

Я с восхищением представляю радостного и благодарного грузина, на родном языке получающего высшее образование.

Когда же мы будем приветствовать открытие и прочим народам Кавказа высших учебных заведений, дабы на почве науки и искусства нам встретиться вместе и установить взаимное понимание и уважение.

Прошу Вас принять и передать кому следует мой горячий привет по этому поводу, а также мою скромную ленту, которая, может быть, послужит одним из камней великого здания расцветающей грузинской культуры.

Глубоко уважающий Вас Ваш Ованес Туманян.

25 окт. 1917 г., Тифлис».

Правление Общества Грузинского университета с глубокой благодарностью приняло это искреннее приветствие лучшего сына братского народа и незамедлительно ответило: «Правление Общества Грузинского университета с большим нравственным для себя удовольствием выслушало Ваше письмо по поводу учреждения Грузинского университета.

Выражение Вашего чувства симпатии к грузинскому народу и вновь зарождающемуся рассаднику высшего национального образования в Грузии нашли живейший отклик в сердцах членов Правления Общества.

В глубоко прочувствованных словах Ваших, как лучшего сына своей Родины и талантливого выразителя ее дум и чувств, мы видим ласку приветия всего армянского народа, тысячелетия добрососедски живущего бок о бок с грузинским народом и находящегося с ним в постоянном взаимодействии на почве культурного развития и духовного совершенствования».

Эти документы — еще одно доказательство взаимопонимания и истинной дружбы Ованеса Туманяна с грузинской интеллигенцией.

Не было границ возмущению Ованеса Туманяна, когда произошло столкновение между армянами и грузинами, — поэт тотчас послал армянскому правительству протест от имени армянской общины.

В этот же период, в 1918 году, поэт публикует статью, в которой с возмущением и негодованием пишет: «Вольные и невольные разжигатели этой войны не имеют никаких оснований оправдать свои действия. Среди них даже самый незначительный виновник должен быть привлечен к ответственности перед обоими народами.

Но сейчас не время искать виновников и судить их...

В настоящее время необходимо направить все силы на прекращение кровопролития, на истребление причин, вызвавших это кровопролитие».

Поэт горячо призывал всех деятелей направить свои усилия на прекращение неразумной бойни.

Корни дружбы наших двух народов Ованес Туманян видел в историческом прошлом и этим лишний раз показывал и доказывал безосновательные территориальные притязания дашнаков, которые по этой причине и развязали войну.

Чтобы образумить дашнаков и меньшевиков и восстановить мир, Тициан Табидзе выступил с открытым письмом, адресованным Ованесу Туманяну: «Вас знает грузинская общественность как поэта и патриота.

Никто, как Вы, не имеет больше права говорить от имени армянского народа, и ни у кого нет такого громкого и справедливого голоса, как у Вас, просвещенного поэта и патриота. И как поэт возьмите эти права в свою вдохновенную поэзию... Не говоря уже о том, что в Вас говорит высокое благородство поэта, Вы первый предназначали будущее Кавказа...

...Это была наша оценка Революции, и в этой данной оценке Вы утверждали, что Грузия — Франция Кавказа, подразумевая под Францией пафос революции и поэзию благородства».

Даже в тяжелые дни войны убеждения Ованеса Туманяна оставались неизблемыми, в его сознание не закралось сомнение в дружбе грузинского и армянского народов. Он был убежден, что между нашими народами установится более прочная дружба и деловое сотрудничество. «Грузин и армянин, Грузия и Армения будут наилучшими соседями — в этом я никогда не сомневался, наши же литературы должны стать главарями их сближения».

Это весьма важная мысль. Ованес Туманян обязывает писателей взять на себя почетную миссию утверждения дружбы и культурного сотрудничества между народами.

В 1912 году по инициативе Ованеса Туманяна в Тбилиси было основано «Товарищество армянских писателей Закавказья». Председателем Товарищества был избран Ованес Туманян.

Одной из главных задач Товарищества О. Туманян считал изучение и популяризацию литературы и истории народов Закавказья. С этой целью общество часто устраивало литературные вечера, проводило лекции; докладчики с научной добросовестностью, исключая всяческую фальшь и подтасовку, знакомили армянскую общественность с героической историей грузинского народа, с его литературой.

Отмечавшийся в 1919 году пятидесятилетний юбилей Ованеса Туманяна превратился в торжество дружбы народов, и, конечно, в этом торжестве приняли активнейшее участие грузинские писатели и общественные деятели.

На юбилей Ованеса Туманяна особенно горячо откликнулась грузинская периодическая печать: в те дни систематически публиковались статьи и стихи, посвященные армянскому поэту. Вот что писала одна из грузинских газет: «Не было ни одного случая в жизни народов Кавказа, чтобы Ованес Туманян не отозвался на него, не сказал бы своего слова. И слово Ованеса Туманяна всегда было справедливым и неподкупным, и потому оно находило отклик среди представителей всех наций и смягчало среди наций раздоры и вражду. Его сердце всегда открыто художникам и поэтам всех наций, в его семье они всегда встречают заботливого хозяина и благородного человека и преисполняются чувством любви и мира».

В среде грузинских поэтов одним из лучших друзей Ованеса Туманяна был Иосиф Гришашвили. Иосиф Гришашвили видел в армянском поэте друга и почитателя грузинского народа, Грузии. Ованес Туманян по-настоящему любил Грузию и ее столицу. Он смог бы сказать словами Габриела Сундукяна: «Мы, воспитанные в Грузии армяне, выросли на ее земле, и мы всегда были и будем делить ее невзгоды и радости».

Ованес Туманян был искренним другом грузинской культуры. Он говорил: «Один общий путь был у нас в старину, одна общая культура процветала у наших народов, и потому нас ждет одно общее будущее».

Ованес Туманян был благодарным сыном Грузии, только истинный сын Грузии мог так сильно любить ее, как любил Ованес Туманян, — прошлое, настоящее и будущее нашей страны находило в душе поэта живейший отклик.

Ованес Туманян был человеком исключительно чистой души, олицетворением благородной любви — таким знали Ованеса Туманяна Иосиф Гришашвили и вся грузинская общественность.

Не излишне будет вспомнить и слова Тициана Табидзе, сказанные им в адрес Ованеса Туманяна: «Ованес Туманян поистине был блестящей личностью, кто не знал его самолично, ему гиперболой покажется все сказанное о нем».

Абсолютная преданность своей родной нации не мешала его грузинской ориентации.

Общезвестен такой факт: когда во время войны с Турцией в бою погиб сын Ованеса Туманяна, поэт послал на фронт сестрами милосердия семь своих дочерей, но, когда разразилась армяно-грузинская бойня, Ованес Туманян под страхом отцовского проклятия запретил своим детям принимать какое-либо участие в ней. Это был акт большой любви армянского поэта к Грузии.

«Я не знаю, какими были последние минуты жизни Ованеса Туманяна, — писал Тициан Табидзе, — но только верю, что высокий худой старик с просветленным ликом, который всю жизнь провел в проповеди любви, в последнюю минуту своей жизни, наверное, подобно богослову Иоанну, со слезами на глазах сказал: «Любите друг друга!».

Квартира Ованеса Туманяна в Тбилиси была своего рода литературным салоном. В его семье завязывались крепкие узы дружбы писателей разных наций. Но особенно велика была дружба армянского поэта с грузинскими писателями. И грузинские писатели не оставались в долгу. Особенно ярко проявилась эта дружба во время болезни Ованеса Туманяна.

Смерть Ованеса Туманяна глобоко опечалила всех грузинских писателей. Вот запись супруги поэта Тициана Табидзе — Нино Табидзе: «Я не помню, чтобы так искренне оплакивали бы кого-нибудь поэты разных народов. Завещание Ованеса Туманяна о том, чтобы его похоронили в столице Грузии, в его любимом городе, навсегда связывает нас с этим поэтом, который всю свою жизнь посвятил служению народу и безупречно пронес знамя дружбы народов».

И сегодня грузинский народ вместе со всеми братскими народами Советского Союза торжественно отмечает 100-летие со дня рождения великого сына армянского народа.

Слово о Туманяне

Это было в первый приезд Бальмонта в Грузию. К этому времени русский поэт был уже пленен симфонией Шота Руставели, он успел уже написать: «Как Гомер есть Эллада, Данте—Италия, Шекспир—Англия и Сервантес—Испания, Руставели есть Грузия». Он уже сказал, что «... во всей европейской поэзии ни с чем, быть может, нельзя сравнить несравненную поэму грузинского певца...»

Бальмонт с супругой, их друг, поэт и переводчик Александр Канчели с женой — Тамарой Амиреджиби, Екатерина Александровна Амиреджиби и другие лица, консультанты Бальмонта по тексту Шота Руставели, часто посещают грузинский клуб, где происходят встречи с общественными деятелями, писателями, живописцами. В грузинском клубе состоялась встреча Бальмонта с О. Туманяном.

Вот рассказ живой свидетельницы и участницы литературных встреч Екатерины Александровны Амиреджиби, которой Ованес Туманян посвятил экспромт и которую Тицян Табидзе и Константин Дмитриевич Бальмонт называли «голубой вантерой». «Поэты сидели за столом. Сама поэзия была хозяйкой того вечера в грузинском клубе. Бальмонт был восторжен. Сандро Канчели знакомил его с членами клуба, произносил приветствия. Вошел Ованес Туманян со своим сыном. Его приглашают к нашему столу. Бальмонт пишет экспромт на узорчатой салфеточной бумаге, посвящает его мне».

Отходя в ночи ко сну,
В мыслях я тебе шепну,
Ты почувствуешь меня,
Как касание огня,
В голубых твоих глазах,
Как зарница, вспыхнет страх,
Но не бойся, красота,
Поцелую лишь уста.
Ты дремля шепнешь — не тронь.
Но играющий огонь
По тебе скользнет, как тень,
Будешь ты краснеть весь день.

О. Туманян тут же произносит экспромт, адресованный ей же, смысл которого, как вспоминает Екатерина Александровна, заключался в следующем: русский поэт Вас представил в снозиденьи, я же смотрю на Вашу сущую прелесть и поклоняюсь красоте Вашей — вот содержание стихотворения О. Туманяна.

— Ованес победил меня, — воскликнул Бальмонт.

Рассказывая о встрече с Туманяном, Екатерина Александровна вспоминает, что он часто бывал в грузинском клубе.

Тицян Табидзе также вспоминал в газете «Рубикон» (№ 9, 8 апреля 1923 г.) о том, что О. Туманян был частым гостем грузинского клуба, где он встречался с коллегами по перу.

В день перенесения праха Николоза Бараташвили из Гянджи в Тбилиси Ованес Туманян написал:

Утешься, Грузия! В торжественный сей миг
Что омрачило так твой мужественный лик?
То, что безмолвный прах увидела ты вновь
Певца, снискавшего в душе твоей любовь?
Иль тьма глубокая могилы дорогой
Смутила тяжко дух осиротелый твой?
Да, своего певца вновь похоронишь ты,
Но им зажженные все чувства и мечты
Гореть останутся — для них кончины нет,
Покуда над землей сияет солнца свет.
И, верь мне, некогда в их пламени сгорит

Все бремя мук твоих и горестных обид.
Тебе же, родины-страдалицы певец,
Обретший вечную могилу наконец,
За все, что вынес ты мятежною душой,
Пусть небо ниспошлет заслуженный покой.

(Перевод О. Румер)

О. Туманян был связан с Грузией практической общественной деятельностью. Иначе он и не мог, ибо уважал страну и народ, среди которого жил, и благодарил за солнце, за небо, за человечность, уважение и любовь.

Свое сердечное отношение к Грузии он еще раз поэтически выразил в 1919 году в обращении к грузинским поэтам:

Шота! Огонь твоих стихов живет и не потух!
Неукротимый гнет веков не сокрушил тот дух.
Та лира славная гремит под новою рукою.
И новых песен звон разлит по Грузии родной.
О, мужественные друзья, вам всем поклон и честь!
Несу от Арарата я вам братской песни весть...

(Перевод М. Шагинян)

О. Туманян был награжден от бога, поэзии не только художественным словом, но и любвеобильным, благородным гражданским сердцем.

Патриарх грузинской литературы 20—30-х годов этого века Василий Барнов возглавил группу грузинских писателей, которые пришли к Ованесу Туманяну приветствовать с юбилеем. Барнов писал: «Слушал я Ованеса, он был чутко чувствующий, его крылатые мысли воздушно шли за спиралями чувств. Понравился он мне... Вспоминали его деятельность. К нам вышли семь дочерей поэта, музы дома. Я подумал: этот человек — столп великоленной семьи. За столом беседа шла о поэзии, поэтическом искусстве. Искусство! Все суета и все проходит, только искусство и его плоды бессмертны. Оно возвышает человека, украшает жизнь его. Творчество есть создание новых миров и жизней...

Сотворив мир и отдав ему систему, создатель призвал избранников, приобщил их к бессмертию и приказал усовершенствовать созданное промыслом великого. И жрецы искусства силой своей души чувствуют прекрасную, добрую и истинную сущность сотворенного великим зодчим и представляют его в великолепных образах, чтобы она, эта сущность, вселяла радость и мудрость в естество человека, в весь народ, в человечество.

Вокруг одного из таких мы собрались сегодня!

Особенно искусство требует почитания и любви от нас, возвышенных до деятельности, так как сегодня, после столь великих исторических преобразований, оно вышло на широкую стезю. До сегодня только имущие могли возвыситься до искусства, сейчас весь народ вышел на это поприще. Если горсть народа породила много лучших умов, весь народ даст еще больше, много избранных. Лучшие люди исчерпали свой долг, но не сдвинули колоссальный клад, таившийся в народе. Творцы, вышедшие из народа, вносят в поэзию новое содержание... Наш хозяин — великий предтеча в этой блистательной сфере, ибо он глубоко прозел борозду поэзии в своем народе. Грядущее поколение легко пройдет по освещенному пути. Он народу своему принес луч, как светило, и для родины своей, и для других народов, и для мира людского... почет от всех избранному творцу...».

Грузинская общественность в Туманяне видела рыцаря дружбы, единения, поэта великой души, духовного пастыря своего народа. Эта его черта подчеркивалась в статье журналиста и публициста Г. Диасамидзе, посвященной Туманяну: «Поздравляю тебя и твою дорогую родину и твою любимую родную литературу и желаю им счастья и процветания. Глубоко уверен, что литература есть та твердая, незыблемая грань новой свободной жизни, которая лежит в основе возрождения наших народов».

Юбилей Туманяна Г. Диасамидзе расценивает, как общий праздник грузин и армян, праздник общих усилий писателей и литератур. Поздравив Туманяна, Диасамидзе выразил надежду, что союз армянских писателей во главе с Туманяном усилит дружеские контакты с грузинскими писателями. Диасамидзе выразил почтение поэту и пожелал процветания прекрасной идее дружбы.

Леван Кипиани, публицист и журналист, в своем стихотворном посвящении О. Туманяну писал в 1920 году:

Рыцарь дружбы, единения,
Рыцарь правды и любви,
У Христа в святом пленении
Песни яркие твои!
В мире правда воцарится
И, как ты, уверен я —
Скоро, скоро возродится
К жизни родина твоя!

Тициан Табидзе оставил листки воспоминаний о встречах с Туманяном, опубликованные в газете «Рубикон» в год и месяц смерти армянского поэта. Он вспоминал встречу Бальмонта с Туманяном, о стихотворении Бальмонта к Туманяну.

Особо запомнился Т. Табидзе юбилей Туманяна в помещении театра им. Гюставели. Театр был переполнен. Паоло Яшвили с пафосом произнес приветствие, дрожали хрустали люстр. Слова зажигали сердца. Юбилейный банкет, фейерверк восторгов, любви и поэзии...

Т. Табидзе был участником первой делегации грузинских писателей в Армению в 1927 году. Перед отправлением делегации в журнале «Картули мцერლობა» (1927 г. № 1) он писал о значении поездки писателей в Армению и тут же сообщил о некоторых фактах из деятельности Туманяна. В 1921 году в «Айартуне» была прочитана лекция о грузинской литературе для армянских писателей, Туманян был организатором этого мероприятия.

Паоло Яшвили в своем посвящении О. Туманяну его величал «святым Ованесом, святым поэтом». «Мы, — обращаясь к нему Паоло, — то относились к тебе с почтением, то целовали как равный равного...»

Александр Абашели позже посвятил старшему другу стихотворение:

И ныне, словно свет, что сумрак рассекает,
Оно средь нас, любимое, родное
Твое лицо — улыбкою сверкает,
Такое близкое, такое дорогое!

(Перевод В. Серебрякова)

Писатель и публицист Иване Гомартели писал в 1924 году: «Ованес Туманян болел душой за свой народ, был певцом его устремлений. Он нами был не менее любим, ибо сам он полюбил Грузию, как вторую родину свою. Солнце Грузии, ее красота и обилие чувств влетены в его поэзию. Он мечтал об единении грузин и армян, он был глашатаем единства, дружбы и национальной солидарности. Поэт был сыном народа, вышедшим из гуци народа и никогда не порывал с народом».

Грузинские писатели видели в Ованесе Туманяне человека, бескрайне влюбленного в Армению и родной народ. Туманяна рисовали как гражданина, который трагически воспринимал политическое положение Армении, когда она, находясь в кандалах царизма, растрчивала свои духовные силы. Общественные и политические интересы поэта расцениваются в грузинской публицистике, как проявление самых передовых, революционных идей поэта. Лучший знаток прошлого своего народа и его современности, он проповедовал идею единства и самых тесных связей между народами. Так обрисован облик общественного деятеля и поэта грузинским писателем и критиком Леваном Асатнани.

Георгий Леонидзе благоговейно говорил о глубокой человечности Туманяна, о том, как он умел пленять людей своим словом, гражданственностью и патриотизмом.

Современник, переводчик, поклонник и младший друг Ованеса Туманяна И. Гришашвили поэзию армянского художника сделал достоянием грузинской литературы и культуры. Встретились они в 1914 году, и с этой поры завязалась дружба между ними, переросшая в тесные творческие связи. На грузинский язык перевел И. Гришашвили «Каплю меда», «Пес и кот», «Поэтам Грузии», «Робан», «Перед картиной Айвазовского», «В армянских горах», «Саят-Нова», «Парвана»... рассказы его «Гикор», «Олень», «Ахмат», «Каменная баня»... Перу И. Гришашвили принадлежит перевод романтической симфонии «Ануш», которая в активе переводчика считается одним из лучших поэтических достижений. И глубоко выразив и свою личную боль и траур Грузии, И. Гришашвили назвал свое посвящение памяти поэта, написанное в скорбные дни смерти Туманяна, «Другу Грузии»:

Всю ночь в глазах стоять бессонно будут слезы.
С кем разделю тоску неодолимых мук?
Кто раны исцелит? Кто извлечет занозы?
Кто утешенье даст, мой утешитель-друг?!
Ушел ты!.. За тобой уйдет былое наше...
Нет, вечно будет жить... нет, не уйдет оно!
И небо в облаках свежей заблещет, краше,
Твоей улыбкою навек озарено.

Ованес Туманян, человек чистого сердца и ясного разума, был любимым членом семьи грузинских литераторов и великолепным другом всего грузинского народа.

Иосиф ИМЕДАШВИЛИ

Воспоминания

В девяностых годах на одной из обычных «пятниц» в салоне Тиграна Назаряна, знаменитого своими литературными собраниями, я высказал мысль о необходимости братства и единства между армянами и грузинами.

Как только я умолк, ко мне подошел высокий, красивый черноусый и чернородый мужчина лет 30—35 и, пожав мне руку, обнял меня.

Внешностью, а особенно лицом, славным и приветливым, этот человек и раньше привлекал мое внимание, но прежде мы не были знакомы. Теперь он сразу покориł меня своим обаянием, мне даже стало казаться, что мы с ним давнишние друзья.

— Мы ведь дети одной страны, издавна братья, что нам делить в наших междоусобицах, зачем мы тешим этим врагов? Вы правы. Настанет время и разогласит между грузинами и армянами канут в Лету! Живи и трудись под этим прекрасным небом, на щедрой земле! Чего ж еще надо?

Мы с Ованесом Туманяном стояли в углу комнаты, голос его звучал мягко, оборотисто.

— Доставьте мне удовольствие — посетите мой дом! Я живу на улице Амаглеба (т. е. Вознесения), восемнадцать.

Я поблагодарил за приглашение.

Потом я несколько раз бывал в его доме, где часто собирались грузинские писатели и общественные деятели.

В назначенное время он непременно встречал всех приглашенных наверху лестницы — сам отворял двери, а провожая, доходил с гостями до самых дверей.

Его вежливость, тактичность, щедрое гостеприимство были поразительны. Был он весь, и в разговорах своих, и в поступках, какой-то мягкий, и взгляд его, казалось, источал беспредельную ласку и добро. Никогда нельзя было подумать, что человек этот выходец из той обеспеченной и властвующей прослойки нации, которую с такой беспощадностью критиковали писатели Г. Сундукян, Ширванзаде и другие. Лагерь, от которого отошел Туманян, и лагерь, к которому он примкнул, были далеки друг от друга, как небо и земля.

Бывает, встречаешь человека, с которым хоть тысячу раз знакомься, все равно он потом исчезает из памяти, не оставляя там следа. Но есть люди, остающиеся в сердце навсегда, хоть видел их, быть может, всего один раз.

Таким был Ованес Туманян, талантливейший поэт, истинный гражданин, деятель широкого диапазона.

Однажды в конце лета 1910 года в мою редакцию вошел, улыбаясь, Ованес. — Друг любезный! Так не годится! — шутливо проговорил он. — Чем же я вас разобидел, что вы ни разу не соизволили зайти ко мне? У вас уже есть журнал! Журнал литературы и искусства — это очень хорошее дело!.. Вы, милый мой, заходите уж как-нибудь, может быть, договоримся о публикации каких-нибудь материалов о нашей солидарности!

— Перевожу пьесу Габриела Сундукяна «Любовь и свобода».

— О-о-о, это очень хорошо! Но для меня вы тоже должны найти время, не для меня — для общего дела.

— Постараюсь зайти.

Ованес попрощался со мной, и надолго. Меня в тот же день посадили в Метехскую тюрьму, где уже были собраны лучшие люди: революционеры, общественные деятели и писатели.

Кого тут только не было — представители всех партий, всех группировок и убеждений. В то время дашнаков как будто бы не трогали. Но в минувшем — 1910 году или в начале 1911 года их тоже загоняли в тюрьмы массами. Метехи был так переполнен, что даже в одиночных камерах сидело по 4—5 человек.

Однажды утром разнесся слух — привели армянского поэта Ованеса Туманяна.

Во время прогулки по тюремному двору меня вдруг обнял молодой человек в серой одежде. Гляжу — передо мной Ованес.

— И ты здесь, друг? — удивился я.

— Я заметил вас из окна ч... не утерпел! — ответил он.

Его, оказывается, арестовали в связи с делом дашнаков, хотя ничего общего у него с ними не было. И я и Ованес были арестованы как политические, оба отбывали заключение в старом помещении, в разных одиночках и могли видеться лишь тогда умывались или в полдень, во время двадцатиминутной прогулки по двору.

Темы наших бесед всегда были одни и те же: о писательском труде, об искусстве, о том, что печать — это великое орудие в деле укрепления солидарности наций, в особенности между армянами и грузинами. Ованес очень верил в силу печатного слова, особенно в слово поэта.

— Какой царь или герой сравнится с Шота, Акакием, Ильей!..

Подобно запряженным в одну упряжку быкам, идущим попарно, мы, человек шестьдесят арестантов, обходим в молчании пустое, огороженное со всех сторон, пространство — тюремный двор. Иду, вспоминаю: накануне беседовал с одним знакомым армянином, Матиняном. Он сказал: «Как бы нас ни подвергала гонению жандармерия, ничего не выйдет — нас не сломают». Только наша партийная касса полна пятью миллионами золотых!.. А я ответил ему: «В кассе наших революционеров даже дыривой копейки нет». Я и Ованесу сказал: «Передовое сословие нашей страны — дворянство крестьянским потом политые именья в банк закладывает, в кутежах добро растранижировает, а армянская состоятельная прослойка приобретает земли, строит, богатеет, наполняет мощну свою золотом...»

— Зачем вы это говорите, удивляюсь! — возразил Ованес. — На кой черт мне мешок с золотом, богатство? Ты мне душу покажи, душу!.. А ведь чего-то да стоит то, что у грузин до сегодняшнего дня сохранился дух рыцарства, высокое благородство, честность... Золото поработило человеческую душу, убило сердце и меч превратило в деревяшку... Уничтожило поэзию... Чего-то да стоит, что у грузин есть Шота!.. Этого Шота еще не знают, но придет время, и вся страна поймет, что такое красота, героизм, любовь, мужество!..

— Как далеко вы зашли, дружище Ованес!

— Поверьте, это будет так, милый Иосиф!

На другой день мы продолжали разговор на эту тему, и я, между прочим, сказал, что капитал начинает господствовать, у кого есть деньги, тот и становится властелином страны!..

Ованес не долго был в Метехской тюрьме, его связь с дашнаками не подтвердилась. Но все-таки такой слух распространился, так как дашнаки все же использовали авторитет Ованеса Туманяна в своих нечистых делах.

Едва я успел по выходе из тюрьмы возобновить издание журнала «Театр и жизнь» (журнал был оформлен на жену, так как мне запретили издавать), разнесся слух: общество армянских писателей организует освящение памятника Саят-Нова. Желающие присутствовать при открытии памятника могут прийти к месту торжества с алой розой.

Пятнадцатое мая 1914 года было объявлено днем освящения памятника. С самого утра начали стекаться люди к дому благотворительного общества тбилисских армян. Тбилисские ремесленники с флагами, лучшие представители интеллигенции, писатели, простой народ — все шло с площади Абас-Абаса к ограде церкви Сурф Герге, где должно было происходить освящение памятника Саят-Нова. Нескончаемо шли люди, и в руке каждого пламенела роза.

Это было необыкновенное зрелище: и большие, и малые, и у каждого по цветку.

Двор заполнился, а людскому потоку не было конца. Люди толпились вокруг двора. Я с трудом протиснулся сквозь плотную стену народа.

Газета «Гемн» писала:

«Большое количество народа собралось вокруг стены. Присутствовали также глава Тбилисского суда Константин Абхази и представитель грузинской прессы. Было много выступающих. Первым говорил председатель общества армянских писателей, он говорил о Саят-Нова как о народном певце, прославившем людей на грузинском, татарском и армянском языках. Председатель сорвал прорезью с памятника, украшенного цветами и букетами...».

И далее:

«Восторженно встретил народ армянский стих певца Хазира, посвященный памяти Саят-Нова, а также стихотворение одного грузинского певца (его в народе называют Ваничкой). Представитель народного университета Н. Ермолаев и представитель грузинского драматического общества Иосиф Имедашвили произвели своими выступлениями большое впечатление. Около памятника стояли сазандари, наряженные в старинные тбилисские одеяния, и пели песни на слова стихотворений Саят-Нова».

Это освящение памятника вылилось в настоящий народно-национальный праздник и своей простотой, искренним выражением чувств народа произвело огромное на всех впечатление.

Организатором, душой и сердцем этого был Ованес Туманян.

Почему я повторяю слова, взятые из газеты «Гемн» (год 1914, № 179), сейчас объясню.

Праздник уже близился к концу.

Кола Эристави (председатель грузинского драматического общества) и поэт Котэ Макашвили взглянули на меня: — мол, скажи и ты что-нибудь! Я, недавний узник тюрьмы, бывший политический каторжанин, живущий почти нелегально с приставленными ко мне соглядатаями (как выяснилось впоследствии, за мной каждый день гонялось по два соглядата), должен был быть осторожным, чтобы снова не попасть в западню. Но праздник был так хорош, я был так возбужден и взволнован, что не смог сдержаться и встал на стул. И сразу же увидел перед собой поднянутого, одетого в военную форму полковника. В тот же миг в голове пронеслось — «Жандарм!» Я подумал, что опять попался, и хотел было отступить, но в этот момент заметил сиявшие радостью глаза улыбающегося Ованеса. Глаза будто подзадоривали, мол, начинай, чего ж ты!

Это придало мне храбрости и взволновало еще больше. Я подумал: «Будь, что будет! Пусть хоть сегодня уничтожат меня!» И я заговорил. Настала такая тишина, что, казалось, и мухи летать перестали. Толпа затаила дыхание. Я говорю и время от времени оглядывался на «жандарма» и на Ованеса: насколько взгляд первого был хмур и сковывал, настолько окрыляли меня блестящие восторгом глаза второго.

Что я сказал в этой речи? Примерно вот что (привожу отрывки из газеты «Гемн», сокращенные ввиду цензурных условий):

«Слово певца Саят-Нова, лучезарное, как солнце, благоухающее, как роза, восхитительное, как свежесть утра, еще раз проникло в нашу окутанную тьмой душу и озарило сердца пониманием, что национальная вражда, людоедство, ненависть друг к другу ничего хорошего не принесут...».

«Для Саят-Нова были равными грузины, армяне, татары и люди других племен, он для всех одинаково чудным голосом воспевал любовь...».

«Появится и в наше время подобный поэт, который вместо мести и людоедства будет воспевать любовь друг к другу...».

«Сегодняшний день — залог тому, что такой поэт еще родится».

Как только я сошел с трибуны, «военный», которого я принял за жандарма, шагнул ко мне и с благодарностью пожал мне руку. Тут же меня обнял Ованес.

— Иосифджан! — сказал он. Взял меня под руку и повел на второй этаж дома, находившегося в конце двора. В зале был накрыт длинный, воистину сказочный стол. Ованес предложил мне почетное место, меня окружили нарядно

одетые девушки, предлагая сладкие блюда, но разве я мог притронуться к яствам, переполненный величием этого дня, заласканный вниманием и любовью Ованеса.

Разумеется, все это внимание я не мог приписать только своей персоне — все это предназначалось через меня грузинскому народу.

Все, что было прочувствовано мной тогда, я надолго сохранил в памяти, и даже сейчас, вспоминая, я не могу быть спокойным — радостная дрожь охватывает меня всего.

Кто же был тот полковник, которого я принял за «жандарма»? Им оказался предводитель дворянства Тбилисской губернии Константин Абхази, племянник Илья Чавчавадзе, выдающийся деятель того времени.

Праздник, организованный Ованесом Туманяном, не прошел бесследно — наш любимый поэт и литературный исследователь Иосиф Гришашвили написал о Саят-Нова замечательный очерк. Написали исследования также и такие хорошо известные ученые, как Л. Меликсетбек, поэт Г. Леонидзе и другие.

Однако всем этим не исчерпался резонанс того события. Семена, брошенные в тот день, дали всходы в сердцах народа.

Неблагоприятный ход первой мировой войны заставил самодержца России царя Николая II и вместе с ним либерально-буржуазную интеллигенцию с «милосердием» взглянуть на те нации, которые ни во что не ставились и попирались железным каблучком на протяжении целых веков.

Россия, конечно, имела передовую интеллигенцию, но голос свободолюбивых русских поглощался ревом царских наемников и звоном кандалов.

В пору обострения положения на войне царским сатрапам нужно было задабривать так называемых «инородцев», а в особенности тех, чьи земли граничили с Турцией и Персией.

Под благовидным предлогом, якобы с целью усиления культурных связей, либеральные писатели и депутаты России посетили Грузию и Армению. В Грузию, например, приехал депутат Режевский, выступивший в народном доме и заявивший, что грузины имеют право на самоопределение с 1864 года, которое им и должно быть предоставлено. Публицист Кита Абашидзе на это ответил: если разговор пойдет о требованиях, то грузинский народ сам знает, что требовать.

В это время приехал поэт Бальмонт, который, воздавая должное гению Шота Руставели, сравнил его с солнцем поэзии (Бальмонт перевел «Вепхистгаосани» на русский язык).

В тот же самый период Грузию посетил известный поэт Брюсов, устроив в концертном зале театра имени Руставели вечер армянской поэзии. Вечер был содержательным, и мы узнали много нового об армянской поэзии.

После вечера был устроен большой банкет, на нем присутствовало около 130 человек. Я также был удостоен чести быть на этом пиршестве. Руководил банкетом славившийся остроумием Александр Иванович Хатисов. Один из своих тостов он начал так:

— Внимание, прекраснейшие дамы и не менее любезные господа! Вам, наверное, известно, что я моурави города Тбилиси. Да, я моурави Тбилиси, а того не знал, что, оказываясь, здесь, как изволил сказать глубокоуважаемый Валерий Брюсов, есть замечательный поэт, — свою вину я признаю: до сегодняшнего дня я не знал, что этот замечательный поэт мой родственник! Как вам это нравится — у меня родственник поэт, а я этого до сих пор и не подозревал!

«Ованес Туманян, Ованес Туманян!» — послышалось с разных сторон. И все присутствующие воздали славу Ованесу, которого до тех пор не замечали или же не хотели замечать как поэта. Помог этому Валерий Брюсов.

Все восхищались красноречием тамады и, не дав ему закончить тост, встали на ноги, обратили свои бокалы к Ованесу. «Кеде!», «Ура!», «Браво!» — дружно разнеслось по опромной зале.

Причиной этого ликования был человек, уже седеющий, немного сутулый, и он, расчувствовавшись, приветливо кивал участникам пира.

Все, независимо от национальной принадлежности, глубоко переживали величие этой минуты, все поняли, что среди них находится человек, одаренный большим талантом, певец, умеющий согреть сердца людей.

В первые месяцы после свершения Великой Октябрьской социалистической революции царские армии были отозваны с фронтов. Создавались национальные отряды, и национальная гордость армян проявилась и на военном поприще. Примером тому — нашумевший в то время Питраник со своим отрядом.

Правление Закавказья, основываясь на национальных принципах, доверило бывшие армянские округа армянским отрядам, но этого было недостаточно — для водворения спокойствия среди населения требовалась помощь со стороны передовой общечеловечности.

Одним из тех, на кого была возложена эта миссия, был Ованес Туманян.

Во время этой анархии опасность подстерегала на каждом шагу. И все же Ованес пошел работать в это пекло по велению своей гражданской совести.

Все мы верили в то, что он, являясь посланником братства и единства между людьми, большой гуманист, известный поэт, общественный деятель, примирит армян и турок.

Прошло время.

Однажды из моей редакции я пошел на ярмарку. Был воскресный день, и потому там толпилось много народа.

Вдруг я заметил знакомую сутулившуюся фигуру человека, по обе стороны которого, чуть поотстав, шли парень и девушка.

Я окликнул:

— Ованес, барэкам, Ованес!

Человек обернулся и, действительно, оказался тем, за кого я его принял.

Я подошел к нему и поразился: как он бледен! Куда девалась его улыбка, его пышущий здоровьем цвет лица?

— Как дела, как вы живете?

— Как я живу? Да неужто мой вид не говорит об этом? Я был свидетелем такого, что до сих пор опомниться не могу!

Парень, шедший слева от Ованеса, уступил мне место, я взял Ованеса под руку.

— Это невозможно выразить словами!.. Сущий ад!.. Люди отравлены, взбешены!.. Прежде мы были уверены, что турки — дикари, что они беспощадные, жестокие, и не удивлялись их бесчеловечности!.. Но когда эту дикость проявляет наш народ, да к тому же студенчество!.. я уж и не знаю, что сказать!..

— Что случилось, Ованес?

— Я побывал там, где живут попеременно армяне и турки!.. Все они честные земледельцы, скотоводы!.. Что им делить?

— И что?

— Бесы вселились в них! Я был в лагере студентов армян, расположенном у моста. И что я видел: студент армянин проколол ножом беременную турчанку и сбросил ее с моста. Ох, лучше бы я ослеп, чем видеть это! О ком должны скорбеть люди: о бедной зарезанной турчанке или о потерявшем рассудок студенте армянине — об этой, казалось бы, надежде нашего будущего?..

Я держал Ованеса под руку и чувствовал, как он дрожит, словно сжигаемый каким-то внутренним огнем. Передо мной был вышедший из равновесия человек, исхудавший, еще более сутулившийся, поседевший, с сероватым цветом лица.

Да, его терзало не только то, что турки убивали армян, еще сильнее его мучило сознание, что армяне, армянские студенты — этот цвет и надежда нации — не щадили турок.

С первого взгляда все происходило именно так, как, казалось бы, должно было происходить: раз турки уничтожают армян, то и армяне не должны щадить турок. Но высокая человечность и гуманность Ованеса именно в этом и видела дикость.

У него болела за людей душа, сердце обливалось кровью.

Может быть, лжепатриоты-шовинисты будут осуждать его за это: мол, если тебя уничтожают, ты тоже должен уничтожить. Но люди высоких идеалов всегда будут вспоминать Ованеса Туманяна за его истинный гуманизм.

В 1918 году Тбилиси был как в лихорадке. Борчалло — Сананин, Воронцовка — Екатеринофильд были в огне.

Нужно было видеть, в каком нервном напряжении находился Ованес в это время. Он часто собирал в своем доме грузинских писателей и общественных деятелей и также армян, чтобы как-нибудь содействовать примирению.

Междоусобицы глубоко огорчали Ованеса. Насколько я помню, в те времена или чуть позже Ованесу справили юбилей, но так как сердце его было полно горечи из-за происходивших событий, юбилей он воспринял довольно-таки равнодушно.

В грузинском театре (ныне театр имени Грибоедова) состоялся под руководством Ованеса вечер благотворительного общества.

Как только Ованес заметил меня среди гостей, он сразу же пригласил меня к столу, сервированному в углу зала.

— Где ваши писатели, почему их не видно? — спросил он, оглядываясь на дверь. — Что правда-правда, я жду их, нужен, брат, нужен прочный союз наших писателей и мастеров от каждой области искусства, нужно взаимопонимание и общение на одном языке, чтобы люди знали, о чем мы говорим. Люди еще раньше нас поняли, что они должны относиться друг к другу по-братски, а теперь нужно, чтобы наша общественность шла со временем в ногу, отстаивала интересы простых людей, ведь наши раны еще не зажили!

Ованес говорил со мной, а сам все оглядывался по сторонам — все ли в порядке. И на дверь он поглядывал. Вдруг умолк, направился туда.

В зал вошли писатели, члены новой группировки «Голубые роги».

Ованес радушно встретил их и повел ко мне. Но их лидер удержал Ованеса, зашептал ему о чем-то. Я напряженно наблюдал за ними. Ованес чуть нахмурился. Это дало мне повод подумать, что члены «Голубых рогов» недовольны моим присутствием, тем более, что причина для этого у них есть — в моем журнале я поместил критическую статью о них, так как мне не нравился стиль их письма.

Они все же подошли. Мы поздоровались. Начался пир.

Посидев ровно столько, сколько требовало приличие, я стал прощаться. Ованес запротестовал.

— У меня есть неотложное дело, — сказал я.

Он проводил меня до дверей:

— Не нравится мне, Иосиф-джан, не нравится это. Писатели — это ведь одна семья, и, каких бы взглядов ни придерживался каждый из нас, все мы являемся членами одной семьи, все мы делаем одно дело, служим одной цели, нельзя нам ссориться, хотя бы из тех соображений, что все мы творим для блага народа.

Я все же попрощался и ушел...

Ованес Туманян — великий борец за дружбу между народами, это символ чистоты — иным невозможно его представить. Каждое его произведение, начиная от басни «О человеке и собаке» и кончая стихотворением, посвященным грузинскому поэту, каждая строка из «Ануш», — выражение его идей.

Ованес Туманян был очень своеобразным, очень оригинальным человеком.

Тбилиси знал не мало выдающихся людей, таких, например, как Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Габриел Эристави, Василий Барнов и другие. С их уходом наш город как будто опустел, их отсутствие чувствуется всеми: давно Тбилиси не видит улыбающегося, приветливого Акакия, с поднятой головой и взглядом, полным любви к людям; нарядно одетого Габриела, который всегда совершал моцион от своей квартиры на улице Лермонтова до Муштаида и обратно пешком, не видит Тбилиси человека с лицом, похожим на фреску, который проходил в двенадцать часов по левой стороне проспекта Руставели в окружении своей собственной, невидимой для других армией героев...

Таким же своеобразным был и Ованес Туманян: высокий, подвижный, олицетворяющий доброту. Его отсутствие с горечью переживает Тбилиси.

Мартина Минтэги БИЛЬБАО-ГОГИЧАЙШВИЛИ

Моя Баскония

РОДНЯ

Следующий день начался визитом врача.

— Где мой «большевик», покажите мне ее! — еще в дверях кричал он.

Осмотрев меня и найдя мое состояние удовлетворительным, он стал рассказывать о том да о сем, порасспросил и меня, и ушел такой же шумный, веселый, как пришел.

В Испании меня удивил огромный интерес к Советскому Союзу. Достаточно было кому-нибудь узнать, что я из Советского Союза, как меня окружали и засыпали вопросами.

Старший сын Чучи, Иниаки, находился в армии, но я написала его командиру сеньору полковнику письмо, сообщила, кто я, откуда приехала и на какое время, и просила его отпустить моего племянника хотя бы на несколько дней — повидаться. Представьте, Иниаки приехал и пробыл дома целых пять дней.

Только мы закончили завтрак, зазвонил телефон. Чуча взяла трубку.

— Сегундо, — сказала она.

Я бросилась к телефону и приложила ухо с другой стороны трубки.

— Приехала, Сегундо, приехала! — кричит Чуча в телефон.

В трубке молчание.

— Сегундо, Сегундо!

Никто не отвечает. Только короткие гудки.

Чуча набрала номер телефона брата. Долго никто не брал трубку. Наконец раздался голос Сегундо.

— В чем дело, Сегундо, что с тобой?

— Не знаю, — чуть слышно отозвался он, — не знаю, силы оставили меня. едва держу трубку в руках...

Чуча договорилась с Сегундо, что к обеду мы соберемся у него. Сегундо должен был сообщить брату Иниаки о моем приезде.

— Бедный Сегундо стал инвалидом, — сказала мне Чуча. — Как он только жив остался... у него отнялись обе ноги, теперь он едва передвигается. Да и всем нам пришлось туго... Я, как только окончила курсы медсестер, ушла на фронт. Ушла добровольцем. Отец и братья дрались в рядах республиканцев, могла ли я празднично сидеть дома? На фронте я с ними не встречалась, но каждый боец, которого я спасала, казался мне родным. Когда все кончилось и мы проводили республиканцев до французской границы, я переоделась в гражданскую одежду и направилась домой. Поначалу я не узнала нашу улицу — нет нашего дома, нет соседей... Мама, убитая горем, нашла пристанище у родственников. Бедная мама! Горькая доля ей досталась. На возвращение отца и братьев надежды не было: мы знали, где они. Тебя же точно земля поглотила. Мы искали тебя повсюду, но все оказалось безуспешным. Представь, что пережила мама в тот страшный день, когда разбомбило наш дом. Под обломками погибла наша бедная тетя. Мы нашли ее тело, а ты исчезла, тебя не было ни среди раненых, ни среди погибших.

Затаив дыхание, я слушала рассказ. Сестра продолжала:

— Раза два до нас доходили слухи, что вот там-то и там-то появились беспризорные дети. Мы устремлялись туда. Но о тебе никто ничего не знал. Как-то прослышали мы, что один человек знает о погибших во время бомбежки, так как хоронил их. Мы бросились к нему, но и он ничего не знал о тебе. Однажды в город привезли детей, укрывавшихся где-то во время бомбежки. Люди сбегались со всего города, ведь многие семьи тогда потеряли своих детей. Помню, как стремительно расталкивала толпу несчастная наша мама, чтобы поскорее взгля-

Окончание. Начало в № 7—8.

нуть на испуганных детей. И все напрасно. Человек привыкает ко всему, и в конце концов, мы привыкли к мысли, что тебя нет в живых. Привыкли, говорю я, но разве может мать примириться с такой мыслью! Дни «амы» летели в мыслях о тебе, а ночи проходили в слезах. Как она могла потерять тебя! В том, что ты пропала, она винила только себя, и это не давало ей покоя. Теперь ей восемьдесят лет, но если бы не скорбь о твоей судьбе, подорвавшая ее силы, она и теперь еще могла быть бодрой. Мысли о тебе первое время оттеснили все другие. От отца и братьев тоже не было никаких вестей, но мы знали, где они, и это утешало нас.

Чуча отпила глоток воды. Обняла меня, погладила рукой по голове, как маленькую, прижала к груди, и мы долго сидели молча. Потом она продолжила:

— Первое время я и мама жили вместе и вместе искали тебя. Но однажды меня чуть не арестовали, и мать запретила мне приходиться домой. Новые власти знали, что Минтэги всей семьей боролись на стороне республиканцев и усиленно разыскивали нас. Я вынуждена была уйти из дому и поселиться отдельно. Опасаясь полиции, мы с мамой выделались только тайно.

Нам надо было чем-то кормиться. Тогда всем приходилось трудно, трудно доставался каждый кусок хлеба. По своей профессии я не могла работать, так как пришлось бы представить аттестат и открыть свое имя. После долгих поисков нашла работу — нанялась обслуживать одну влиятельную семью.

Минтэги никогда не шли в прислуги, но другого выхода у меня не было. Устроила меня в эту семью моя хорошая знакомая. К счастью, хозяйка оказалась доброй, я рассказала ей, кем я работала в годы войны, и она мне поручила заниматься с детьми. С этой семьей и теперь сохранились у меня хорошие отношения. Глава семьи рано уходил на работу и поздно возвращался. Хозяйство вела жена, и муж не вмешивался в ее дела. Он занимал большую должность в Бильбао, и, живя в его семье, я была вне всякой опасности. Дошел до нас слух, что Хулиан, Сегундо и Иниаки находятся в тюрьме. И отец тоже. Иниаки перенес много испытаний, тяжело заболел астмой, и его выпустили. С годами перестали преследовать и меня.

— А Висенто? — спросила я.

— Ты помнишь, он всегда был странный какой-то... Мы не знали, где он находится в годы войны. Когда все успокоилось, он внезапно появился домой. Вот уже десять лет, как уехал куда-то и с той поры изредка дает знать о себе то из Франции, то из Аргентины...

У Сегундо собралась вся родня. Представьте себе, что у нас творилось! Коньяк и вино, привезенные из Грузии, мы там и распили. Вино пили из рогов. Испания славится винами, но «Греми» и «Хванчкара» имели большой успех, а когда пили из рогов, много смеялись. Теперь они висят на стене у Сильвестре. Когда его спрашивают, что это такое, он отшучивается:

— Мой свояк прислал мне в подарок два рога, носи, дескать, на здоровье, эти, конечно, лучше, чем другие.

При встрече со мной у Иниаки начался приступ астмы. Ему было очень плохо, он взял бюллетень и, пока я гостила там, не выходил на работу.

Меня все время тянуло к Иниаки. Мы вспоминали детство, годы, проведенные в Бакио. Иниаки больше всех знал о Советском Союзе, знал даже несколько слов по-русски. Он просил меня прислать русско-испанский словарь. Он гордился мной, знакомил меня с товарищами. А друзей и товарищей у него было много, и я всегда была в центре внимания. Меня заставляли часами рассказывать о нашей стране, слушали с величайшим вниманием и удивлялись всему, что я говорила. Но как разнятся два мира друг от друга! Два явления поражают советского человека за рубежом: первое — бесчисленное количество баров, кафе, таверн и второе — чрезвычайно низкий уровень просвещения населения. В Бильбао куда ни глянь, куда ни сворачивай на самой ли глухой улице или на многолюдном проспекте — повсюду бросается в глаза обилие закусокных: для утренних завтраков, для полдневных, для полночных, и, если бы там умели варить «хашис», вероятно, пооткрывали бы закулочные для ранней зари.

Молодых людей с высшим образованием там мало. Трудно поступить в университет, трудно учиться. Надо быть очень богатым, чтобы дать сыну или дочери высшее образование. С раскрытыми ртами слушали наши, когда я рассказывала им о системе образования в СССР. В Испании начальное восьмилетнее образование обязательно для всех, а потом — так называемая академия, где овладевают специальностью, после чего большинство идет на производство. Редки в Испании врачи и инженеры, и они в большом почете.

Цены на книги баснословно высокие. Мы с мужем работаем над переводом испанских новелл на грузинский язык, и мне нужно было купить книги. Если бы не помогли родственники, я не смогла бы приобрести их. Как-то в книжном магазине увидела я прекрасное издание «Тихого Дона» Михаила Шолохова (после

получения им Нобелевской премии испанцы очень заинтересовались его творчеством), но из-за дороговизны не смогла купить его. Книги издаются очень маленьким тиражом. У нас в Грузии единица тиража на прозу десять тысяч, в Испании даже Сервантес не издается таким тиражом.

Я знала, что Испания страна религиозная. Однако сегодня религия здесь — скорее традиция, нежели убежденная, искренняя вера. По воскресеньям и в дни религиозных праздников все охотно посещают церкви — послушать мессу и заодно помолиться. По той же традиции самыми почетными лицами в домах считаются врачи и падре. Среднее и молодое поколение относится к вере очень свободно. В церквях Бильбао поет прекрасный хор, и если ты не погружен в религиозный экстаз, то сидишь себе и слушаешь в великолепном исполнении музыку Вагнера и Баха, слушаешь «Аве Марию».

Бильбао — большой промышленный город, он славится медными месторождениями и медеплавильными заводами. Город делится надвое судоходной рекой Нервионом. В нее входят большие океанские корабли. На реке большая гавань, и через нее перекинуты подъемные мосты. Один называется мостом Генералиссимуса, другой — Девсто. Кроме того, огромное железное сооружение висит над рекой, и к нему на цепях подвешен вагон, похожий на трамвай. В этом вагоне помимо пассажиров умещается четыре легковых автомобиля.

Этот современный паром соединяет два района Бильбао — промышленный Португалет и дачные пригороды Лосарену и Алгорта. Лосарена и Алгорга, лежащие на океанском побережье, застроены великолепными дачами, принадлежащими богачам Бильбао.

На западе от Бильбао — рыбацкий поселок Сантурсе. Над поселком невысокая гора. В поселке большой бульвар, и на нем стоит прекрасная скульптура рыбачки с корзинкой рыбы в руках. Если глянуть сверху на рыбачью гавань, начинается рябить в глазах — столько лодок, и все выкрашены в разные цвета. Рядом с гаванью в самый океан врезается скала. На вершине скалы возвышается скульптура святой Кармен, покровительницы рыбаков. Глядит святая Кармен на необозримый океанский простор и не знает, сколько рыбацких семей, вверивших ей свою судьбу, обездолено, сколько надежд развеяно и обрешено в прах...

БАСКИ

Часть моего детства прошла в Басконии, но многое из уклада жизни басков позабыто или представлялось мне совсем по-другому. И баскский язык со временем я стала забывать — ведь столько лет я не разговаривала на родном языке, не держала ни одной баскской книги в руках.

Лет десять назад в Доме писателей в Квишхети профессор Шота Дзидзигури прочитал нам импровизированную лекцию о взаимосвязях грузинского и баскского языков. Поводом для такой беседы-лекции послужило мое баскское происхождение. После этого я прочла книгу академика Николая Марра «В пиренейской Гурии». Изредка в нашей прессе мелькают статьи о басках. Однако авторы этих статей ссылались на французских басков. В самой же коренной Басконии никто из них не бывал. Впоследствии в газете «Неделя» появилась беседа А. Кикнадзе с Долорес Ибаррури, и неудивительно, что я, живущая в Грузии басконка, заинтересовалась этим. Я не специалист в этом вопросе и не имею соответствующего образования, я не могу претендовать ни на какое обобщение, но мне хочется поделиться фактами и впечатлениями, которые отложились в моем представлении после поездки на родину.

В Бильбао я обратила внимание, что тамошний фуникулер называется Арчанда. Арчанда — гора, возвышающаяся над городом, наподобие Мтацминды в Тбилиси. В пасмурные дни над горой собираются свинцовые облака, движущиеся со стороны Атлантического океана, и Арчанды не видно. По-грузински же — «ар чанда» — значит «не видно». А баскское «нэна»? Ведь по-грузински «нэна» — это ласкательное обращение женщины к детям.

Баскский язык совершенно не похож на испанский. Еще в шестнадцатом веке испанский писатель Луис Велес де Гевара писал в своей известной новелле «Хромой бес»: «...И остаться непонятым, как если бы изъяснялись на баскском наречии...»

При встрече друг с другом баски обязательно говорят на своем языке. Как огорчало моих друзей, что я не говорю по-баски! Там я стала постепенно вспоминать родной язык, но короткий срок не давал возможности полностью восстановить его в памяти. Я стала искать баскские книги. С 1939 года почти перестали издавать, и лишь в последние годы стала появляться литература на этом языке. Баскская периодическая пресса только-только делает первые шаги.

Прежде всего я восстановила в памяти счет: один — бат, два — би... и т. д.

Названия дней вспомнились тоже сразу.

И вот я держу в руках учебник баскского языка. Эпиграф на первой странице гласит: «Будем изучать баскский язык, древнейший в мире». Эпиграф на испанском языке.

В баскском алфавите двадцать шесть букв, из них четыре таких, которых нет в испанском.

Предлог в баскском ставится в конце слова, так же как и в грузинском.

Ударение в слове распределяется равномерно на все слоги — как и в грузинском.

Листаю баскско-испанский словарь. Сколько знакомых слов, точно я читаю грузинскую книгу!

Названия месяцев на языках большинства народов мира строятся на одном корне, а в баскском языке они звучат совсем по-иному и не имеют ничего общего ни с одним из языков мира.

Баскония в настоящее время испытывает некоторый прогресс.

По традиции баски ежегодно собираются в городе Гернике, как в своем священном городе. В Гернике исстари стоит могучий вековой дуб, ствол которого заботливо огражден стеклянной оградой. Он является эмблемой Басконии. В честь этого дуба каждый год в Гернике устраиваются большие празднества.

К сожалению, в Испании русская пресса не поступает, и там ничего не знают о баскско-грузинском вопросе в лингвистике. Я побывала у специалиста по баскскому языку. Он работает лаборантом на каком-то заводе в Вильбао, так как знания родного языка и литературы недостаточны, чтобы прокормить семью. Он рассказал мне о баскской литературе. Письменность на этом языке появилась в XIV—XV вв., а уже в XIX веке у басков были прекрасные поэты: Иппирагире, Велинчи. Этчаон и прозаик Чао, а в начале XX века — большой поэт Арисе и-Вейтна и прозаик Доминго да Агре.

Но в прошлом в большинстве баски писали на испанском языке. Прекрасные испанские писатели Антонио де Труэба, Хосе Мария де Переда, Мигель де Унамуно, Пío Бароха — по происхождению баски.

О грузинах баски почти ничего не знают. Я встречалась с довольно многочисленными друзьями моей родни и много рассказывала им о Грузии и грузинах.

МИГЕЛЬ АРРЕГИ

В кабинете ресторана Арчанда сидим я и друг моего детства Мигель Арреги. Почему-то ему захотелось, чтобы мы пошли сегодня в этот ресторан. Из окна виден океанский простор. На спокойной глади колышались точечками лодки рыбаков, а вдаль на горизонте океан сливается с небом, и не поймешь, то ли океан поднялся к небу, то ли небо спустилось к океану.

Мы одни, никто нам не мешает. Закуска и напитки на столе, официанту сказано, чтобы он не входил до тех пор, пока его не позовут. Официант понимающе кивает головой, неведомо ему, какая печальная история привела сюда друзей детства.

До закуски никто из нас не дотрагивается. Мигель изредка отпивает анисовую водку и фруктовую воду. Мигель рассказывает. Я слушаю и смотрю на его лицо, напряженно-сосредоточенное. Не могла я представить моего маленького друга таким взрослым, мужественным. Он высокий, у него большущие внимательные и вдумчивые глаза, волосы чуть поседели, но прежнее детское обличье, такое мне знакомое, иногда проглядывает в нем. Вероятно, он хочет рассказать мне о чем-то очень важном. Чуть доносятся звуки джаз-оркестра.

До сих пор Мигель говорит о незначительных вещах. Чувствуется, что ему трудно начать разговор. Я продолжаю молчать, мне не хочется вторгаться в ход его мыслей.

— Ты можешь. Мартина, серьезно слушать меня?

Я кивнула, придвинула стул.

— Да, Мартина, ты знаешь, как много жертв понесла наша семья. Я же потерял и тебя, моего маленького друга. Но я никогда не мирился с этим. Я верил, что ты появишься. После выхода из концлагеря я искал тебя, потому что так много мне надо было рассказать тебе. Невыносимо носить в сердце то страшное, что произошло в моей жизни!.. Меня душила невысказанность накопившегося горя. Ты для меня была больше, чем друг, ты была всем для меня... И вот, когда мы узнали о том, что ты жива, живешь в Советском Союзе, невозможно описать, что творилось со мной... Я ждал, все ждал... Я бы сам помчался к тебе, если бы это было возможно...

И вот ты появилась. Мне кажется, никто не рад тебе так, как я. Видишь ли, мне страшно трудно говорить о том, ради чего ты так нужна была мне. Ты поймешь, когда узнаешь обо всем... Наши не знают всей правды, никому, даже

моей жене, не рассказал я того, что хочу рассказать тебе. Столько лет я ношу это горе в своем сердце...

Мигель пригубил оставшийся в рюмке анис и продолжал свой рассказ.

— Когда у нас началась война, мне шел пятнадцатый год. Последний год я учился не в Бакио, а в Бильбао, и сразу же вступил в республиканскую молодежную организацию. Вернее сказать, мы сами создали такую организацию. Со всем пылом юности мы приступили к новым для нас обязанностям. Под руководством старших товарищей мы наладили связь с другими такими же организациями, одной из которых руководил я сам. С первого же выстрела мятежников мы, пять товарищей из нашей организации, вступили в ряды защитников республики. Все члены нашей семьи взялись за оружие. Дома оставалась одна мама, и она не сумела удержать меня.

Как тебе рассказать о войне... Ты знаешь, гражданская война не щадила никого. Я возмужал в боях. Долго мы сдерживали натиск превосходящих сил противника, мы громили их отборные соединения. Борьба была бескомпромиссная, кровопролитная, беспощадная. Наши ребята не разлучались. Мы организовали небольшой разведывательный отряд. Ловкие, смелые, мы быстро осуществляли любое задание. Проникали в такой глубокий тыл противника, куда другие проникнуть не могли, налетали на врага так стремительно, что не успевал он опомниться, как мы, сделав свое дело, скрывались из глаз. То брали добычу, то забирали пленных, то взрывали штаб, склады. По счастью, пуля нас не брала. Враг прозвал нас «черными дьяволятами», и мы гордились нашим прозвищем. Нашей эмблемой были пять скрещенных черных кулаков. После удачной операции в тылу врага мы оставляли эту нашу эмблему с подписью «пять черных дьяволят».

Но вражеское кольцо сужалось, смыкалось вокруг нас. Мы отступали с боями. Пал на поле боя один дьяволенок, потом второй... третий... Из пяти осталось нас двое, но мы боролись за пятерых. Потом я остался один, но эмблеме в пять кулаков я был верен. Но вот кольцо сомкнулось, и я попался.

В тюрьме я оказался в одной камере с отцом. Мы, столько лет не видавшие друг друга, встретились впервые в тюрьме. Да, это была встреча двух бойцов, прошедших все испытания борьбы за свободу! Отец показался мне надломленным, постаревшим... Один из надзирателей, вначале сражавшийся на нашей стороне, узнал меня, потом опознали и другие...

Суд длился недолго. В те времена приговор выносили скорый, но читали его осужденному очень долго, чтобы дольше томить его... Суд приговорил меня к расстрелу.

Мигель встал, закурил, глубоко затянулся и долго, долго молча смотрел на горизонт.

— А теперь я должен сказать тебе о самом страшном, о том, ради чего с таким нетерпением я ждал встречи с тобой, — продолжал он, когда вернулся к столу. — О таком ни в книге не прочтешь, да и в жизни не услышать! Когда я вернулся из суда в камеру, первое, что я увидел — это расширенные от ужаса глаза отца. Я думал, что в камере никто не знает о решении трибунала. Но в тюрьме ничего не скроешь...

Мигель больше не мог скрывать волнения, руки у него дрожали, когда он закурил следующую сигарету.

— Смертников выводили к двум часам ночи. После полуночи в тюрьме началась суматоха. Гремели ключи, громыхали кованые двери камер, лягали кандалы. Осужденных вызывали по фамилии. На казнь выводили большими группами и, как говорили, не выполнялись даже последние формальности — просто зачитывали список расстреливаемых и ставили их к стенке.

В ту ночь, как только открыли нашу камеру и крикнули мою фамилию, вокруг меня мигом образовалось кольцо заключенных. Они сбили меня с ног, надели на меня, крепко зажав мне рот. И когда тюремщик второй раз выкрикнул мою фамилию, я слышал, как ответил мой отец: «Я здесь!»

— Быстрой, быстрой, чего завозился! — раздался грозный окрик.

— Прощай, мой сын! — крикнул с порога отец, и кованая дверь камеры наглухо захлопнулась за ним.

Не могу описать, что было со мной. Шесть человек держали меня. Задыхающийся, обессиленный, валялся я на полу, кричал, звал отца, но никто меня не слушал, я пытался броситься к двери, но меня не пускали.

— Таково было желание твоего отца, и никто не посмел ему возразить, — сказали мне потом. Возможно, и я так же поступил бы, чтобы спасти своего сына... Но, Мартина, сестра моя, зачем мне выпала такая горькая доля!.. Отец, мой дорогой отец!.. В ту пору я заболел туберкулезом.

Я плачу, громко всхлипывая, Мигель тоже плачет, беззвучно, по-мужски.

— ...И нет исхода человеческому горю, война, убийства, истреблению женщин, детей... — заговорил, наконец, Мигель... — Возможно, наши и знают об

этом, но мне не говорят... Вот каким был мой отец. Он завещал мне быть достойным его имени... Настанет время, я расскажу про него моему сыну...

БАКИО — БАСКСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Бакио раскинулась на склонах холмов на побережье Атлантического океана. Нас четверо: Чуча, Сильвестре, Иниаки и я. В Басконии чувствуется сильная тяга к урбанизации, все меньше молодежи остается в деревне. Она устремляется в большие промышленные города. Очевидно, это в наше время всеобщее явление.

Мы оставили автомашину в начале деревни и пешком двинулись дальше. Мне было интересно, помню ли я эти места. Много стертось в памяти, но Бакио, его побережье, тропинки всегда зримо представлялись мне, когда я думала о них.

Я уверенно направилась по тропинке, которая вела в школу. А эта — на побережье, а вон та — к дому моей тети, — отмечаю я про себя. Оказалось, что я вслух произношу эти слова. Иниаки подтверждает кивком головы. Вот и калитка, и яблоня, под которой я напоролась на нож Иниаки. Мы все взволнованны. Чуча украдкой утирает слезы.

В доме моей тетки поселились дальние родственники Сильвестре. Они еще издали видели нас, узнали всех, догадались, кто я. Встретили нас по баскскому обычаю: хозяйка дома держала в руках глиняный кувшин с домашним вином «чаколи» и глиняную чашу, из которой мы все по очереди пьем вино. Таков обычай в Басконии — гостей встречают чашей вина.

Мне все было знакомо в этом доме: и дом по-прежнему назывался «Амеца» (в Басконии каждому дому дают имя). Дом нашего соседа зовется «Бартурен», другой «Лорея», «Игалде» и т. д.). В стороне за домом стоит все тот же амбар для засыпки кукурузы. Он в точности такой, как западногрузинские «налпа» для этой же цели, то есть стоит на четырех высоких столбах и поднимаются к нему по деревянной лестнице. Рядом с амбаром валяется обязательное для деревенского двора толстое бревно с воткнутым в него топором.

В подвале под домом помещается марани, где дают виноград и настаивают вино. Под потолком подвешены связки домашней колбасы, ветчина, сушеные фрукты на зиму, длинные низки красного перца...

Потом нас пригласили соседи и тоже встречали вином «чаколи» в глиняных чашах. Мало кого из друзей детства застала я в деревне, а кого видела, те посидели больше меня. Общий вид Бакио изменился, появились новые дома, многоэтажные пансионаты. Вырубили каштановый лес.

Мы побывали на кладбище, где похоронены два моих брата. По обычаю, спустя десять лет после захоронения, могилу вскрывают, и прах покойника переносят в фамильный склеп. Могила упраздняется, и там могут хоронить другого покойника. Род Минтэги имеет два фамильных склепа — один в Бильбао, другой в Бакио. Мы долго стояли у склепа, куда перенесены останки моих братьев.

Приближалось обеденное время. Нас приглашали соседи, знакомые, но мы решили пообедать в сельской таверне. Хозяйка таверны встретила нас доброй ласковой улыбкой. Она узнала наших. Потом как-то исподволь внимательно взглянула на меня и спросила:

— Сеньора, вы не Мартина ли Минтэги?

Я утвердительно кивнула головой.

Она бросилась ко мне, обнимала, целовала меня. И вдруг я узнала ее, подругу моего детства Марию Луису. Она накрыла для нас стол, подавала самые изысканные блюда, дорогие напитки, конечно, не взяла с нас ни песеты. «Сегодня у меня в гостях Мартина, и я ее угощаю», — упрямо повторяла она. Впервые кукурузную лепешку я поела в таверне Марии Луисы. В детстве мы часто ели такие лепешки. Помню, по утрам на завтрак нам давали горячую кукурузную лепешку, накрошенную в молоко.

Блюда, подаваемые в таверне в Бакио, были обильно приправлены перцем и душистой зеленью. К столу в большом количестве подали свежую зелень, но я требовала еще и еще; мне хотелось, чтоб на столе было такое же обилие кресс-салата и эстрагона, как у нас в Грузии. В Бильбао свежую зелень без приправы не едят, разве только в виде салатов, политых оливковым маслом. Кстати, баски большинство блюд готовят на оливковом или другом каком-нибудь растительном масле.

Вдруг мое внимание привлек висящий на стене календарь. На нем был изображен мужской вокальный септет. Я подошла к стене, сняла календарь и положила себе на стол. На меня посмотрели с удивлением. Я рассказала, что у грузин есть такая же вокальная группа, состоящая из семи мужчин, «Швидкаца», и моей грузинской родне интересно будет узнать, что и у басков есть такой же ансамбль.

В Басконии пьют, кто сколько может и хочет. Баск без вина не обедает, даже если он один за столом. Дома у него, как правило, всегда есть легкое вино, напоминающее грузинское «Оджалешви».

Но вот Иниаки, Сильвестре и Хосе заехали. Сперва они спели баскскую трехголосную песню. Мой брат Иниаки запевал первым голосом, Хосе вторил ему, а степенный Сильвестре вел басовую партию. Многое мне показалось знакомым в их песнях. Особенно одна очень напомнила гурийскую песню «Три брата гурийца работали в поле...»

Мария Луиса включила магнитофон и протанцевала танец басконки — «Ирландеру». Конечно, будь она в национальном костюме, танец был бы интереснее. А потом Иниаки, схватив со стола два ножа и держа их, как кинжалы, отплясал испанский мужской танец «эспатаданцу», а Хосе с Марией Луисой танцевали «хогу».

Были поздние сумерки, когда мы поднялись из-за стола. Мария Луиса и Хосе завернули нам продукты на дорогу — у басков такое щедрое и гостеприимное сердце. И понятно удивление Хемингуэя, когда его, незнакомого чужеземца, баски пригласили к своему столу в деревенской таверне и сердечно угощали.

Внешне баски очень похожи на грузин. Меня, например, в Грузии не отличают от грузинки. Баск вспыльчив, беспокоен по натуре. Обычно говорит громко, помогая жестикуляцией. Для гостя ничего не пожалеет. Баски храбры, отважны.

Как и в Грузии, национальное платье в Басконии теперь увидишь лишь на сцене. Но мне судьба улыбнулась, и я видела подлинную Басконию и басков в национальных платьях. Это было в деревне Лораули, на родине моего зятя Сильвестре.

В Лораули живет его мать. У них собственный дом. И называется дом как-то звучно — «Аванченес». Мы приехали в Лораули на престольный праздник. Здесь я видела людей в басконском национальном костюме. К сожалению, мы опоздали и смогли видеть лишь последний баскский танец с лентами.

День был солнечный, теплый. Сельчане, веселые, празднично настроенные, заполнили площадь. Трое юношей, приставив к губам «чисту» — музыкальный инструмент наподобие нашей свирели, и перевесив через плечо тамбурин, держали в левой руке палочку для отбивания на нем такта. На середине площади стоял четвертый юноша и держал высокую мачту с девятью длинными лентами трех цветов — красными, белыми и зелеными. Девять девушек, держась за концы лент, под музыку кружились вокруг парня, каждая пролезала под ленту встречной, ленты постепенно переплетались и казались одной яркой трехцветной полосой.

К вечеру праздник продолжался в домах. До самого утра слышно было, как веселятся и поют сельчане.

Все село было разукрашено гирляндами и маленькими флажками. Баски любят яркие цвета и отдают предпочтение красному.

* * *

Месяц, который я провела в Басконии, пролетел с необыкновенной быстротой. Мама заставила убрать подальше все календари, чтобы не замечать, как стремительно летят дни.

Незадолго до отъезда я получила письмо от моих детей, написанное по-грузински. Меня попросили прочитать его вслух, чтобы услышать, как звучит язык этой далекой от них страны. Я прочла письмо и взглянула на маму. Лицо ее выражало удивление.

— Нэна моя, нэна, как ты научилась говорить по-грузински? Должно быть, это так трудно! — сказала она. Я улыбнулась — я уже не помню, как научилась этому языку, который стал для меня родным.

Сестра оставила это письмо у себя, как драгоценную реликвию.

Не знаю, что мне далось труднее — встреча с родными или расставание с ними! Накануне отъезда маму увезли к брату. И сейчас звенит у меня в ушах ее крик:

— Нэна, нэна, маленькая, моя маленькая!

Как только я оставила Басконию, меня с неотразимой силой потянуло на мою вторую родину, к семье, к детям... У человека только одно сердце, но если бы у меня их было два, одно я оставила бы там, в родной Басконии, матери, сестре, братьям, а с другим жила бы здесь, на моей новой родине...

Март—май,

1966 г.

Бильбао—Тбилиси.

Перевод Фатимы ТВАЛТВАДЗЕ

ЧЕЛОВЕК ВЫШЕ ЛЮБЫХ ВЕРШИН

Сегодня его уже нет среди нас. Несчастный случай подстерг его в Италии в доломитовых Альпах. Ушел от нас один из выдающихся спортсменов нашего времени.

Этот очерк — о живом Михаиле Хергани*.

Его знают во всем мире. Знают как самого отважного и смелого альпиниста, как человека гор, который сильнее ветра... В журналах и газетах печатают о нем очерки и репортажи с многоговорящими заголовками — «Тигр скал» из Грузии», «Чудо-человек». Об этом человеке ходит много легенд и фантастических выдумок. Говорят, будто он может бегом подняться на любую вершину и спуститься как ни в чем не бывало, а потом еще и погулять с друзьями; говорят, что он целую неделю может висеть, зацепившись одним пальцем за выступ скалы. Чего только не говорят о «тигре скал»...

А на самом деле это — обыкновенный человек. Человек с повседневными радостями и заботами, глава семьи, у которого много родственников и друзей.

В Местийском районе, где он родился и вырос, его зовут просто по имени — Михаил. Его немногословных и суровых соотечественников трудно привести в восхищение. Односельчане ждут от Михаила еще большего...

Сам Михаил такой же, как его земляки. Простой и трудолюбивый. Верит, что всякий успех и слава достигаются лишь собственным трудом. Трудом и терпением.

Удивляется шуму и восторгам, которые поднимаются вокруг его имени.

— Человек, родившийся в Сванетии, многим обязан горам — так считали старые люди. Горы здесь все: они защищают, кормят и поддерживают человека. Какая удивительная все же вещь эти горы — привыкнешь к ним, привяжешься и уже не можешь расстаться. Потом горы становятся близки, как самый родной человек, они пускают корни в душу так же, как дерево в землю. И после этого становятся неразлучными — гора и человек.

Я видел спустившегося с гор человека, у которого сердце начало шалить. Старики это объяснили тем, что он «расстался» с горами. Горы всегда должны сопровождать горца... — Все это Михаил говорит тихо, будто взвешивая каждое слово. Чуть-чуть прищуренными, светлыми, как вечные ледники, глазами он смотрит в окно; обветренное, словно высеченное из твердой породы, лицо его задумчиво и немного напряженно, точно он собирается прыгнуть через пропасть. Молчит. Потом едва заметная улыбка, будто солнечными лучами, освещает его лицо... Он вспоминает о своих первых шагах, «глупые истории» детства.

Дед Михаила — Антон был известным охотником. Охотниками были и известные альпинисты, мастера спорта Габриел, Букну, Весарион Хергани, Чичико Чартолани, Гио Нигурнани и Максим Гварлиани. Сколько раз Михаил мальчишкой шел за ними на охоту, но, опасаясь гнева взрослых, неизменно возвращался с полпути назад. Маленького и неопытного, его пока никто не хотел брать с собой. «В скалах ходит Халэ¹, Халэ преследует детей...» — пугали взрослые. Но он уже не верил в это и смеялся над Халэ, рвался в горы, на охоту. Вершина Дала-Кора звала и манила. «Обязательно пролезу через «окно» в этой скале, обязательно...» — решил он. Но для этого, в первую очередь, нужно было украсть у отца ружье, а потом... потом он знал, что делать. Ружье он украл, но в окно Дала-Кора не смог пролезть и застрял в нем, не мог двинуться ни вперед, ни назад; и только тогда заметил, как высоко поднялся. От страха закружилась голова, чуть было не потерял сознание. Опять открыл глаза. Отточенные зубья вершины сверкали белизной в лучах заходящего солнца.

Солнце вот-вот зайдет, в горах быстро темнеет, вокруг воцарится темнота и... И вот почему-то именно тогда вспомнился Халэ... Халэ, над которым всегда смеялся: «В скалах Халэ ходит, Халэ преследует детей...». Помогите!!!

* Из готовящейся к печати книги.

¹ Горный злой дух из сванских поверий.

Скоро зашло солнце. Очертания ледников и скал стали расплывчатыми. Внизу полоса елей покрылась ночной мглой. Вечер крался с ущелья и полз все выше и выше. Утешением остались только белые вершины Кавказского хребта. Ночь не смогла окутать их мглой, и они светились, как сказочные факелы.

— Если б не вершины, наверное, я сошел бы с ума — они стояли и подмигивали мне, — улыбается Михаил. — Я услышал их голоса: «Держись, не поддавайся...» Я пересчитывал вершины: Чатин, Ушба, Гулба, Эльбрус. Считал, пока глаза были способны видеть, считал без конца. Скоро с ледников подул холодный ветер... Я задрожал от холода... Как хотелось увидеть землю, деревню. Завидовал сверстникам, которые в это время сладко спали в теплых постелях. Я дал себе клятву: после этого никогда больше не пойду в горы... Близо не пойду к этой проклятой Дала-Кора, никогда не подниму ружье на туров... Вдруг почувствовал, каким тяжелым стало ружье, руки с трудом удерживали этот ненужный, как мне показалось в ту минуту, груз. Ружье само выпало из рук и, падая вниз, где-то задело выступ. Тишину разорвал выстрел. Потом снова все умякло, и я продолжал считать вершины. А потом вдруг заметил, что они стали терять четкость очертаний... Рассвело. Вслед за солнцем раздался свист горной куропатки. Свист снова повторился, и я обрадовался — так протяжно мог свистеть только мой отец...

Когда возвращались обратно, никто из нас не проронил ни слова. Я от страха, а отец, наверное, от обиды. Наконец, он спросил:

— Испугался?

— Сначала, когда я посмотрел вниз, чуть было сознание не потерял... а потом страх прошел...

— Видно, высоты испугался... сразу ни у кого не получалось... Но раз уж так притягивают тебя эти скалы, начни все по порядку с самого начала...

— Как с самого начала?

— Сперва надо побороть страх перед высотой... Потом нужно изучить способы скалолазания, заставить сердце и ноги преодолевать малые вершины; у нас для этого достаточно башен... Одним словом, нужно тренироваться, иначе ничего не выйдет.

Оказывается, отцу в ту ночь приснился дурной сон, он вскочил с постели и сразу хватился меня, потом, обнаружив, что ружья нет на месте, понял, что меня следует искать в горах. В полночь со стороны Дала-Кора ветер донес звук выстрела, и отец пошел на этот звук. Я спасся и понял на всю жизнь, что с горами шутить нельзя.

После того случая все пошло по-другому. Односельчане были удивлены: Михаил и его друзья — Шалико Маргиани, Михаил Хергиани (младший) покрыли стены пятиэтажной башни сетью веревок. Поочередно поднимались к верхним этажам, как рысы, висели на веревках. За их занятиями следили Бакну и Бесарион. Указывали на ошибки, помогали советом начинающим альпинистам. Ребята постепенно изучили разновидности узлов, могли опускаться с высоты «дульпером».

— По вечерам, в свободное время, тайком поднимался на башню и часами смотрел оттуда вниз — привыкал к высоте. Занятия дали свои плоды. Уже не захватывало дыхания, не кружилась голова... Потом вместе с группой альпинистов поднялся на вершину Бангуриани.

Но это было только начало. Тренировки на башнях и проба ног на скалах недалеко от села носили случайный характер. Восхождения на Бангуриани и на другие малые вершины предпринимались не ежегодно, а для Михаила эти восхождения были необходимы — тут можно было получить элементарные навыки альпинизма. Правда, первые ласточки альпинизма в Грузии и его основоположники заслуженные мастера спорта Габриел, Бекну, Бесарион Хергиани, Чичико Чарголани, Годжи Зурабани, Алмацгил Квициани, один из первых покорителей Ушбы Георгий Пигуриани и другие в свое время не проходили специальных курсов. Покоряя вершины, они руководствовались опытом, накопленным в процессе собственного труда и старания. Это был самый ранний период развития советского альпинизма, период его самоопределения, как вида спорта, и, конечно, об инструкторских лагерях, о систематизированной теоретической подготовке альпинистов тогда могли только мечтать.

На фотографиях тех времен Максим, Габриел, Чичико и Бекну запечатлены в сванской традиционной одежде, с грубыми веревками, перекинутыми через плечо, и примитивными палочками с железным наконечником в руках. Действительно, трудные были годы, очень трудные... И только благодаря огромному напряжению, фантастической выдержке множество вершин склонило головы перед советскими альпинистами. Высотные пики пали один за другим, покорились воле смелых и отважных людей. Накопился огромный опыт. Сами альпинисты Сва-

нетни, которые в лаптях из бычьей шкуры отправлялись в экспедиции (Гео Нигуриани именно в лаптях поднялся на Ушбу), теперь штурмовали вершины в ботинок со стальными зубьями.

В употреблении вошла непромокаемая, удобная, теплая одежда, легкие герметические палатки, веревочные лестницы, приспособления для бурения скалы, всевозможные клинья, улучшилось качество веревок; стали пользоваться кислородными аппаратами (открытого и закрытого типа), позволяющими работать в атмосферных слоях с разреженным воздухом. Портативные газовые плиты окончательно избавили альпинистов от необходимости питаться только сухой пищей. Вышедшие на штурм альпинисты меньше стали зависеть от главного лагеря, который снабжал членов экспедиции всем необходимым. Экспедиции восходительного характера уступили место траверсам. Теперь овладение сложной альпинистской техникой требовало профессиональных знаний и мастерства. С помощью одного только опыта, накопленного предшественниками, вряд ли далеко уйдешь.

АЛЬПИНИСТЫ

Ушба — патриарх древнейших горных вершин, воплощение жестокости, непокорности и упрямства. Такой знают ее альпинисты и у нас, и за рубежом. В Англии существует клуб альпинистов, который называется «Клуб ушибистов», и достойными членами которого признают только самых сильных и известных «тигров скал».

Ушба — самый строгий и верный летописец развития альпинизма в Советском Союзе. Сколько людей погибло на ее склонах, многие принесли ей себя в жертву и в ее льдах нашли вечную обитель. Другие, уже достигнув середины ее склона и потеряв надежду подняться на вершину, возвращались обратно. Трудно подняться на Ушбу, трудно выпрямиться во весь рост на ее вершине и посмеяться над ее недоступностью. Сменяются над слабыми и трусами, а Ушба не сдается и очень уж стремится удержать свой престиж.

Но когда отважные люди, вооруженные ледорубами, рюкзаками и большими надеждами, отправляются на штурм, они в первую очередь мстят за погибших товарищей. Они делают бессмертными образы друзей.

Однажды Михаил решил поговорить о своем будущем с отцом.

— Если ты не будешь возражать, поеду на Северный Кавказ и попытаюсь поступить на инструкторские курсы...

Бесарион косо посмотрел на сына, погладил длинные усы и ничего не сказал.

— Я думаю, это необходимо... Без профессиональных знаний невозможно что-нибудь новое сказать в современном альпинизме... ты тоже много раз говорил мне об этом. Бекну и Максим утверждали...

Бесарион сидел на стуле и о чем-то думал. Сын вырос и просил у него совета.

— Правильно, я говорил. Без теоретических знаний сегодня далеко не пойдешь не только в альпинизме. Практика у всех колхозников есть, но агрономы, окончившие высшее учебное заведение, лучше нас разбираются в земле. Необразованного человека сегодня даже горы не принимают... Такое время...

На лице Михаила мелькнула улыбка: отец согласен, — подумал он.

— Значит, и ты такого мнения...

— Допустим. Но как ты будешь учиться, ты же не владеешь русским, а там ведь преподают не на сванском языке?

Михаил нахмурился, окачивается, еще рано радоваться. Об этом он до сих пор не задумывался. Не мог представить, что незнание языка — такое непреодолимое препятствие. «Я покажу технику восхождения, то, чему научился здесь от наших, попробую убедить, что кое-что могу»... — думал он раньше и уже считал себя зачисленным в инструкторскую школу. А сейчас слова отца заставили его задуматься... Действительно, что делать? Кто поможет?

Достал учебники и стал изучать русский язык сам. Но учить язык без чьей-либо помощи оказалось делом сложным. До начала приема на курсы оставалось совсем немного времени.

Однажды к ним приехал погостить дядя Максим. Он и Бесарион долго о чем-то беседовали, наконец, видно, договорились. Максим подошел к Михаилу.

— Значит, очень хочешь? — спросил Максим.

Михаил сразу понял, о чем идет речь.

— Очень хочу... И обязательно добьюсь.

— Завтра будь готов, понял? Завтра чуть свет отправимся в Бечо, и там видно будет, на что ты способен... — сказал он Михаилу.

НЕЛОВКОСТЬ

Сельские мальчишки играют: тянут к себе один конец веревки, второй в руках у альпинистов, стоящих наверху, — мальчишки учатся. Оператор Борис Крепс, специально приехавший для того, чтобы запечатлеть на пленку восхождение, включил съемочный аппарат, начальник наблюдательной группы — мастер спорта тоже взялся за свой аппарат: нельзя упускать хорошие кадры. Глава семьи — мастер спорта Бесарион Хергиани поторавливает ребят, впереди большая дорога, нужно спешить, и женщины пекут свежие лепешки. На огне в ведре варится мед, туда добавляют толченые орехи... Миша (старший) только что закончил распределение продуктов и приглашает товарищей в комнату перекусить. Стол накрыт. Все садятся и принимаются за еду. Только хозяева немного смущены. Что случилось? Почему волнуются Бесарион, его супруга, дочери?

На столе не хватает вина. Какой стол может быть без вина?

Где слыхано угощать гостей минеральной водой, доставленной из Лечаби? И старики здесь...

Бесарион умоляющими глазами смотрит на сына, может, хоть немного все же выпьете? Но Миша молчит. Первый раз не слушает родителей.

Джочия Гугава говорит Бесариону:

— Беспокоиться по этому поводу не стоит... Вы тоже ведь не пили, когда шли в горы. Когда вернемся, тогда — сколько хотите...

«Правильно, сам знаю, что нельзя, и мы тоже не пили, но стол без вина... и старики здесь...»

Потом и Бесариону преподнесли стакан с минеральной водой, и он выпил за ребят, отправлявшихся на Ушбу. Его поддержали остальные, и все сразу заговорили:

— Вернуться вам с миром...

* * *

— Так... первый экзамен сдать дяде... — строго сказал отец Михаилу, — если не сможешь идти как надо, вернут обратно...

Дядя действительно оказался самым строгим экзаменатором для Михаила. Они весь день шли без отдыха, одолели Бечойский перевал и оставили позади восемьдесят километров пути.

— Помню, какие уставшие свалились в спальные мешки. Я лично после каждого шага думал, что обязательно свалюсь. Кажется, и дядя порядком устал. Конечно, этот сумасшедший поход устроили специально для меня, спешить было некуда и убиваться так не стоило. Я с нетерпением ждал оценки строгого экзаменатора, но он ничего не говорил. Когда удобно устроились в мешках, он пожелал спокойной ночи и захрапел. А я совсем другого ждал от него. Я, кажется, заслужил тогда похвалы. До полуночи не мог заснуть, волновался, сомневался. «Что же он еще хочет от меня? — злился я на дядю, — чем недоволен?...». Боялся, что вернет обратно.

— Усни, наконец... что ты ворочаешься... — услышал я голос дяди и удивился: он ведь спал, откуда он знал, что я нервничаю? Удивительные люди эти взрослые, — решил я и, наконец, заснул.

На второй день, вечером, мы уже достигли назначенного места. Дядя Максим представил меня директору лагеря, познакомил с главным тренером. Оба оказались его товарищами. Увидев Максима, они очень обрадовались. Это были на редкость сердечные и внимательные люди. Для меня стало ясно, что они будут заботиться обо мне, помогут учиться. Их отношение к странному мальчишке, не говорящему ни слова по-русски, было выявлением самых высоких человеческих качеств. Они сделали все, чтобы я достиг своей цели.

— Только я не оправдал их доверия, — с сожалением говорит Михаил, — опять поддался детскому соблазну и один отправился на вершину Вятау. Поднялся нормально, но спуститься не успел. Сумерки застали на середине склона. И снаряжения нужного не было, а к ночевке и вовсе не был готов — не было ни палатки, ни спального мешка. А Вятау — это не «теплая», бесснежная Дала-Кора. Я пережил страшные минуты. Проклинал все на свете, и прежде всего себя за то, что так легкомысленно отправился на вершину. Проклятием проклятием, но я замерзал, замерзал по-настоящему. Нужно было что-то предпринимать, в противном случае я должен был превратиться в замерзшую статую на склоне вершины. Помог распоряжению моего деда. Однажды ему пришлось ночевать на вершине. Чтобы не замерзнуть, дед всю ночь прыгал, хлопал в ладоши, бегал. Я тоже принялся прыгать. Один квадратный метр снежного коридора, который оказался в моем распоряжении, вытоптал так, будто здесь проехал многотонный каток. Временами подкрадывался сон, голова проваливалась в пропасть. Это была самая большая опасность: со мной могло случиться то же самое, что с водителем, вздремнувшим

за рулем, — упасть в бездонную пропасть; потом начал петь песню о богине охоты и скал — Дали. После этого убедился — если боишься, что заснешь, пой, пой, пой... Песня никогда не подведет.

На второй день, взъерошенный, как воробей, дрожа от холода, я предстал перед своими товарищами. Смешно было на меня смотреть. Я сам смеялся над собой, остро переживал, что допустил такую глупость. Когда близкие узнали о моем поступке, они махнули рукой, мол, из него человек не выйдет. Но простили.

В том году по скалолазанию Михаил занял первое место среди курсантов лагеря, потом победил в первенстве ущелья и завоевал право участвовать во все-союзных соревнованиях. И здесь Михаил отличился: занял первое место в парном хождении вместе с Шалико Маргиани. Тот год был поистине счастливым в спортивной биографии Михаила.

МЕСТИА

Дом остался позади. Стоявшие у скошенных полей провожатые стали совсем маленькими. Издалека в высоте открылась Местиа, ее старые и новые дома, Ингури, Сгильнерский и Шгедский мосты. Все выше и выше поднимается группа альпинистов.

Миша долго-долго стоит и смотрит на Местиа.

— Такой красивой, как сегодня, нашу Местиа я никогда не видел.

Почему он так сказал? Что прибавилось в Местиа после вчерашнего дня? Почему сегодня она показалась ему прекрасной? Не потому ли, что ребята сегодня отправляются на Ушбу, на упрямую Ушбу? Кто знает, что скрывается в сказанном, какой внутренний голос заставил руководителя штурмовой группы в минуты прощания с родным селом произнести эти слова.

— Такой красивой Местиа никогда не была...

* *

Количество добытых золотых медалей росло из года в год. Имя спортсмена стало популярным. А благодаря случаю, происшедшему в Англии, мир признал в нем самого отважного скалолаза, «тигра скал».

По приглашению федерации альпинистов Англии туда из Советского Союза поехали четыре альпиниста. Для демонстрации своего мастерства советским альпинистам предложили стену, которую никто еще не одолевал. Товарищи посмотрели на Михаила — самого молодого члена своей группы. И он отправился на штурм...

МОЛЧАНИЕ

— Одна белая — все хорошо, две белые и одна зеленая — продлить контрольное время, а красная, красная... — ему трудно выговорить. Все молчат, такого молчания я не помню: Джонни, Гиви, Михаил, Джумбер и Шалико, все молчат. Молчат вершины, горные куропатки тоже куда-то исчезли, прекратили свое «тру... тру...». Вороны улетели за скалы.

Я сижу перед Мишей, на коленях лежит бумага — я писал. А сейчас будто и рука замерла. Я слежу за ребятами и понимаю их состояние. Так молчат люди в минуты сильных потрясений... Когда астрономы открывают новую звезду или планету, когда... С тех пор, как люди начали поединки с горами, возник этот неизвестный дотоле миру отклик на красную ракету. Когда взвизывает в небо красная ракета, все молчат...

— Красная ракета — группа в опасности, необходима срочная помощь. Контрольное время до двадцать шестого августа, — заканчивает Миша. Кладет бумагу в карман. Я тоже тщательно складываю исписанную бумагу, как будто от нее зависит судьба альпинистов. Миша встает, ребята берут рюкзаки. Прежде чем двинуться в путь, Миша подходит ко мне и тихо говорит:

— В жизни никогда не выпустил красную ракету... но... если увидите, снизу не пытайтесь помочь, ничего не выйдет, спасательная группа должна действовать с вершины...

Они ушли. Мы — я, Борис Крепс и врач Хито Муселиани — остались. Перед нами — ледник, бесконечно длинный и недоступный. Ледник проходит между Ушбой и Чатити, поднимается выше и там теряется. Ребята поставят палатку в конце этого ледника, чтобы прямо посмотреть на юго-восточную стену Ушбы, на которую еще не ступала нога человека. Сколько групп вернулось назад, потерпев неудачу в штурме этой стены. Шестьсот метров отвесной скалы не шутка, здесь нужно работать только молотком и стальными клиньями. А висеть на веревках девять, десять дней и ночей не так легко.

**Идут альпинисты, чтобы покорить Ушбу и отомстить ей, если только...
А пока стена стоит вызывающе гордая, непокоренная...
Идут альпинисты.**

— С самого начала все шло нормально. Но трасса постепенно осложнилась. Наклонная стена перешла в отрицательный спуск. Без веревки и напарника одолеть такую стену вообще невозможно. Что было делать? Вернуться назад? Тысяча незнакомых глаз наблюдала за мной.

Вдруг почувствовал, что в эту минуту перестал принадлежать себе, вспомнил товарищей, которые остались внизу. «Будь что будет!» — подумал я и еще раз пощупал рукой плоскую поверхность скалы. Случайно наткнулся на маленькое углубление. На среднем пальце повис и сделал один шаг. Потом снова понескал и... после этого случая поверил: бывают в жизни чудеса...

Целое море зрителей смотрело с изумлением на блестящий триумф советского спортсмена. Не могли скрыть своей радости и товарищи, когда услышали, как вырвалось у кого-то «тигр скал».

«Тигр скал» — подхватили журналисты, и эти слова обошли весь мир... На присланных из-за рубежа письмах против фамилии адресата всегда написано второе имя Михаила — «Тигр скал».

ЖДЕМ РАКЕТЫ

Сажу. Смотрю на себер. Ничего не видно, туман скрыл все. Моросит дождь. «Там, наверное, снег идет. На Ушбе никогда не моросит».

Я сижу на этом промерзшем камне перед ледником Ушбы и смотрю на север. Хочу узнать что-нибудь о наших ребятах. «Хоть ты скажи, ледник, как они там?» Жду с тоской, когда загорятся ракеты, белые ракеты. Но кругом стоит густой, серый туман, и ничего не видно. И вчера ничего не было видно. И позавчера — тоже. Сегодня пошел десятый день, но нет ни белой, ни зеленой, ни вообще какой-нибудь другой ракеты. Начался дождь, настоящий дождь. Десять часов... половина одиннадцатого — продолжаю сидеть. Должны быть ракеты, и непременно белые и зеленые.

* * *

Михаил и сейчас остается в Советском Союзе скалолазом номер один. Правда, в этом году споткнулся, изменил традиции.

— В этом году не был подготовлен. Я не люблю без подготовки, без тренировки идти на соревнование. Только что закончил восхождение на Ушбу группы в сорок пять человек. Это была очень значительная и самая крупная экспедиция по своей масштабности, и, честно говоря, порядком переутомился. Во время экспедиции думал: вот приду домой и хорошо отдохну. Но вместо отдыха очутился в Ялте. Старшие товарищи настояли, и я не смог отказать.

И вот результат. Обидно не то, что потерял первое место, — я выступил ниже своих возможностей. Это горький урок.

Спортивные достижения Михаила не ограничиваются только скалолазанием. Главное в его жизни — неприступные суровые вершины.

Об альпинистах старшего поколения в Сванетии говорили как о людях, стремящихся принести счастье всем. И действительно, эти люди в горах ищут счастье. А если случалось так, что кого-то постигало несчастье, о нем говорили: — Он умер чистой, красивой смертью. Поэтому, наверное, всегда так тянуло свана в горы, чтобы увидеть их величие и неповторимую красоту.

— Человек выше любых вершин! — часто любили повторять известные альпинисты. Из многочисленной династии альпинистов Сванетии почти ни на чью долю не выпадала участь невернувшегося... Правда, имели место обмороживания, раны и другие травмы, но трагических случаев — почти не было.

— Человек выше любых вершин, — повторяет молодое поколение альпинистов. Они приняли эстафету старших, приняли вместе с паролем — человек выше любых вершин!

До 1964 года в Грузинском институте физической культуры вообще не существовало секции альпинистов. Это тогда, когда здесь же работали секции по всем видам спорта. В 1964 году в институте впервые был поставлен вопрос о создании специального альпинистского факультета.

Руководство республиканской федерации физической культуры попросило возглавить новый факультет Михаила. Михаил собрал вокруг себя молодежь, которая по-настоящему увлекалась альпинизмом. В нынешнем году состоялся первый выпуск. Не было ни одного похода или восхождения, в которых не принимали бы участия питомцы Михаила. Среди них особо отличаются Мурат Мчедлиани, Зак-

ро Мушкудиани, Гайоз Чартолани, Валерий Ратнани, Дженер Гварлиани и другие.

— Мы возлагаем большие надежды на этих ребят и на тех, кто сейчас овладевает основами теории альпинизма, — говорит Михаил, — я горжусь их успехами. Когда мы постареем для гор, эти ребята возьмут рюкзаки и расчистят дальше заснеженную дорогу, которую мы принимали от старших.

МЕЧТА

Утром меня разбудил пересвист горных куропаток. Спальные мешки намочил за ночь, и мы порядком озябли. Я открыл дверь палатки и выглянул наружу. Вдруг погода прояснилась?.. Но мои надежды не оправдались, туман, пронизывающий холод и снег наступают на нашу палатку со всех сторон. Горные куропатки свистят, как локомотив. Хочу их отпугнуть, но только протянул руку за ружьем, как вспомнил, что вчера вечером мы его использовали в качестве подпорки в палатке.

— Плехая погода загнала сюда горных куропаток, — произнес Пирибе.

— Да, — подтвердил Хито.

Настроение у всех отвратительное. Думаю о наших альпинистах, которые сейчас, наверное, борются не только со стенами, но и с холодом, туманом и снегом.

С Гадил — Башкирской вершины — спускались трое. В одном месте, у самой пропасти, они остановились, внимательно осмотрели местность, но ничего утешительного не нашли. Обрыв шел вниз вертикальными скалами. Тогда они вбили в скалу металлический кол, привязали к нему один конец веревки, а второй бросили в пропасть. Первым повис на веревке руководитель группы Юрий Бурукевич, за ним последовали и другие. «Это последний отрицательный спуск, и выйдем из опасной зоны...» — спокойно думал каждый. Но радоваться было рано. Они не успели спуститься даже до половины пути, как кончилась веревка. Все трое оказались в одинаковом положении. Подняться обратно? Об этом нечего было и думать. Сразу вся земля будто отодвинулась от них. Далекими стали города, села, реки и близкие люди. Надежды ломались, как льдины. Все кончилось, помощи ждать неоткуда. Один день, два... три... четыре... трое висели на веревке в ожидании трагической развязки. И вдруг в это время послышался чей-то голос, теплый, желанный, светлый голос, кто-то кричал:

— Не бойтесь, мы здесь....

Трудно было поверить, но тот же голос снова повторил:

— Мы здесь, скоро поднимемся.

И действительно пришли: Михаил Хергиани, Ермине Кахиани и Михаил Хергиани (младший). Три промерзших насквозь, скоченевших альпиниста спустились вниз, были отогреты и спасены.

ПОБЕДА!

Восемь часов. Я на Гвальдири. Смотрю на вершину. Впереди еще целый час времени.

Вдруг на дороге появились машины, они остановились возле меня. Оказывается, местный узнали, что альпинисты в девять часов дают сигналы, и примчались посмотреть на них... Все молчали. Когда оставалось несколько минут до девяти, из Чапини взлетела белая ракета. В Чапини наших не было, но люди все же захопали. Даже повеселели. Точно в девять часов произошло то, чего мы с таким волнением ждали — с самой верхней точки Ушбы в воздух поднялись четыре белые ракеты. Нашей радости не было предела, все кричали, пели и хлопали в ладоши. Я тихо пошел домой и думал о том, как наши «тигры скал» отомстили гордой и жестокой Ушбе, добившись победы над ней в честном поединке.

Карло ГОГОДЗЕ

Важный документ советской кинематографии

(Советскому кино — 50 лет)

В. И. Ленин, основатель молодой социалистической республики и глава первого в мире рабоче-крестьянского государства, уделял большое внимание вопросам кинематографии и фотографии даже в самый трудный и напряженный момент гражданской войны, в 1919 году. Ленин подписал новый документ, имевший мировое значение, — декрет о национализации предприятий фотографии и кинематографии на территории РСФСР.

В декрете говорилось:

«1. Вся фотографическая и кинематографическая торговля и промышленность как в отношении своей организации, так и для снабжения и распределения относящихся сюда технических средств и материалов передается на всей территории РСФСР в ведение Народного Комиссариата Просвещения.

2. Для этой цели Народному Комиссариату Просвещения предоставляется право:

- а) национализации по соглашению с Высшим Советом Народного Хозяйства как отдельных фотокинопредприятий, так и всей фотокинопромышленности;
- б) реквизиции предприятий и фотокинотоваров, материалов и инструментов;
- в) установления твердых и предельных цен на фотокиносъёмку и фабрикатов;
- г) производства учета и контроля фотокиноторговли и промышленности;
- д) регулирования всей фотокиноторговли и промышленности путем издания всякого рода постановлений, обязательных для предприятий и частных лиц, а равно и для Советских учреждений, поскольку они имеют отношение к фотокиноделу».

Он был подписан 27 августа 1919 года.

Декрет о фотографической и кинематографической торговле, национализации предприятий и о передаче их в управление Народного Комиссариата Просвещения явился началом новой эры в истории мировой кинематографии. Это — исток всего нового в кинематографии, сказанного во имя великого будущего человечества. Отсюда берет начало тот неисчерпаемый стимул прогресса, который ведет киноискусство к вершинам все новых и новых достижений. Отсюда жизненная сила творчества каждого прогрессивного деятеля мировой кинематографии, отсюда его высокое политическое и художественное мышление.

Со времени подписания этого важнейшего документа прошло пятьдесят лет. Советская кинематография, процветающая под солнцем ленинского декрета, неустранимо развивается, растет и уже занимает в мировом киноискусстве одно из первых мест.

Насколько велико историческое значение подписанного Лениным декрета, говорят монументальные кинематографические произведения начала двадцатых годов: «Броненосец Потемкин» С. Эйзенштейна и «Мать» В. Пудовкина.

Эти волнующие поэмы о революционных битвах трудящегося народа представляют собой величайшее достижение мировой кинематографии. Эти фильмы принесли известность не только своему родному киноискусству, они прославили и утвердили кинематографию как величайший вид искусства двадцатого века. Это была новая школа, по которой начала учиться мировая кинематография. Ни сопротивление реакционных сил, ни зависть и враждебное отношение к киноискусству молодой советской республики со стороны частных кинопроизводств не могли ослабить интерес к нему на мировом экране. Несмотря на все попытки очернить и принизить достоинства нашей кинематографии, реакционные силы не смогли скрыть от масс яркий луч художественного мышления наших мастеров киноискусства, их чарующую манеру раскрытия формы и содержания наших фильмов. Наши кинокартины восхищали и покоряли всех как в лагере прогресс-

сивного человечества, так и в реакционном лагере. Последующие советские фильмы еще более утвердили международный авторитет нашей кинематографии. Особую популярность принесли нам фильмы «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингис-хана» (режиссер В. Пудовкин), «Парижский сапожник» и «Обломок империи» (режиссер Фр. Эрмлер), «Арсенал» (режиссер А. Довженко) и др. Эти первые советские фильмы пользовались величайшей любовью трудящихся масс и оказали огромное влияние на творческую жизнь кинодеятелей Западной Европы и Америки.

Советские фильмы «Конец Санкт-Петербурга», «Обломок империи», «Арсенал», «Потомок Чингис-хана» и «Голубой экспресс» в Нью-Йорке в сентябре 1938 г. были украшением кинофестиваля. Этот факт убедительно показывает, как велико было в то время международное значение наших советских фильмов. Тогда наши немые фильмы прозвучали громче, чем звуковые американские. Газета «Дейли уоркер» заранее объявила: «Будут показаны также русские немые фильмы Пудовкина, Эйзенштейна, Довженко и других режиссеров, которые своеобразной интерпретацией советской революции и оригинальным мастерством создали новую эпоху в истории киноискусства». Соответствие социальных условий тематике, глубокое политическое осмысление материала, правдивые образы людей старого и нового быта, революционный дух, кинематографический язык и оригинальные приемы художественного изображения, новые приемы монтажа, по-новому звучащая композиция кадра, разумное использование световых эффектов и многое другое — вот черты советского киноискусства. Вот что очаровывало сердца миллионов зрителей, вот как предстало перед мировой кинематографией наше киноискусство и чем завоевало оно любовь всего человечества и оказало влияние на кинематографию всех стран.

Велики были успехи советского киноискусства на киноэкранах за границей, но еще более ощутимыми они стали с начала его звукового периода. Это подтвердилось на международной киновыставке, устроенной в 1934 году в Венеции, а также на международном кинофестивале в 1935 году в Москве. Это были смотры достижений мировой кинематографии, и советские кинематографисты добились блестящих побед. Правдивость сюжетов, высокий драматизм, оригинальность репертуара, блестящее умение раскрывать идеи сценария и характеры, мастерство актеров, музыкально-вокальные достоинства, острота и яркость диалогов, операторское искусство и искусство звукооператоров, работа художников-декораторов, своеобразие монтажа — вот основные условия конкурса, которые должен был удовлетворить каждый фильм.

Советский Союз на этой выставке был представлен фильмами «Гроза» (режиссер В. Петров), «Иван» (режиссер А. Довженко), «Челюскин» (операторы А. Шафран и М. Гиравановский), «Тишина» (режиссер М. Ромм), «Три песни о Ленине» (режиссер Д. Вертов), «Петербургская ночь» (режиссер Гр. Рошаль), «Веселые ребята» (режиссер Г. Александров), «Новый Гулливер» (режиссер А. Птушко), «Чапаев» (режиссеры братья Васильевы), «Крестьяне» (режиссер Фр. Эрмлер), «Горячие денечки» (режиссеры А. Зархи и И. Хейфиц), «Истребители» (режиссер Ю. Райзман), «Личная жизнь Петра Виноградова» (режиссер А. Мачарет) и другие. Большинство фильмов блестяще удовлетворило все конкурсные условия и заслужило особое одобрение. Известно, что фильмы, представленные на московском фестивале, — «Хлеб наш насущный» (режиссер Кинг Видор), «Вива Вилья» (режиссер Джек Конвей) и «Последний миллиардер» (режиссер Рене Клер), среди которых первый касается вопросов преимущества коллективного труда людей, а второй — борьбы американских леонов за свободу, были сделаны под влиянием мексиканской кинематографии. Особенно сильным было это влияние на нашумевший во всем мире фильм «Вива Вилья». В идейной и в художественной манере этого фильма ясно чувствовались приемы, характерные для выдающегося советского кинорежиссера С. Эйзенштейна.

В последующие годы, в связи с культурно-экономическим ростом нашей страны, деятели советского киноискусства вновь достигают творческих побед. Фильмы «Мы из Кронштадта» (режиссер В. Петров), «Цирк» (режиссер Г. Александров), «Депутат Балтики» (режиссеры А. Зархи и И. Хейфиц), «Тринадцать» (режиссер М. Ромм), «Юность Максима» (режиссеры Гр. Козинцев и Л. Трауберг), «Ленин в 1918 году» (режиссер М. Ромм), «Щорс» (режиссер А. Довженко), «Трактористы» (режиссер И. Пырьев) и другие с высоким художественным мастерством показывают наши достижения, повествуют о героическом труде советских людей, о славном историческом прошлом, о любви к миру и преданности советской Родине. Эти фильмы также явились источником творческого вдохновения всех прогрессивных деятелей мировой кинематографии.

Еще яснее проявилась прогрессивная роль советской кинематографии в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Советская кинематография встала на

службу Родине в деле боевого сплочения трудящихся масс для борьбы, для спасения всего человечества от коричневой чумы — тут идейно-художественное превосходство советской кинематографии в сравнении с буржуазной было несомненным.

Разоблачая кровавую, человеконенавистническую природу империалистов Германии, показывая героизм советских людей, их беззаветную преданность своей Родине и стремление не щадя себя освободить от фашистских варваров все угнетенные народы, советское кино пробуждает у всех трудящихся мира, у всего прогрессивного человечества большую любовь и уважение к Советскому Союзу, оно вселяет героический дух, ненависть к врагу, оно стократно увеличивает и крепит боевую мощь и энергию защитников Родины. «Семья Оппенгейм» (режиссер Гр. Рошаль), «Она защищает Родину» (режиссер Фр. Эрмлер), «Парень из нашего города» (режиссеры А. Столпер и И. Иванов), «Секретарь райкома» (режиссер И. Пырьев), «Иван Никулин — русский матрос» (режиссер И. Савченко), «Радуга» (режиссер М. Донской), «Зоя» (режиссер Л. Барнет), «Это случилось в Донбассе» (режиссер Л. Луков), исторические фильмы «Кутузов» (режиссер В. Петров), «Пархоменко» (режиссер Л. Луков), фронтовые музыкальные фильмы «Живи, родная Белоруссия», «Подарок Родине», документальные фильмы «Ленинград в бою», «Разгром немецких войск под Москвой», «Народные мстители», «Наш бой за нашу Советскую Украину», «Суд идет» — вот неполный перечень кинофильмов, которые со всей правдивостью, художественной убедительностью рассказывали о самоотверженной борьбе как на фронтах Великой Отечественной войны, так и в тылу, на трудовом фронте. Фильмы показывали ужасающие картины кровавого разгула фашистов на временно оккупированной врагом территории — реально показать подобное буржуазная кинематография оказалась бессильной.

Из войны наше советское киноискусство — величайшее искусство правдивости и искренности — вышло еще более окрепшим и еще быстрее пошло вперед к покорению новых творческих высот.

II Международный кинофестиваль в Венеции в 1947 году и фестиваль, одновременно проведенный в последних числах июля в двух городах Чехословакии Марианских-Лазнях и Злине, продемонстрировали триумфальную победу советской кинематографии, показав явное преимущество советского кино над кинокартинами капиталистических стран.

Несмотря на провокационную клевету реакционных элементов, эти фестивали подчеркнули, что в послевоенный период среди множества фильмов, обходящих экраны мира, только советские фильмы стоят на высоте истинно реалистического искусства, пользуются величайшей любовью трудящихся масс и всего прогрессивного человечества. Стало ясным, что только киноискусство советской страны имеет мировое значение и великое будущее.

Советское киноискусство, развивавшееся на основе ленинского декрета о кинематографии, является стимулом в развитии национальной киноискусства соседних стран, и советский народ, выдающиеся мастера его киноискусства всячески способствуют, помогают этому развитию. Все творческие усилия нашего народа направлены на то, чтобы у каждой демократической страны была своя собственная кинематография, которая создает кинофильмы, национальные по форме и интернациональные по содержанию, служащие народам в борьбе за счастливое будущее. Это одна из замечательных особенностей советского киноискусства.

В капиталистических странах Европы творческий потенциал местной кинопроизводительности значительно снизился — три четверти кинопроизводства Италии, Франции, Испании, Англии и других стран составляют американские фильмы. «Американские фильмы должны стать эмиссарами департамента нашего государства в других странах, должны превратиться в депутатов и проводников американских идеалов», — заявила в то время газета «Люк».

Но только Советская страна является настоящим другом трудящихся, способствующим развитию национальной культуры и искусства. Лишь вдохновенное творчество советского народа дает стимул для прогресса всех народов, для прогресса их творчества. Это замечательное качество советской кинематографии вновь подтвердили международные кинофестивали, проведенные в 1956—62 годах в Карловых Варах, Венеции, Брюсселе, Каннах и других городах мира, где наряду с другими государствами демонстрировал свои фильмы и Советский Союз. Здесь наши фильмы опять шли с большим успехом. «Заговор обреченных» (режиссер М. Калатозов), «Кубанские казаки» (режиссер И. Пырьев), «Дом, в котором я живу» (режиссеры А. Кулиджанов и И. Сегаль), «Судьба человека» (режиссер С. Бондарчук), «Баллада о солдате» (режиссер Гр. Чухрай), «Летят журавли» (режиссер М. Калатозов), «Чистое небо» (режиссер Гр. Чухрай), «Десять дней одного года» (режиссер М. Ромм), «Повесть пламенных лет» (режис-

сер А. Довженко), а также другие как документальные, так и мультипликационные и научно-популярные фильмы были в центре внимания фестиваля, и по общему общечеловеческим проблем, по разнообразию новых оригинальных художественных кинематографических приемов они явились образцами истинно великого, возвышенного мирового киноискусства.

Особое звучание получили международные кинофестивали, проведенные в Москве в 1959 и в 1968 годах под девизом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами». Девиз обоих фестивалей вытекал из природы советской кинематографии и служил идеалом счастья людей. Поэтому московские фестивали привлекли внимание всего кинематографического мира и превратились в международное торжество. Свои фильмы представили не только те страны, у которых давняя история кинопроизводства. На фестивали были привезены фильмы из стран, кинематография которых развивается только сейчас. Наряду с сильными государствами были представлены на фестивалях государства, только недавно освободившиеся от колониального и полуколониального гнета. Таких условий и возможностей равноправного участия всех без исключения стран не было ни на одном фестивале, проводившемся в капиталистических странах.

Эти фестивали были примечательны еще и тем, что число участвовавших в них государств и количество представленных на обсуждение фильмов было больше по сравнению с представлявшимися на предыдущих международных фестивалях.

Московские фестивали дали возможность выдающимся мастерам кинематографии мира, а также малоизвестным деятелям этого вида искусства познакомиться друг с другом, узнать произведения друг друга, подружиться и установить творческие связи. Гости имели возможность увидеть как новые, так и старые советские фильмы. Выдающиеся кинематографисты с мировым именем публично признали идейные и художественные достоинства советских фильмов и прогрессивную роль московских кинофестивалей. Они были восхищены достижениями советской кинематографии на современном этапе развития передового мирового искусства. Французский кинорежиссер Жак Валери заявил на московском фестивале: «Я внимательно слежу за развитием советской кинематографии. В настоящее время она переживает еще больший подъем. Я всегда был поклонником С. Эйзенштейна, В. Пудовкина и других великих мастеров кино Советского Союза. Сейчас убедился, что на их место пришла очень талантливая молодежь».

С подобными заявлениями выступили и выдающийся японский кинорежиссер Херико Усихара, и английский кинорежиссер Гриан Десмонд Херст, и итальянский кинорежиссер и актер, один из основателей итальянского неореализма. Витторио де Сика, и французский кинорежиссер Жан Ренуар, и многие другие. Известный французский писатель и общественный деятель Леон Муссиак пишет: «Как и весь мир, я в восторге от советской кинематографии», а греческий кинокритик Константин Стаматикю из Афин сообщает: «Советские фильмы приводят в восторг всех честных людей, несмотря на то, что есть попытки помешать условиям дружбы между нашими странами, помешать упрочению дружественных взаимоотношений. Мы уверены: мир и стремление к взаимному сотрудничеству победят, и советские фильмы везде и всегда будут радовать честных людей всего мира».

Произведения мастеров прогрессивного киноискусства Италии, Мексики, Аргентины, Греции, Индии, Египта и других стран как с точки зрения поставленных в них глубоких социальных проблем, так и с точки зрения их художественного разрешения являются драгоценными образцами мирового кинематографического искусства. Такие фильмы создаются в этих странах на базе постоянного развития национального киноискусства, его прогресса и процветания, что стало возможным только после второй мировой войны.

Надо сказать также и о благотворном влиянии на киноискусство этих стран мировой прогрессивной кинематографии и, в частности, советской, самого прогрессивного в мире киноискусства. Именно оно помогло молодым мастерам кинематографии вышеперечисленных стран обратиться к тематике социальной значимости, стимулировало полет их мысли и стремление искать и находить новые формы изображения. «Прием, выпавший на долю советских фильмов в Египте, — истинное доказательство того, что мы легко можем спасти египетского зрителя от гнусности американской кинопродукции», — пишет египетский журнал «Аль булиси» и добавляет: «Не плохо, если возьмем пример с советского народа и с его деяний после Октябрьской революции 1917 года, когда народ понял значение, которое может иметь кино в деле национальной ориентации». «Советские фильмы веселые, все в них ясно, они проникнуты глубоким содержанием и чудесны по форме. В сердца людей Японии они внедряют большую радость и надежду, поэтому народ

стремится к тому, чтобы превратить свою родину в демократическую», — заявляет в связи с демонстрацией советских фильмов «Бюллетень отделения дружбы Японии — Советский Союз» г. Токио. Аналогичных заявлений можно привести множество, но достаточно и высказанного, так как каждое из них красноречиво говорит о больших успехах советской кинематографии, о ее прогрессивном значении в истории развития мировой кинематографии с самого зарождения и по сей день, о том великом оптимизме, который она обрела на основе ленинского декрета.

В основу создания грузинской советской кинематографии тоже был положен ленинский декрет о национализации фотографии и кинематографии на территории РСФСР, подписанный 27 августа 1919 года.

На основе Государственного декрета за № 51 от 11 июля 1921 года в распоряжение Грузинской Советской Социалистической Республики перешли все частные кинотеатры, построенные на территории Грузии, сдающиеся в наем учреждениям, бывшее ателье Пиронз со всеми его техническими устройствами и непосредственно подчинились киносекции, созданной Народным Комиссариатом Просвещения. Киноискусство, перешедшее в руки народа, стало служить народу. Вокруг него сплотились представители грузинской театральной интеллигенции добреволюционной кинематографии, писатели, художники и работники других областей искусства. Активная творческая работа этих людей создала благоприятную почву для роста и развития кинематографии Грузинской республики.

Киносекция, существовавшая при Народном Комиссариате Просвещения, выпустила на экран в конце 1921 года первый советский грузинский фильм «Арсен Джорджиашвили». Это фильм о выдающемся герое революции 1905 года Арсене Джорджиашвили. Ш. Дадиани, известный писатель, театральный деятель и драматург, вместе с постановщиком и режиссером И. Перестиани создали глубоко идейное произведение, полнометражный революционный художественный фильм, в котором был показан значительный по своей революционной насыщенности период из жизни Грузии. Фильм «Арсен Джорджиашвили» явился началом зарождения и развития грузинской советской кинематографии.

Грузинская советская кинематография прошла за 48 лет большой и плодотворный путь.

На протяжении этого времени в грузинской кинематографии, как и в других сферах искусства было много случаев идейных и художественных срывов, но эти отклонения и неудачи представляются нам как «издержки производства» на пути исканий.

В сущности же, работники грузинской советской кинематографии шли и идут плечом к плечу с кинематографистами других республик, входящих в единую семью советского киноискусства. Они включены в единый мощный союз, служащий всем своим творчеством делу осуществления задач, поставленных партией и правительством перед киноискусством.

Художественные произведения киностудии «Грузия-фильм» «Элисо», «Клятва», «Лурджа Магданы», «Тайна двух океанов», «Наш двор», «Белый караван», «Прерванная песня», «Свадьба», «Мамлюк», «Отец солдата», «Хевсурская баллада» и другие актерские, а также рисованный фильм «После гудка», киноэскизы «Ушба», «Алазанская долина», «На памирской вершине», «Дорогой пятого континента», научно-популярные фильмы «История одного опыта», «Грузинская пчела» и другие, созданные такими выдающимися мастерами грузинской советской кинематографии, как М. Чиаурели, Н. Шенгелая, С. Долидзе, Д. Рондели, Т. Абуладзе, Р. Чхеидзе, Н. Санишвили, Ш. Манагадзе, К. Пипинашвили, Э. Шенгелая, М. Кобахидзе, В. Бахтадзе, Г. Асатиани, Ш. Чагунава, В. Валиашвили, З. Гудавадзе, Д. Абашидзе, И. Канделаки, были награждены на разных международных фестивалях двадцатью наградами и вошли в золотой фонд советской кинематографии.

Государственная премия за высокие идейные и художественные достоинства была присуждена грузинским фильмам «Элисо», «Золотая долина», «Арсен», «Великая Заря», «Георгий Саакадзе», «Щит Джургая», «Клятва». Многие грузинские киноработники являются лауреатами Государственной премии, им присвоены и другие высокие звания. Более ста пятидесяти киноработников награждены орденами и медалями.

Художественной правдивостью и реалистической направленностью советские кинематографисты завоевали всеобщее признание не только в большой семье народов нашей страны, но и среди трудящихся масс в капиталистических странах.

Грузинский стих в сопоставительном плане

Исследования ритмико-мелодической структуры грузинского языка последних лет в корне изменили традиционный взгляд на природу ударения в грузинской связной речи, от которого в значительной степени зависит характер грузинского стихосложения. Сравнительный анализ грузинского стиха, проделанный в интересах поэтического перевода, со своей стороны подтверждает данные экспериментальных исследований ударения слова в грузинском языке и приводит к предпосылкам, необходимым для классификации природы грузинского стихосложения, а именно — его своеобразной силлабической структуры, отличной от стихосложных систем других языков и приближающейся к количественному стихосложению. Правильно говорил Б. В. Томашевский: «Как бы ни был специфичен и своеобразен стих, этот строй принадлежит языку и неповторим за пределами национальных форм речи. В этом причина того, что поэзия остается всегда наиболее национальной формой искусства».

Задачи теории поэтического перевода в данном случае вынудили автора настоящих строк провести некоторые наблюдения над грузинским стихосложением — с целью сопоставить последнее с иноязычными системами стиха, в частности английского, ибо с самого начала стало ясно, что без удовлетворительной квалификации грузинского стиха и без отказа от навязанных норм международной, наиболее распространенной системы стихосложения, от искусственных членений и делений, основанных, по-видимому, на признании воображаемого ударения, невозможно ни установление правильного представления о природе грузинского стиха, ни осознанное применение его в поэтическом переводе.

Примечательно, что ранние исследования грузинского стиха содержат в себе рациональные элементы, которым не дала развиваться и найти выражение в последовательной стройной теории о грузинском стихе искусственно навязанная ему система силлабо-тонического стихосложения. Попытаемся разобраться во всем этом и использовать позитивные данные предыдущих исследований, а также экспериментальные данные последних лет, чтобы прийти к предварительным выводам, необходимым для дальнейшего исследования грузинского стиха, которое, со своей стороны, должно послужить окончательному решению вопроса об истинном характере грузинского стихосложения.

Нам кажется, что сравнительный анализ столь далеких друг от друга стихосложных систем, как английская и грузинская, мог бы не только уяснить основные закономерности перевода стихов, но и точнее определить природу наименее изученной из этих систем, то есть грузинской. Поэтому целесообразно было бы начать рассуждение с известных явлений с последующим проникновением в неизвестные или, вернее, недостаточно изученные, нисколько не претендуя на окончательное и исчерпывающее решение проблемы.

Просодия — это грамматика стихосложения. Законы традиционной английской просодии гласят, что основой английского стихосложения служит ударение, а не долгота гласных. Все более чем односложные слова имеют силовое или динамическое ударение, но и односложные могут иметь ударение при случае, например, в группе соседствующих слов. Стопа составляется из группы ударных и неударных слогов, ритм является регулировкой последних, а метр — ритмическое расположение слогов в стихотворной строке. Размер определяется характером и количеством стоп. Дальше идет классификация размеров, которая более или менее четко определяет характер классического английского стихосложения. Так как основой этой системы является реально существующее явление — ударение слова в связной речи, то английское стихосложение представляется как типично силлабо-тоническая система, в которой стих формируется одновременно

и ритмическим чередованием ударений и количеством слогов. Однако решающим является количество ударений, то есть тоническое начало.

Исследователь современной английской поэзии, по словам американского автора Харвея Гросса, подобно Данте оказывается перед лицом «четырёх зверей» в самом начале своего пути:

1. Классически понимаемая просодия как грамматика метрики превратилась в понятие своего же предмета, то есть стихосложения. Иными словами, просодия стала версификацией, и отсюда возникли недоразумения в ее точной квалификации.

2. Не стало того самого метра в современной поэзии, который господствовал в предыдущие века. Типографические ритмы и визуальная просодия заменили его.

3. Существуют разногласия в вопросе о том, как понимать функцию просодии (по Гроссу, просодия—это то, что достигается поэтом, так называемый ритмический стиль).

4. Нет согласия в вопросе о скандировании английских размеров.

Однако нельзя забывать, что английское стихосложение — силлабо-тоническое, установлено еще Чосером, и что попытки Спенсера и Филиппа Сиднея ввести законы классической метрики в английскую поэзию не увенчались успехом и они же сами окончательно утвердили силлабо-тонический стих.

Даже самые современные переводы древнегреческой лирики, сделанные американским поэтом Виллисом Барнстоуном, зиждутся на динамическом ударении в английском языке, которое условно заменяет длинный слог классической метрики, аналогично современным русским переводам той же поэзии. За исключением визуальной и типографической поэзии, все нормально членораздельное в современной английской поэзии подчиняется законам силлабо-тоники, и только этот факт может явиться отправной точкой всех рассуждений об этом предмете. Современные попытки установления аритмического «верлибра», «абсолютного ритма» или «музыкальной фразы» в стихе не могут быть серьезно приняты в расчет, ибо произведения крупнейших представителей современной поэзии в корне отличаются от них. Как справедливо замечает Гросс, «поэзия, которая переживает крушение эксперимента и узость движений, возникает в присутствии всей большой поэзии типичных качеств: в необходимости предмета, в разнообразии и резонансе языка и в просодии, созвучной с идеями и вызывающей чувства».

Не ставя себе целью, — пользуясь метафорой Гросса, — «укрощение четырех зверей» (пусть этим занимается наука о самом английском стихосложении!), мы довольствуемся констатацией упомянутого факта, что английское стихосложение — силлабо-тоническое и что все лучшее, даже в современной поэзии, имеет типичные качества, присущие большой поэзии.

Покойный чешский автор д-р Иржи Левы в своей работе «О типологии силлабо-тонических стихосложений», опираясь на К. L. Pike-a, характеризует ритмообразующее начало в английской прозе следующим образом:

а) Интервалы между ударными слогами изохроничны (по D. Jones-y и K. L. Pike-y): наблюдается сильная тенденция в связной речи заставить ударные слоги следовать друг за другом на возможно одинаковом расстоянии.

б) Ритмические единицы (т. е. группы слогов, подчиненные одному словесному ударению и разграниченные действующей или потенциальной паузой) изохроничны (по W. Jassem-y). Речь обычно состоит из звуковых рядов одинаковой длины и содержит слоги, длина которых имеет тенденцию быть обратно пропорциональной по отношению к их количеству. Один подобный звуковой ряд — нормальная ритмическая единица.

Таким образом, согласно заключению д-ра Левы, принцип изохронии, характерный для ударного ритма, принято считать основой английского стиха, хотя допустимо и влияние других ритмических агентов, каковы крайности содержания или индивидуальная манера чтения.

Благодаря динамическому ударению, как известно, в английском классическом стихе легко формируются его основные метрические единицы — стопы и стихотворные размеры, определяемые количеством стоп, каковы ямбические, трохаические (хореические), анапестические, дактилические и амфибрахические.

Стихотворная функция сильного динамического ударения типична и для русского языка. Более того, хотя принятое до сих пор определение русского стиха как силлабо-тонического остается в силе по отношению к классическим образцам XIX века, Р. Якобсон и Б. Томашевский склонны рассматривать тенденцию развития русского стиха XX века в направлении тонического начала и это его тяготение считать естественным.

Р. Якобсон писал: «В настоящее время русская метрика переживает процесс реформаторства, не менее радикального, чем в первой половине XVIII века. Новый русский стих окончательно порывает с силлабизмом, сближаясь с народным сказовым стихом (известным под названием раешного, лубочного). В виду

упразднения изосиллабизма сегментов исчезает ритмическая инерция, предписывающая после данного числа слогов известный слог выделить ударением, исчезает иными словами дуализм заданного и фактического ряда ударений. Этим чрезвычайно повышается самостоятельная ценность каждого словесного ударения, каждое слово с самостоятельным ударением составляет сегмент стиха. Простейший «нормальный» тип такого ударного стиха охватывает 4 сегмента.

«Кёсарю Кёсареву — Бóгу Бóгово».

«Четыре, тяжелые как удар», так характеризует этот стих сам Маяковский. «Словно каждое слово отдельно вырублено», сказала одна барышня, впервые услышавшая Маяковского, и абсолютно верно сформулировала главную сущность его стиха (ср. хоровое название народного сказового стиха — «рубленая проза»).

Ритмическая инерция силлабо-тонического стиха навязывала стихотворной речи искусственную фразировку и интонацию. Русский стих XIX века не считался с редукцией безударных гласных в литературном языке. Безударные слоги, которые в практической речи скрадываются, приглушены, в стихе оказывались на учете, искусственно выдвигались, выигрывали в отчетливости».

Далее Р. Якобсон говорил о А. Блоке, который продолжил традицию так называемого дольника и существенно расширил силлабическую схему русского стиха и, возвращаясь к Маяковскому, писал: «Хорошим материалом для сопоставления обеих систем стихосложения являются стихотворные цитаты, взятые в стихи Маяковского».

Б. В. Томашевский считает ошибочным называть стихосложение Пушкина, Некрасова и других поэтов XVIII—XIX и XX вв. «силлабо-тоническим», как стали называть его в период символизма, «в период усиленной теоретизации русского стиха», когда «была высказана идея, что точного соблюдения последовательности в стихе ударных и неударных слогов не бывает, но непреломлен счет слогов». По Томашевскому, это стихосложение следовало бы называть просто тоническим, как и называл его Тредиаковский.

Он не видит принципиальной новизны в размерах Блока и Маяковского, даже в современных русских вольных или свободных стихах, а только «продолжение тех возможностей, которые были заложены их предшественниками». Таким образом, получается, что тоническое начало, опирающееся на сильное динамическое ударение, и есть основа русского стихосложения даже там, где Р. Якобсон видит элемент силлабизма, и тем более оно будет действеннее в современном стихе, где традиции дольника и народного сказового стихосложения еще сильнее выражены и роль динамического ударения как организатора стиха абсолютизирована.

Имеется ли что-либо подобное в грузинском языке и стихосложении? Ответ на заданный вопрос требует анализа позитивных данных наблюдений над природой грузинского языка и, в частности, над словесным ударением.

Как агглютинативные и флективные языки, грузинский язык противоположен по своей структуре аналитическому английскому, чем и создаются дополнительные препятствия в процессе точного текстуального перевода. В художественном же переводе, являющемся отражением художественной действительности дольника, указанные препятствия относятся к категории обычных для процесса перевода трудностей и не представляют собой особую проблему. Особой проблемой в технологии поэтического перевода могут явиться количественные и качественные расхождения метрических средств. Опираясь на общую теорию художественного перевода, можно заранее с уверенностью сказать, что средства достижения аналогичного художественного эффекта окажутся различными в двух неродственных языках. Однако действие этого принципа в данном конкретном случае нуждается в дополнительной аргументации, способной сделать возможным применение его и в других случаях (например в сопоставлении русского стиха с грузинским), а кроме того, сопоставления подобного рода могут полнее открыть природу сопоставляемых систем, в данном случае грузинского стихосложения, как менее исследованного, чем английское или русское.

При современных методах исследования мы обязаны исходить из фонологической структуры языка в процессе определения характера стихосложения. Нельзя сказать, чтобы исследования грузинского стиха в прошлом полностью игнорировали природу языка и, в частности, место и характер его ударения (С. Гюргадзе, Н. Марр), что обычно играет решающую роль в формировании стиха.

Однако по свидетельству проф. С. Жгенти, «важных логических выводов из приведенных наблюдений они (предыдущие исследователи.—Г. Г.) не сделали, потому что находились под сильным влиянием господствовавших в то время традиций в вопросе ударения».

Действительно, в то время еще не было современных методов экспериментальной фонетики, которые могли бы уточнить ту предпосылку квалификации

структуры грузинского стиха, по которой основное ударение в грузинских двух- и трехсложных словах приходится на первый слог с начала, в четырехсложных — на третий слог с конца (с некоторыми исключениями, не выходящими за рамки правил основного ударения), а пяти- и шестисложные слова имеют по два ударения (опять-таки повторяющие правило основного ударения, т. е. на первом слоге с начала и на третьем с конца слова). Рассуждения С. Горгадзе носят настолько категорический характер, что последующие исследования фактически идут по указанному им пути и утверждают наличие в грузинском стихосложении международной силлабо-тонической системы, исключая лишь стопу, имеющую ударение на последнем слоге (типа ямба). Хотелось бы тут же обратить внимание на сходство подобной системы ударений в латинском языке. Эта аналогия, по нашему мнению, не случайна, хотя она не кажется осознанной исследователями и, возможно, может быть развита в дальнейших исследованиях.

Для того, чтобы обосновать закономерности соответствия двух стихотворных систем в целях перевода, необходимо установить ту метрическую единицу, которая диктуется ритмико-мелодической структурой каждого языка. Под такой единицей мы подразумеваем группу слогов или слов, которые составляют уже неделимый ритмический отрезок поэтической речи, разрушение которого может привести к исчезновению стихотворного размера. Проще говоря, единица — это сегмент, без которого не будет стиха, и она самая меньшая из всех сегментов организующих стих. В силлабо-тонических системах — это стопа, которая опирается на соединение ударного слога с неударным. По традиционной системе в грузинском стихосложении тоже стопа, причем говорится даже о тяготении всего грузинского языка к дактилической стопе¹. Это, по-видимому, потому, что характерные для грузинского языка многосложные слова представлялись с ударениями на третьем слоге с конца, и, что главное, они действительно проявляют такую тенденцию в эмфатической связанной речи. Однако эмфатическое состояние не может считаться нормой, и исследования стиха должны строиться на более объективных научных данных, накопленных в результате применения современных методов эксперимента и научных поисков. Есть и другая более объективная, в частности, интонационная причина для указанной дактилической тенденции. Основной вопрос в этой связи — вопрос о природе ударения в грузинских словах.

Однако невозможно обойти некоторые позитивные выводы предыдущих авторов, сделанные в результате непосредственных наблюдений над грузинской связанной речью.

Раньше всех высказался грузинский дореволюционный исследователь М. Джанашивили: «Грузинскому языку больше присуща равномерность ударения».

Академик Г. Ахвледиани считает, что «в грузинском языке ударение в слове, видимо, динамическое, но очень слабое, слабее, чем во французском, т. е. в грузинской речи ударение не выделяется с той силой, как во французском и тем более в русском».

Аналогичная мысль о слабости грузинского ударения была высказана им же еще в 1925 году; а выдающийся норвежский лингвист и грузиновед Ганс Фогт в «Приложении» к работе Эрнста Зелмера отрицает историческое наличие динамического ударения в грузинском языке и его влияние на развитие гласных. Поэтому он не считает правомерным какое-либо сравнение грузинского ударения с немецким и русским».

Анад. А. Чикобава тоже признает факт разрушения словесных ударений в силу их слабости и нефиксированного характера и решающую роль придает ударению ритмической группы (фразы). По мнению ученого, в этом отношении положение в грузинском аналогично французскому².

Но самыми убедительными кажутся выводы, сделанные проф. С. Жгенти в результате проведенных им в Москве и Праге экспериментов современными методами лабораторного исследования. Согласно его заключению, «в грузинском языке сила выдоха почти равномерно распределяется на все слоги (кроме двух конечных), что составляет основу грузинского ритмического ударения... Этому же соответствует достаточно богатая формами мелодическая орнаментика; конец повествовательной фразы произносится более низким тоном, нежели средняя часть фразы»³. Исходя из этого, ученый придает первостепенное значение мелодической стороне грузинского языка. «Этого требует и слабая динамичность грузинской речи. Слабость грузинского ударения компенсируется мелодикой».

¹ «Грузинский язык — дактилический, и этот принцип является стержнем нашей речи». А. Гацелла. Грузинский классический стих, Тбилиси, 1953, стр. 123 (на груз. яз.).

² А. Чикобава. К вопросу об ударении в древнегрузинском. Вестник АН ГССР, т. III, №№ 2 и 3, 1942 (на груз. яз.).

³ С. Жгенти. Ритмико-мелодическая структура грузинского языка, Тбилиси, 1963, стр. 164. См. также стр. 144.

Особо перспективным кажется нам заключение ученого о развитии динамического момента в современном грузинском языке, что может со своей стороны сыграть важную роль в развитии грузинского свободного стиха, если доживет до того времени эта современная поэтическая форма, так как известно, что процесс развития языка протекает медленнее, чем процесс изменения литературных форм.

Ученый говорит: «Динамический момент в грузинском произношении представляется сравнительно поздним по происхождению. Живые говоры грузинского и картвельских языков не подтверждают его древности. Динамический момент с течением времени развивается все более и, вероятно, будет развиваться еще интенсивнее»¹.

Но пока что приходится считаться с фактическим положением, которое было четко указано проф. С. Жгенти.

Неустойчивость ударения в грузинском языке и влияние этого его свойства на формирование грузинского стиха признает и проф. П. Берадзе в своем докладе «Ударение в грузинском стихе»: «Ударение в грузинском стихе подвижно в зависимости от той ритмической функции, которую имеет в определенной ситуации слово как стихотворный материал... Это обстоятельство вынуждает считать грузинский стих стихом совершенно оригинальной, поикилотонической (пестроударной. — Г. Г.) системы». А за два года до этого проф. П. Берадзе в докладе «Об одной строке народного песенного стиха» в более категорической форме заявил, что «система грузинского стихосложения не тоническая и тем более не метрическая. Это совершенно оригинальная, не имеющая себе параллели, независимая система. В соответствии с полифоническим характером грузинской песни грузинский стих обнаруживает поикилотоническую природу». Любопытны некоторые эмпирические наблюдения, сделанные автором настоящих строк над вопросительным предложением, где соответствующая интонация удлиняет последний слог фразы или синтагмы, как бы компенсируя его слабость, даже превращая его в ударный, напр. — Хом мидиоди, гана ар цахведи? (Ты же шел, разве ты не пошел?). В вопросительной форме слова «цахвал?» (пойдешь?), если переставить ударение на первый слог и выделить его динамически, получится не вопрос, а приказ — цахвал! (пойдешь!).

Любопытно также наблюдение над произношением грузинских слов иностранцами, чей родной язык имеет динамическое ударение. Например, если русский произносит грузинские слова в соответствии с предложенной С. Горгадзе системой ударений, создается впечатление резкой неестественности благодаря не столько трудности произношения грузинских звуков, сколько сильно подчеркнутой динамичности ударений, неестественной силе произношения так называемых ударных слов.

Необходимо привести также мнение известного русского теоретика перевода А. В. Федорова, высказанное в статье «О путях и средствах передачи грузинского стиха»: «Грузинский стих — стих силлабический, т. е. строящийся на постоянстве числа слогов. Распределение ударений играет в этом виде стиха иную роль, чем в формах русского стиха, связанных с акцентными особенностями русского языка... Принципы силлабо-тонической метрики, ее размеры и ритм не имеют отношения к грузинскому стиху, строящемуся по своим принципам». Примечательно и то, что А. В. Федоров находит немало таких слов в грузинском языке, в которых возможно перемещение ударения. Эти наблюдения русского ученого, не владеющего грузинским языком, особенно ценны, ибо в данном случае слух, привыкший к скандированию силлабо-тонического стиха, отмечает резкое отличие звучания грузинского стиха от русского.

И еще одна квалификация грузинского стиха, возникшая в результате сопоставления древнегрузинского силлабического стиха с новогрузинским стихом, принадлежащая известному грузинскому исследователю П. Ингорюкву: «Доминанта грузинского стиха, его основная тональность — это силлабичность (и связанный с ней коленчатый строй), содержащая в грузинском языке большое ритмическое разнообразие»².

Резюмируя все вышеприведенное, от экспериментальных данных до интуитивных заключений, можно сказать, что ввиду слабости и подвижности ударения в грузинском языке ударение не может служить той опорой стихосложения, какой оно служит в силлабо-тонических и тем более в чисто тонических системах. Иными словами, грузинский стих не может строиться на стопах, принятых в наиболее распространенных международных системах силлабо-тонического стихосложения.

Учитывающий практический опыт грузинского стихотворчества проф. А. Гадерелиа справедливо указывал: «Стопа как ритмический элемент — фикция.

¹ С. Жгенти. Ритмико-мелодическая структура грузинского языка, Тбилиси, 1963, стр. 166.

² П. Ингорюкв. Георгий Мерчуле, Тбилиси, 1954, стр. 589 (на груз. яз.).

Стопа — отвлеченный элемент схемы, она обозначает отрезок идеального размера, абстрактную картину закономерного чередования ударных и безударных слогов; стопами никто не пишет, пишут словами». Это абсолютная истина и для грузинского поэта и для переводчика стихов. Практически стопа не существует в грузинском стихосложении. Так зачем же ее искусственно поддерживать в теории, разве только для бесплодных и схоластических теоретических построений?

Предпосылкой для дальнейших рассуждений следует считать упомянутый выше в цитате П. Ингорюва «коленчатый строй» и указание проф. А. Гацерелия на стихотворные строки, одинаковые по общему количеству слогов, но различные по разнообразию ритмических вариантов (напр. 16-сложный шапри), что объясняется наличием метрических ударений.

Для аналогии тут же следует указать на мнение Л. Р. Зиндера о французском языке, который имеет не словесные ударения, а лишь ударение в конце последнего слога ритмической группы, что и создало ложное впечатление, якобы французские слова имеют ударения на последнем слоге. Сопоставив это мнение с вышецитированными высказываниями насчет большей слабости ударения в грузинских словах, чем во французском (акад. Г. Ахвледiani), и возможности фразового ударения в грузинском (акад. А. Чикобава), нетрудно сделать вывод, что грузинский язык представляет аналогичную французскому почву для организации стиха. Во французском же языке, по свидетельству акад. Л. В. Щербы, «восприятие речи как стихотворной обуславливается... прежде всего тождеством размера или метра, т. е. количеством слогов отдельных отрезков речи, становящихся стихами лишь благодаря этому тождеству».

Тот или другой текст является стихотворным во французском только тогда, если он синтаксически вполне четко распадается на части (предложения, синтагмы или группы синтагм), равные по числу слогов; если эти части не будут ощущаться как таковые по смыслу, то нечего будет и сравнивать по числу слогов¹.

Основоположник грузинской поэтики Мамука Бараташвили (XVIII в.) в своей знаменитой работе «Книга учения о стихе», (1731), разбирая формы и название грузинских стихотворных размеров, впервые упоминает колено («мухли») в качестве основной метрической единицы грузинского стиха в анализе грузинского высокого шапри (который он называл просто «шапри» в отличие от «длинного шапри», в наше время именующегося низким шапри). Как известно, это один из наиболее распространенных размеров в грузинском стихосложении.

М. Бараташвили говорит: «Этот шапри в каждой строке делится на четыре... К четверти строки прикрепляется второе колено, потом третье и потом четвертое. Посмотри, каково начальное колено и последующие каковы, а также какова начальная строка. Если вторую, третью и четвертую сложить так же, получится стихотворение. Некоторые строки разрезаются на четыре, некоторые на шесть. Везде, где они разрезаются, увидите всех деленными».

Далее М. Бараташвили указывает на соединения неравных колен; «Первое колено больше, второе меньше, третье — равно первому, четвертое опять же меньше. Они создают голос длинного шапри».

Самое главное, что Мамука и дальше в характеристике грузинских размеров исходит из той же системы коленчатого строя, тщательно указывая на соразмерность колен и их месторасположение в стихе. Стихотворная организация начинается в его представлении с этой соразмерности, которая количественна по своей сущности. Если добавить к мнению основоположника грузинской поэтики, которому предшествует опыт многих веков богатейшей поэзии, еще и общеизвестное железное правило грузинского классического стиха, согласно которому нельзя ни прибавить, ни убавить ни одного слога в стихе без разрушения основ его стихотворной структуры, — то количественный принцип грузинского стихосложения станет очевидным. Однако дело обстоит не так просто, ибо за последние более чем полтора столетия было сделано несколько попыток привести систему грузинского стихосложения к международным нормам силлабо-тонической системы, и в связи с этим вопрос настолько осложнился (причем, искусственно!), что нет возможности (и, пожалуй, надобности!) разобраться во всех этих противоречивых и сумбурных утверждениях. К этому следует добавить попытки оперировать не основными показателями, а исключениями, либо случаями нарушения общей закономерности, что, безусловно, не может изменить суть явления. Придется, очевидно, сверив некоторые разумные положения, высказанные более правильно рассуждающими специалистами по поэтике в течение вышеуказанного периода, с научными данными последних лет о ритмико-мелодической структуре грузинского языка и сопоставив грузинское стихотворчество с типичными силлабо-тоническими, прийти к тому же, что так просто и естественно сказал Мамука Бараташвили в свое время и что как бы само собой напрашивается и поныне. Однако не только

¹ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка, Москва, 1963, стр. 166—167.

логические рассуждения, а еще и последующая проверка результатов этих рассуждений экспериментами в по современному оборудованных лабораториях могут позволить получить окончательное решение проблемы квалификации грузинского стиха.

Первым внес сумбур в этот уже довольно ясный вопрос, по-видимому, известный русский историк Ефим (Евгений) Александрович Болховитинов (1767 — 1837), который в своей книге «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии» (1802) в главе «О грузинском стихотворстве и музыке» (стр. 83—96) заявил, что грузинская просодия целиком тоническая, наподобие греческой и латинской, потому что грузинский язык полон многосложных слов и имеет разнообразные ударения, и что в ней преимущественно употребляется пирриходактилический метр (○○—○○), хотя и все остальные размеры греческой поэзии родственны ей. Самым удивительным является то, что он, по его же словам, «все это писал ни слова по-грузински не зная и отроду Грузии не видавши».

Мелитон Келенджеридзе в своем труде «Теория словесности с разбором грузинских литературных образцов» (1899 г.) утверждает, что грузинское стихосложение и метрическое, и тоническое, и силлабическое. Симптоматично, что исследователь не может окончательно решить этот вопрос в пользу доминанты одной из указанных систем, и вопрос остается открытым, ибо ясно, что не может быть такого наличия всех систем в одном языке. Путаницу, по-видимому, вызывает отсутствие правильного критерия и предвзятая идея связать грузинский стих с наиболее распространенными просодическими системами. Но, повторяем, эта путаница, вызванная именно неправомерностью такой попытки, весьма симптоматична.

В заблуждениях последующих десятилетий «виновен» С. Горгадзе, предложивший стройную и правдоподобную систему ударений и построивший грузинскую просодию на этой основе. Но об истинном характере этой основы уже говорилось выше.

Наряду с этим были и трезвые голоса.

Теймураз Багратиони говорил о равномерном распределении слогов в грузинском стихе вообще и в стихотворной строке в частности.

Давид Чубинашвили в своей работе «Размер стихов» утверждал, что грузинский стих слоговой (т. е. силлабический. — Г. Г.), где соблюдается количество слогов, как в персидском и других языках. Лука Исарлишвили заявлял, что грузинский стих — силлабический. Архимандрит Кирион и Гр. Кипшидзе также без колебаний заявляют, что грузинский стих силлабический, и даже указывают на разделение наиболее длинной, двадцатисложной стихотворной строки на четыре равномерные части, состоящие каждая из пяти слогов, то есть на колена данного размера, сказали бы мы.

И еще одно заявление, приведенное выше и сделанное уже в наше время П. Ингорюва: «Доминанта грузинского стиха, его основная тональность — это силлабичность, содержащая в грузинском языке большое ритмическое разнообразие».

Вышеприведенных высказываний как будто достаточно, чтобы не претендовать на роль первооткрывателя силлабической природы грузинского стиха. И действительно, нет особой нужды штурмовать ошибочные, иной раз довольно громоздкие, сильно укрепленные и сложные построения теорий грузинского стихосложения. Вместо излишней траты сил лучше обойти их и обратиться к основным фактам. Это полезно прежде всего с точки зрения внесения ясности в проблему, ненужные же цитатели «международных систем» постепенно сами превратятся в исторические памятники.

Окончание следует

Ираклий ХОПЕРИЯ

ГРУЗИНСКАЯ КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА О Н. А. НЕКРАСОВЕ

Передовая грузинская культура и литература второй половины XIX века развивались под влиянием идей русских революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Глубокая идейность, высокие гражданские устремления и освободительный пафос русской литературы озарили своим светом общественно-политическое и литературное движение в Грузии во второй половине XIX века. Влияние это было настолько сильно, что борьба представителей молодого поколения, проповедовавших идеи органического усвоения взглядов передовых русских мыслителей для создания и развития собственной национальной культуры и литературы, вылилась в мощное национальное движение, вошедшее в историю грузинской культуры под названием «тергдалеулли», что в переводе на русский язык означает — «испившие воду Терека».

Но будучи последователями русских шестидесятников и разделяя их политические, философские и эстетические концепции, шестидесятники Грузии увязывали их со специфическими проблемами, характерными для грузинской действительности того времени, творчески переосмысливая при этом идеи русской демократической культуры. Именно под влиянием идей, вдохновлявших Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и их единомышленников, грузинская литература того периода сделала своей целью правдивое отображение жизни народа. Ее девизом стала борьба за народные интересы. Вот почему этот отрезок времени характеризуется подъемом и расцветом грузинского реализма и демократической публицистики.

Особую роль в движении «тергдалеулли» сыграло творчество Некрасова, пропагандистами и популяризаторами которого они были у себя на родине; но, кроме того, они являлись и первыми переводчиками его произведений, оказавших исключительно большое влияние на идейную сторону грузинской литературы, значительно расширив и обогатив ее тематику. В Некрасове грузинские шестидесятники видели не только пламенного патриота, самозабвенно любившего свою родину и свой народ, но и новатора, который сумел найти новую художественную форму, ввел в поэзию несвойственную ей до сих пор тематику, обогатил ее народным говором и фольклором. Они видели в нем поэта, чья «муза гнева и печали» не только развенчивала угнетателей, но и призывала к борьбе за лучшую долю, за счастье народное.

Уже тогда прогрессивная грузинская литература обращалась к «гневной музе» любимого поэта, а его поэзия «скорби и печали» нашла живейший отклик в гуще народа, воодушевляя его на борьбу с деспотизмом царских чиновников и крепостничеством в Грузии так же, как это имело место в России.

Один из грузинских шестидесятников — Мансвешавили в своих воспоминаниях очень ярко отразил увлечение студентов того времени творчеством Некрасова: «Студенчество забыло даже Пушкина, и только Некрасов был у него на устах. На обычных студенческих вечерах... вместо традиционного *gaudeamus igitur* раздавалось бесконечное пение стихов Некрасова. Часто любили петь стихи из поэмы «Размышления у парадного подъезда»; особенно часто пели на скорбный мотив следующие строки:

— Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется...

Так оплакивал Некрасов черную судьбу народа, и эта печаль вплеталась в мотив песен. Недаром называли Некрасова поэтом обездоленных и угнетенных. Если их судьбу он оплакивал, то, наоборот, в лагерь угнетателей, дармоедов, кровопийц он посылал отравленные стрелы. Именно поэтому его муза называлась музой «гнева и печали».

Не менее высокую оценку давала поэзии Некрасова грузинская критика той эпохи. Так, в 1867 году, несмотря на то, что царским правительством было запрещено печатать стихотворения Некрасова, газета «Дрозда» не переставала восхвалять поэта и его творчество. В № 35 этой газеты в статье «Выполненные картины» говорилось, что «Некрасов первым в русской литературе дал поэзии полезное направление».

Но не только поэзия Некрасова была поднята на щит грузинской интеллигенцией 60-х годов XIX века. Грузины-студенты Петербургского университета проявляли огромный интерес к редактируемому и вдохновляемому Некрасовым журналу «Современник», который направлял творчество передовых публицистов, критиков, лучших поэтов и прозаиков того времени. Поэтому не удивительно, что в грузинской мемуарной и критической литературе той поры имеется такое большое количество отзывов о «Современнике», отражающих его неоценимую роль в развитии общерусского революционного движения и формирования взглядов передовой грузинской молодежи.

Высоко оценивая журнал и деятельность его активных сотрудников, И. Чавчавадзе писал в газете «Иверия»: «На протяжении 1856—66 гг. вокруг «Современника» объединились лучшие писатели. Это было славное время для некрасовского журнала... К этому времени относятся лучшие стихотворения Некрасова, имевшие огромное воздействие и на российскую молодежь того времени, и на нашу грузинскую молодежь».

Лучшие представители грузинской интеллигенции не только читали «Современник» с большим интересом, но и сотрудничали в нем. Это вполне понятно, так как немало страниц его было посвящено жизни и культуре народов, входивших в состав Российской империи и мало интересовавших официозную прессу. И не случайно Н. Николадзе, который сотрудничал в этом журнале еще будучи студентом Петербургского университета, посылает в 1865 году из Парижа Некрасову статью о грузинской литературе с просьбой опубликовать ее только в «Современнике». А в 1873 году, вспоминая «Современник» шестидесятых годов и его идеологов — Чернышевского и Некрасова, тот же Николадзе с упоением скажет: «Если бы ты только знал, читатель, какое это было время, с каким нетерпением ждали мы, молодые, тот счастливый день, когда выходил новый номер любимого журнала. С каким восторгом и поспешностью, с какой жадностью и неутомимостью приступали мы к его чтению, как бились тогда наши сердца, волновались чувства, горел мозг. Сколько длинных, нескончаемых северных зимних ночей провели мы за его чтением, обсуждая его мысли, оценивая слова, споря о них, и сколько последующих ночей нас мучило, беспокоило волнение тех чувств, работа тех мыслей, которые вызвал в нас этот журнал! Кто пересчитает эти дни продолжительного счастья, восторга, мучений мозга и возвышения чувств, кто забудет их след, навеки запечатлевшийся в сердце!»¹

Эти слова еще раз свидетельствуют о тех тесных идейных связях, которые объединяли передовую грузинскую молодежь с наиболее прогрессивными слоями революционной России.

«Современник» оказывал настолько большое влияние на развитие грузинской литературной и критической мысли, что литературные противники И. Чавчавадзе яростно нападали на его журнал «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии») в основном за то, что он «рядится в платье «Современника».

В этот период критики неоднократно отмечали и близость мотивов грузинских поэтов, таких как И. Чавчавадзе и А. Церетели, к поэзии Некрасова². И это естественно. И. Чавчавадзе с особым уважением относился к русскому поэту, считая его «всемирно известным деятелем», а о его поэзии он говорил, что в ней — «заклейменено все старое, отжившее и проповедуется новое».

Главы из поэмы «Привидение» (С.-Петербург, январь, 1859), поэму «Разбойник Како» (С.-Петербург, декабрь, 1860), стихотворение «Рабочий» (Павловск, июль, 1860) и ряд других произведений, рисующих ужасы крепостного права, И. Чавчавадзе создает одновременно с произведениями Некрасова, посвященными этой же теме.

Если проанализировать стихотворение Некрасова «Песня Еремущки» и сопоставить его с XIII и XIV главами поэмы И. Чавчавадзе «Привидение», мы обнаружим в них один и тот же призыв к братству, равенству, свободе, одну и ту же веру в грядущую бурю, которая сметет старый, ненавистный мир.

¹ Н. Скандели (Н. Я. Николадзе). Между прочим («Виденное и слышанное»), журнал «Кребули», 1873, № 4, стр. 151—152.

² Статья «Современные журналы и газеты» — «Альманах», 1879.

Аналогичные настроения находим мы и в стихотворении «Рабочий»¹, где даже в качестве эпиграфа использованы некрасовские строки:

«В труде проходит жизньь его
И не приносит ничего».

В этой связи любопытна оценка, которую дал русскому поэту И. Чавчавадзе: «В стихах Некрасова на первом месте — мысль, а затем — внешняя красота. Этим качеством с Некрасовым не может сравниться ни один нынешний поэт. Не только в русской литературе, но и в грузинской есть много неиспеченных поэтов, которые пишут стихи, мало заботясь о том, чтобы за внешней красотой стиха чувствовалась бы и мысль, хватающая за сердце, чарующая ум. Достоинство стихов Некрасова в том, что внутренняя мысль их облечена в красивую форму».

За последние тридцать лет имя Некрасова стоит в ряду с именами крупнейших деятелей русской литературы.

Вместе с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем Некрасов будет воспитателем многих поколений»².

Не менее высоко ценил великого поэта и его творчество А. Церетели.

Если сопоставить такие два стихотворения, как «Свобода» Некрасова и «Имеретинская колыбельная» А. Церетели, то не возникает никаких сомнений в духовной связи их авторов, а близость тематики настолько очевидна, что не требует даже углубленного исследования. По этому поводу Н. Николадзе пишет: «Исследователи находят особенно много созвучий, общих политических и социальных мотивов в стихах Н. Некрасова и А. Церетели. Действительно, бросается в глаза общность мотивов в стихотворении русского поэта «Свобода» и «Имеретинской колыбельной» А. Церетели».

Этот огромный интерес к стихам Некрасова лишний раз свидетельствует о созвучии мотивов творчества русского поэта грузинской действительности. Тема социального бесправия и порабощения личности, проходящая красной нитью через поэзию Некрасова, становится в 60-е годы прошлого столетия одним из лейтмотивов молодых поэтов Грузии.

Представители передовой интеллигенции — грузинские писатели и поэты еще при жизни Некрасова стали переводить его произведения на грузинский язык. Эти произведения имели большое общественное значение, так как будили в угнетенном грузинском народе ненависть к самодержавию, призывали его отказаться от долготерпения и покорности, звали к объединению своих сил, к борьбе.

Эти идеи нашли свое выражение на страницах издававшегося в 1863 году новым поколением грузинской интеллигенции журнала «Сакартвелос моамбе», в котором велась пропаганда идеологии русских революционных демократов.

К сожалению, журнал просуществовал недолго. Через год он был закрыт. Но спустя два года, в 1866 году, на смену ему пришла газета «Дрозба», выражавшая взгляды демократически настроенной молодой интеллигенции. В 1871 году редакция газеты сумела наладить выпуск литературного приложения — сборник «Кребули». Эти два печатных органа в 60—70-е годы являлись самыми передовыми и задавали тон грузинской литературе. На их страницах печатались переводы на грузинский язык стихотворений поэтов-демократов, среди которых главенствовала гневная, обличительная, патриотическая поэзия Некрасова.

Первые переводы из его поэзии принадлежат перу видного грузинского шестидесятника, общественного деятеля, писателя и критика Антона Пурцеладзе. В грузинскую литературу того периода он вошел как мыслитель радикально-демократического направления. Его произведения овеяны освободительными идеями, и не случайно его рассказ «Приключение трех» перекликается с романом Чернышевского «Что делать?».

В своих воспоминаниях об отце Ивлита Карцивадзе замечает: «Антон Пурцеладзе был страстным поклонником Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и Цисарева. Книга Чернышевского «Что делать?», можно сказать, была его библией. Особенно любил он Некрасова. Его стихи отец мой знал наизусть, даже переводил. Томик стихов Некрасова был его настольной книгой»³.

Сам Антон Пурцеладзе, будучи одним из самых преданных поклонников таланта русского поэта, писал о нем: «Среди русских поэтов Некрасов был почти первым, кто обратил свой взор в сторону своего воспитателя и кормильца — угнетенного народа, изучил его жизнь, высказал в стихотворении чувства и пе-

¹ Г. Н. Д ж и л а д з е. Критические этюды. 1963, стр. 142 — 144 (на груз. яз.).

² «Иверия», 1878, № 12, от 12 января.

³ Кутаисский историко-этнографический музей, архив К. Лордкипанидзе, дело № 26, рукопись 2.

реживания простого народа, показал его положение... Почти в каждое свое стихотворение он вдохнул душу, и, рисуя различные картины жизни, горе и печаль угнетенных, он старался писать настолько живо и образно и выражать свои мысли настолько ясно, чтобы привлечь внимание читателя и заставить его задуматься над высказанными в стихах мыслями»¹.

В 1861 году в одиннадцатом номере журнала «Цискари» было напечатано стихотворение Некрасова «Внимая ужасам войны» в переводе А. Пурцеладзе. А в 1864 году в Петербурге К. Лордкипанидзе издает на грузинском языке первый поэтический сборник молодых поэтов Грузии. Этот сборник был задуман издателем как программный для грузинской поэзии в целом, и поэтому стихотворения для него отбирались особенно тщательно.

В сборник были включены стихи И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Бараташвили, а из русских поэтов в него был допущен только Некрасов.

Любопытно отметить, что открывается сборник стихотворением А. Некрасова «Поэт и гражданин» и заканчивается откровенно свободолобивым произведением — «Что ни год уменьшаются силы». При этом «Поэт и гражданин» был набран крупным шрифтом, что подчеркивало отношение грузинских революционных демократов к искусству и поэзии, их позицию в общественной жизни.

Стихотворение, программное для Некрасова, было принято в качестве программы и составителем сборника «Чонгури».

Правда, выполненный К. Лордкипанидзе перевод этого стихотворения оказался слабым. Он это сознавал и сам. Вот почему уже после опубликования, судя по архивным документам, К. Лордкипанидзе продолжает работу над переводом. Поправки, внесенные красными чернилами, говорят о стремлении переводчика подойти как можно ближе к оригиналу.

Выход сборника в свет и провозглашаемые им высокие гражданские идеалы, пламенная революционная проповедь «Поэта и гражданина» вызвали бурный восторг широких общественных кругов и озлобление, ярость слоев реакционных².

С не меньшим энтузиазмом встретила появление сборника «Чонгури» передовая грузинская общественность, считая его необходимым и весьма своевременным. «Наконец-то дождалась хорошей книги», — восклицает А. Церетели о «Чонгури». По мнению грузинского поэта, в сборник вошли стихотворения реалистические, без «соловьиного пения», в которых ведется серьезный разговор о чаяниях народа, интересах и судьбах родины. В 1869 году, то есть через пять лет после перевода на грузинский язык и опубликования в сборнике «Чонгури», стихотворение Некрасова было напечатано в «Сасопло газети» («Сельская газета»), правда, уже в прозаическом изложении.

В первом номере журнала «Цискари» за 1867 год был напечатан перевод стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда», выполненный также А. Пурцеладзе. Его появление также было отмечено передовой общественностью. В критическом обзоре газета «Дрозба» специально останавливается на этом факте: «Мы не собирались делать разбор теперешнего «Цискари», но не можем не выразить одобрения по поводу перевода стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда» и, если кто не читал его по-русски или по-грузински, советуем прочесть это скорбное, заставляющее глубоко задуматься стихотворение, в котором выражается печаль веками обездоленных и угнетенных людей. Это стихотворение, как и другие стихотворения Некрасова, высоко ценит каждый русский, питающий истинную и осознанную любовь к своему отечеству»³. И это в условиях жесточайшей царской цензуры.

Но не только своими силами популяризировали грузинские писатели и переводчики творчество Некрасова. Они привлекли к сотрудничеству в грузинской прессе наиболее прогрессивных представителей русской литературы. Так, по просьбе Н. Николадзе в тифлисской газете «Обзор» за 1878 год появляется статья Глеба Успенского о Некрасове, в которой он называет поэта борцом за революционно-демократические идеи, поэтом-трибуном, защитником многострадального народа: «Словом, что не тронешь в Некрасове, — везде сила и страсть, сила добродетелей, пороков ума, сердца, все в больших сильных размерах, и все вместе — один Некрасов...

...Некрасов — наискреннейший выразитель сущности русской души — страстной, жаждущей жизни, испорченной тысячами дурных влияний, рвущейся из этих пут на волю, к свету, к правде, души страстной, больной, бездомной и испуганной...

¹ Газета «Дрозба», 1867, 17 сентября.

² А. М. Гаркави. История создания Некрасовым первого сборника «Стихотворения». Некрасовский сборник, вып. I, АН СССР, 1951, М.-Л., стр. 166.

³ Газета «Дрозба», 1867, № 35 от 1 (13) сентября.

...Это русский человек весь как на ладони и к тому же громадный и именно русский поэт»¹.

Болезнь Некрасова, естественно, должна была волновать молодежь Грузии, и пресса не могла обойти ее молчанием. Газета «Кавказ» помещает 1 января 1878 года (№1) в разделе «Внутренние известия» подробную информацию о состоянии его здоровья: «Вечерняя почта передает, что в последнее время Н. А. Некрасов сильно страдал и постоянно жаловался на тягостное состояние всего здоровья. Хотя со времени операции, произведенной над ним известным венским доктором Бильротом. и прошло уже восемь месяцев, но Н. А. Некрасов только весьма недолго чувствовал некоторое облегчение и именно весной, когда он мог немного прохаживаться пешком. Большой истощен до крайности, и результатом этого истощения было то, что в четверг, 14 декабря, около 7 часов вечера его постиг апоплексический удар, причем отнялся язык, правая нога и левая рука. Больной говорит крайне невнятно и состояние его здоровья при общем истощении организма внушает самые серьезные опасения»².

В этом же номере газеты читаем далее: «Кстати. По словам СПб. Вед. Н. А. НЕКРАСОВ подарил студентам Петербургского университета написанные карандашом его рукою стихи. Стихи висят в рамке, в студенческой читальне и озаглавлены так:

В черные дни

(Посвящается моим друзьям-читателям)

Вам, мой дар ценившим и любившим,
Вам, ко мне участие заявившим,
В черный год, простертый надо мной,
Посвящаю труд последний мой!
Я примеру русского народа
Верен: «В горе жить — не кручпну быть»,
И больной работаю полгода,
И трудом смягчаю свой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг!»³.

Насколько близко к сердцу приняли студенты Петербургского университета известие о болезни и смерти Некрасова, очень образно отразил в своих воспоминаниях выдающийся театральный деятель Сумбаташвили-Южин: «В декабре 1877 г. по аудиториям и коридорам Петербургского университета, куда я только что поступил, пронеслась весть, что Некрасов безнадежен. Такого общего и искреннего горя, какое тогда чувствовалось в студенческом мире, я не помню в последующие четыре года моей университетской жизни. Тихо и подавленно стояли группы, сменяясь одна другой перед простенькой рамкой, висевшей над одним из столиков нашей читальни. В рамке заключался листок почтовой бумаги, исписанный карандашом, мелким дрожащим почерком измученного ужасными страданиями поэта:

Вам, мой труд узнавшим и любившим,
Вам, ко мне участие сохранившим,
В этот час тоски и муки злой
Посвящаю труд последний мой...

У многих глаза застилались слезами после этих четырех строк, и неразборчивый почерк дорогого, безнадежно больного поэта становился еще неразборчивее.

Некрасов «бил по сердцам с неведомою силой». Все толки о том, что публицист в нем затмевал поэта, что его идеи брали верх над образами и лишали их поэтического вдохновения, для нас, россиян с некрасовской поэзией пятидесятих и шестидесятих годов, казались и кажутся просто одной из разновидностей критических клевет, в которые попадало и попадает всякое самобытное и сильное дарование.

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной, —

говорил Некрасов, а от него, с его чуткой, слившейся с родной душой, требуют, чтобы он

¹ Газета «Обзор», 1878, № 27. «Опять о Некрасове», статья Глеба Успенского, под псевдонимом Г-в.

² Газета «Кавказ», 1878, № 1, от 1 января.

³ Там же.

Красу небес, долин и моря
И ласки милой воспевал.

Трудно было бы мне назвать другого поэта, в котором гражданин проявлялся бы с большей яркостью, кроме В. Гюго. Но разве от этого дерзнет кто-нибудь сказать, что В. Гюго не поэт? Про Некрасова же, как про «своего», «домашнего», — дерзают с легким сердцем, забывая или не зная, как мальчики 10—12 лет в конце шестидесятых годов, не зараженные критическим червем, навзрыд рыдали над его «Рыцарем на час», над его «Парадным подъездом», затверживали наизусть «Песню Еремушки».

Если он не поэт, и такой, который века переживает, — то я не понимаю, какой смысл иметь поэтов¹.

В своих воспоминаниях Сумбаташвили-Южин приводит только одно четверостишие, причем без заголовка. Возможно, он писал его по памяти или по сохранившемуся у него списку посмертного стихотворения Некрасова.

Расхождение текста, приводимого Южиным и перепечатанного газетой «Кавказ» из «С.-Петербургских ведомостей», позволяет предположить, что у студентов было несколько вариантов данного стихотворения. Этот вывод подтверждается литературно-научным журналом «Русское богатство». Его издатель Н. Михайловский констатирует, что «память об этом маленьком предсмертном подарке поэта сохранилась у многих тогдашних студентов, как и списки самого стихотворения»².

А. Церетели провожал в последний путь любимого русского поэта и видел, как траурная процессия превратилась в грандиозную революционную демонстрацию против самодержавия, в которой приняли участие видные ученые, лучшие представители литературы, искусства и огромная армия передового студенчества. Корреспонденцию о похоронах Некрасова Церетели переслал в Грузию Н. Николадзе, который тогда редактировал русскую газету «Новое обозрение». Эта специальная корреспонденция была напечатана в восьмом номере газеты за 1878 год. Она проникнута большой любовью к русскому поэту и глубокой скорбью по поводу его ранней кончины.

Интерес к Некрасову и его творческим идеалам не ослаб в среде грузинских писателей и после его смерти. Новые переводы его стихотворений встречались с энтузиазмом, а поэма «Русские женщины», увидевшая свет в 70-х годах, имела огромный успех. Многие страницы грузинской прессы были отведены восторженным рецензиям о ней³.

Особым поклонением встретило поэму молодое поколение Грузии. В воспоминаниях грузинского поэта-демократа 70-х годов Георгий Чаладидели есть следующие строки: «Одиннадцать часов ночи — 27 октября 1873 года, и я как раз кончил читать сочинение Некрасова «Русские женщины» («Отечественные записки», 1873, январь). Какая прелестная вещь! Какие перемены вызывает в человеческом сердце это прекрасное сочинение!.. Поэзия, какое у тебя могущество. Эта написанная на десяти страницах поэма лучше некоторых многотомных романов!»⁴.

А известный грузинский общественный деятель А. Гарсеваншвили замечает: «Рядом со мной сидел Разикашвили (Важа Пшавела) и беседовал со мной о значении Некрасова. Он наизусть читал отрывки из поэмы «Русские женщины».

Но самое большое внимание уделяла Некрасову в те годы газета «Новое обозрение», которую издавал Нико Николадзе. Здесь Некрасов почитался поэтом великим, и отмечалось, что влияние его поэзии на современников огромно: «Певец народной скорби, вдохновенный жрец «музы мести и печали», он почти четверть века был единственным влиятельным представителем русского стиха и формы... Прошло время, многие поэты позабыты. Один Некрасов сохранил за собою привилегию быть не только читаемым, но и уважаемым и любимым. Причина некрасовского влияния таится... в пылкой, неудержимой молодой страстности, в тоне его лиризма, так гармонизовавшего с настроением эпохи, больших порывов нашего, в то время как бы возрожденного, юного общества... В России было много поэтов, но ни у одного из них стих не выливался из такой пламенно-

¹ Личный фонд Сумбаташвили-Южина. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, фонд № 878, опись № 1, ед. хр., № 230.

² Журнал «Русское богатство», 1898, № 4.

³ Н. Николадзе. Русские классики и грузинская культура, стр. 387—393, 1961 (на груз. яз.).

⁴ Г. Чаладидели. Сочинения, Кутанси, 1913, стр. 193—194 (на груз. яз.).

убежденной души, как у Некрасова, — они умерли, а он живет и будет долго жить...»¹.

Заслугу Некрасова Н. Николадзе видит прежде всего в том, что его творчество проникнуто высокими освободительными идеалами, и не случайно статьи его, напечатанные в «Новом обозрении» за период 1889—90 гг. и посвященные русскому поэту, проповедуют литературно-эстетические воззрения, близкие к взглядам Чернышевского и Добролюбова, последователем которых был и Некрасов. «Кому не известно, — говорит он, — что если принимать в расчет лишь специальную поэтическую сторону дарования, то куда Некрасову до грации, образности и безыскусственности даже таких второстепенных поэтов, как А. Н. Майков или гр. А. Толстой? Между тем, несмотря на эту природную слабость его поэтического дарования, ведь бесспорно, что Некрасов в истории русской литературы, даже и как поэт, занял вовсе не второстепенное значение, не формой, конечно, своего... стиха, а содержанием его, тем, что в русскую поэзию он первый внес элементы, до него лишь изредка и незаметно проскальзывавшие в нее в некоторых творениях Пушкина и Лермонтова»².

Почему же именно Некрасов с его социальным протестом, народностью языка и тематики сыграл такую выдающуюся роль в грузинской литературе, критике и публицистике?

Прежде всего потому, что шестидесятые годы XIX века характеризуются подъемом национально-освободительного движения в Грузии и проповедь борьбы против самодержавия и крепостничества как нельзя лучше отвечала социальным и национальным интересам грузинского народа. Эти же годы отмечены широким национально-освободительным движением на Западе — в Италии, Венгрии, отзвуки которого, безусловно, докатились и до Грузии.

Контакты передовой грузинской общественности с сосланными декабристами, знакомство со свободлюбивыми идеалами Пушкина, Грибоедова и Лермонтова, пребывание студентов-грузин в стенах Петербургского университета, личное знакомство с Чернышевским, Добролюбовым, их участие в революционно-демократическом движении России помогли творчески осмыслить и перенести на родную почву лучшие достижения русской культуры.

Огромную роль в преемственности идеалов молодой разночинной интеллигенции сыграла связь Грузии с социально-экономической жизнью России, которая оказалась захваченной активным процессом развития капитализма, прочно втянувшим ее в мировую систему товарного обращения.

Естественно, что этот процесс захватил и Грузию. «В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия...

Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости — создавал себе рынок для своих фабрик»³.

Все это способствовало мощному расцвету грузинской культуры, литературы и общественной мысли. Все это создавало идеальную почву для восприятия прогрессивных идей русского народнического социализма. Кроме того, расцветший на этой почве грузинский критический реализм не мог существовать и развиваться без темы народа, без богатства и самобытности народного языка.

В 80—90-е годы отмечается новое увлечение творчеством Некрасова среди грузинской молодежи. В грузинской периодике печатаются переводы его стихотворений и многочисленные статьи с критическим анализом его творчества и поэзии, которые и в эти годы разгула реакции продолжают воспитывать передовую интеллигенцию в духе гуманизма и демократии.

Это новое поколение особенно привлекали и интересовали те стихотворения русской поэзии, где ставились вопросы о долге поэта перед обществом. Вот почему именно в этот период появляются в грузинском переводе такие произведения,

¹ Газета «Новое обозрение», 1890, 17 января.

² Газета «Новое обозрение», 1889, № 1865, от 21 мая.

³ В. И. Ленин. Сочинения. «Развитие капитализма в России», IV изд., т. 3, стр. 520—521.

как «Пророк» Пушкина, «Пророк» Лермонтова, «Поэт» Добролюбова и «Поэт и гражданин» Некрасова. Продолжая активную популяризацию творчества русского поэта, «тергдалеули» сами очень настойчиво пытались решить вопрос об общественной роли и назначении поэта в условиях окружающей его действительности¹.

Поэзию Некрасова любили и ценили не только выдающиеся представители грузинской литературы, но и вся передовая, демократически настроенная молодежь.

Популярность Некрасова в Грузии была настолько велика, что эпиграфом к статье-некрологу на смерть известного грузинского публициста и одного из редакторов газеты «Дрозба» — Сергея Месхи были взяты строфы русского стихотворения «Поэт и гражданин».

Огромное влияние на грузинскую народническую литературу оказала тематическая направленность поэзии Некрасова с его любовью и уважением к кормильцу-крестьянину. Известный писатель-народник Нико Ломоури прямо говорит, что одним из его первых идейных вдохновителей был Некрасов.

Русский поэт всегда пользовался и продолжает пользоваться большой любовью и уважением грузинского народа, который бережно хранит память о великом гражданине и гениальном «певце народного горя» Некрасове.

---

¹ В этот период И. Чавчавадзе и А. Церетели пишут стихотворения под общим названием «Поэт».

Серго КЛДИАШВИЛИ

На большом жизненном пути

(Воспоминания о Давиде Клдиашвили)

I

29 июля 1930 года в Тбилиси должно было состояться празднование юбилея Давида Клдиашвили. Газеты заранее оповещали о предстоящем событии, в журналах публиковались статьи.

Отец с матерью жили тогда в Симонети. Хотя газеты получались и в деревне и из них можно было узнать о предстоящем торжестве, все же я частенько писал домой о приготовлениях к юбилею. С нетерпением ждал я ответных писем матери: какое впечатление производит все это на Давида, что он переживает? Но вести из дому приходили неутешительные. Почти в каждом письме мать писала одно и то же: отец очень слаб, он уже не встает с постели, о поездке в Тбилиси не может быть и речи.

Я решил поехать в деревню, вселить в отца бодрость, подготовить его к ожидаемому празднеству. Уж мне-то было известно лекарьство, чтобы хоть на время вылечить Давида.

Всю ночь от Тбилиси до Свири я провел в вагоне, не смыкая глаз. Лишь на рассвете, когда, переправившись верхом через Квирилу, я стал подниматься вверх по горе Унагира, на склонах которой расположена деревня Симонети, мне удалось стряхнуть свинцовую усталость, сковавшую мое истомленное бессонницей тело.

Лошадка, нанятая на станции, идет шагом. Я намеренно отвернулся, когда ее седлали, — с самого начала мне показалось, что у нее поранена спина. В этом я убеждаюсь по пути. Кожа на ее спине то и дело дергается от боли. Если бы не усталость и не чемодан, я, конечно, предпочел бы идти пешком.

В чемодане гостинцы для отца: книги, лакомства.

Странное чувство овладевает мною всякий раз, когда, приехав из города, я впервые вхожу в наш двор. Не радость, а какая-то безогчетная грусть наполняет меня; мне кажется, что дом наш страшно постарел, что никто уже в нем не живет и в опустевших комнатах поселилось горе. Но вот в ответ на мой зов на балконе мелькает седая голова моей матери: спеша мне навстречу, она быстро спускается по ступенькам, мы обнимаемся, и сразу светло становится вокруг.

Отец очень обрадовался моему приезду.

Начало июня. На дворе яркое солнце, а у Давида в камине пылает огонь. Давид зябнет.

Он лежит в постели, рядом с ним на стуле стакан с остатками чая. Чай — для Давида все, от чая он не может отказаться. Притом, чай должен быть очень горячим — если это будет не крутой кипяток, Давид не станет пить. Кипящий чайник всегда стоит на огне наготове. Давид в любую минуту может потребовать чай.

Как он изменился за какие-то два месяца!

Мне показалось, что я ясно вижу печать смерти на его лице. Я попытался отогнать эту мысль, но не мог.

Я старался казаться веселым, хотя на душе у меня было тяжело.

— Значит, мы с тобой скоро поедем в Тбилиси! — говорю я с деланным оживлением.

Давид недоуменно смотрит на меня помутневшими глазами.

— В Тбилиси? Зачем? Сейчас лето. А летом здесь хорошо. Если уж туда ехать, то лучше осенью...

— Так ты не собираешься на юбилей?

— Что за юбилей?

— Не помнит, а ведь я только вчера говорила ему об этом, — шепчет мать.

И опять я должен рассказывать все с самого начала. Давид спокойно выслушивает меня и, когда я умолкаю, заявляет:

— Все это ни к чему!

По тону его я чувствую, что он раздражен.

— Ни к чему это! — громче повторяет он. — И вообще, зачем эти юбилей? Ни к чему это. И больше никогда не говори мне об этом. Знай, я не хочу этого и никуда не поеду!

Я достаю из чемодана подарки. Больше всего отец одобряет сладости.

— Вот это ты хорошо придумал! — радуется он и, словно ребенок, лакомится сладким. — Галеты превосходные. Просто замечательные! Машико, дорогая, дай-ка нам, пожалуйста, чаю... И Серго налей. Я знаю, он любит. Он не откажется...

Из чайника с шипеньем льется кипяток. Отец развеселился.

— Двое друзей у меня в деревне, — улыбается Давид, — твоя мать и этот чайник!

Я снова начинаю разговор о юбилее. Достаю журналы и газеты.

— Почитай! Почитай! — оживился отец.

Читаю хронике. Потом начинаю листать журналы. В журнале «Грузинская литература» помещена статья о Давиде. В ней, в основном, идет речь о «Мачехе Саманишвили» и приводятся отрывки из повести.

Я прочел одну страницу, вторую, третью.

Читаю:

«...Поищем, Платон, поищем! Ха, ха, ха! В жизни своей не доводилось мне ходить по такому делу, и я заранее знаю — много нас ждет развлечений! Сколько баб будет теперь мечтать оказаться бесплодными!..»

До сих пор отец слушал меня молча. Я изредка поглядывал на него и видел, что он слушает с закрытыми глазами. Внезапно до меня донесся его смех.

— Это что-то забавное!

Я смотрю на него в изумлении.

Продолжаю читать:

«... Так бы ты и говорил с самого начала, окаянный! Зря только заставил родственника обругать...»

Снова я слышу смех Давида.

— Что это ты читаешь? Какая забавная история!

— Да ведь это «Мачеха Саманишвили»!

— А?

— Твоя повесть...

— Не знаю! — Давид удивлен. — Что за повесть? Какой Саманишвили?

— Он не помнит! — тихо, печально говорит мать.

Тогда я достаю с полки книгу, отыскиваю повесть.

— Хочешь, я прочту ее всю?

— Замечательно!.. Занятная, видимо, вещица! — оживляется отец.

Я начинаю читать.

Давид смеется.

На глазах у матери слезы. Читаю дальше. Давид внимательно слушает, лишь изредка вставляя:

— Мда... Занятная история!

Я прочел уже почти четверть повести.

Вдруг я слышу упрек:

— Ведь это моя повесть! Зачем ты мне ее читаешь?

Я закрываю книгу.

Он вспомнил. Значит, не все еще потеряно. Может, мне удастся привести его в себя хоть на время... Я знаю: единственное средство — не отходить от отца, развлекать его, вести с ним долгие беседы.

— Ты устал, сынок, ступай спать, — заботливо говорит мне мать.

— Да, да, пусть ляжет, отдохнет! Ты ведь хочешь спать, правда? — спрашивает меня отец.

Теперь и он беспокоится обо мне, хотя ему и очень жаль, что я должен покинуть его на время...

— Я немного посплю, а потом уже все время буду около тебя! — говорю я отцу...

На душе у меня тоскливо. Я натягиваю простыню на голову и засыпаю с этой тоской...

Уже в полусне я слышу, как он спрашивает мать:

— Уснул? Какое замечательное печенье он мне привез! Ну-ка, Машико, дорогая, еще чаю!..

С этого дня я принялся за осуществление моего плана. Моей целью было привести отца в хорошее настроение — тогда состояние его улучшится и он

уже не будет возражать против поездки в Тбилиси. А там мы еще больше сможем развлечь его, и он, быть может, вовсе забудет о своем недуге.

Мы, домашние, давно знали, что болезнь Давида нервного порядка; стоит лишь его развлечь, как наступает улучшение.

Иной раз, когда недуг овладевал им, мы, члены семьи, не в силах были ему помочь. Тогда мы приглашали тех, кого он любил. Увлеченный беседой, отец сразу начинал чувствовать себя лучше и через полчаса даже вставал, вед гостя в столовую и за стаканом чая продолжал с ним оживленный разговор.

И на этот раз я прибег к испытанному средству. Я знал, что в течение нескольких дней, пока не иссякнут темы для беседы, ему достаточно будет и моего общества. Целыми днями сидел я возле постели Давида и разговаривал с ним. Дня через три я заметил, что отцу заметно полегчало.

Мне кажется, Давид прожил бы намного дольше, если б не его необычайное свойство скучать. Он совершенно не выносил одиночества.

У Давида был сильный, грудной голос. Когда чувство одиночества овладевало им, тоскливый зов Давида разносился по всему дому, переходя постепенно во вздохи, похожие на протяжный гул.

Как-то раз я спросил его, почему он так гудел. Давид ответил с волнением:

— Но ведь я один!

Потом удивленно взглянул на меня:

— Почему же я сам не слышу своего голоса?

За все эти дни я лишь однажды услышал жалобы Давида. Это случилось по моей вине: я оставил его одного, когда он спал, и, проснувшись, он испугался одиночества. Больше я никогда не давал ему повода для волнения. Старался никогда не оставлять его одного. Я обошел всех его любимых соседей, и они по долгу сидели с Давидом.

Среди жителей Симонети больше всего ему были по душе его сверстники, хотя он дружил и со многими молодыми крестьянами. Так например, он очень любил Ноэ Сирбиладзе.

Ноэ, двадцатипятилетний парень, богатырь — высокого роста, необыкновенно широкий в плечах. Он очень силен. Любовь Давида к Ноэ имеет глубокие корни. Отец Ноэ — Спиридон — ровесник Давида, но разве их можно сравнить! Спиридон и теперь еще похож на сорокалетнего мужчину. А бабушка Ноэ — это одно из самых дорогих детских воспоминаний Давида. Давид рассказывает о ней в своих мемуарах.

Однажды летом, кажется, было это в 1926 году, Давид неожиданно появился в Тбилиси. Он привез с собой молодого Сирбиладзе. Ноэ перенес тиф, долго пролежал в постели, и нервы у него были очень расшатаны.

Давид доставил Ноэ в Тбилиси, чтобы поместить его в психиатрическую больницу. Ноэ был совершенно неизменяем — отцу пришлось везти его связанным с помощью двух соседских парней. Немало помучились они с ним в дороге; но не меньше хлопоты выпали и на нашу долю в Тбилиси. Давид оставил Ноэ в своей комнате, а сам отправился в больницу посоветоваться с врачами. Пока он вернулся, Ноэ все переколотил в комнате. В тот же день его поместили в больницу, где он пробыл целый месяц и, окончательно излечившись, вернулся в деревню. С той поры Ноэ всей душой привязался к Давиду и в редкий день не приходил его проведать. Я знал, что и отец его любит, и старался, чтобы Ноэ оставался около него как можно дольше.

Я собирал у постели Давида всех, кого ему приятно было видеть, и целыми днями в маленькой комнатке не переводился народ. Все это были его любимые соседи. У нас почти каждый день собирались друзья его детства: Георгий Георгадзе, Соломан Панчулидзе и другие. Соломан, старик с длинной белой бородой, закрывавшей ему всю грудь, степенный и медлительный в беседе, приходил неизменно в праздничной одежде. Он любил сидеть долго и вести неспешные разговоры. Георгий был иного нрава: неугомонный, живой, подвижный, вечно с заткнутым за пояс топориком, он так и сыпал словами. Появлялся Георгий обычно с шумными возгласами и сразу словно заполнял собой весь дом. За мгновение Георгий успевал многое рассказать, а затем так же внезапно поворачивался и уходил.

Перед уходом он по обыкновению говорил Давиду «с упреком»:

— Вставай-ка лучше, Дата! Ты ведь просто привык к постели, больше ничего! Я на пятнадцать-двадцать лет старше тебя. А сегодня заготовил в горах две арбы кольев и, как видишь, даже не устал... Ты ведь еще ребенок по сравнению со мной, не надо, не надо тебе болеть!

Вскоре Георгий уходит — долго задерживаться он нигде не может. Веселый, шумный, идет он по двору, с одним перекинется словечком, другого упрек-

нет за что-то, поправит у калитки завалившийся забор, закинет за изгородь валяющийся не к месту камень и быстрым шагом направится к своему дому.

— Славный он, мой Георгий! — улыбается Давид. Глаза его закрыты. Быть может, он вспоминает то время, когда Георгий посадил маленького Давида себе на плечи, отнес его в Кутаиси, чтобы определить в школу.

В деревне ложатся рано, но у нас далеко за полночь еще горит свет. Под вечер мы обычно ждем Абесалома. Абесалом Гвинепадзе — мой двоюродный брат. Когда-то отец отвез Абесалома в Батуми и определил его там в гимназию. Мои друзья — литераторы прозвали Абесалома «Фальстафом». Прозвище это ему очень подходит. Уже несколько лет, как Абесалом заведует аптекой в деревне.

— Я очень тебя люблю, Абесалом, — часто говорит ему отец, — только мне не нравится, что ты вечно пичкаешь меня лекарствами.

Давид совсем не верил в лекарства.

Абесалом широк в плечах, фигура у него прямо-таки необъятная. Как все здоровые и физически сильные люди, он очень добродушен и весел. Веселость его заразительна. Может, Давид потому и любит Абесалома, что ему приятно глядеть на такого здоровяка.

Усталый, после целого дня работы в аптеке, Абесалом по вечерам приходил к отцу.

Как только наступали сумерки, отец обычно говорил:

— Ну вот, скоро и Абесалом появится!

И уже заранее радовался.

Абесалом действительно скоро приходил, хлопал дверью и шел прямо в комнату отца.

— Ну-ка, Машико, дай нам чаю! Абесалому его чай, а мне — мой, — оживлялся отец.

Абесалом не признавал чая, который пил Давид. У него был свой чай — холодное вино.

И снова в комнате у отца раздавались громкие веселые голоса.

У Давида и Абесалома есть о чем поговорить. Абесалом обычно вспоминает батумские истории. Я предупредил его, что более всего Давид любит вспоминать прошлое, в особенности те времена, когда он жил в Батуми, да и Абесалом сам это отлично знает.

— Давид Самсонович, помнишь, как ты дал мне однажды подзатыльник? — спрашивает отца Абесалом.

— Разве только однажды? — смеется Давид.

— Нет, но тогда это у тебя очень уж здорово получилось! — хохочет Абесалом.

А получилось это вот так: когда Абесалом был гимназистом, Давид объяснял ему урок по географии. Перед ними лежал раскрытый атлас.

— Эта река называется Миссисипи, — объясняет Давид, — повтори!..

Абесалом повторяет:

— Река называется Миссисипси!

— Миссисипи! — поправляет его Давид.

— Миссисипси, — упорствует Абесалом.

И сколько ни бился Давид, так ничего не смог с ним поделать. Абесалом упорно говорил «Миссисипси». Тогда Давид, потеряв терпение, дал ему подзатыльник.

— Вот тебе твое «Миссисипси»! Дурень! Скажешь ты правильно — Миссисипи?

Так и не смог Абесалом правильно выговорить название злополучной реки; он пролил немало слез в тот день. А теперь этот случай стал приятным воспоминанием, которое веселит обоих.

Но происшествие с Миссисипи — это всего лишь предлог, чтобы начать рассказывать батумские истории. Абесалом делает это очень ловко и скоро пускается в пространные воспоминания.

Абесалом уже порядком устал. Давид плохо видит, иначе он давно бы заметил, что собеседник его дремлет на стуле. Но Давид увлечен воспоминаниями, и ему кажется, что Абесалом не пропускает ни слова. А Абесалом лишь изредка пробормочет что-то сквозь дрему и снова некоторое время может спать спокойно — Давид убежден, что его слушают...

Отец в хорошем настроении — значит, цель достигнута.

Через неделю здоровье Давида настолько окрепло, что перемена стала заметна всем.

В день моего приезда мама говорила мне:

— Давид очень плох! Его не интересуют даже газеты.

Нужно знать, чем была для отца газета, чтобы понять и почувствовать горечь, таящуюся в этих словах.

Давид был удивительно жизнедеятельным человеком. Редко приходилось мне встречать кого-либо, настолько увлекающегося повседневностью.

С детства запомнилось мне: отец приходит к обеду, в руках у него пачка газет. Садясь за стол, он кладет газеты рядом с собой, ест и одновременно читает.

Когда какая-нибудь статья особенно взволнует его, он, углубившись в чтение, совершенно забывает о еде. Но вот ему что-то не нравится. Сначала он проявляет недовольство тихим «мда», «мда»... Постепенно недовольство нарастает:

— Безобразие! Позор!

И наконец, фортиссимо во весь его мощный голос:

— Черт знает что такое!

Робкое замечание матери:

— Датики, обед стынет, — снова возвращает отца к действительности. Он наскоро, словно путник, опаздывающий на поезд, съедает обед, хватая газеты и направляется к постели. Улегшись, он снова продолжает читать. Потом, одолеваемый усталостью, накрывает голову той газетой, которая окажется последней, и заснет часок...

Обычай этот сохранялся у него с юности и до той самой поры, пока болезнь не отняла у него силы и радость жизни.

Мы вернули Давиду эту радость. Он снова читает газеты. Больше всех нас этому радуется мама. Только теперь окончательно она поверила, что отцу значительно легче.

— Ты совершил чудо! — говорит она мне.

Через несколько дней мы ожидаем гостей из Тбилиси — писателей, которые приезжают проведать отца.

Предстоящее событие настолько радует Давида, что он даже вмешивается в наши приготовления, давая нам совершенно бесполезные советы, которым, однако, все очень рады. Ведь всего несколько дней тому назад он был безразличен ко всему!

Теперь он и спать стал спокойней. На всякий случай я и мама дежури́м около него и сторожим его сон. Целыми часами мы сидим молча. Объясняем друг с другом знаками. Только изредка, когда до нас доносится ровное дыхание Давида, мама наклоняется ко мне и шепчет чуть слышно:

— Как хорошо он спит!

И мы оба рады.

Досаждают нам только сверчок, поселившийся в нашем доме. Ох, уж этот сверчок! Вот уже два или три месяца он не дает покоя Давиду! Устроился он в простенке возле камина. Как он туда пробрался — неизвестно, но каждый вечер, как только зажгут лампу, он начинает свой бесконечный концерт. Заставить его умолкнуть невозможно, и Давид от этого приходит в иступление. Сначала я все пытался нащупать сверчка палкой. Он затаился на минуту, но вскоре опять принимался трещать. У сверчка удивительное свойство — никак не поймешь, где он притаился. Приложу ухо, кажется — он тут, а на поверку оказывается, что нет. Мы долго совещаемся, какие меры принять против сверчка. Решаем облить кипятком то место, где, как нам кажется, он сидит. С минуту он молчит, но потом снова затягивает свою песню — сначала тихо, потом все громче и громче... Когда он окончательно входит во вкус, становится совсем невыносимо. Надо же было ему выбрать именно комнату Давида.

Не раз Давид просыпался ночью из-за сверчка и жаловался:

— Уймите проклятого! Чего он привязался ко мне!

Снова мы окуриваем сверчка, тычем в щели палкой. На несколько минут наступает тишина, и в нас пробуждается надежда: наконец-то мы убили его или согнали с насиженного местечка. Но тут снова раздается надоедливое «трр... трр... трр...»

Через три дня из Тбилиси должны приехать писатели.

— Неужели ты встретишь гостей в постели? Попробуй, может, найдешь в себе силы встать! — говорю я Давиду.

Отец заметно пошел на поправку, и я начинаю надеяться, что он действительно встанет.

Жаркий июньский день. У нас во дворе растут два исполинских дерева — дзельква и дуб. Есть, кроме того, еще много деревьев поменьше. А вокруг дома — лес, виноградники, зеленеющие кукурузные поля.

Давид улыбается, как видно, он в нерешительности. Наконец, он робко спрашивает:

— А может, я и вправду смогу встать, а?

В доме воцаряется радость. Мама, я, друзья Давида — все мы подаем ему обувь и одежду; у одного в руках сорочка, у другого — шапка, у третьего — пальто. Старый Соломан Панчулидзе держит в руках палку Давида.

— Слава богу, наконец-то ты выздоровел, Дата!

Вспокоились, захопотали все в доме. Давид встал, опираясь на палку. Я стою рядом, поддерживаю его. Так мы выходим из комнаты. За нами следует целая свита обрадованных друзей и близких.

Балкон залит солнцем. Давид сидит в кресле и греется. Уже завязался громкий и веселый разговор...

На другой день Давид ходил уже более уверенно. Сначала он прогуливался по балкону, потом решил даже спуститься во двор.

Из нашего двора видны ущелье Квирилы, Зекарский перевал, Аджарский хребет, гора Саирме, гряда гор, граничащих с Месхетией.

Внезапно взгляд Давида застывает, устремленный куда-то вдаль. Это длится всего лишь минуту. Он упорно всматривается в какую-то точку перед собой. Потом, как-то обмякнув, оглядывается на меня:

— Случилось необычайное, Серго! Я своими слепыми глазами совершенно явственно разглядел горы и ущелья! Как давно уже я их не видел. А я так мечтал об этом! Но теперь я увидел их, я их очень ясно увидел. Однажды, когда я был ребенком, горы впервые открылись моему взору с этого самого места, и вот глазами того ребенка посмотрел я на них теперь... Тогда же я впервые ощутил запах травы, и тот же аромат повеял на меня сейчас. Просто чудо! Вся жизнь пронеслась перед моими глазами! Сколько мне теперь лет? Шестьдесят семь? Странно, когда же оно прошло, это время? Когда я успел состариться?

После этого Давид уже ни разу не видел гор. То было минутное прозрение, и минута эта больше никогда не повторилась.

* * *

Я торопливо гоню неоседланных лошадей к станции Свири.

Когда я выезжал со двора, Давид был очень взволнован. Он провел беспокойную ночь — ведь сегодня должны приехать его друзья — писатели!

Я проснулся чуть свет, еще не совсем очнулся от сна, слышу, как отец выговаривает матери:

— Разве можно было поручать Серго встретить гостей? Они, конечно, приехали на станции на рассвете и ждут. Уже совсем светло, а Серго, конечно, все еще спит сладким сном! Который час? Четыре? Я ведь говорил — они там ждут на станции, а здесь безмятежно спят. На что это похоже! На что это похоже!

Светает. Горы окутаны туманом.

Сомнения овладевают мною: а приехали ли они вообще? Чтобы попасть на тот поезд, им нужно преодолеть одно большое препятствие — необходимо вовремя прийти на вокзал. А писатели в таких случаях народ ненадежный!

Когда я подъезжал к станции Свири, зарядил дождик — мелкий, моросящий. Я увидел почти всех, кого ожидал: Шалву Дадвани, Шалву Алхайдзе, Давида Сулиашвили, Иванэ Кипиани, Сандро Шаншиашвили, Георгия Леонидзе, Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Николо Мицишвили.

Ненадолго как будто прояснилось, но как раз в тот момент, когда мы собрались в путь, снова зарядил дождь. Шуточное ли дело — проехать десять километров в непогоду!

— Не беспокойтесь, сейчас я остановлю дождь! — слышим мы вдруг голос Паоло.

Для выполнения своего фантастического обещания Паоло прибегает к такому «чудодейственному» способу: он должен составить список сорока лысых и бросить листок бумаги в слякоть...

Наконец нам удалось вспомнить фамилии тридцати лысых знакомых, но это не помогает делу. Необходимо еще десять. Мы напрягли память. Нашли семерых. Но список неполон. Нужно, чтобы было ровно сорок лысых.

Правда, среди нас тоже были лысые, но до сих пор мы их щадили. Теперь же, когда нам никак не удается припомнить недостающих трех человек, мы вынуждены внести в список и находящихся среди нас. Они очень протестовали, но у нас уже не было времени и возможности, чтобы щадить их.

Мы переписали в двух экземплярах список из сорока солидных лысых граждан, бросили листки в слякоть и — о чудо! — дождь действительно прекратился!

Оживленно беседуя, мы двинулись верхом по направлению к нашей деревне.

Наиболее смелые переправились через Квирилу вброд верхом, остальные воспользовались паромом.

За ущельем потянулись деревенские дворы, проселки, вдоль которых выстроились цветущие деревья граната. Во дворах, под сенью дубов и орешников, виднеются деревянные имеретинские дома — «оды». Ребенок, идущий по дороге, заслышав конский топот, с испугом бросается к себе во двор. Добежав до калитки, он вдруг успокаивается, взбирается на плетень и уже без страха разглядывает с любопытством одетых по-городскому всадников.

Давида мы застали лежащим в постели. Я ожидал этого. Тревожления предыдущего дня не могли не отразиться на нем.

Когда друзья столпились около его кровати, он прослезился.

Никто не надеялся, что увидит Давида на ногах. Но во время обеда, когда до его слуха донеслись тосты и стихи, произносимые за столом, он превозмог свою слабость и вышел к гостям.

Часто проявлялась привязанность друзей к Давиду, но в этот день он был особенно счастлив. Снова ощутил он ту огромную всеобщую любовь, которая увенчала последние годы его жизни.

Через два дня после того, как гости уехали, Давид вспоминал их:

— Дай им бог счастья! Увидев их, я набрался бодрости и сил! Я еду в Тбилиси. Не будь даже юбилея, все равно еду! Как они меня, оказываются, любят! Хотя это меня и печалит немного. Такая любовь ко многому обязывает, а я уже ни на что не голюсь.

Обед превратился в праздник. Пришли учителя местной школы, односельчане с большой веткой черешни, усыпанной белыми ягодами.

Лучше всех поют два старика в черных черкесках — Георгий Георгадзе и Соломан Панчулидзе. Давид доволен, что два его друга производят впечатление на писателей. Особенно весел во время обеда его давний сосед — когда-то кичливый дворянин. Он похож на состарившегося Кирилэ Миминишвили¹.

Сосед жадно пьет вино, балагурит. Судьба забавно подшутила над этим человеком. Создатель образов Саманишвили и Морбеладзе предсказал ему вырождение. Художник, сотворивший незабываемого Ростома Манвелидзе, сорок лет тому назад предугадал его кончину. И вот к этому писателю приходит новое поколение, чтобы поздравить и чествовать его, чтобы ободрить его и отвезти на юбилей, а этот старый «Кирилэ Миминишвили» произносит здравицу в честь писателя, прозревшего его недалекое будущее.

— Будь здоров и счастлив, мой дорогой Давид! Ты поистине — гордость нашей деревни. Твой ум, твое перо навеки прославили нас!

Когда я отвел утомленного отца в его комнату, он сказал мне:

— Только не говори им, что я устал, они будут чувствовать себя стесненно... Мне вовсе не мешает шум, напротив.

Давид уснул. Позднее я снова зашел к нему и увидел, что он проснулся и с удивлением глядит на меня:

— Что там происходит, кто это поет?

Только теперь я обращаю внимание на громкое пение, которое доносится из кухни, находящейся в отдельной постройке, рядом с домом. Оказывается, и там пир в разгаре.

А дело было вот в чем. Утром к матери пришли соседи:

— Мы тоже хотим почтить Давида. Не беспокойтесь ни о чем, мы вам поможем. Сделаем все, как прикажете, не опозорим наше Симонети!

Помогающих на кухне оказалось втрое больше, чем было нужно!

Мы пригласили их всех к столу, но они решили устроиться на кухне, и там угостились на славу. Далеко за полночь, когда тбилисские гости уже улеглись спать, на кухне все еще продолжалось веселье.

Наступило солнечное утро. Писатели посетили в этот день «Фальстафа», затем учителей. Поздно ночью, когда в непроглядной тьме светлячками мерцали на проселках факелы и светильники, гости, с приездом которых угасшее было солнце вновь засияло в доме и в сердце Давида, вернулись на станцию Свири.

II

В дни моей молодости в Симонети жил крестьянин Окруза Ликлиадазе. Это был глубокий старик. Он любил рассказывать стародавние истории. Окруза знал наизусть множество народных стихотворений. Мне довелось услышать от него не одну сказку и легенду. Однажды он сказал мне:

— Вы, Клдншвили, родом из Месхетии. Раньше ваша фамилия была Шаликашвили. Когда турки захватили Месхетию, наш тогдашний царь переселился в Имеретию. За ним последовал из Месхетии и ваш предок Клдн Шалика-

¹ Кирилэ Миминишвили — герой повести Д. Клдншвили «Мачеха Саманишвили» — кутила, весельчак.

Шамиль в начале своей деятельности (рис. неизвестного художника из книги «Voyages en Енгоре», 1855 г., см. «Пок. Кавказ», СПб, 1904, стр. 98).

Шамиль в последние годы жизни (60-е годы XIX в.)

швили и поселился здесь, в Симонети. Все эти Панчулидзе, Суламанидзе, Сапанадзе, Гиоргадзе и Ликликадзе, которые проживают здесь, — переселенцы из Месхетии. А наша прежняя фамилия была не Ликликадзе, а Лаклакидзе...

Окруа уже не было в живых, когда я вспомнил об этой истории и спросил Давида: слышал ли он о ней?

— Как же, слышал, — ответил Давид и прибавил с улыбкой, — это, верно, предание, легенда.

Окруа любил рассказывать о былом. Многого можно было от него узнать, но, насколько все это верно, один бог ведает...

Все давно позабыли о словах Окруа. Был он большим фантазером и, возможно, сочинил эту легенду потому, что из нашей деревни очень хорошо видны горы, граничащие с Месхетией и всегда высившиеся перед глазами старика.

Но прошло время и совершенно неожиданно подтвердились рассказы старого Окруа.

В 1959 году Институт рукописей Академии наук Грузинской ССР издал «Исторические документы Имеретинского царства и княжеств Гурийского и Одишского». Текст документа начинается так:

«Жалованная грамота царя Георгия, данная дворянам Клдиашвили. Мы, обладатель обоих престолов и государств Имеретии и Амерети, богом возвышенные и богом утвержденные, могучие и непобедимые, богом венчанные, царь царей, владыка Георгий и царица Русудан, даровали эту грамоту, жалованную тебе — Клдиашвили-Шаликашвили и сынам твоим Гогича и Шалика, Закария и Бенгямину и другим вашим сынам и всем иным потомкам вашим. Ибо, как ушли мы из атабагства, ты последовал за нами с женой своей и детьми, с 7 крестьянскими семьями, с конским табуном, со стадом быков и коров, овец и коз. Во многих иных местах вам давали кров, но вы не захотели — предпочли жить в Симонети...»

Документ этот интересен, в частности, тем, что дает возможность уточнить генеалогию фамилии Давида Клдиашвили, вообще же он многое может рассказать о положении в Грузии в XVI веке.

Как видно, Клдиашвили-Шаликашвили переселился в Имеретию с отцом царя Георгия Багратом III, когда Георгий был еще наследником престола. Баграт III пытался укрепить за собой отторгнутые княжества, в частности, он хотел освободить Самцхе-Саатабаго от засилья турок и вернуть его в родное лоно. Баграт не признавал атабага Самцхе, так как тот придерживался турецкой ориентации.

На какое-то время он даже достиг желанного. Историк и географ царевич Вахушти описывает неравное сражение, во время которого Баграт с горсточкой воинов победил турок и изгнал их из Месхетии. Но подобное положение сохранилось лишь до 1545 года. Турки дынули против Грузии многочисленные войска, и Баграту пришлось принять участие в более тяжелом сражении. Измена князей-отступников и засилье турок заставили его покинуть Самцхе-Саатабаго.

Царь Георгий, который носит в истории имя Георгия II, наподобие своего отца мужественно боролся за объединение Грузии. Георгий пытался подчинить себе изменников-феодалов и изгнать турок с нашей земли, но достичь этого ему было еще труднее, чем Баграту.

Турция тогда очень окрепла; она владела в ту пору странами Азии и даже глубоко врезалась в Европу. Атабаги помогли Турции овладеть Месхетией и бороться против Грузии.

В эти тяжелые времена, как явствует из документа, упомянутый Клдиашвили-Шаликашвили остался верен своей стране. Он покинул Месхетию, снял с своих земель и вместе с царем переселился в Имеретию.

Из этого документа выясняется и то, что означенный Клдиашвили-Шаликашвили не раз выполнял дипломатические поручения в Иране и в Турции: «Милость эту дарую тебе за то, — отмечается в жалованной грамоте, — что ты последовал за нами, и всюду, куда бы я тебя ни посылал — к шаху или к султану, ты хорошо выполнял свое дело».

Легко понять, что человек, стоявший за объединение Грузии и немало для этого послуживший, уже не мог оставаться в Месхетии после того, как там обосновались турки.

Как видим, Георгий оценил верность своего подданного и щедро его наградил. Царь не только одарил его землей и поместьем, а даже предложил место на царском кладбище в Гелати, но, как видно, Клдиашвили-Шаликашвили был человеком скромным и отказался от такой милости: «...Я давал тебе место на царском кладбище в Гелати, но ты не принял его», — отмечает Георгий II в своей грамоте. Тогда взамен Гелатского царь пожаловал своему слуге другое царское кладбище — Симонетский храм, где в те времена хоронили малолетних

царевичей. «...И вновь мы пожаловали тебе нашу усыпальницу», — сообщает документ.

Все это я припомнил лишь затем, что подобные сведения представляют некоторый интерес для установления генеалогии и происхождения фамилии Давида Клдиашвили.

Когда я это писал, то невольно подумал: как воспринял бы все это сам Давид? Быть может, с удовлетворением, радуясь, что у него был столь благородный предок, борющийся за единство Грузии, за благоденствие своей страны и в то же время бывший очень скромным человеком... Может, он почувствовал бы некоторое родство характеров со своим предком — Давид ведь тоже был очень скромным человеком!

Давид, вероятно, воспринял бы это и не без иронии... Вы помните его новеллу «Ростом Манвелидзе»? Потомок знатного сахлтухуцеси Ростом, пылкий участник выборов в предводители дворянства, ныне целыми днями просиживает возле камина и не желает больше думать о выборах, не вспоминает о своем былом величии.

— «...Такую жизнь ведет бедный Ростом Манвелидзе, которому теперь уже не до титулов, не до банка; нет ему дела даже до собственной семьи; он уже не спрашивает ни о своей жене, ни о детях — здоровы ли они, больны; где находятся, выходят ли дочери замуж или так и доживают свой век в старых девушках?»

С каким грустным юмором повествует нам об этом Давид! И разве не ясно — он и минуты не стал бы гордиться своим знатыным предком. Напротив, Давид, вероятно, иронически отнесся бы к тому факту, что я вынес на свет всю эту историю...

III

Если бы вы взглянули на моего деда Самсона, то не отличили бы его от Давида. Они удивительно походили лицом друг на друга.

Дедушку Самсона я помню глубоким стариком, бодрым, подвижным и неутомимым. Если верить словам Самсона, ему исполнилось сто четыре года (он скончался в 1923 году). Во всяком случае, ему было далеко за восемьдесят. Перед смертью Самсон проболел всего один день.

Скажу, не таясь: я не любил дедушку; быть может, потому, что и он нас не жаловал — ни внуков, ни мою мать, ни моего отца, хотя у него не было других сыновей, кроме Давида.

Конечно, в молодости я ошибался в оценке его характера. В деревне его очень уважали, он всегда всем помогал. Когда в деревне задумывали взяться за какое-нибудь важное дело, то в первую очередь обращались к нему за советом.

Дедушка Самсон был широкоплечий старик среднего роста. В молодости он служил в Кутаиси, сначала в акцизном управлении, а затем смотрителем базара — «базарником».

В обеих этих должностях он вволю «попользовался».

Я думаю, по этой причине его и уволили из акцизного управления. Он подал заявление начальнику, чтобы его восстановили. Тот ему отказал. Тогда Самсон решил отомстить. Как-то сидел он в городском саду и увидел, что начальник прогуливается по дорожке. Самсон поглядел вокруг. Поблизости никого. Тогда он подошел к начальнику, повалил его и стал колотить. Когда на крики сбегались люди, Самсон выкинул такой фортель: ловко перекувырнувшись, он оказался под своей жертвой и стал кричать уже сам: «Помогите, избавьте меня от этого человека!». У всех создалось впечатление, что это начальник акцизного управления напал на него, и тому никак не удалось доказать свою правоту — все свидетельствовали против него.

После этого скандального происшествия начальнику пришлось убраться из Кутаиси. Самсон победил, но не стал возвращаться на прежнюю должность. Он стал смотрителем базара. Это было доходное место. Все купцы находились под его началом. Старые лавочники по сей день не забывают Самсона, и странное дело, все ему благодарны, все поминуют его добрым словом.

— Мы его почитали, и он нам помогал!

Однажды Самсон восстановил против себя часть купечества, и купцы стали ему угрожать. Тогда он пригласил на «ферму» всех главных чиновников города, в том числе и самого губернатора; пир получился на славу. В самый разгар кутежа Самсон послал за недовольными купцами: вас, мол, срочно вызывает губернатор. Купцы пришли и видят: подвыпивший губернатор обнимает Самсона. После этого они решили, что лучше все же с Самсоном помириться.

Постарев, Самсон вернулся в деревню. Сначала он выстроил кирпичный завод, но потерпел на этом деле убытки. Тогда Самсон снова взялся за сельское хозяйство.

В 1905 году революционные повстанцы появились в нашей деревне, собрали народ в церковном дворе и заставили всех поклясться на иконе в верности революции. Самсон сам соорудил красное знамя, поклялся на иконе и стал призывать народ последовать его примеру. Когда стала брать верх реакция, власти заставили людей на той же самой иконе поклясться в верности царю. Самсон и тут оказался первым, он повел народ и первым давал клятву, призывая на этот раз всех быть верными царскому правительству.

— Какой же клятве должна верить икона? — в шутку спросил Самсона один из соседей.

— Какой угодно... Если у нее есть мозги, пусть сама решает.

В 1909 году скончалась мать Давида — Кесария. Через несколько лет, почти семидесятилетним стариком, Самсон женился вторично. Отец очень противился, просил Самсона не делать этого. Но Самсон настоял на своем. После этого сын порвал отношения с отцом и на протяжении многих лет не посылал в деревню даже нас, детей. Давид говорил, что он сам напроорочил себе «Мачеху Саманишвили».

Недолго прожила вторая жена Самсона — кажется, всего два месяца. Соседи шутили:

— От тоски извелась, несчастная... Как мог непривычный человек вынести чудачества Самсона?

В 1918 году отец с матерью переехали в деревню. Дедушка Самсон сторонился их.

— Я хочу жить по-своему! — говорил Самсон, — а эти городские заведут тут новые порядки!

У деда была своя отдельная комнатка. После приезда отца и матери он редко выходил из нее. Еду ему приносили туда — он так распорядился.

Однажды утром мы сидим на балконе. Внезапно во двор со скрипом въехала арба. На арбе — гроб. Мы удивились. Сначала решили, что арба заехала к нам по ошибке. Вскоре все выяснилось: оказывается, это дед заказал гроб. Он готовил его для себя. Этот гроб пять лет простоял у нас в подвале. Позднее мы узнали, что Самсон заранее заплатил попу, дьячку и могильщику. Одним словом, он приготовился к смерти, но не умер. Сначала мы боялись гроба. Но потом, когда увидели, что в него стала класть яйца курица, страх пропал — привыкли. Дедушка собирал эти яйца. Когда их набралось достаточно, Самсон устроил в гробу гнездо для наседки и посадил ее высидывать яйца.

Эта история дает лишь небольшое представление о странностях Самсона. Я боюсь оскорбить его память, — что бы там ни было, все же он был отцом Давида. Несмотря ни на что, Давид очень любил его и оплакивал его кончину.

Окончание следует

Весной будущего — 1970 года исполняется сто лет со дня рождения всемирно известного ученого, крупнейшего специалиста по классической филологии, одного из основоположников папирологии и создателя грузинской школы эллинистов Григория Филимоновича Церетели. В преддверии этой даты в ноябре текущего года в Тбилиси собирается IV Всесоюзная конференция по классической филологии, которая, как объявлено, будет работать под эгидой Г. Ф. Церетели. По этому случаю мы и печатаем статью о нем выдающегося грузинского ученого, члена-корреспондента Академии наук Грузии, заслуженного деятеля науки, профессора Семена Георгиевича Каухчишвили.

С. КАУХЧИШВИЛИ

Григорий Филимонович Церетели

Григорий Филимонович Церетели — всемирно известный эллинист, один из основоположников новой филологической дисциплины — папирологии, крупнейший представитель грузинской филологической науки, воспитатель целой плеяды специалистов в области классической филологии.

* * *

Родился Г. Ф. Церетели в Петербурге 12 марта 1870 года в семье юриста Филимона Церетели, родом из Рачи (мать его Н. Мартинова — уроженка Тверской губернии). Первые 11 лет своей жизни Г. Церетели провел в Тбилиси и Варшаве (по месту службы отца, члена областного суда, а затем и товарища председателя), потом постоянно жил в Петербурге. Начальное образование он получил в семье под руководством матери и тети; среднее образование получил в Петербургской классической гимназии при Историко-филологическом институте, а высшее — на историко-филологическом факультете Петербургского университета, который окончил в 1893 году. Своей специальностью он выбрал классическую филологию и прошел ее курс под руководством таких известных ученых, как И. Помяловский, П. Никитин, вице-президент Академии наук, В. Эрнштедт, В. Латышев и Тадеуш Зелинский. Преимущественно Г. Церетели работал у В. Эрнштедта, который был тогда лучшим знатоком греческой палеографии. На последнем курсе Г. Церетели написал конкурсную работу «Из истории греческой стенографии». Работа эта была удостоена Ученым советом университета золотой медали.

По окончании курса Г. Ф. Церетели был оставлен в университете для подготовки к профессорской деятельности; одновременно он был избран членом Археологического общества. С 1894 года и вплоть до сдачи магистерских экзаменов читал лекции в Археологическом институте и преподавал классические языки в Санкт-Петербургской 10-й гимназии.

В 1897 году Григорий Филимонович сдал магистерские экзамены, после чего был командирован на 3 года за границу для продолжения научной работы. Работал он преимущественно в Берлинском университете под руководством известных филологов-классиков у Ульриха Вилламовица и Германа Дильса и специально штудировал вопросы палеографии и папирологии в семинарах основоположника папирологии Ульриха Вилькена. Помимо занятий в Берлинском университете, время от времени Г. Ф. Церетели работал над греческими рукописями и папирусами Вены, Мюнхена, Парижа, Лондона, Оксфорда, Рима, Венеции, Неаполя, Флоренции и Афин, а затем в книгохранилищах Афонских монастырей. Все это дало ему возможность собрать материалы по истории греческой стенографии; этими материалами он воспользовался впоследствии для своей магистерской диссертации «Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы» (1904 г.).

Находясь в научной командировке за границей, Григорий Филимонович регулярно присылал отчеты своему руководителю профессору В. К. Эрнштедту; в своих письмах он подробно отчитывался перед ним о своей работе в Берлинском университете, сообщал о своих впечатлениях от лекций и семинаров профессоров Вилламовица, Дильса и других.

Как было выше сказано, Г. Ф. Церетели работал преимущественно над папирусами. Из его писем к своему руководителю мы узнаем, что 27-летний ученый настолько преуспел в своих папирологических занятиях, что его непосредственный руководитель, создатель папирологической науки в Европе У. Вилькен поручил ему издать отдельным томом «Греческие грамоты Берлина», а берлинский папиролог Кребс, который работал в Берлинском музее, выразил восхищение работами Григория Церетели. Вот что пишет он своему учителю Эрнштедту: «Кребс, видимо, с умыслом дал мне для разбора трудные папирусы и, когда я эти папирусы прочитал и проанализировал, сказал мне: О, если Вы так скоро можете читать папирусы, то я Вам предложу вскоре еще более «интересные». А через неделю Церетели сообщил: «Что касается до папирусов, то я разобрал еще один и гораздо удачнее, чем первый, так что Кребс заявил мне, что может выразить только свой восторг, ибо папирус очень труден».

О том же Кребсе Григорий Филимонович пишет 23 декабря 1899 года: «Кребс попросил меня сегодня проверить сделанные им копии с папирусов, заявив, что я так хорошо читаю папирусы, что, наверно, найду у него ошибки. Конечно, ошибки я не нашел, но кое-что прочитал больше, чем он, за что удостоился благодарности»¹.

На молодого аспиранта обратили внимание не только папирологи, но и другие представители греческой филологии.

Широко известный филолог, выдающийся специалист по греческим философским текстам и их издатель Герман Дильс, автор «Форсократиков», в беседе с Г. Ф. Церетели сказал, что работа «Сокращения в греческих рукописях» настолько ему понравилась, что он рекомендовал ее немецким студентам, интересующимся палеографией. Когда же Г. Ф. Церетели преподавал проф. Дильсу свою статью «Где написано Порфирьевское четвероевангелие 835 года», тот попросил его перевести ее на немецкий язык для опубликования в одном из журналов. Спустя 2—3 дня Дильс со своей супругой явился с визитом к Г. Ф. Церетели и, как пишет последний в своем письме, принес его «перевод статьи, уже исправленный, и еще раз предложил напечатать ее, причем снова рассыпался в комплиментах».

По возвращении в 1902 году из заграничной командировки в Петербург Григорий Филимонович в течение трех лет был приват-доцентом университета, а после защиты магистерской диссертации его выбрали экстраординарным профессором Юрьевского университета (ныне Тарту). В своих «Автобиографических заметках», которые напечатаны в журнале «Работник просвещения» за 1927 год (№ 1), Г. Ф. Церетели с большим удовольствием вспоминает свое пребывание в Юрьеве: «Пребывание в Юрьеве связано с моими лучшими воспоминаниями. Тихий, культурный город (его называли «Северными Афинами»), прекрасно подготовленное студенчество, очень удачно подобранный состав профессоров, блестящая библиотека и симпатичные книжные магазины — все это делало пребывание в Юрьеве весьма и весьма приятным. К этому надо еще добавить, что я ежегодно во время летних каникул получал командировку за границу с научной целью, что давало мне возможность обогащать мои знания. Во время пребывания в Юрьеве я написал большую часть своих статей (на русском, немецком и латинском языках), а также мою докторскую диссертацию».

В 1914 году Г. Ф. Церетели был удостоен научной степени доктора греческой словесности на основании представленного труда «Новые комедии Менандра» (Юрьев, 1914, стр. 350). После этого, а вернее, на основании этого, Григорий Филимонович был приглашен в Петербургский университет заведующим кафедрой классической филологии; вплоть до 1920 года он состоял на этой должности.

В 1917 году Г. Ф. Церетели был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. В архиве Академии наук СССР хранится докладная записка акад. В. Латышева и акад. М. Ростовцева об избрании Г. Церетели в Академию наук. Приведу ее полностью.

Записка об ученых трудах профессора Г. Ф. Церетели

Григорий Филимонович Церетели, доктор греческой словесности, ординарный профессор Петроградского университета — один из наиболее выдающихся русских эллинистов. Ученик В. К. Эрнштедта и П. В. Никитина, Г. Ф. Церетели с первых же шагов своей научной деятельности специально занялся разработкой вопросов в области греческой палеографии, был одним из самых тонких знатоков истории греческого письма, греческих рукописей и греческих папирусов, из рус-

¹ Эти материалы взяты нами из фонда Г. Ф. Церетели, хранящегося в Ленинграде, в архиве АН СССР.

ских ученых он единственный принимал деятельное участие в опубликовании новых папирусных памятников на греческом языке, как официальных документов и писем, так и литературных произведений.

В области палеографических штудий капитальные следующие его труды: «Сокращения в греческих рукописях, преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы» — работа, получившая всеобщее признание в России и вне ее; издания наиболее важных в палеографическом отношении греческих рукописей библиотек С.-Петербурга и Москвы: 1) *Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum. I. Codices Mosquenses 1911; II. Codices Petropolitani 1913*; 2) *Exempla codicum graecorum litteris uncialibus scriptorum С.-Петербург, 1913* и, наконец, 3) Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских рукописей Публ. библиотеки. С.-Петербург, 1914.

В области издания текстов важны: «Житие иже во святых отца нашего Арсения Великого», (Зап. ист.-фил. фак. С.-Пет. Univ., ч. 50, 1899), и ряд изданий папирусов и новых сличений уже изданных текстов. Подготавливая вместе со своими учениками в ближайшем будущем полное издание греческих папирусов, хранящихся в Петрограде, Г. Ф. Церетели опубликовал предварительно несколько папирусов коллекции Голеннищева в русских повременных изданиях, равно как и ряд *Ostraca* в *Archiv für Papyrussforschung*. Им опубликованы, кроме того, берлинские папирусы в немецкой публикации этих папирусов и новые сличения венских папирусов Райнера (у Вилькена в его папирологической хрестоматии).

В области истории греческой литературы Г. Ф. Церетели выделяется как тонкий знаток греческой комедии, преимущественно Менандра. Ему принадлежат образцовые переводы новонайденных комедий на русский язык (в Журн. Мин. Нар. Пр. за 1908, 1909, 1910, 1911 гг.), издание новых отрывков (Журн. Мин. Нар. Пр., 1909) и отдельные исследования (к «Отрезанной косе» Менандра. Журн. Мин. Нар. Пр., 1915), а также большое и очень содержательное исследование о комедиях Менандра «Новые комедии Менандра» (Юрьев, 1914).

Как университетский преподаватель, Г. Ф. Церетели собрал около себя нескольких молодых начинающих ученых, вместе с ним работающих над чтением и изданием греческих папирусов. И в России рождается школа классиков-папирологов.

Г. Ф. Церетели находится в поре полной зрелости своего недюжинного научного и литературного таланта. При нормальном развитии культурной жизни России он мог бы быть высоко полезен Академии наук своей высокой подготовкой в области чтения и издания греческих рукописей. Ввиду сказанного нижеподписавшиеся предлагают избрать Г. Ф. Церетели членом-корреспондентом Академии наук по разряду классической филологии и археологии¹. В. ЛАТЫШЕВ, М. РОСТОВЦЕВ.

18 июня 1919 года Совет профессоров Тбилисского университета постановил пригласить члена-корреспондента Российской АН профессора Г. Ф. Церетели на кафедру греческого языка и литературы. Это постановление, принятое единогласно за подписью И. А. Джавахишвили, было послано в Петроград:

«Профессору Григорию Филимоновичу Церетели! Совет профессоров Тифлисского государственного университета, согласно постановлению философского факультета, единогласно утвердил Вас по кафедре греческого языка и литературы. Профессора молодого грузинского университета уверены, что Вы войдете в их среду и будете содействовать укреплению высшего университетского образования и его развития. Если это предложение для Вас приемлемо, просим воспользоваться первым удобным случаем и приехать на родину».

Г. Ф. Церетели приехал в Тбилиси осенью 1920 года и возглавил кафедру классической филологии. Его приезд был для грузинского университета очень важен; в свою очередь, Тбилиси обогатил ученого новыми творческими силами. Поэтому Григорий Филимонович писал в своих «Заметках»: «Тбилиси явился для меня настоящим «источником жизни». С ним связаны первые годы моей жизни, и он восстановил меня для научной работы».

В своих «Заметках» он продолжает: «Пребывание в Тбилиси дало мне возможность войти в старое научное русло и с новыми силами продолжить свою деятельность как на научном, так и на педагогическом поприще». Благодаря той работе, которую он провел в предыдущие старые годы, им был накоплен богатый материал преимущественно по трем темам: 1. «Папирусы российских и грузинских коллекций»; 2. «Труды Иоанна Итала»; 3. «История греческой литературы».

Коснемся вкратце научной и научно-педагогической деятельности Г. Ф. Церетели.

¹ ЛО Архива АН СССР. Прил. II. ОС., 1917 г., XVII заседание.

Г. Ф. Церетели, как сказано выше, еще со студенческой скамьи специализировался в разных дисциплинах, трактующих вопросы греческого письма. Его первая работа, которая была удостоена золотой медали, касалась греческой стенографии.

Во время своих разысканий в области греческого письма он пользовался теми рукописями, которые хранятся в книгохранилищах Петербурга и Москвы. По материалам этих рукописей и написал он свою первую работу, которая в расширенном виде легла в основу его магистерской диссертации «Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы» (опубликована в 1904 году).

Эта работа вызвала большой отклик в научной прессе; до издания ее Г. Ф. Церетели опубликовал ряд статей на русском и немецком языках, в которых развивал свою теорию о национальных и провинциальных типах греческого письма. Широкое признание значения указанных работ Г. Ф. Церетели нашло свое отражение в том факте, что В. Гардтгаузен вносит в свою «Греческую палеографию» специальный параграф под заглавием «Теория Г. Ф. Церетели».

В связи с тем, что во время работы над петербургскими и московскими рукописями Г. Ф. Церетели выяснил ряд вопросов греческой палеографии, стало необходимым опубликовать образцы этих рукописей; поэтому совместно с профессором С. И. Соболевским он в период с 1911—1914 гг. предпринимает издание «Образцов греческих рукописей» в двух томах.

Впоследствии, будучи в Грузии, Г. Ф. Церетели, естественно, не оставил без внимания существующие в Грузии греческие надписи. Еще в 1923 году, по инициативе И. А. Джавахишвили, он изучил и опубликовал греческую надпись в Трени.

В Грузии греческих рукописей не много, но среди них имеется всемирно известное «Юридическое греческое евангелие», датированное VIII веком. Часть этой рукописи издана и фототипически. Г. Церетели изучил эту рукопись и, что важнее всего, подверг анализу греческие приписки к ней, которые содержат богатый материал по некоторым вопросам истории Грузии. Это исследование напечатано отдельной книгой в 1937 году.

Кроме того, как видно из списка трудов Г. Ф. Церетели, составленного им самим, он прочел также греческие надписи из Мцхета, которые собрался поместить в VI томе «Известий историко-археологического института».

Во время работы над магистерской диссертацией Г. Ф. Церетели изучил множество греческих рукописей, хранящихся в российских и зарубежных библиотеках. Именно в это время у него зародилась мысль подготовить к изданию еще не изданные философские трактаты Иоанна Итала, учителя и сотрудника грузинского философа Иоанна Петрици по тем рукописям, которые он изучил преимущественно в Венеции, Риме и Мюнхене. «Благодаря содействию И. Джавахишвили, — пишет Г. Церетели в своих «Автобиографических заметках», — мне дана была возможность приступить к изданию трудов Иоанна Итала». В 1924 и 1926 гг. Г. Ф. Церетели издал два выпуска трудов Иоанна Итала. Это было первое издание (editio princeps) трудов византийского философа; остальные тома, к сожалению, остались неизданными¹. Научная пресса встретила это издание с большим удовлетворением.

Однако в научной деятельности Г. Ф. Церетели наиболее важным надо считать его папирологические исследования, благодаря которым он приобрел всемирное признание. Когда перечисляют ученых, работающих в области папирологии, в числе первых десяти значится Г. Ф. Церетели.

У. Вилькен, создатель науки о папирологии, высоко ценил Г. Ф. Церетели как папиролога. Еще будучи аспирантом, как говорилось выше, Григорий Филимонович работал специально под руководством Вилькена, который настолько высоко ценил его папирологические знания и опыт, что поручил ему обработку и издание папирусов Берлинского музея, затем это издание вошло в III и V тома серии «Берлинские греческие грамоты». («Берлинер грихшиге уркунден»). И после этого сотрудничества Вилькен часто встречался с Г. Ф. Церетели во время его зарубежных командировок и считал его одним из основных сотрудников «Архива папирологии», где часто печатались статьи последнего. Во время первой мировой войны (1914—1918 гг.) связь между учеными оборвалась. И вот, когда автор этих строк в 1920 году приступил к работе в семинаре У. Вилькена по папирологии, он, угадав во мне иностранца, попросил к себе в кабинет и, уз-

¹ По материалам Г. Ф. Церетели Институт Востоковедения АН Грузинской ССР издал труды Иоанна Итала в 1966 году, поручив их редактирование покойной доц. Н. Кечагмадзе.

нав, что я питомец Петербургского университета, в первую очередь спросил: «А где теперь находится Г. Ф. Церетели?»

Широкое признание заслуг Г. Ф. Церетели в области папирологии делает понятным тот факт, что именно ему российские научные круги поручили исследование литературного наследия того великого поэта, комедии которого были обнаружены в египетских песках в начале XX века. Я имею в виду комедиографа IV—III веков Менандра, пьесы которого, говоря по сути, стали известными лишь в 1905 году, когда папирусы, содержащие отрывки его комедий, были найдены в Египте во время археологических раскопок. В этих папирусах оказались более или менее крупные отрывки пяти комедий Менандра, и специалисты по греческой литературе во всем мире приступили к их реконструкции по этим отрывкам. В первых рядах этих исследователей стоит Г. Ф. Церетели, который в 1909—1911 годах помещает в русских научных журналах очерки об отдельных комедиях Менандра с приложением стихотворных переводов, а в 1914 году публикует монографию «Новые комедии Менандра». Ученый совет Петербургского университета присудил Г. Ф. Церетели на основании этой монографии степень доктора греческой словесности.

Свою научную деятельность в области папирологии Г. Ф. Церетели завершил у себя на родине, где патриарх грузинской науки, ректор Тбилисского университета И. А. Джавахишвили создал ему особые условия для опубликования капитального пятитомного труда «Греческие папирусы российских и грузинских коллекций».

История этого сборника такова. В распоряжении Г. Ф. Церетели, кроме папирусов, хранившихся в российских музеях, были и собственные папирусы, приобретенные его друзьями — профессорами Тураевым, Ростовцевым, Лихачевым и другими во время их научной командировки в разные районы Египта. Добытые в ходе археологических раскопок папирусы часто попадали в руки случайных людей, которые продавали их частным лицам, научным работникам, приезжавшим в Египет из разных стран Европы и Америки. С целью наживы они рвали папирусы на части и продавали их приезжим научным работникам. Этим и объясняется, что одна часть какого-либо папируса оказывалась в Лондоне, а другая попадала в руки русских ученых.

Как пишет Г. Ф. Церетели, он собирался издать папирусы, хранившиеся в российских музеях, совместно с проф. М. Ростовцевым. Но первая мировая война и последующие за ней осложнения вынудили его отложить осуществление этого замысла. Лишь в 1920 году, по переезде в Тбилиси, смог он возобновить свою работу над папирусами и подготовил их к изданию; ввиду того, что среди этих папирусов были и его собственные, он решил озаглавить труд «Papyri russischer und georgischer Sammlungen»¹.

Издание папирусов было намечено в пяти томах. По техническим условиям оно было осуществлено литографским способом: тексты переписаны собственноручно Г. Ф. Церетели, снабжены переводом и научным аппаратом на немецком языке.

При суждении об этом «Сборнике» надо принять во внимание следующее. Как было сказано, в этот «Сборник», кроме новых папирусов, впервые публикуемых профессором Церетели, вошли также папирусы российских и грузинских коллекций, которые время от времени публиковались в различных журналах как самим Церетели, так и другими учеными. В пятитомный «Сборник» вошли все эти папирусы, однако в каждом отдельном случае Г. Ф. Церетели и его ученики-сотрудники изучили папирусы сызнова и снабдили их анализом с учетом всей научной литературы. В рецензиях, появившихся в специальных органах печати Европы и Америки, отмечалось, что «издатели папирусов публикуют тексты не в старом издании, а всегда проводят их через призму собственных наблюдений». Рецензентами не раз подчеркивалось, что Г. Ф. Церетели «вносит в чтение опубликованных ранее папирусов новые дополнения и варианты».

В рецензии на первый том «Папирусов» В. Шубарт писал: «Это блестящее начинание Г. Церетели окрыляет нас основательными надеждами» (см. журн. «Гномон»).

И в рецензии на IV том «Папирусов» тот же журнал «Гномон» после подробного разбора и анализа материалов, помещенных в нем, отмечал: «Еще раз должны мы поблагодарить издателей и авторов «Папирусов» и выразить наше изумление по поводу той работы, которую они выполнили с таким неординарным результатом». Это заключение было признано настолько значительным, что, например, журнал «Philologische Wochenschrift» повторил его на своих страницах в 1928 году (стр. 681).

¹ Папирусы, которые составляли собственность Г. Ф. Церетели, хранятся в фондах Института рукописей АН Грузинской ССР.

«Папирусы» были опубликованы в пяти томах в 1925—1935 гг. большим форматом. К обработке Г. Ф. Церетели привлек своих учеников П. В. Ериштеда и О. Крюгера, которым принадлежит по одному тому, изданному под редакцией Г. Ф. Церетели; три же остальных тома принадлежат ему самому, но при их сотрудничестве.

Специальная научная пресса с исключительной теплотой встретила это издание Тбилисского университета. После выхода каждого тома во всех русских и иностранных журналах, как специальных, папирологических, так и общепилологических, появлялись рецензии на них.

«Этот труд, — писал рецензент в немецком журнале «Гномон», — выполнен с исключительной добросовестностью и прилежанием. Весь текст переписан лично издателем Г. Ф. Церетели, и это выполнено с такой тщательностью, что читается так же легко, как типографически напечатанный материал. К тому же работа выполнена на том уровне, который достоин имени Церетели»¹.

Большое значение придает этому труду Г. Ф. Церетели известный палеограф и папиролог Белли, написавший рецензию на IV том «Папирусов», в который вошли и те папирусы, что попали в Лондонский музей, и другая их половина, оказавшаяся в руках петербургских ученых.

* * *

Г. Ф. Церетели принадлежат три тома «Истории греческой литературы», из которых два были напечатаны на грузинском языке в 1927 и 1935 гг. Значение этого труда видно хотя бы из следующего факта: в российских университетах историю греческой литературы студенты изучали по книге Круаза, переведенной с французского. «История греческой литературы» Г. Ф. Церетели является первой оригинальной книгой в Советском Союзе по истории греческой литературы. Но, кроме того, она по существу выделяется среди книг подобного содержания. Надо учесть следующие обстоятельства:

1. «История греческой литературы» Г. Ф. Церетели является продуктом систематического курса, который автор читал в течение 25 лет в Юрьевском, Петербургском и Тбилисском университетах по материалам, добытым им самим в первоисточниках. Чтению общего систематического курса предшествовало (а также параллельно протекало) чтение специальных лекций по тому или иному греческому писателю или по тому или иному литературному жанру (греческая комедия, греческая трагедия и т. д.)

2. Г. Ф. Церетели всю свою жизнь работал над папирусами. А в них встречаются многочисленные материалы по греческой литературе: тут есть отрывки из поэм Гомера, стихи Алкея и Сапфо, отдельные места из «Истории Геродота». Мы уже ничего не говорим о том, что комедии Менандра стало возможным изучить лишь по папирусным материалам. Отсюда ясно, что при изучении папирусных текстов Г. Ф. Церетели поневоле возвращался к первоисточникам греческой литературы, которые он усвоил и обработал с большой скрупулезностью. Легко себе представить, что написанная с такой эрудицией «История греческой литературы» стоит на высоком уровне.

Целый ряд вопросов в этой «Истории» освещен оригинально, с новым подходом и с особым художественным чутьем. Таким образом, «История греческой литературы» Г. Ф. Церетели не только тем ценна, что представляет собой блестящее руководство для студентов при изучении греческой литературы, но особенно тем, что в этой «Истории» целый ряд основных вопросов греческой литературы освещен по-новому и в сравнении с другими аналогичными книгами и потому более правильно. Таковыми являются, на наш взгляд, вопросы лирики Алкея и Сапфо, формы новой античной комедии и некоторые другие.

Все вышесказанное является общим фоном, на котором выявляется яркий исследовательский талант Г. Ф. Церетели в освещении художественных приемов, использованных греческими писателями. Эта сторона сочеталась у него с тонкой поэтической природой, он писал необычайно изящные и проникновенные стихи. Также блестяще переводил на русский язык образцы античной поэзии.

В «Истории греческой литературы» Г. Ф. Церетели выявились беспредельная любовь автора к памятникам греческого мира, блестящее чутье в восприятии достижений античной культуры; в ней оживлены для нынешнего читателя написанные на мертвом греческом языке литературные памятники.

На специальной сессии, посвященной 90-летию со дня рождения Г. Ф. Церетели, проф. Петровский вполне правильно проанализировал его деятельность.

¹ Что эта работа («Папирусы») была признана мировой наукой, как неоценимая и необходимая при филологических изысканиях, видно из того, что одно голландское издательство в 1965 году переиздало все пять томов «Папирусов».

«Как великий ученый Г. Ф. Церетели известен филологам-классикам всего света, — писал Ф. Петровский. — Его работы в области палеографии и по анализу творчества Менандра, равно как и прочие его труды, никогда не утратят своего значения для познания античного мира, изучению которого Григорий Филимонович посвятил всю свою плодотворную жизнь. И этот античный мир он не только изучал и знал как специалист филолог, он его любил и чувствовал так, что мог вновь оживить его в нашем сознании и заставить нас увидеть этот мир вечно молодым и полным свежих сил. Григорий Филимонович обладал удивительным дарованием: он не только открывал нам тайны этого мира как ученый, но давал нам возможность познать его во всем многообразии никогда не меркнущих картин и образов, потому что был не только первоклассным ученым, но и высокоодаренным художником; он был истинным воссоздателем античного мира, великим его поэтом».

*

Перу этого великого ученого принадлежат и научно-популярные труды; к числу их надо отнести «Образцы греческой поэзии» (напечатано в 1927 году), «Мимиабы Геронда», комедии Менандра, «Аргонавтика» Аполония Родосского (опубликовано посмертно в 1965 году) и стихотворения Калимаха. Ему же принадлежат научно-популярные обзоры творчества Алкея, Сапфо и Анакреонта.

В юбилейные дни 50-летия Тбилисского государственного университета заслуги Г. Ф. Церетели были оценены должным образом. Кроме того, по постановлению правительства для студентов отдела классической филологии филологического факультета установлена стипендия имени Г. Ф. Церетели.

Восемнадцать лет своей педагогической деятельности Г. Ф. Церетели провел в Тбилисском университете, и если сегодня в научных учреждениях Грузии греческая филология стоит на почетном месте и научные работники в этой области с честью высоко держат знамя грузинской науки, то в этом заслуга Григория Церетели, которого никогда не забудут ни его ученики, ни летопись грузинской науки.

Неизвестные записи Ильи Орбелиани о Шамиле

Во время русско-турецкой войны у Башкадиклара был смертельно ранен командир гренадерского полка генерал-майор Илья Дмитриевич Орбелиани (родился в 1814 году, скончался 8 декабря 1853 года).

Илья был младший брат Григола Орбелиани, а с материнской стороны — младший и самый любимый дядя Николаза Бараташвили. Еще совсем молодым он прославился на весь Кавказ как бесстрашный и храбрый воин. В 38 лет Илья был уже генерал-майором¹.

Будучи адъютантом начальника 19-й (впоследствии 21-й) пехотной дивизии генерал-лейтенанта Фезе, он в 1842 году находился в Казы-Кумухе, как раз в то время, когда население, напуганное нашествием Шамиля, временно подпало под его власть. 22 марта, в результате измены, молодой Илья Орбелиани оказался в руках горцев².

В течение восьми месяцев его держали в удушливой яме, закованного в кандалы, одетого в одно рубище, лишенного пищи и света. Он пытался бежать, но был пойман. И лишь в результате обмена пленными был освобожден Шамилем.

Находясь в плену, Илья Орбелиани проявил редкую смелость и душевную бодрость, и это получило отклик не только в тогдашнем обществе, но и в литературе (Вердеревский, Дрансе, Дюма, Загорский).

Этот факт послужил толчком для создания бессмертного поэтического шедевра Н. Бараташвили — «Меранц». 2 мая 1842 года поэт писал Григолу Орбелиани: «Любимый брат Григол! Илья на самом деле в плену у Шамиля! Я хотел и раньше написать тебе об этом, но в нас еще теплилась надежда — либо что слухи окажутся ложными, либо что

казыкумухцы спрячут его до перемирия... Когда Илико схватили, Синаксаров и Казыкумухский хан находились в плену. На следующий день в Андалал вошел сам Шамиль. Пленных вывели к нему. С Илико было два десятка юношей, аварцев — отборных молодцов, которых послал с ним Ахмет-хан. На глазах у Ильи Шамиль велел всем двадцати отсечь головы. Ахтальядам, сопровождающим Синаксарова, он велел раздеться и так прогнал их прочь... Вот что сказал Шамилю Илико: «Шамиль! Такая жестокость не достойна твоей славы! Если ты намереваешься этим напугать кого-нибудь, то кого ты испугаешь? Все мы смертны. По правде говоря, я сейчас предпочитаю умереть, нежели находиться у тебя в плену!»... Вообще, Илико держится молодцом. Он теперь служит предметом разных анекдотов. Подобные случаи иногда полезны в человеческой жизни... **Вот что поэт думает за Илико:**

Стрелой несется конь мечты моей...
(См. стихотворение «Меранц». — Г. Ш.).

Не знаю, как понравятся тебе эти стихи... Все это говорит Илья в плену, а не я. Сказать тебе по правде, весть о пленении его очень меня опечалила, так что три дня я был словно в дурмане от тысячи разных страшных мыслей и желаний... Наконец, на третий день я написал это стихотворение, и оно как будто принесло мне облегчение».

После освобождения из плена Илья Орбелиани решил подробно рассказать о своем пребывании у Шамиля; рассказ этот был напечатан в газете «Кавказ» в 1849 году (№№ 1—5) под заголовком «Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 году». Текст этого «Рассказа» Ильи Орбелиани с незначительными сокращениями в виде дополнения включил в 1856 году в свою книгу, изданную в С.-Петербурге под названием «Плен у Шамиля» (стр. 22—42), Е. Вердеревский. А затем текст рассказа И. Орбелиани из этой книги перевел на грузинский язык Г. Леонидзе (Лит. лето-

¹ Акты, т. X, стр. 28.

² Николоз Бараташвили датой пленения Шамилем Ильи Орбелиани называет 20 марта. (Сочинения, Тб., 1968, стр. 176), а сам И. Орбелиани — 22 марта.

пись, книга 1—2, Тбилиси, 1940, стр. 442—465).

«Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля» Ильи Орбелиани долгое время был известен по тексту, напечатанному в газете «Кавказ». Но интересно было найти саму рукопись этого документа. Она оказалась в архиве Воронцова, в Ленинграде. Первые сведения об этом опубликовал И. Троицкий, а потом и М. Чиковани. Несмотря на это, рукопись до сих пор специально никем не изучалась; видимо, исследователи полагали, что напечатанный и рукописный тексты были одинакового объема.

В 1968 году, в Ленинграде, в архиве Воронцова нами на месте была изучена эта рукопись. Ее полное название: «Восемь месяцев из моей жизни. Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 году, с 22 марта» и содержит 34 листа бумаги большого формата, испи-санной канцелярским почерком¹.

В результате изучения рукописи выяснилось, что она гораздо больше текста, напечатанного в газете «Кавказ». В подлиннике сочинение состоит из четырех глав:

I — Показание прапорщика князя Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля (стр. 1—43). II — Краткий очерк поприца Шамиля (стр. 44—49). III — Управление Шамиля в духовном, административном и военном отношении (стр. 49—62). IV — Андия. Значение и важность ее и наступательный путь в нее (стр. 63—67).

Из четырех перечисленных глав рукописи в «Кавказе» была напечатана I глава, и как выясняется из сравнения, с некоторыми сокращениями и редакционными изменениями, а остальные — II, III и IV главы до сих пор были совершенно неизвестны в научной литературе. Между тем, их значение просто неопределимо, ибо, как известно, первоисточников о Шамиле довольно мало. Причина этого в том, что приближенные Шамиля были людьми малограмотными, а проникавший туда иностранец обратно возвращался редко. Историческая наука свои сведения о Шамиле преимущественно пополняла в более позднее время, в частности, после пленения Шамиля (1859 г., 25 августа), черпая их у него самого и у членов его свиты. Поэтому неизвестным до сегодняшнего дня главам «Рассказа офицера, бывшего в плену у Шамиля» Ильи Орбелиани, представляющим ранний период деятельности Шамиля (в частности,

до 1843 года), отводится значение первоисточника.

Даже из простого перечисления заголовков отмеченных глав становится ясно, какие важные сведения они содержат: здесь описана общественная и личная жизнь Шамиля, охарактеризована система его духовного, административного и военного правления, дана история его политического возвышения; кроме того, много интересного читатель узнает из этих глав о Хаджи-Мурате, об известном учителе Шамиля по шариату Джемал-Эддине, о тогдашней резиденции Шамиля Дарго и об Андийском крае. Не менее интересны взаимоотношения самого Ильи Орбелиани и Шамиля. По особому примечанию И. Орбелиани все эти сведения им «почерпнуты из разговоров с самим Шамилем и его приближенными». Особый интерес представляет здесь одна деталь: в фонде воспоминаний отдельных рукописей Государственной библиотеки СССР имени Ленина хранится копия текста «Рассказа офицера, бывшего в плену у Шамиля» И. Орбелиани, напечатанного в газете «Кавказ»¹. Внимание привлекает приложенный к этой копии комментарий:

«Записки эти были написаны не для издания их в свет... Князь Илья, испытав такую ужасную участь, перенес мучения благодаря хорошему здоровью, но, однако, испортил себе зрение. Ему наконец в пятый раз удалось с оружием в руках, с победоносными войсками князя Воронцова, взойти в Дарго... Он заслужил Георгиевский крест. Какие чувства волновали его, когда узнал ту яму, где содерживали его...»

Кроме представляемых записок, князь написал рассуждение о Анди. По его мнению, провинция эта весьма важна в стратегическом отношении. Путь, которым он предлагал идти в Дарго, именно тот, которым вошли туда в 1845 году...»

Как видим, по свидетельству неизвестного комментатора, в 1845 году взятие наместником М. С. Воронцовым неприступной резиденции Шамиля Дарго было осуществлено благодаря военно-стратегическим сведениям, данным в IV главе «Рассказа» Ильи Орбелиани.

Когда же написал он свой «Рассказ»?

По мнению Г. Леонидзе, «после освобождения из плена по приказу Воронцова Илья написал свое приключение во время пребывания в плену». Следовательно, Илья Орбелиани «Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля» написал после 1845 года, потому что именно в этом году М. С. Воронцов стал наместником на Кавказе. Благодаря изуче-

¹ ЛОИИ АН СССР, ф. 36, оп I, № 759. Привезенный нами микрофильм рукописи хранится в Институте истории грузинской литературы им. Ш. Руставели, а фотокопии этого микрофильма находятся в Институте рукописей им. К. Кекелидзе.

¹ На копию текста нам указал сотрудник Государственного Литературного музея Грузии С. Лекишвили.

нию подлинника этого «Рассказа» мы получили возможность уточнить дату его написания.

Рукопись эта начинается словами: «В прошлом, 1842 году, в феврале месяце...»

Следовательно, если при написании «Рассказа» 1842 год для И. Орбеллиани («В прошлом, 1842 году») был прошлым, мы уже вполне уверенно можем сказать, что он написал его в 1843 году, то есть на два года раньше назначения М. С. Воронцова наместником на Кавказе.

Теперь возникает вопрос — Илья Орбеллиани писал «Рассказ» сам или диктовал его кому-нибудь? Точнее, является ли дошедший до наших дней единственный экземпляр «Рассказа офицера, бывшего в плену у Шамиля» И. Орбеллиани автографом?

В свое время Г. Леонидзе писал: «Естественно, что Илья удовлетворил любопытство близких и рассказал о своем приключении Вердеревскому, запись которого «Рассказа офицера, бывшего в плену у Шамиля» напечатала газета «Кавказ» (1849, № 1—5), и затем он включил ее в свою книгу «В плену у Шамиля». (Книга о пленении семьи Даида Чавчавадзе)»¹.

¹ Г. Леонидзе. Вокруг Николаоза Барташвили—16. Генезис «Мерани» и повесть о пребывании в плену Ильи Орбеллиани. Лит. летопись, кн. 1—2, Тбилиси, 1940, стр. 442—449.

К сожалению, мы ничего определенного не можем сказать относительно автографичности рукописи, однако смеем утверждать, что Е. А. Вердеревский не записывал рассказ Ильи Орбеллиани о его пребывании в плену у Шамиля: во-первых, Е. Вердеревский сам свидетельствует о том, что отрывки напечатанного в газете «Кавказ» «Рассказа» Ильи Орбеллиани он приводит в своей книге для того, чтобы сравнить строгие обычаи времен Шамиля (1842 г.) с обычаями его времени (1856 г.), «находя ныне некоторые в них смятение», и во-вторых — Е. Вердеревский не смог хорошо разобраться в содержании печатного сочинения, и там, где говорится о предательстве жены Казыкумухского хана и ее служанки Идрис, слово «Идрис» он отметил вопросительным знаком. Ясно, что это недоразумение было бы исключено, если бы Е. Вердеревский записал текст «Рассказа» непосредственно со слов Ильи Орбеллиани.

* * *

Текст «Рассказа» подготовлен для опубликования Гурамом Гавашели.

Стиль, орфография, пунктуация сохранены точно, только изменены некоторые старые орфографические нормы (и, s)з, ъе — и удален в конце слов твердый знак.

Примечания, отмеченные в сноске звездочками, принадлежат И. Орбеллиани.

ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Рассказ Офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 году, с 22 Марта.

ПОКАЗАНИЕ

Прапорщика Князя Орбеллиани, находящегося в 1842 году в плену у Шамиля.

* * *

Краткий очерк поприща Шамиля

Простой Гимринский Житель, но одаренный пронизательным умом, твердостью характера, храбростью и другими личными достоинствами, обладающий сверх того глубокими познаниями в Коране и обширными сведениями в Арабском языке, Шамиль еще при Казимуллы и Гамзат-беке сделался известным всему Дагестану. Первый сподвижник во всех предприятых обоих Имамов, он наследовал их знание и власть, которую умел, при стечении счастливых обстоятельств, фанатическими возбуждениями и страхом возвысить до небывалой степени.

В знаменитом Гимринском деле (1832 г.) погиб Казимулла и все почти его ученики; Шамиль не оставлял тело убитого, пока, раненный штыком в грудь, не лишился надежды спасти тело своего имама. Выхватив шашку из ножен, с немногими товарищами бросился он, весь окровавленный, в толпу солдат, окруживших его, бросился и полумертвый явился в Унцукуль. В первом фанатическом порыве, возбужденном проповедью Шарната, последователи этого учения смотрели на Казимуллу и сподвижников его, как на людей истинно святых, Богом посланных для избавления их от рук неверных и распространения спасительной Магометанской веры. Мученическая смерть Казимуллы под Гимрами, озарила его еще большею славой, — и с глубоким уважением смотрели суеверные Дагестанцы на юного Шамиля, который с такою го-

рячею привязанностью и геройскою храбростью защищал жизнь Имама своего и только чудом, говорили они, мог спастись под Гимрами¹ этот любимец Бога.

С горестью и ненавистью к Русским бросил Шамиль Гимры, родину свою, и небольшое состояние свое, и занял при новом имаме Гамзат-беке прежнее место друга, главного сподвижника и ближайшего советника. Успехи Гамзата в Аварии, уничтожение тамошнего ханского дома были по справедливости приписаны Шамилю и безпрекословно приветствовал его Дагестан Имамом своим, когда в 1834 году Гамзат-бек пал от рук Османа и Гаджия-Мурата, впоследствии прародителя Аварского, нынешнего наиба. Только Ташов Гаджи, выходец из сел. Андреева, соперничествовал с ним, но и он в 1837 году подчинил себя новому Иمامу.

И на первом шагу нового поприща встретила Шамиля удача, возвысившая его в глазах Дагестанских народов. Отражение Генерала Ланскаго от Гимров было первое дело, где Шамиль явился достойным предводителем мюридов. Верование в него и высокое мнение об нем не поколебалось даже последующими неудачными покушениями в 1835 и 1836 годах на Аварию, занятую после многих блистательных дел Полковником Фон Клугенау и мужественно защищенного Реутом в 1835 году и Гаджи-Муратом в 1836 году. Для мюридов Авария всегда была важным звеном в цепи непокорных обществ и надежная преграда от нападения Русских. Зато события следующего 1837 года утвердили Шамиля в звании Имама всего Дагестана, увеличили его славу и вывели его как предводителя военных сил на поприще политического, самобытного мира, с которым уже начали и Русские вести переговоры. События эти были, во-первых, поражение Графа Ивлича под Ашильташи, где последний лишился жизни, убедившее горцев, что Шамиль может держаться против нас, потом дело под Тилитлем, где Шамиль, окруженный со всех сторон, находился в наших руках, но сглася от отчаянного положения тем, что Генерал Фези, встревоженный Кубинским возмущением и волнением в Южном Дагестане, поспешил кончить дело с Шамилем и вступил с ним в переговоры. Шамиль охотно согласился присягнуть нам для виду, лишь только избавиться от неминуемой гибели.

Опять Дагестанцы приписали это неожиданное спасение чуду и божественному покровительству и, увлеченный общим порывом, соперник Шамиля, Ташов Гаджи, признал его Имамом Дагестана и потом удалился в Чечню; многие почетные Муллы, знаменитые ученостью и происхождением, обращались за советами и решением разных затруднений к святому Боговдохновенному Иمامу. Таким образом, этот год открыл Шамилю дорогу к духовному, военному и политическому полновластию в Дагестане.

Воспоминание о гибельном положении, в котором находился Шамиль в сел. Тилитли, заставило его подумать о надежном убежище против Русских; с этою целью он употребил 1838 год на укрепление Ахульго, деятельно распространяя вместе с тем мюридизм и проповедуя религиозную войну против Русских. Уже Тилитль, Куюда, Карада, Койсубу, Гумбет, Солотау и даже Андия принимала его более или менее, как властителя своего. Почти все эти общества оказывали ему возможное содействие и участие во всех его предприятиях, в особенности же готовы были на первый зов Шамиля жители Черкея, настоящие искатели приключений, являвшиеся везде, где только раздавался выстрел.

Настал 1839 год и с ним знаменитая Ахульгинская битва. Шамиль сам говорил, что он должен был погибнуть или выйти из нея, для спасения целого Дагестана, как неограниченный властитель. Штурм Ахульго потряс могущество Шамиля, но как будто только для того, чтобы после такой неудачи, показать его в большем блеске и поставить его еще на высшую степень власти и назначения. Прорывшись сквозь нашу цепь, Шамиль после Ахульгинского дела явился с 15-ю мюридами в Чечню с Ичкеринской деревни Баяни. Давно он с завистью и беспокойством обращал внимание свое на Чечню, но все не решался и не чувствовал себя в силах действовать открыто в ней. Лезгинам были страшны Чеченцы: не одна сотня их была захвачена последними в плен и распродана Кистинцам, Осетинам и прочим. В Боянах² Шамиль был ласково принят Ташовым Аджи, который — (Шамиль) после Имамства над Дагестаном хотел сделаться Имамом Чечни, что опять же удалось. Оттуда Шамиль отправился с своими 15-ю мюридами в общество Шубут и начал там проповедовать Шариат. Некоторые с радостью приняли его учение, но буйная Шубутовская молодежь возстала против него. Шамиль не устранился, перехватил их, кого изрубил, кому отсек голову или руки, другим выколол глаза; одним словом, подобными зверскими наказаниями усмирил и подчинил себе весь Шубут, но едва не лишился сам притом жизни. Между шубутовцами находились два брата, которые сильно противились

¹ В рукописи — Тимрами.

² В рукописи дано одно (Баяни) и другое (Бояни) написание.

ему и хотели убить его. Узнав об этом, он велел схватить их, одного убил, а другому выколол глаза. Последний, одушевленный кровавою местию, успел раз ночью попасть в дом и комнату, где спал Шамиль, и нанес ему двенадцать ран,* но ни одной смертельной, так что враг его (Шамиль) удивительным образом спас свою жизнь. Подоспевшие мюриды предали несчастного слепца жестокой смерти.

Весть о покорении Имамом буйного Шубута мгновенно разнеслась по Чечне. В это время Большая Чечня волновалась против нас. Узнав о действиях в Шубуте, о храбрости его (Шамиля) в борьбе за свободу и веру Дагестана и убежденные в святости его особы и учения, жители Большой Чечни предстали пред него с значительным войском и сдались под его покровительство. Вступив в Малую Чечню, покорив ее и Ауховцев, переселив многие деревни их в дальние леса, Шамиль утвердился в Даргах, окруженный подвластными ему обществами в крепком от природы местоположении. Покорность страшная для горцев Чечни заставила и остальные непокорные общества Дагестана подчиниться Шамилю. Круг действий, власть и средства его достигли тем значительнейшего против прежнего размера. И таким образом в 1840 году он мог с значительным войском явиться в Дагестан, принудить Салатовское общество отложиться от нас и намеревался уже оторвать от нас Шамхальския владения, но геройское сопротивление Генерала Клугенау с 600 штыками остановило вторжение дерзкого Шамиля, имевшего до 10 тысяч войска. С другой стороны, безпрестанные вторжения наши в Чечню озаботили его принять деятельные меры для охранения всего края и утверждения владычества своего. С этою целью он соединил Дагестан и Чечню безпрекословным обязательством вспомоществовать друг другу в случае опасности. До сего времени каждое общество защищалось отдельно и не заботилось о другом. Сверх того, переход на его сторону Гаджи-Мурата и Кибиг-Магомета соединили в одно целое все подвластные Шамилю общества.

Между тем он казнил многих почетных лиц Андии, Гумбета и Чечни за неготовность содействовать и участвовать в его предприятиях. В таком положении застал его 1841 год. Черкеевская экспедиция и Хубарское дело снова угрожали подорвать могущество Имама. Доверие к нему, бросившего верных Черкеевцев на произвол судьбы, поколебалось. При новой этой неудаче зароптали Ахверды-Магомет и Андийский Кадий; за то первый был на время удален, а второй разстрелян 22 пулями. Последнее взволновало Андийцев, которые вообще много терпели от недоверчивости к ним Шамиля, и если бы мы тогда двинулись в Гумбет и Андию, то последняя передалась бы нам с радостью. Движение наше в Аух дало время Шамилю ободрить, а казнь многих андийцев и гумбетовцев за то, что будто они не хотели участвовать в Черкеевской экспедиции, приковали их страхом к делу мюридов.

И наконец, дела 1842 года, занятие Шамилем Казы-Кумуха, где издавна учитель его Джемад Эден распространял учение Шариага; Ичкеринская и Игалинская экспедиции укрепили Шамиля и подвластных ему Чечню и Дагестан новыми крепчайшими узами и утвердили его власть и влияние. Приверженность, с одной стороны, страх с другой, фанатизм и секира палача соединяют теперь всю массу непокорных, разноплеменных обществ в одно целое, в одну слепою безусловную подчиненность воле Шамиля весь непокорный Дагестан и всю Чечню.

Но при всей этой, почти неограниченной власти положение Шамиля очень шатко. Нельзя не согласиться, что он держится более всего страхом, которым сковал все общества. Фанатизм и верование в святость Имамов далеко не так сильны, как то было при Кази-Мулле, Гамзат-беге и в первое время Шамиля. Чеченцы, плохие последователи Шариага, чувствуют более и более стесненное положение свое, Андия готова во всякое время встретить нас с радостью, все почти общества тяготеют продолжительною борьбою. Вот ручательства, что власть Шамиля, насильственно поддерживаемая, должна при небольших усилиях скоро рушиться, и упадок ее, вероятно, откроет конец многолетней борьбы в Дагестане и Чечне.

* * *

Управление Шамиля в духовном, административном и военном отношении**

Весь непокорный Дагестан и вся Чечня повинуются ныне Шамилю, как своему Иمامу, как верховному Правителю и как предводителю в борьбе с неверными. Таким образом, он в лице своем соединил всю духовную, административную и военную власть.

* Шамиль, рассказывая о Гимринских и Шубутовских делах, показывал мне на теле все полученные им раны. Вот, сказал он притом, вот что претерпел от вас и от своих.

** Почерпнуто из разговоров с самим Шамилем и его приближенными.

Распоряжение по духовной части.

Как духовное значение Шамиля есть настоящая пружина быстрого его возвышения и как распространение Шариата есть в глазах правоверных законная побудительная причина к войне с нами, то Шамиль всеми мерами старается возвысить духовенство, чтобы иметь в нем опору и деятельных сподвижников для поддержания фанатизма и мюридизма. А для сего он учредил во многих деревнях школы, которые и посещаются многими учащимися. Этими училищами усиливается духовенство и число приверженцев Шамиля, потому что в них дают детям и молодежи направление в духе Имама, т. е. Шариата и Мюридизма. Всякий мулла или грамотный человек пользуется между горцами большим уважением, чрез них-то особенно Шамиль действует на народ, поселая в нем твердое убеждение, что он наместник пророка и что воюет за истинного Бога и религию. Распуская притом слух, что он имеет тайные свидания и сношения с пророком, Шамиль совершенно овладел умами легковерных и безрассудных Дагестанцев и ловко пользуется этим для своих видов.

Вот один пример:

В первых днях сентября Шамиль разослал по всем деревням объявление, что книга Судеб гласит, что в половине поста Рамазана, т. е. 15 Сентября, раздастся небесный голос, и все грешные и неисполняющие строго Шариат, услышав его, умрут и пойдут в ад. Чтобы избежать этой неминуемой гибели и не услышать страшный голос, Имам приказал всем и каждому в этот день, после пятого намаза (около восьми часов вечера) и во всю ночь провозглашать величие Бога молитвою: «Лай Аллах иль Аллах!» Народ пришел в иступление. Я находился тогда в Гумбетовском селении Кудары, а товарищи мои в Даргах, — и мы все видели и слышали, как народ всю ночь бесновался и не умолкая ревел из всех сил, качая неистово головою и дрожа всем телом. От страха и напряжения груди многие впадали в судорги, пена выбивалась клубами из рта; зрелище было ужасное, и слух всю ночь наполнялся этим диким криком, раздававшимся во всем Дагестане; наконец, к рассвету все утихло. Такое иступление, производимое в правоверных для очищения их от грехов, называется Джемс или Тарикат.

Администрация.

По уверению достоверных лиц, под властью Шамиля состоит ныне от 100—150 тысяч дворов покорных ему жителей. Для лучшего управления этою нестройною массою разноплеменных горцев, Дагестан и Чечня разделены на наместства, которыми управляют доверенные и испытанные наибы, — для надзора за ними и скорейшего исполнения делаемых распоряжений, особенно в местах, соседственных с Русскими владениями. несколько наибов составляют округ или область с особым начальником. Последние наблюдают за действиями наибов и, замечая что-либо противозаконное Шариату, наказывают по своему усмотрению или доносят Шамилю*.

Областей всего три.

а) Чеченская Область

Начальник: тесть Шамиля Абдулла Цакхар, выходец из Казы-Кумуха; живет в Чеченской деревне Шелин — и пользуется теперь большим почетом. В его ведении следующие наместства:

1. Шубута и Джаберла.

Наиб: Сваиб Мулла (поступил на место умершего Джеват-Хана).

2. Большая Чечня.

Наиб: Ахверды-Магомет.

3. Ичкерия.

Наиб: Шуанб.

4. Аух.

Наиб: Уллу-бей.

б) Аварская Область

Начальник: Гаджи-Мурат; у него общества: Тлохское, Технуцальское, Аухвахское, Каратинское и койсубулинския деревни, которые поступили в состав этой области после Игалинского дела.

в) Андалаяльская Область

Начальник: Наиб Тилитлинский Кибит-Магомет.

* Так донесено было Шамилю на Ахверды-Магомета, что он, вступив в четвертый брак, заплатил за жену 90 руб. серебр., а как по Шариату следует не более 20 руб., то в наказание вся заплаченная сумма была отнята и поступила в Шариатскую казну.

1. Хидатль.

2. Андалаяль — Магомет Кадий.

3. Карах и Тлесерух — Наиб Карагский Абдурахман Дибирь.

Воюмалъ, Кпалалъ, Джамалалъ, Ункритль — управляются двумя наивами, но не составляют области.

Андийское общество управляется особым наивом Андийским Кадием.

Салагау и Гумбет в ведении Гумбетовскаго наива Абакар Дибиря.

Дидо Анцух, Хванал и проч., лежащая на восточной позатоости Лезгинских гор, нейтральны.

В каждой деревне поставлен Кадий или мулла, решающие дела словесно, на основании Шариатских правил, а в особенных случаях представляют оныя наиву и так далее до Шамиля, который окончательно решает их, выдавая, впрочем, распоряжения и решения свои всегда за узаконения Алкорана и Шариата, и потому все приказания его исполняются безпрекословно, а для наблюдения за этим и вместе вообще за ходом дел, за расположением умов, за поступками жителей и Кадиев, находятся в каждой деревне доверенныя лица Имама, носящие звание Муртазада и исполняющие, таким образом, обязанности Прокурора и как бы Агента тайной полиции.

Для решения же дел, касающихся сего управления и для духовнаго судопроизводства, учреждено в прошлом году в Даргах, по предложению Джемал Эдена особое правление Диван-хана, в котсром присутствуют люди, известные ученостью и привязанностью к мюридизму и Шамилю.

Ш а р и а т.

Строгия узаконения Шариата, или Книги, как горцы его называют, обуздали зверский их нрав и вывели многия закоренелыя привычки: воровство и даже кровное мщение, которое уже не имеет того значения, как прежде. Драки и смертоубийства редки; для возможнаго избежания всякой ссоры, а может быть, для предупреждения заговоров и возмутительных скопищ Шариатом или недоверчивым Шамилем строго запрещено, чтобы три человека сходились и разговаривали между собой на открытом месте. В продолжении 8 месяцев нахождения моего в плену случилась одна только драка; один чеченец ранил другаго кинжалом в нос; обоих представили в Дарги, и Диван решил изуечить нос перваго точно таким же образом, как он изуечил нос другаго. Это решение было тут же исполнено палачом, который сверх того взял один рубль серебр. за операцию свою. Таковыя сентенции основаны совершенно на Шариате, где именно повелено выколоть глаз за глаз, вырвать зуб за зуб, проливать кровь за кровь, если противники не помирятся добровольно; во всяком случае они не вправе, без решения суда, сами исполнять таковой приговор. За смертоубийство наказывается убийца лишением жизни, если ближайшия родственники не простят ему или не согласятся принять денежное возмездие за пролитую кровь.

Если же после убийаго останутся малолетния дети, то убийцу сажают в яму, где он содержится до совершеннолетия (18 лет) детей, которые потом могут убить, простить или взять с него деньги. Жестоко взыскивается за прелюбодеяние и неопозволительныя сношения обоих полов. В бытность мою в Даргах обвинили одного молодаго чеченца в том, что он соблазнил девушку и жил с нею в тесных связях. Он бежал, но его поймали и казнили, ее затоптали до смерти ногами, а ея мать утопили в пруду.

Воровство также строго наказывается. В бытность мою в Даргах представили Дивану двух воров, из коих один украл платок, другой — небольшой медный кувшин. Суд решил продеть каждому в нос крепкие шнуры и привязать к ним одному платок, другому кувшин. Потом водили их по деревне, били и заставляли кричать, что они воры и справедливо наказываются. Иногда за воровство отсекают руку, выкалывают глаза, даже казнят смертью. За употребление вина и водки или других крепких напитков положено также лишать жизни.

Этому наказанию подвергается и тот мюрид, который не сотворил по крайней мере пяти намазов в сутки, зато другие совершают молитву до 22 раз. Употребление табаку, шелковых изделий и других роскошей также запрещено.

В награду же за хорошее управление, примерное исполнение обязанностей или особенной ревности к Шариату Шамиль награждает разными подарками: лошадьми, скотом, оружием, бумажными материями, деньгами.

Д о х о д ы.

На содержание духовенства, мечетей, бедных, сирот и войска, которое непрерывно должно находиться в Казевате, т. е. в войне с неверными, указаны Ша-

риатом особые доходы, которые и должны составлять Шариатскую казну. Как Шамиль есть глава Духовенства, Правления и предводитель военных сил, то эти доходы поступают к нему, он может ими распоряжаться по своему усмотрению, но после смерти или лишаясь звания Имама — казна переходит к его преемнику.

Источники доходов следующие:

1. **Закхат**, или десятая часть со всех произведений земли от скотоводства по одному барану с 50-ти; а у кого меньше стадо, тот ничего не платит, от денежного имущества по 50 коп. сереб. с 10 рублей серебром.

2. **Хомус**, пятая часть со всей добычи; пятая часть пленных или вырученных за них денег.

2. **Войгул мом**, т. е. штрафные деньги, взыскиваемые за разные преступления, и имущество, оставшееся по смерти казненного преступника.

Военные силы и учреждения.

По первому востребованию чаибы обязаны выводить такое число вооруженных пеших или конных, сколько Шамиль потребует.

Обыкновенный набор мургузанат бывает с 10 дворов — по одному конному или пешему. В крайних случаях ближайшая обществу выступают поголовно, а из дальнейших сколько может собраться в данное время. Осенью прошлаго года приказано было всем лезгинам, способным носить оружие, завести по лошади; кто не имел на то денег, должен был продать часть земли или имущества, а в противном случае сажали в яму. Даже мальчишкам приказано было завести и носить оружие, чтобы привыкнуть к обращению с ним.

Всего по примерному исчислению и по словам мюридов, Шамиль может в короткое время собрать от 20--30 т. конницы и пехоты; последняя составляет $\frac{2}{3}$ всей силы.

Дагестанские войска Шамиля не подразделяются на дробные части, а идут и действуют нестройною толпою с своим наибом. В Чечне же, особенно у Шуаиба и Уллу-бея, они подразделяются на сотни и пятисотни, под начальством сотенных и пятисотенных командиров, имеющих особые знаки отличия — трех- и пятиугольные звезды.

При выступлении в поход каждый горец должен иметь с собою несколькодневных запасов продовольствия. Потом же добыча или соседняя деревни доставляют им все нужное. Иногда даже Шамиль отпускает на это деньги, так например, под Ойсунгуром он выдал одновременно войскам по 1 рублю сереб. на 10 чел.век.

Сверх сих войск при Шамиле состоит отборная стража телохранителей, представляемых от 300 семейств, последовавших за ним из Черкея и Гимров и поселенных в Даргах и ближайших местах. Они всею душою преданы Шамилю и поклялись никогда не мириться с Русскими, не оставлять его во всю жизнь, не увлекаться грабежом и добычей и быть примерными исполнителями Шариата. Постоянно бывает их при Шамиле до 200 человек налицо. Он дает им полное содержание, оружие, лошадей и дарит часто деньгами. В Даргах для них выстроена особая казарма, а семейства их живут в домах.

Вся Артиллерия Шамиля состоит из единорога и фалканета; порох приготавлиют горцы сами, но в свинце терпят большой недостаток, а потому употребляют и медные пули или глиняные, облитые свинцом.

Каждое общество имеет свой значок, чаибы по два, Шамиль три, из коих один желтый, другой белый с красными каймами. В походах и бою он окружен телохранителями своими, которые не спускают с него глаз; палач с секирою находится также неотлучно при нем. Когда он подъезжает к войскам или они проходят мимо него, то приветствуется ружейными выстрелами. За отличную храбрость Шамиль награждает подарками; в Чечне Шуаиб и Уллу-бей жалуют за подвиги медали и звезды с надписью из Алкорана: «Лай хевла Воалла кувота. Иллах биллах» (нет силы, нет крепости кроме бога единого).

Политические средства Шамиля. К возвышению себя в глазах народа.

Чтобы еще более возвыситься в глазах легковерных горцев, Шамиль употребляет также разные политические меры.

Так, например, старается он уверить их, что Турецкий Султан и Египетский Паша принимают большое участие в его положении, помогают ему советами и деньгами и даже обещались скоро прибыть сами с войском, а чтобы придать более достоверности этим рассказам, он иногда запирается на несколько дней, приказывает объявить, что получил важные письма или принимает тайных послов от помянутых владетельных особ, от князей Кабардинских или других; что от-

правляет к ним ответы и своих послов. Такого рода слухи часто доходили и в нашу яму.

В августе же месяце прибыли действительно в Дарги какие-то Кабардинцы к Шамилю с приглашением его к себе и были потом с разными подарками отправлены назад. В том же месяце он отправил трех своих мюридов — Черкеевца Шейха, Белоканского жителя Итино-Муссу и третьего, имя коего не помню, как бы к Султану и к Паше Египетскому. Мюриды получили на дорогу по 80 руб. серебр. и дошлины были отвести письма, в которых Шамиль представлял Султану и Паше, что горцы столь усердно сражаются за Аллаха и его Пророка, за веру и свободу свою, и от многолетней борьбы этой пришли в крайнее разорение и изнеможение, просил их, если они только истинныя мусульмане, поспешить к нему с войском, Артиллериею и деньгами на помощь; срыть все Русския крепости и выгнать неверных из святой мусульманской земли. Легковерные горцы поверили этим рассказам и убеждены, что Султан и Махмет-Али скоро выручат их. Иногда Шамиль показывает мюридам своим письма, написанные на больших листах, скрепленные печатями и будто полученные им от этих владетелей. Между тем печати эти вырезаются в Даргах неким Буташ-Уста, серебряных дел мастером, выходцем из Эрпели.

Д ж е м а л Э д е н .

Хотя такими мерами Шамиль действительно придает себе большое значение в умах Дагестанцев, но в сравнении с первым временем, когда возникло учение Шариата, фанатизм уже не тот, и верование в святость Шамиля не так твердо и слепо, как прежде.

Но есть человек в Дагестане, который со времен первых Имамов и донныне встречается везде с глубоким благоговением, который тихою и мирною жизнью, безкорыстием и справедливостью, ученостью и происхождением, строгостью в исполнении Шариата, как первоначальный проповедник этого учения и как учитель Кази-Муллы, Гамзат-бека и Шамиля приобрел в народном мнении наименование и значение святого (это Джемал Эден).

Много баснословных преданий ходят в Дагестане, о жизни его рассказывают, будто Ангелы спасали его несколько раз от преследований Аслан-хана, многие видели, как лицо его сияло невыносимым блеском, даже как он парил в облаках вместе с Ангелами. Он родился в Казы-Кумухе, где и жил до прошлого года, а потом переселился в Сургатль. Происхождение свое ведет от Сейдов (поколение Магомета). Аслан-хан поручил ему в управление 15 Кюринских деревень, но Джемал, наскучив скоро мирскою суетою, отказался, остался при Хане как Мирза и предался молитве и изучению Алкорана. Это было в 1829 и 1830 годах. Скоро слава о его учености и святом житье разнеслась по всему Дагестану. В то время Кази-Мулла был только простой мулла, но человек также известный своею ученостью. Слухи о высокой мудрости Джемала заставили его отправиться в Казы-Кумух. Там Джемал объяснил ему таинства Алкорана, значение Мусульманской веры, мюридизма и вручил ему сочинения о Шариате, которые вовсе не были известны Кази-Мулле. Зная ум и твердость характера последнего, Джемал Эден убедил его принять на себя распространение Шариата, но строго запретил ему вступать в борьбу с Русскими, а стараться только о искоренении в буйных Дагестанцах закоренелых привычек и пороков и наставить их на путь истины, потом благословил его на святое дело.

Кази-Мулла, погруженный в глубокие думы, возвратился в Гимры и две недели не выходил ни на Джамаат (общее собрание), ни в мечеть для намаза не являлся в день Джулы (пятница) для общей молитвы. Наконец, в одну пятницу Кази-Мулла (вышел) перед народом в мечети и с увлекающим красноречием начал проповедовать народу Шариат и Мюридизм. Народ рыдал и плакал, старики начали обвязывать головы чалмами и, разойдясь по домам, выбрасывать кувшины с водкою, бузою и другими хмельными напитками, уничтожали трубки и табак. Так возник Шариат и Мюридизм. Распространение и развитие его довольно известны. Основав это гибельное учение из одного убеждения в святости его и для исправления нравов Дагестана, Джемал Эден остался по-прежнему при своих мирных занятиях и не вмешивался в перевороты, произведенные Мюридизмом. Он не предвидел их, никогда не одобрял борьбы, в которую последователи его вступили с Русскими, порицал напрасное кровопролитие и старается и теперь остановить оное. Хотя таким образом он не имеет никакой власти и участия в делах, но любовь и уважение к нему Дагестанских народов не знает границ! Я сам был свидетелем, с каким восторгом и благоговением встретили его в Даргах.

Все жители, жены и дети бросились к нему навстречу, целовали полу платья его и приветствовали Божественными Гимнами, воспевая: «Ля Иллах, иль Аллах, дину Имам Джемал Эден» (нет Божества, кроме Бога, и Джемал Эден святой

его); в виду целого народа встретил его сам Шамиль и с глубоким уважением поцеловал его руку.

На другой день после Сентябрьскаго Джазма, о котором я выше говорил. Джемал Эден, собрав Даргинских жителей в мечети, говорил проповедь. Он жестоко упрекал их в неисполнении Шариата и особенно за поступки их в Казы-Кумухе, где вели себя не как истинные мюриды, а как Муртаты (гнусные, низкие существа), и где разбойничали и грабили жителей, которые их пригласили к себе и с радушием встретили. Обратившись потом к Шамилю, Джемал сказал: я строго запрещал тебе поднимать оружие против Русских, но ты не послушался меня и, может быть, для собственной гибели. Но и теперь советую прекратить войну. Если этого не хочешь, так по крайней мере не забудь того, что теперь скажу: да будешь ты проклят Богом и великим Пророком его, если когда-либо ты или твои мюриды вздумают грабить мусульман, хоть бы покорных Русским! Да будешь ты проклят, если сделаешь Имамом не из чистой ревности к Мюридизму, а из властолюбия и корыстолюбия! Да будут прокляты и те, которые окружают и служат тебе не как истинные мюриды, а из жадности к добыче и кровопролитию или из других видов! Народ, взволнованный уже страшною ночью, рыдал и молился во весь день. Потом Джемал Эден принял на Алкоране присягу от 200 человек телохранителей Шамиля в том, что они будут свято охранять особу Шамиля и исполнять Шариат, творить молитву от 5 до 22 раз в сутки, не увлекаться корыстолюбием, не заниматься грабежом и разбоем. Не могу достоверно сказать, но мне рассказывали в Даргах, что будто Чеченцы, разграбив при набеге на Кизляр в Ноябре месяце Ногайския деревни, выдали вследствие проповеди Джемала почти всю добычу, исключая пропавших несколько штук скота и лошадей.

Прощаясь со мною, Джемал Эден сказал: да поможет всем нам Бог! Я — Дервиш и Мулла, и знаю, что хотя мы не одной веры, но всех нас создал один Творец, и потому грешно нам проклинать друг друга. Прощай и вспомни иногда человека, любящаго и спасающаго тебя, по милости Бога, из тяжкой неволи.

Частная жизнь Шамиля в Даргах.

Шамиль, если не занят делами Края, проводит время в чтении Алкорана и других книг и в хозяйственных распоряжениях, как-то: устройством жилища и мельницы; первое состоит из двухэтажного дома, в котором, впрочем, всего четыре комнаты, убранных весьма просто. Все постройки производят беглые солдаты. Они же выстроили Шуайбу мечеть и мельницу, которая приводится в движение лошаадьми или быками. Для Чеченцов это новизна, и они со всех сторон съезжаются, чтобы посмотреть на это изобретение. Солдаты наши ведут в горах самую жалкую, бедную жизнь и терпят во всем недостаток. Они чувствуют и раскаиваются в своем преступлении и готовы возвратиться к своим, но боятся наказания.

Шамиль имеет три жены — Гимринскую Узденку Патимат, от которой имеет трех сыновей: старший в Санкт-Петербурге; второй Кази-Мулла и младший Махмуд Шафи живут в Даргах и учатся Корану; вторая и любимая его жена, захваченная им в плен, Моздокская богатая Армянка Анна Уллуханова. Несколько раз предлагали братья за нее деньги, но Шамиль ни за что не соглашается разстаться с нею. Она действительно прекраснейшей наружности. Когда после отступления Генерала Граббе из Ичкерии час повели обратно из Андии в Дарги, то и она следовала с нами. Шамиль обратил ее в Мусульманскую веру. Она говорит по-русски, по-Армянски, и потому мы легко разговорились. Я упрекал ее в том, что она, по-видимому, забыла веру, родных и отечество свое и предалась всею душою врагу христиан. Она отвечала, что глубоко таит в душе своей воспоминание о прошедшем, но что ей, слабой женщине, нельзя вырваться из теперешняго положения, что она молится по-мусульмански по принуждению и любит Шамиля, который осыпает ее ласками, по привычке; но что она много терпит от первой жены за предпочтение, оказываемое ей Шамилем; последнему она так вскружила голову, что он позволяет ей все делать с собой. Нередко она заставляет степеннаго Имама прыгать с собою по комнате. В Ноябре месяце, как я уже говорил, Шамиль женился в третий раз, на дочери Казыкумухскаго выходца Абдуллы Цакхара. Впрочем Шамиль редко живет продолжительное время в Даргах. Он часто выезжает для осмотра того или другого общества, для наблюдения за управлением набобов и за исполнением Шариата. Когда он ездит в Чечне, то его обыкновенно провожают и окружают Дагестанцы, а в Дагестане Чеченцы. Это делает он как для собственной безопасности, так и для предупреждения всяких лицепрятий и чтобы внушить более страху. Конвой его в таких поездках со-

стоит обыкновенно из нескольких тысяч; оттого так слышно часто о значительных сборах в непокорных обществах.

До бегства нашего он часто приходил к нам, приказывал вывести нас из ямы и разговаривал с нами. Понятие его о нашем правительстве и об России, о нашем образе жизни, о состоянии войска, о политическом положении разных держав, о Турции и проч. весьма нелепы и основаны большею частью на рассказах странствующих по Турции, Египту и в Мекку хаджиев или богомольцев. По таким понятиям, Махмет-Али Египетский стоит гораздо выше Турецкого Султана, потому что отнял у последнего целое государство, сделался верховным властителем всех Мусульманских народов и покорил даже гиаурские народы Инглис (Англичане) и Френги (вообще Европейцы, в особенности Французы). Махмет-Али, говорил нам Шамиль, скоро разорит всю Россию и возьмет в плен Вашего второго Бога, у вас нет ни денег, ни войска, земля ваша маленький клочок и простирается до Крыма и до Казани. Москва давно уже не существует, ее сожгли Френги, кроме мужиков с сохами, наши бежавшие от Вас из плена не видели ни одного солдата. Вообще Египетский Паша, в глазах Дагестанцев, какое-то неземное существо. Один из наших караульных прибежал к нам после приезда, будто из Константинополя, Унцукульского Джабраима Хаджня и с радостью рассказывал о счастливаном им, что у Мехмет-Али есть стотысячное войско; солдаты в нем с одним глазом на лбу и одеты с ног до головы в железо. До того горцы легковерны! Их легко увлечь каждому, кто одарен малым, но хитрым умом, и Шамиль этим удачно пользуется.

Шамиль! Что за польза, сказал я раз ему, Вам, горцам, вести войну с нами. Рано или поздно вы должны будете покориться нам, а между тем Вы приходите в крайнюю нищету и бедность. — Что же делать, отвечал он, зато Бог наградит нас в будущей жизни за все страдания. Вы наслаждаетесь в этой жизни, зато в той Вас ждут вечные муки! Если Султан, сказал я, которого Вы считаете за своего Имам-Азата — наместника Пророка и который глава Вашего Духовенства, живет с нами в мире, так же как и Персидский Шах, от чего же Вы не подражаете им? Покорившись Великому Государю нашему, вы сделали бы совершенные счастливыми, завели бы с нами торговлю, жили бы в довольстве и исполняли бы свой Шарнат.

Конечно, сказал Шамиль.

Но разве ты думаешь, что Султан верный исполнитель законов Магомета, а Турки истинные Магометане? Они хуже гиауров! Ох, если бы они попались в мои руки, я изрубил бы всех на 24 куска, начиная с Султана! Он видит, что мы, его единоверцы, ведем столько лет борьбу с Русскими за Бога и за веру; что же он нам не помогает? Ты говоришь мне про Великого своего Падишаха, да разве может называться так гиаурский Государь? Один Бог на небесах и один Падишах на земле — Турецкий Султан. Других Государей мы не признаем.

Говоря о наших Генералах, Шамиль сказал: Граббе решительный человек, что захочет то и делает. Фези храбрый генерал — и отнял у нас большую часть Дагестана; с особенною похвалою отзывался он о Генерале Клугенау, к которому имеет большое доверие. Клугенау, говорил Шамиль, отважный, честный и добрый человек; он не презирает наших Мусульман, и Гимринские Абреки часто вспоминают, что он во время голода помогал им хлебом.

Вот как поступают Русские с Вашими, сказал я ему, а ты моришь нас с голоду.

Я хочу изнурить Вас, отвечал Шамиль, чтобы вы не бежали и не лишили меня сына. Кроме того, я хочу тебя измучить, потому что ты внук Царя Ираклия; если не выдадут за тебя моего сына или племянника, то, верно, пришлют несколько вьюков золота и серебра.

Я уверял его, что не имею никакого богатства.

Все равно буду мучить, потому что Ваши Русские губят моего сына.

Как, Шамиль, возразил я, разве ты не знаешь, как счастлив твой сын? Потом рассказал ему, как и где последний воспитывается, милостивое обращение Государя с ним, познания и науки, которыми ум его освещается, и блестящие виды для него в будущем. Но Шамиль этого не понимал, к чему послужат эти науки и просвещения, сказал он, сын мой делается гиауром и погибнет. Возвратите мне сына, ему не нужно ничего более, как знать арабский язык и Алкоран. Бог умнее нас всех, он послал нам эту святую Книгу, что нужно нам, то в ней сказано, чего там нет, того и не нужно. Так отвечал он на все мои возражения.

Индия. Значение и важность ее и наступательный путь в нее.

Сколько я, по слабым понятиям своим, после пребывания моего в непокорных обществах, могу судить о значении каждого в общей массе земель, послушных Шамилю, о положении и взаимных отношениях их между собой, о сте-

лени важности для нас того или другого общества при овладении им. мне кажется, что Андия есть во всех отношениях центральный и опорный пункт власти-тельства Шамиля, хотя она менее всех других предана ему.

Заняв Андию, ни лежащая на Севере Чечня, ни общества, находящиеся на Юге, не могут долго держаться, — Чечня потому, что удобнейшие для овладения ею дороги ведут из Андии, что Чеченцы, стесненные нами с Севера и с Юга, не в состоянии бороться с надеждою на успех, что при занятии нами Андии и хребта, отделяющего его от Чечни, они лишатся пастибных мест своих и что, наконец, Шамиль, не находя убежища в Чечне, принужден будет оставить ее. Вместе с нею он должен будет отказаться и от обществ, лежащих южнее Андии: там нет готового и надежного для него пристанища. Эти общества без главного предводителя и возмутителя своего, и лишась содействия прочих племен, угрожаемые нами из Андии и Андалаяля, если и захотели бы, то не в состоянии долго противоборствовать нам, потому что из Андии мы по удобным дорогам и не встречая больших препятствий, зайдем важные пункты их страны. Сверх того эти общества получают многие необходимые для них предметы, оружие, сукно, материи, иногда же и хлеб из прочаго Дагестана, а Боюмаль, Калалаль, Джамалаль, Ункратль живут Чечнею.

Не находя в скудной стране своей способов пропитания, они на все почти рабочее время нанимаются к Чеченцам.

Чтобы занять Андию, на первый взгляд, представляются два пути действий, от Чоха чрез Андалаяля и Аухвах, от Черкея через Салатау и Гумбет. Но первый путь пролегал по весьма затруднительной местности и сверх того весьма кружной, вовсе не выгоден, но может служить для овладения Андалаяльским обществом, которое без труда покорится нам, если мы из Чоха возьмем Рагужу, потом Тилитль и Голотль. Тогда в руках наших будет превосходная линия, по Аварскому Койсу, надежная преграда от набегов горцев и верное сообщение с Авариею, все назад лежащее пространство будет обезначено и покорные общества Акуша, Цудахар, Табасарань и Кайтаг принуждены будут подчиниться нам. Во всяком же случае, занятие Андалаяльского общества есть предприятие второстепенное и предварительное, которое может облегчить действия наши против Андии с другой стороны.

Несравненно больше решительно выгод и меньше затруднений представляет наступательный путь действий из Черкея чрез селения Данух, Аргуни, Мехельту и Андийския ворота в Андию; четыре раза проходил я летом и осенью по этой дороге, и потому могу с некоторою достоверностью судить об ней. Я слышал, и говорили мне также горцы, что есть еще дорога, идущая севернее, но я не видал ее, могу только то сказать, что из всех дорог, которые случилось мне видеть в горах, означенная мною дорога есть одна из лучших, удобнейших и нигде не представляющая больших препятствий. Даже если принять в соображение, что Шамиль и горцы при наступлении нашем не оставят употребить все средства, чтобы затруднить наше движение, то и тогда не предстоит большей опасности, потому что местность не представляет таких сильных и недоступных позиций, которых бы нельзя было обойти или овладеть ими без значительных усилий. Сверх того это направление необходимо для овладения Гумбетом, который нельзя оставлять за собою непокорным, и удержания его.

Приступаю к описанию этого направления, предполагая, что по ней должно произвести наступление в Андию.

Из Черкея дорога идет чрез Салатовския горы в селение Данух, она совершенно удобна и довольно известна из прежних экспедиций. Селение Данух, как пункт, где выходит далее дорога из Чечни, и другая, о которой я выше упомянул, полагаю нужным укрепить, тем более, что тут надобно будет, при дальнейшем движении, иметь на всякий случай склады и запасы. Может быть, найдется возможность отрядить из Дануха или еще ранее отряд на помянутую боковую дорогу для обеспечения и облегчения следования главною колонны. Из Дануха идет дорога в сел. Аргуан и разработана Генералом Граббе еще в 1839 году. Селение было тогда разорено, но после того гумбетовцы начали снова селиться, и теперь там до 150 дворов. Аргуани лежит под горою и само собою не представляет теперь преграды. Как около Дануха, так и здесь имеется достаточно лесу для всех потребностей. Следуя отсюда в деревню Тарату, идем сперва версты две по ровному месту, потом начинается спуск, удобный только для горной Артиллерии, для полевой же необходимо разработать его Селение Тарата, небольшая деревня дворов в 50. В версте от нея течет незначительная речка, а за ней дорога подымается на высоту, на всем пути по Гумбету, только здесь горцы могут затруднить наше наступление, но и то не надолго: во-первых, эту высоту можно обстреливать, во-вторых, и это еще лучше действует, поднявшись по речке вверх до мельницы, можно с пехотою, Артиллериею и даже кавалериею обойти всю гору и заставить неприятеля очистить нам дорогу. Далее же до селения

Мехельты, следование совершенно удобно. Мехельта, большое селение, имеет до 600 дворов, лежит на высоте, но также обходимой со всех сторон. Отсюда до деревни Сиуха и Цилитля не встречается никаких затруднений. Из последнего места дорога идет сперва по равнине, потом нечувствительно поднимается вверх до перевала, или так называемых Андийских ворот. Они отстоят от Цилитля в четырех верстах; хребет здесь расширяется у подошвы саженей на 20 или на 25. Начиная с противоположных высот вдоль по отлогостям, устроен горцами завал, который замыкает все это природное отверстие; оставлен только небольшой проход для проезда; но весь этот завал, устроенный первоначально против Андийцев может быть обойден. Это последнее препятствие, которое можно встретить и которым горцы могут воспользоваться. Необходимо, впрочем, башнею занять этот проход. Перейдя хребет, открывается вся Андия, и пройдя верст семь или восемь по хорошему спуску, достигается Голотль, селение в 150 или 200 дворов, лежащее на ровном месте, как и сел. Анди, находящееся отсюда в двух верстах и имеющее до 1000 дворов. Таким образом можно достигнуть до этого пункта, не встречая больших затруднений, но я говорю только о препятствиях, которые противопоставляет на этой дороге сама природа. Без сомнения Шамиль станет отчаянно защищать (если он не решится на что другое) главнейшую опору своей власти, и, вероятно, также и Андийцы принуждены будут еще раз поднять против нас оружие свое, но по крайней мере в этих местах природа не будет способствовать Шамилю и горцам, а искусство наше и храбрость войск, особенно тут, где окончательно решится судьба Восточного Кавказа, позволяют надеяться, что с божьєю помощью сопротивление их будет бесполезно.

Из Андии открывается дальнейшим успехам нашим безпрепятственное поле на Север и на Юг. Если по занятии нами Андии Чечня все еще будет сопротивляться, то поднявшись на гребень, по удобной дороге, которую я уже описал при изложении следования моего в заточение, можно направиться в Дарги или Бояни, необходимо только спуститься с гребня, занять скалы, образующия Даргинское ущелье, что нам с этой стороны не трудно.

Для умирения же и окончательного покорения обществ, лежащих на Юге от Андийского, удобнейший путь наступления пролегает по той дороге, по которой я следовал в Дарги, именно чрез селение Моно, Квонхидатль, Карату и Бутлук; с этой стороны движение не представляет тех трудностей, как с противоположной от Андаляля, где и природа и жители в некоторых местах, как например, в Карате, представляют слишком большое препятствие. Двигаясь по сказанному направлению из Андии на Юг, необходимо укрепить переправу на Андийском Койсу при Квонхидатле (где лезгинами устроен мост), который будет опорным пунктом для дальнейших действий. Отсюда до Караты около 13 верст; дорога удобная и не требующая разработки. Подступы к Карате с этой стороны совершенно открыты. И тут надобно иметь укрепленный пост против непокорной части Аварии, которой, впрочем, как и Глоху и Койсубулинским деревням, трудно держаться, когда они будут окружены нами со всех сторон. Далее, в Аухвахском обществе нет никаких естественных прикрытий; только овладение Ватлухом не удобно с этой стороны. Весьма выгодно было бы, если к тому времени особый небольшой отряд направился от Хунзаха к Ватлуку, потому что доступы отсюда не затруднительны. Достигнув тех мест, мы войдем в сообщение с Аварскою Линиею.

Если таким образом и эти общества принуждены будут покориться нам, если и Чечня положит оружие, то в Дагестане останутся одни лишь нейтральныя общества; властительство Шамиля должно рушиться; ему самому негде будет укрыться и останется или поднести нам повинную свою голову, или удалиться в Мекку, что, говорят, намерен он сделать, в случае последней неудачи.

Шалва ГОЗАЛИШВИЛИ

Летопись жизни великого грузинского поэта

Предприняв выпуск серии «Жизнь замечательных людей», издательство «Накадули» начало большое и благородное дело. Благодаря этому грузинский читатель получит монографически обработанную и изданную литературу об известных деятелях грузинской культуры, литературы и общественно-политической жизни Грузии.

Из книг этой серии, уже заслужившей внимание, интерес и одобрение грузинского читателя — как юного, так и взрослого, — одним из первых был выпущен историко-художественный очерк писателя и исследователя литературы Элгуджи Маградзе «Григол Орбелиани»¹.

Общественный и государственный деятель, генерал, полководец и поэт XIX века, Григорий Дмитриевич Орбелиани — личность весьма интересная, сложная и значительная, полная внутренних противоречий.

Объектом глубокого научного исследования и изучения в грузинском советском литературоведении стали ныне жизнь и творчество лучших представителей прогрессивного романтизма — Александра Чавчавадзе, Григола Орбелиани, Николоза Бараташвили, Вахтанга Орбелиани и других. О них накопилось сейчас огромное количество литературы.

В частности, с самого начала велик был интерес грузинской общественности к жизни и деятельности Григола Орбелиани. Особенно большое внимание заслуживал он как поэт и общественный деятель. Именно поэтому такой размах приобрело изучение общественной деятельности и поэтического творчества этого блестящего представителя романтизма в грузинской литературе XIX века.

Грузинская литература дореволюционного периода содержит довольно значительный материал, позволяющий достойно оценить заслуги Гр. Орбелиани. И в первую очередь, следует сказать о той большой, просто неоценимой работе, которую проделал по изучению жизни и творчества Гр. Орбелиани его младший современник — писатель и общественный деятель Иона Меунаргия.

По определению Ильи Чавчавадзе, Гр. Орбелиани был «одним из избранных» и «благословенных свыше», одним из тех, кто стремился возродить и возвысить свою родину. Он был поэтом «властелином грузинского языка, олагодетелем силы и богатства нашей словесности», «наставником» народа, «писателем и сказителем, одаренным высоким талантом», слово и дело которого не расходились никогда. В передовой статье газеты «Иверия» (№ 63) в 1888 году великий Илья писал: «...нам кажется, что Григола Орбелиани как поэта никто не опередит в нашем девятнадцатом веке».

Такую же высокую оценку дал Григолу Орбелиани и Акакий Церетели. По его мнению, будущие поколения «взглядом разума» увидят и оценят его, как примерного «сына отечества», могила которого не в темной и холодной земле, ибо всегда он будет жив «в горячем и ясном сердце грузина».

В наше же время, в советском литературоведении на невиданную доселе высоту поднято всестороннее изучение жизни и творчества Григола Орбелиани. И тут в первую очередь следует отметить ту большую работу грузинских писателей и ученых-исследователей, которая была направлена на собирание литературного наследия поэта и на академическое издание его произведений, предпринятое в 1928 году под редакцией, с примечаниями и критическим очерком Вахтанга Котетншвили.

Затем — в 1935 году грузинский читатель получил пятое по счету издание стихов Гр. Орбелиани под редакцией, с примечаниями и критической статьей проф. Миханла Зандукели. По сравнению с предыдущим это издание — более полное².

¹ Элгуджа Маградзе. Григол Орбелиани. Жизнь замечательных людей, 42, «Накадули», Тбилиси, 1967.

² Гр. Орбелиани. Стихи. Сахелгами, Тбилиси, 1935.

Вслед за этим было осуществлено еще несколько изданий сочинений Гр. Орбелиани¹. Самое значительное из них было осуществлено в 1959 году. Оно содержит вступительную статью и примечания, вышло под редакцией Акакия Гацерелия и Джумбера Чумбуридзе. В этом издании собраны все известные к тому времени поэтические и прозаические произведения Григола Орбелиани; значительная часть из них опубликована впервые².

Весьма ценный материал содержат также два тома личных писем Григола Орбелиани, изданных под редакцией Акакия Гацерелия, с его же предисловием и подробными комментариями-примечаниями³.

Здесь же с сожалением должен отметить, что издание значительной части личных писем большого поэта-романтика, относящихся к третьему периоду его жизни (1858—1883), которые предполагалось включить в третий том, до сегодняшнего дня не осуществлено.

Научному изучению жизни и деятельности поэта, кроме исследований, вошедших в тома систематического курса новой грузинской литературы (их авторы — Ал. Хаханашвили, Кита Абашидзе, В. Котетишвили, Мих. Зандукели, Г. Кикодзе, Ш. Радиани и др.) посвящены также специальные монографические труды. Среди них следует назвать исследования и очерки Ап. Махарадзе, Левана Асатиани, Ак. Гацерелия и других.

Кроме того, в ряде грузинских периодических изданий были напечатаны статьи, затрагивающие некоторые стороны жизни и деятельности Гр. Орбелиани; сведения, содержащиеся в них, обогащают наши познания о замечательном поэте. К статьям такого характера относятся: «Путешествие Григола Орбелиани» П. Ингорква, «Критический разбор творчества Григола Орбелиани» Г. Натрошвили, «Незнакомый конспект Григола Орбелиани» С. Хуцишвили и Н. Татишвили, «О некоторых неопубликованных письмах Гр. Орбелиани» Л. Мепаришвили, «К литературным отношениям между Гр. Орбелиани и Н. Бараташвили» С. Чилая, «Общественно-политический профиль Григола Орбелиани» К. Медзвелия, «Послужной список Григола Орбелиани» С. Иашвили и публикация писем, его же «Материалы к биографии Гр. Орбелиани», «Прозаические сочинения Гр. Орбелиани» С. Хуцишвили, «Отношение Гр. Орбелиани к крестьянской реформе» Ал. Сопия, «Описание Москвы» Гр. Орбелиани» М. Гоцадзе, «К установлению текстов сочинений Гр. Орбелиани» Н. Гогуадзе и его же «Язык Гр. Орбелиани», «Гр. Орбелиани и некоторые вопросы грузинского литературного языка» Н. Алания, «Слово Гр. Орбелиани на обеде в честь вновь присоединенных грузин» И. Боцадзе и другие.

Кроме вышеупомянутых работ о жизни и деятельности видных представителей романтизма в грузинской литературе написаны и изданы специальные исследования и очерки. Труды такого порядка — большой вклад в изучение грузинского прогрессивного романтизма и его лучших представителей.

В самых общих чертах мы охарактеризовали ту основную литературу о них, которая была создана за последнее время.

В результате большой литературоведческой работы перед грузинским читателем более полно и всесторонне раскрылись жизнь Григола Орбелиани, его общественная деятельность и поэтическое творчество.

Как видим, о Гр. Орбелиани написано много. И еще больше, видимо, будет написано.

В предисловии к книге Э. Маградзе «Григол Орбелиани» отмечено, что «об этом — одном из выдающихся людей века прямо море материалов разбросано в его личных письмах, в тогдашних актах, в изданиях, в личной или официальной переписке» (стр. 18).

Надо полагать, что автор монографии действительно имел дело с «морем материалов», и это ставило перед ним весьма сложную задачу. Он должен был привести в единую систему огромное количество материалов, располагая их в определенной последовательности, противопоставляя, изучая их в связи с социально-политическим положением той сложной эпохи. Без этого невозможно было бы восстановить с необходимой ясностью истинную картину жизни и творчества этого большого поэта и общественного деятеля.

¹ Гр. Орбелиани. Стихи, Тбилиси, Саблитгами, 1939; Лирика, эпос, переводы, 1826—1883, Тбилиси, «Сабчота мцэрალი», 1948; Полное собрание поэтических сочинений, 1827 — 1883; Поэзия, лирика, эпос, переводы, Тбилиси, «Сабчота мцэрალი», 1951. (об этом издании см. рецензию Цаншвили, «Мнатоби», 1951, № 12, стр. 151—156). Стихи, поэмы, Тбилиси, «Цодна», 1959.

² Григол Орбелиани. Полное собрание сочинений, Тбилиси, «Сабчота мцэрალი», 1959; С. Хуцишвили, «Памятник грузинской классической литературы», «Мнатоби», 1959, № 5, стр. 182—185.

³ Гр. Орбелиани. Письма, т. I, 1852 — 1850, Тбилиси, Сахелгами, 1936; т. II, 1851—1859, Тбилиси, Сахелгами.

«В этой книге мы хотим дать читателю широкую и всестороннюю картину жизни Гр. Орбелиани, — пишет автор, — особенно его военной деятельности, которой в написанных до сего времени монографиях касались мало» (стр. 20).

Действительно, грузинский читатель мало знаком с многогранной и содержательной жизнью Гр. Орбелиани, как военного, государственного и общественного деятеля, как благотворителя. Он известен преимущественно как поэт, по его не очень объемному поэтическому наследию.

Автор книги признается, что его целью было дать читателю полную, неприукрашенную, последовательную картину жизни Григола Орбелиани и при этом попытаться сделать это так, чтобы монография была не сухим перечислением фактов, а по возможности, осмысленным, анализом, обобщением и с помощью художественного слова воссозданием всего того, что не попало в документы.

Насколько Э. Маградзе смог выполнить поставленную перед собой задачу?

Опираясь на огромное количество документального и фактического материала, он создал полную, достоверную, поистине историко-художественную и документально-биографическую летопись о долгой жизни и многогранной деятельности Григола Орбелиани. При этом, существующее «море материалов» о нем использовано в книге со всей научной добросовестностью. Без внимания не оставлено ни одно высказывание, так или иначе касающееся жизни и творчества Гр. Орбелиани, отмечены заслуги всех в деле изучения того или иного вопроса, связанного с именем этой яркой личности.

Благодаря образному, ясному языку, книга читается с неослабевающим интересом.

Перед читателем последовательно проходят детство, отрочество и юность будущего знаменитого сына отечества, поэта-патриота, полководца, государственного и общественного деятеля. Читая книгу, мы следим за путешествием Григола Орбелиани из Тбилиси в Петербург, за его душевными терзаниями под чужим небом; мы взволнованы стремлением поэта вернуться на родину, его романтическими приключениями, нас увлекают исторические картины военных битв на Кавказе, фигура Шамиля, военная карьера Гр. Орбелиани в Дагестане, его успехи и неудачи.

Следуя за каждым событием бурной жизни главного героя книги, перелистывая страницы его биографии, мы знакомимся с образом человека беспокойной души — поэтом и полководцем, гражданином и общественным деятелем, в котором на наших глазах оживает каждая черточка, сообщающая этой сложной и яркой натуре неожиданную мягкость и нежность.

Любимцу Григола Орбелиани — Тато (Николозу Бараташвили) посвящены в книге согретые теплом и любовью страницы; но, по нашему мнению, было бы лучше, если бы автор отвел ему отдельную главу. Ведь, как известно, короткая жизнь обреченного судьбою поэта-романтика была неразрывно связана с жизнью его преставленного дяди — Гр. Орбелиани.

В грузинской литературе подспудно бытует мнение о том, будто увлекшись военными делами на Кавказе, прославленный полководец Гр. Орбелиани проявил полную невнимательность к своему любимому племяннику — гениальному поэту Николозу Бараташвили, обреченному на прозябание в чиновничьей конторе. Вряд ли это верно. Но в чем же тогда дело? Неужели, как это писал поэт-академик Георгий Леонидзе, действительно «Григол Орбелиани, увлеченный собственной карьерой, в этом случае, оказался бессердечным?» Неужели в самом деле он без должного внимания отнесся к крику отчаяния молодого поэта и «долгое время пустыми обещаниями кормил своего племянника?» Нет, этого быть не могло! Ни в коем случае не бросил бы он попавшего в беду единственного сына своей любимой сестры Эфемии. Ведь что было бы хорошего в том, если бы он помог племяннику пойти по военной линии? И Гр. Орбелиани предпочел оставить его дома, на чиновничьем поприще, полагая, что это для него, как для поэта, безопаснее и удобнее.

Даже исходя из своего горького опыта, Гр. Орбелиани не мог представить, что так трагически закончится горькая и короткая жизнь «мелкого чиновника» и большого поэта Николоза Бараташвили.

Исходя из всего этого, мы и думаем, что было бы лучше, если бы отношениям Бараташвили с Гр. Орбелиани в книге уделялось больше места. Хотелось бы также, чтобы относительно пресловутой «невнимательности» Григола Орбелиани к Николозу Бараташвили автор книги высказал и свое мнение.

Во второй части монографии «Григол Орбелиани» рассматривается творчество поэта.

Из глав, посвященных этой стороне его деятельности, мы узнаем, какое отражение его творчество получило в грузинской литературной критике, каковы социально-политические взгляды этого патриота и поклонника свободы, куда зовут вера и надежда в произведениях Григола Орбелиани, каким он был в борь-

бе отцов и детей, что из себя представляют его прозаические сочинения, как передана в его творчестве природа. И, наконец, перед нами возникает сам «мудро говорящий Орбелиани».

Прочитав последнюю страницу жизнеописания этого выдающегося человека, мы с чувством глубокой благодарности закрываем книгу, и еще долго не покидает нас ощущение душевного тепла от соприкосновения с прекрасной жизнью одного из выдающихся сынов Грузии.

Гурам БАТИАШВИЛИ

Любящее сердце критика

Вот уже сорок лет Эремия Карелишвили, один из известнейших грузинских советских критиков и литературоведов, со всей серьезностью исследует и изучает грузинскую литературу конца XIX столетия и последующего периода. На материале этой эпохи им написано несколько фундаментальных монографий.

Пишет он неизменно сдержанно и неторопливо, исследует материал внимательно и с любовью.

Успеху каждого писателя — будь он молод или стар — радуется как своему, ибо для него писатели — одна большая семья. С особой любовью говорит он о молодых писателях, а также о своих друзьях — Г. Кучишвили, Г. Шатберашвили, Ал. Абашели, И. Гришашвили, В. Габискирия. Он считает, что его поколение многое сделало для нынешней литературной молодежи, но нужно сделать, по его мнению, еще больше, чтобы им не было так трудно, как было предыдущим поколениям грузинских писателей.

Эремия Карелишвили вышел на литературную арену, когда многочисленные и самые разные группировки задавали тон литературной жизни. Но Эремия Карелишвили был воспитан на реалистических традициях грузинской литературы. Духовная близость с произведениями передовых грузинских и русских писателей во многом обусловила его отношение к выбору своего пути в литературе. Воспитанный комсомолом, он с самого же начала становится в ряды передовых грузинских писателей и с этих позиций встречает появление каждого нового произведения. В то же время он далек был от схематизма и от проповеди примата содержания перед формой литературного произведения. А между тем этот принцип был господствующим в тогдашней грузинской литературной критике. Если пересмотреть статьи Э. Карелишвили, написанные им в конце 20-х и в начале 30-х годов, чего бы они ни касались — литературы или театра, то нельзя не заметить, как последовательно боролся критик за единство формы и содержания художественного произведения. Его статьи того периода, опубликованные в журнале «Мнатоби», в газетах «Ахалгазрда комунисти», «Литературули Сакартвело», «Чвени таоба» и других органах печати, пронесены той принципиальности, любви и преданности делу, которые столь необходимы каждому, кто работает в области такого «неблагодарного» жанра, как критика. Статьи того времени — довольно строгий разговор о произведении того или иного писателя или о спектакле; но в то же время в них выражена большая радость в связи с появлением каждого нового произведения литературы. Именно это качество Э. Карелишвили имел в виду известный критик Лавросий Каландадзе, когда писал: «Эремия Карелишвили — искренний попечитель грузинской литературы. Мне кажется, что без любви он писать не может, любит даже тогда, когда критикует, когда ему что-нибудь не нравится. Эту любовь, наверное, многие грузинские писатели почувствовали в его статьях и рецензиях. Именно эта любовь помогла ему одним из первых сказать, что Константинэ Гамсахурдиа заметно расширил интеллектуальные границы грузинской прозы. Эту принципиальность Э. Карелишвили сохранил по сей день, и она является одним из ценнейших его качеств как критика. Потому что, если поистине любишь литературу, о хорошем и плохом в ней надо говорить беспристрастно».

С уверенностью можно сказать, что сегодня профессиональный уровень грузинской критики достаточно высок. Отряд критиков нашего времени пополнили люди эрудированные, наблюдательные. Среди них есть представители и среднего поколения и молодежь. Ими создаются монографии, достаточно четко и полно отображающие творческий путь того или иного писателя.

Молодые критики ставят важные проблемы, анализируют новейшие достижения грузинской литературы и так или иначе заглядывают в ее будущее. Поэтому если уж кого-нибудь можно назвать «разведчиком будущего», так это исследователя или критика, который должен видеть хотя бы на 10—15 лет вперед перспективу развития литературы.

Но в то же время огромное значение придается изучению нашего литературного наследия. Не секрет, что в этой области грузинской критике предстоит еще очень многое сделать. Правда, за последние годы написано несколько достойных внимания монографий, в которых подробно рассмотрены жизнь и творчество того или иного писателя; но еще много узловых вопросов нашего литературного прошлого осталось неразработанными.

Поистине, критик — это летописец прошлого и разведчик будущего. Эремия Карелишвили хорошо понимает это. Он знает, что литературные традиции — одна из предпосылок создания новой литературы. Но эти традиции требуют бережного к ним отношения. Очевидно потому он много лет посвятил работе по изучению литературного наследия прошлого. Его перу принадлежит не одна монография. А в последние годы он взялся за еще более почетное и важное дело — предметом своего изучения сделал творчество писателей братских республик. Помимо того, что произведение такого характера еще больше сближают писателей братских республик с Грузией, укрепляют их дружбу, они популяризируют среди грузинских читателей творчество писателей других народов нашей страны. Таким образом, найдена еще одна хорошая форма сближения народов. Кроме того, это явление имеет одно заслуживающее внимания свойство — мы получаем возможность судить о том, как понимает грузинская критика творчество, скажем, поэта того или иного братского народа, производит ли оно такое же эмоциональное воздействие на наш народ, как например, произведения Аюпа Аюпяна на армянского читателя или Тараса Шевченко — на украинца. Подобные вопросы, несомненно, возникнут и обязательно заинтересуют литературную общественность того народа, которому принадлежит поэт и о котором пишет Э. Карелишвили.

Нам, конечно, хорошо знакомо творчество Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, и соответственно мы можем судить о нем, оценивать его. Но мы всегда с большим интересом прислушиваемся к мнению о них, скажем, таких друзей грузинской поэзии, как Микола Бажан или Кайсын Кулиев, Константин Федин или Максим Танк, и всегда придаем ему важное значение.

В статье, посвященной жизни и творчеству Тараса Шевченко, Эремия Карелишвили приводит слова великого Кобзаря о том, что свободный художник настолько же определен окружающими условиями, насколько определена природа ее вечными, неизменяющимися законами. В этих словах Тараса Шевченко явно ощутима его преданность правде жизни, которая должна найти соответствующее отображение и в литературе. Именно с этого угла зрения подходит критик к изучению творчества Тараса Шевченко. С позиций отображения жизненной правды оценивает он произведения великого сына украинского народа, его эпопею «Гайдамаки». Давая творческий портрет поэта, он вполне справедливо вспоминает слова Добролюбова о том, что Шевченко понятен и близок вообще для всех, кто еще полностью не опорочил свои лучшие человеческие инстинкты. Пожалуй, это лучшая характеристика, которую можно дать писателю, и критик верно нашел ее.

«Поэтесса мятежной души» — так называется статья, посвященная Лесе Украинке. И действительно, тот, кто хорошо знаком с жизнью и творчеством этой замечательной украинской писательницы, убедится, что критик верно осмыслил главную их суть. Рассказывая о творчестве влюбленной в Грузию большой украинской поэтессы, он дает точную оценку ее творчеству. После Тараса Шевченко и Ивана Франко трудно найти в дореволюционной Украине поэта, который столь полнокровно и совершенно выразил революционные устремления этого народа, его мятежный дух.

Э. Карелишвили коротко говорит о первых литературных опытах Леси Украинки, в которых угадывается уже будущий дух поэтессы, а затем подробно рассматривает проникнутую революционным пафосом лирику ее. «В тогдашней украинской литературе, — делает вывод критик, — резко выделялось поэтическое слово Украинки, полное понимание требований эпохи, пафоса борьбы, эмоциональной силы, свежести мысли и бескорыстного служения родине, народу, делу рабочего класса».

Эти строки с исчерпывающей полнотой характеризуют поэтессу, которая в годы, предшествующие первой русской революции, писала о том, что не в силах больше молчать, что мысль ее звенит, как колокол.

А в годы разгула реакции, преданная революции, она оптимистически восклицала, что какая бы участь ни досталась ей, она окончит свой путь с песней.

Каждый творец прямо или косвенно неизбежно связан с жизнью своей страны, он имеет свою позицию, у него свое отношение к той или иной общественной формации, на его мышление огромное воздействие оказывают важнейшие явления жизни. Поэтому вполне естественно, что при исследовании творчества Максима Рыльского Эремию Карелишвили прежде всего интересует вопрос о том, какое отображение в литературных размышлениях писателя получила действительность, как повлияла на мировоззрение поэта Октябрьская революция.

Несколько страниц творческой биографии Максима Рыльского посвящены той дани, которую поэт отдал разным литературным течениям; но именно Октябрьская революция раскрыла перед ним новые широкие горизонты и обогатила творческую палитру этого богато эрудированного поэта новыми красками.

Микола Бажан — замечательный украинский поэт и большой друг грузинских поэтов. В статье, посвященной Миколе Бажану, Э. Карелишвили анализирует его сложный и интересный творческий путь, надлежащим образом оценивает его вклад в развитие единой советской литературы. Особо останавливается критик на больших заслугах Микола Бажана перед грузинской поэзией и вообще перед грузинской культурой. Он блестяще перевел на украинский язык «Витязя в тигровой шкуре», «Давитиани» и много других произведений грузинских поэтов, много стихов посвящены им нашей республике.

Эремия Карелишвили справедливо отмечает, что переводы классических и современных образцов русской литературы и литератур народов Советского Союза оплодотворили художественное мышление поэта, расширили его мировоззрение, обогатили средства художественного изображения, «поэтические краски», поскольку перевод того или иного поэта — это не только озвучивание его на том или ином языке, но и дальнейшее углубление и развитие собственного национального литературного мышления.

Трудно говорить уверенно о писателе, творческий путь которого еще не завершен, но еще труднее создать его законченный творческий портрет. Когда же в книге Э. Карелишвили речь идет об Александре Корнейчуке — видном представителе советской драматургии, это чувство сведено на нет. Критик заостряет внимание на тех пьесах А. Корнейчука, которые завоевали ему всеобщее признание.

Э. Карелишвили — представитель старшего поколения нашей литературы. Многолетняя творческая работа связывает его с театральным искусством, и он знает, какое большое значение имело появление в советской драматургии пьес Корнейчука «Платон Кречет» и «Гибель эскадры». Во все не умаляя художественных достоинств более ранних произведений украинского драматурга, грузинский критик проявляет подлинное чутье в распознавании данного литературного явления; он отмечает, что «в этой трагедии (имеется в виду «Гибель эскадры» — Г. В.) вместе с политически зрелым мыслителем проявился ставший мастером творец, который хорошо распределяет краски и создает законченный образ нового человека».

Если о перипетиях основных явлений украинской литературы у нас в Грузии нет достаточно обширной научной и критической литературы, то совсем иная картина в отношении армянской литературы. Армяно-грузинским литературным отношениям посвящено немало самого разного значения, объема и характера исследований и монографий, благодаря которым очень многое в этой области стало очевидным и ясным. Фундаментальные исследования по этому вопросу оставил нам Иосиф Гришашвили.

В рецензируемую книгу Э. Карелишвили вошло пять статей, освещающих те или иные вопросы армянской литературы; но преимущественно он заостряет внимание на творчестве тех армянских писателей, чья жизнь и творческая биография связаны с Тбилиси. При рассмотрении творчества Габриела Сундукяна его, например, интересует вопрос о том, какое влияние оказал Тбилиси на формирование духовного облика, социальных и эстетических взглядов этого писателя. Исследуя эту сторону личности армянского драматурга, грузинский критик выдвигает много достойных внимания положений. Вообще следует отметить, что статью Э. Карелишвили, посвященную Габриелу Сундукяну, характеризует глубокое знание материала и проблемный характер поднятого в ней вопроса. Вместе с тем автор ее подробно рассматривает все пьесы этого драматурга.

В статье о «Давиде Сасунском» автор делится своими весьма интересными соображениями об этом произведении.

Наша литературная общественность и вообще грузинский народ с глубоким уважением относятся к этим писателям, ценят их замечательные произведения, в которых получила отображение жизнь армянского народа; мы никогда не забудем их заслуг в деле упрочения дружбы между грузинским и армянским народами. Вспомним хотя бы статьи Ованеса Туманяна о Давиде Клдиашвили, Леване Кипиани и других деятелях грузинской культуры. Сколько в них любви

к грузинскому народу! Если бы даже Ованес Туманян не написал ни своего «Гикора», ни «Ануш», ни других замечательных произведений, благодаря своему бескорыстному служению народу он все равно занял бы достойное место в истории армянского народа. И действительно, основное призвание этого на редкость эрудированного и широко образованного человека состояло в служении народу.

Говоря о творчестве Ованеса Туманяна и Акопа Акопяна, критик совершенно справедливо подчеркивает именно гражданственность этих больших писателей.

Если в нашем представлении они — выдающиеся общественные деятели и творцы, то при упоминании имени Аветика Исаакяна перед нами возникает образ несравненного мастера стиха, обогатившего своим творчеством не только армянскую, но и всю советскую поэзию XX века. Это был поэт чрезвычайно рафинированного вкуса; в его творчестве своеобразное отображение получили достижения в области современного стиха. «Большому руслу многовековой армянской поэзии Исаакян придал новое направление, но счастье поэта было в том, что оно не оторвалось от своих истоков и не было искажено под чужим влиянием».

Так оценивает грузинский критик роль Исаакяна в армянской литературе. Сборник литературно-критических статей Эремия Карелишвили — полезный вклад в грузинское литературоведение. Но помимо этого названная книга, как уже отмечалось выше, служит двум большим целям — она популяризирует в Грузии лучших представителей украинской и армянской литературы, утверждает их дружбу с грузинской литературой.

Александр СИГУА

„Рассвет на Мтацминда“

Короткая, но насыщенная большим содержанием жизнь Николоза Бараташвили была преисполнена глубокой болью и тяжкими переживаниями. Поэт сам пророчил себе, что не будет похоронен в своем отечестве, что на него не упадет «слеза скорби» родной страны. Одновременно он предвидел для себя лучшую участь в будущем. В письме Григолу Орбелиани Н. Бараташвили писал: «Тайный голос зовет меня к лучшей участи, сердце подсказывает: не рожден ты для нынешних условий. Не спи. Да я и не сплю, только ищу человека, который проведет меня через теснины и выведет в открытое поле. Ох, как свободно вздохну я тогда».

И действительно, неоцененный по заслугам при жизни канцелярский чиновник после смерти встал в один ряд с гениями мировой поэзии. Полное признание обрел он в наши дни и в Стране Советов. Подобное явление — не редкость в истории мировой литературы. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Нико Николадзе и другие крупные деятели грузинской литературы XIX века видели в лице Николоза Бараташвили подлинного национального гения; но тогда имя его не выходило за пределы Грузии. А сегодня о нем говорят наряду с Пушкиным и Лермонтовым, Шекспиром и Байроном, Гете и Шиллером, Ламартином и Гюго; стихи его переведены ныне почти на все языки мира.

«Рассвет на Мтацминда» — под таким заголовком вышла в дни юбилея Н. Бараташвили книга широко известного грузинского писателя Георгия Натрошвили, посвященная жизни и деятельности великого грузинского поэта-романтика. Автор рассматривает в ней творчество Николоза Бараташвили как большое явление грузинской национальной культуры, которое своими корнями уходит в далекое прошлое грузинского народа. Он пишет: «Философская лирика Бараташвили опирается на большие традиции четырнадцативековой истории в грузинской литературе. Она, конечно, не могла возникнуть на пустом месте. Бараташвили — национальный гений. Однако значение его поэзии не исчерпывается этим. Творчество Бараташвили выходит за национальные рамки, оно стало достоянием мировой литературы».

Автор книги не пытается излишне искать следов влияния на Бараташвили кого-нибудь из больших европейских писателей, как это обычно делалось ранее при разборе его творчества. Николоз Бараташвили, утверждает Г. Натрошвили, глубоко самобытен, но в то же время он свободно охватывает взглядом горизонты мировой поэзии.

Истинные поэты — всегда вестники братства и дружбы народов, они сближают их. Говоря об этом, нельзя не вспомнить мудрые слова Гете, произнесенные им в беседе с Эккерманом: «О, поэты! Это орлиное племя, и парят они так высоко, что перелетают границы, сами того не замечая».

Здесь же необходимо отметить, что на мировое значение поэзии Бараташвили впервые указал Илья Чавчавадзе. Он писал: «Бараташвили дал огромный простор и глубину нашей мысли, нашим чаяниям, приобщив грузин к жажде человечества и пристрастив их к общечеловеческому источнику утоления этой жажды... Он намного сильнее и оощутимее других толкнул нашу мысль и любознательность в тот водоворот, где происходят бесконечные метания человечества от веры к безверию, от бытия к небытию, где всевозможные порывы вопиют на разные лады, а страсти бурлят».

Выше упоминалось уже, что ранее в нашем литературоведении бытовала тенденция, в силу которой каждое большое явление в грузинской литературе объяснялось влиянием извне; с этой целью шли поиски совпадений, заимствований у французов или немцев. Исследователи же нашего времени, в частности автор рецензируемой книги, подходят к разбору творчества Н. Бараташвили с совершенно иного угла зрения. Они нашли и национальные корни его гения, пролили свет на самобытность поэзии Бараташвили. Именно это и дало возможность грузинскому поэту подняться до уровня мировой поэзии.

Книга «Рассвет на Мтацминда» состоит из введения и следующих глав: «Прикованный гений», «Любовь поэта», «Идеи и образы поэта», «Бараташвили и Кавказская война», «Поэтесса Гонча-Бегум» и «Рассвет на Мтацминда».

Эпиграфом к главе «Прикованный гений» поставлены ставшие афоризмом слова Лермонтова: «Гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума». Да, это действительно сказано будто о Бараташвили. Он на самом деле умер совсем молодым, будучи прикован к чиновническому столу.

Георгий Натрошвили подробно описывает жизнь поэта и его трагический конец. И перед нами разворачивается трагедия гениального юноши, мы словно видим темницу, куда бросила поэта безжалостная судьба.

Столь же интересны и главы, посвященные любви поэта к «девушке Алазанской долины», его идеям и образам, Кавказской войне, отношениям Бараташвили к поэтессе Гонча-Бегум.

Впечатляющими и словно излучающими свет были рассказы и критические статьи Георгия Натрошвили. Так же написан им и «Рассвет на Мтацминда».

Памяти замечательного ученого и педагога

После непродолжительной тяжелой болезни, на 73-м году жизни, в расцвете творческих сил скончался Павел Наумович Берков — один из тех, кто стоял у колыбели советского литературоведения, — ученый исключительно широкого диапазона, неутомимый исследователь, человек редкой доброжелательности, выдающийся педагог, вырастивший не одно поколение литературоведов.

Своими научными трудами и общественной деятельностью П. Н. Берков внес большой вклад в советскую науку. Его перу принадлежит более 800 статей, монографий, рецензий и подготовленных к печати изданий. Каждая работа П. Н. Беркова отличается самобытностью, умением в новом аспекте осветить уже известные факты, обобщать и давать определенное направление дальнейшему развитию той или иной области науки.

Трудно перечислить круг научных интересов члена-корреспондента АН СССР профессора П. Н. Беркова. Свои исследования он посвятил истории русской литературы от периода создания «Слова о полку Игореве» и до наших дней. Особое место в исследованиях П. Н. Беркова занимает XVIII век. Его перу принадлежат интересные исследования творчества Державина, Капниста, Кантемира, Лукина, Тредьяковского, Сумарокова, Фонвизина, Радищева, русской комедии и комической оперы XVIII века, силлабической поэзии и журналистики. Фундаментальная монография П. Н. Беркова «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936 г.) и последующие работы о Ломоносове представляют особую научную ценность.

Из писателей XIX века внимание П. Н. Беркова привлекали Пушкин, Белинский, Писемский, Чехов, из литературы XX века — Куприн и Брюсов. Каждый том «Брюсовских чтений» начинается его большими теоретическими статьями, посвященными многогранному исследованию деятельности В. Я. Брюсова.

Интерес к библиографии, книговедению, библиотековедению и собиранию книг занимает важное место в исследовательской деятельности П. Н. Беркова.

Исследования проф. Беркова являются настольными книгами не только для литературоведов, но и для лингвистов. Тонкие стилистические наблюдения и обобщения содержатся в его книгах о Ломоносове, К. Пруткове, Куприне и других писателях.

Рекомендации по установлению авторства анонимных и псевдонимных произведений, изложенные П. Н. Берковым, являются ценнейшим вкладом в изучение проблем и принципов атрибуции текстов неизвестного происхождения.

Большое внимание П. Н. Берков уделял исследованию литератур народов СССР. Многие годы он читал в Ленинградском университете курс литературы народов СССР.

Особенно следует выделить связь П. Н. Беркова с Грузией. Под его руководством выросла целая плеяда грузинских специалистов русской литературы (проф. В. С. Шадури, проф. Г. А. Талиашвили и другие). Большой интерес представляют статьи П. Н. Беркова «Шота Руставели в русской литературе» (1938 г.), «В чем прелесть и своеобразие поэзии Важа Пшавела» (1966 г.) и ряд иных его работ.

Перу П. Н. Беркова принадлежат многочисленные работы в области изучения литературных связей России с другими славянскими и западноевропейскими странами. П. Н. Берков неоднократно представлял советскую науку на многих международных конгрессах и симпозиумах.

Вся жизнь Павла Наумовича Беркова была посвящена науке, книге, людям, которых он очень любил, уважал и которым всегда помогал бескорыстно и охотно, щедро делясь с ними своими богатыми знаниями и опытом.

• В. Шадури, Г. Талиашвили, Е. Чарквиани, Г. Кикнадзе, И. Богомолов, К. Герасимов, Н. Махатадзе, В. Баакашвили, И. Сукиасова.

Сдано в производство 24 июля 1969 г. Подписано к печати 22 октября 1969 г. 12 печ. листов + 2 вклейки, усл. печ. листов 16,8. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

Цена 80 коп.

И Н Д Е К С
76117

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Литературная Грузия» в 1970 году еще шире будет публиковать лучшие произведения грузинских советских писателей и классиков: романы и рассказы, очерки и эссе, поэмы и стихи.

«Литературная Грузия», как всегда, уделит большое место критике и литературоведению, публицистике и взаимосвязям с братскими литературами, а также еще не опубликованному большому мемориальному наследию грузинских литераторов и тех отечественных и зарубежных писателей, чье творчество связано с Грузией.

В журнале будут широко освещаться проблемы современного театра, изобразительного искусства, музыки, кино, архитектуры, печататься обобщающие статьи о науке и крупных ученых.

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ